Виктор Александрович Образцов, Сапфо Николаевна Богомолова
Криминалистическая психология

http://www.medliter.ru
«Криминалистическая психология»: Юнити-Дана, Закон и право; 2002
ISBN 5-238-00354-4

Аннотация

Книга посвящена психолого-криминалистическому анализу личности и поведения серийных убийц и других опасных преступников, средствам и методам их выявления и изобличения на базе знаний психологических закономерностей, использования достижений криминалистической психологии, возможностей и опыта наиболее авторитетных специалистов данной отрасли научного знания. Использован обширный фактический материал, отражающий передовой отечественный и зарубежный опыт выявления и раскрытия преступлений. Дается анализ зарубежных данных, рекомендаций, методов, ранее не освещавшихся в русскоязычных литературных источниках.

Для студентов юридических учебных заведений, преподавателей психологии и криминалистики, работников правоохранительных органов и спецслужб.

Образцов В.А., Богомолова С.Н.
Криминалистическая психология

Предисловие

Приступая к работе над этой книгой, мы немало времени потратили на размышления о том, как ее назвать. Хотелось дать ей выверенное, семантически правильное, емкое название, точно отражающее содержание. Заглядывали в энциклопедии, словари, монографии, перелистывали другие литературные источники. Ничего подходящего. Решили пойти по давно открытому, многократно проверенному пути от общего к менее общему. За исходный пункт анализа взяли устоявшееся понятие – "юридическая психология". В литературе юридическая психология определяется как прикладная отрасль психологии, исследующая проявление и использование своеобразия психических механизмов и закономерностей в сфере регулируемых правом отношений. Как и любая иная система разветвленного научного знания, данная отрасль состоит из нескольких разделов: правовой, криминальной, судебной и пенитенциарной психологии. То, над чем мы работали и продолжаем работать, относится, что совершенно

очевидно, к судебной психологии. Последняя состоит из двух частей – следственной психологии и психологии судебного разбирательства. Наше исследование имеет прямое отношение к первой части. Казалось бы, что так и можно было назвать книгу – "Следственная психология". Но тут возник вопрос, почему только *следственная.* Да, следственная практика – традиционный объект психологического изучения и обеспечения. Юридическая психология собственно и начиналась с судебной психологии для следователей А.Р. Ратинова, ставшего классиком при жизни. Между тем давно и хорошо известно, что достижения психологов, знания из области психологии жизненно необходимы не только следователям, но и другим должностным лицам органов правопорядка, профессионально борющихся с преступностью, и в первую очередь тем, кто находится на передних рубежах – сотрудникам органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Как и следователи, они также являются главными заказчиками и потребителями научной продукции психологов. Это в ответ на потребности тех и других возникла и продолжает успешно развиваться исследуемая важнейшая область прикладной психологии. Однако следствие – лишь одна из форм предварительного расследования по уголовным делам. Существует еще и дознание.

Следователи, дознаватели, оперативные работники различных ведомств, структур и уровней реализуют свои функции не только на стадии предварительного расследования. Они осуществляют поисково-познавательную деятельность еще и на стадии возбуждения уголовного дела, т.е. там, где находится передовая битвы с преступностью за информацию. Вот та сфера, в рамках которой реализуются в первую очередь криминалистические научные средства, методы, методики и технологии, вот откуда берет свое начало практическое следоведение или практическая криминалистическая деятельность. На всех своих этапах она остро нуждается в психологическом обеспечении, в реализации методов психологической природы, в использовании возможностей психологов при решении поисковых и познавательных задач. Все это позволило сделать вывод о том, что название "Следственная психология" неточно отражает содержание рассматриваемого раздела юридической психологии. Мы пришли к мнению, что правильно говорить о криминалистической психологии как об интегративной, обобщающей категории, охватывающей и следственную, и иные виды психологии криминалистического следоведения в досудебном уголовном процессе. Таким образом, в нашем понимании, криминалистическая психология – эта та часть юридической психологии, которая обеспечивает своими разработками, достижениями, знаниями и возможностями поисково-познавательную деятельность (следоведческий аспект) в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования соответствующих уполномоченных на то законом должностных лиц правоохранительных органов и спецслужб, профессионально ведущих борьбу с преступностью.

Достижения психологии, возможности использования психологических знаний, инструментария и опыта специалистов данного профиля в оперативно-разыскной и следственной практике издавна привлекали внимание отечественных и зарубежных криминалистов. Однако долгие годы профессиональное взаимодействие психологов и криминалистов носило эпизодический и далеко не повсеместный характер. Ситуация кардинально изменилась в лучшую сторону с конца 60-х годов двадцатого столетия. С этого времени в ответ на насущные потребности практической криминалистики психологические знания стали вовлекаться в уголовное производство целенаправленно и все более масштабно. На базе крепнущего и углубляющегося взаимодействия криминалистов и психологов начался процесс разработки принципиально новой специфической научной продукции, изначально рассчитанной на оптимизацию оперативно-разыскной и следственной практики. Создаваемые для детективов и следователей методы, приемы, рекомендации психологического характера не подменяют и не отменяют традиционный криминалистический арсенал. Показав свою эффективность, они органично вписались в систему прикладной криминалистики, существенно обновив ее стратегию, тактику и методику, заметно увеличив ее потенциал и открыв прежде неизвестные перспективы. Тем самым были заложены объективные предпосылки для возникновения и развития криминалистической психологии как важнейшей отрасли юридической психологии. Ее назначение – помогать практическим следоведам, юристам более успешно выявлять и раскрывать преступления, изобличать виновных, снимать подозрение с

ошибочно заподозренных, не причастных к преступлениям лиц.

Это может быть сделано путем создания и внедрения в указанной сфере практики принципов, методов и рекомендаций, основанных на знании психологических закономерностей. Во-первых, на знании о поведении носителей уголовно-релевантной информации (потерпевших, свидетелей, преступников) в условиях совершения преступления и вне этих условий; во-вторых, на знании о лицах, организующих и осуществляющих поисково-познавательную деятельность в досудебном уголовном процессе.

Мировая практика борьбы с преступностью дает великое множество примеров эффективного взаимодействия оперативных и следственных работников со специалистами в области криминалистической психологии, продуктивного использования юристами рекомендуемых ими методов. Выявленные психологами особенности внутреннего мира лиц, совершающих преступления, закономерности, определяющие своеобразие их криминального, пред– и посткриминального поведения, психологические типологии и классификации, концепции и идеи успешно реализуются в оперативно-разыскной и следственной практике при построении версий, разработке поисковых портретов скрывшихся с места происшествия преступников, определении направлений и сфер их розыска, тактики допроса, обыска и решении иных поисково-познавательных, организационно-тактических и методических задач.

Предлагаемая книга является одной из немногих работ, посвященных рассмотрению с позиции криминалистической психологии комплекса вопросов, актуальных с точки зрения современной оперативно-разыскной и следственной практики. Это не значит, что в ней исчерпывающе изложено все то положительное, что накоплено в указанной области науки и практики.

У криминалистической психологии богатейший и по многим позициям неисчерпаемый ресурс. Ее возможности еще до конца не освоены правоприменителями и не в полной мере поставлены "на службу" органов дознания и предварительного следствия. Многое еще предстоит осмыслить, понять, оценить. Свою задачу авторы видят в другом – показать, какие, как, при решении каких задач могут быть полезны знания из области криминалистической психологии, какова история развития некоторых ее направлений, какие перспективы открываются для практикующих в уголовном судопроизводстве следоведов при их надлежащем освоении и применении.

Определяя предмет своего исследования, мы исходили из практически важного принципа о целесообразности соединения в научных трудах, адресуемых познавательной практике, сведений о том, что познается, со знаниями о том, как, каким образом это делается. С учетом этого в книге предлагается материал, отражающий результаты психолого-криминалистического анализа личности и поведения убийц и некоторых других категорий преступников, и, кроме того, рассматриваются методы и рекомендации по их выявлению и изобличению. Их реализация в одних случаях требует обязательного участия квалифицированных специалистов – психологов (это, например, касается разработки поискового психологического портрета преступника, применения полиграфа и гипноза при опросе потерпевших, свидетелей, подозреваемых). Другая часть методов и рекомендаций рассчитана на прямое действие, т.е. на их освоение и самостоятельное применение юристами, практикующими в сфере уголовного судопроизводства. Подтверждению, конкретизации, более глубокому усвоению рассматриваемых положений и обобщенных данных служит значительное количество приведенных в книге примеров из криминальной жизни и случаев из криминалистической практики.

Криминалистическая психология не имеет границ. Она не привязана к отдельным ведомствам, территориям и государствам. Она интернациональна по сути и представляет собой всеобщее международное, общепланетарное достояние. Все психолого-криминалистическое, что эффективно "работает" в деле борьбы с преступностью за рубежом, с успехом может использоваться и в нашей стране (при условии допустимости с точки зрения действующих законов). И наоборот: то, чего достигла передовая мысль в области отечественной криминалистической психологии, полезный практический опыт российских юристов и психологов могут стать достоянием и приносить плоды при научном изучении и в практике выявления и раскрытия преступлений в других странах. Поэтому отнюдь не случайно в данной

работе акцентируется внимание на прогрессе в области криминалистической психологии в США и передовых европейских странах, на том позитивном влиянии, которое этот процесс оказывает на деятельность полицейских детективов и следователей. По нашему мнению, популяризация этого опыта может оказаться полезной для дальнейшего развития криминалистической психологии в России и совершенствования оперативно-разыскной и следственной практики.

При написании книги авторами был использован огромный фактический материал. Значительная его часть почерпнута из зарубежных источников, многие из которых не знакомы даже узким специалистам отечественной научной и практической юриспруденции.

Итак, криминалистическая психология – это психология выявления и раскрытия преступлений.

Авторы надеются, что их скромный труд внесет хотя бы небольшую лепту в дальнейшее развитие этой исключительно важной области науки и практической деятельности.

Раздел I
Использование достижений криминалистической психологии при выявлении и раскрытии серийных преступлений

Глава 1
Серийные преступления маньяков-убийц: психолого-криминалистический анализ

Пьяный мужик, крушащий топором все вокруг, хладнокровный наемный убийца, сексуальный маньяк или снедаемый идеей фанатик-террорист в равной степени загадочны и интересны для исследователя, ибо в личности ни одного из них нет ничего существенного для объяснения их поступков, что лежало бы на поверхности.

Юрий Антонян

1.1. Введение в суть проблемы

Слово маньяк[1] все чаще фигурирует в криминальной хронике и криминалистической литературе постперестроечного периода. Жуткий, отталкивающий, пугающий облик чикатил, красовских, куликов и других «героев» кровавых вакханалий привлекает всеобщее неослабевающее внимание. О нем гневно, с содроганием и осуждением говорят обыватели, его горячо обсуждают специалисты.

Состояние возрастающей тревожности в обществе усиливают СМИ, время от времени сообщающие, что и на так называемом цивилизованном Западе в этом смысле не все благополучно, что и там наблюдаются спорадические вспышки омерзительной активности собственных чикатил.

Однако целостное, глубокое представление о состоянии, тенденциях, опасности преступности данного вида, остроте проблемы борьбы с нею имеют очень и очень немногие. И это не удивительно, если учесть, что серийные (многоэпизодные) преступления вообще и в особенности убийства, совершаемые на сексуальной основе, предметом серьезного психолого-криминалистического изучения в нашей стране стали лишь в последние годы.

До недавнего времени феномен кровавых похождений маньяков считался сугубо американским: из 200 самых известных серийных убийц почти 75% являлись жителями США.

В своей книге "Серийные убийцы. Маньяки и их жертвы" журналист Н.С. Модестов

---

[1] По словарному определению (в интерпретации С.И. Ожегова), мания – это болезненное состояние психики, характеризуемое сосредоточением сознания и чувств на какой-либо одной идее и резким переходом от возбуждения к подавленности.

приводит такие данные: ежегодно в США регистрируется до 100 серийных убийц, жертвами которых становятся дети, женщины, старики. Не единичны случаи серийных убийств и в Южной Америке. Здесь был разоблачен рекордсмен-серийник – колумбиец Лопес. По его собственному признанию, начиная с 1973 года, в течение семи лет он отправил в могилу 300 девочек. "Охоту" на них он производил в Эквадоре, Перу, Колумбии.

В последние десятилетия с этой проблемой все чаще и чаще сталкиваются европейские страны.

Общественность Европы в наибольшей степени беспокоит то, что некоторые кровавые маньяки продолжают годами бродить по странам континента, насилуя и убивая. Полиция, несмотря на новейшие достижения криминалистики и увеличение числа сыщиков, не в состоянии положить конец их беспределу. В 1998 г. во Франции разгорелся скандал, связанный с неспособностью стражей порядка обезвредить жестокого серийного убийцу по прозвищу Хищник Бастилии. Так его окрестили журналисты, потому что мерзавец большинство своих преступлений совершил в центре Парижа, недалеко от площади, где когда-то стояла знаменитая тюрьма. Уже много лет маньяк безнаказанно продолжает мучить и убивать молодых женщин, с которыми знакомится в кафе и на улицах. Впервые о нем заговорили в 1991 году. Тогда в своей квартире нашли убитой 24-летнюю студентку Сорбонны Паскале Эскафаил. Она приехала на учебу из Италии, снимала в Париже скромную квартирку, отличалась серьезностью и не была склонна к легкому флирту и мимолетным связям. Поэтому ее жестокое убийство в собственной спальне удивило, но, к сожалению, не насторожило полицейских. Изучив окружение погибшей, сыщики не нашли ни одного человека, который мог бы совершить такое: девушка была неоднократно изнасилована в извращенной форме, потом ей отрезали груди, отрубили пальцы и вскрыли вены на руках.

Видя, что преступление сошло ему с рук, маньяк обнаглел и стал совершать нападения на женщин примерно раз в полгда. Все свои злодеяния он совершал в квартирах жертв, что приводило полицию в недоумение. Как известно, парижанки не склонны приглашать первого встречного к себе домой.

Некоторую ясность в загадочное дело внесла Элизабет Ортега – студентка одного из медицинских институтов французской столицы. Она рассказывала, что молодой симпатичный мужчина, похожий на алжирца, подошел к ней в 1995 г. на улице и спросил, как найти нужный ему адрес. Элизабет подробно объяснила дорогу и вдруг почувствовала безотчетную симпатию к своему случайному знакомому. Как во сне, она разрешила ему проводить ее домой, сама открыла дверь своей квартиры и даже приготовила негодяю кофе. Потом он стал ее целовать и ласкать. Элизабет не сопротивлялась. И только когда он отнес ее на кровать, связал руки и залепил скотчем рот, Элизабет осознала, что ей грозит опасность. Маньяк, успокоенный покорностью жертвы, плохо завязал узел. Когда он пошел на кухню за вином, Элизабет освободилась от веревок, сорвала с губ скотч и, разбив окно на улицу, стала звать на помощь. Девушка жила на втором этаже, поэтому на ее крики сразу собрались прохожие. Маньяк, услышав шум толпы за окном, убежал.

В полиции Элизабет показала, что преступнику около 30 лет, у него смуглая кожа и короткие черные волосы. Убийца был хорошо одет и по-французски говорил без акцента. По мнению Элизабет, отличительной чертой маньяка было то, что он непостижимым образом внушал к себе доверие. Видимо, поэтому девушки после первого случайного знакомства сразу приводили его к себе домой. Полиция решила, что Элизабет попала именно в руки Хищника Бастилии, потому что у предыдущих жертв были точно так же связаны руки и рты заклеены скотчем.

Однако дальнейшие действия стражей порядка у многих обывателей вызвали недоумение. Получив от Элизабет важную информацию о личности, повадках и способностях убийцы, полицейские скрыли ее от широкой общественности. В результате погибли еще несколько женщин, которые, ничего не подозревая, продолжали знакомиться с негодяем на улицах, попадали под его, возможно, гипнотические чары и становились его легкой добычей.

Одна из его жертв – Эстелла Магд, 25 лет – оказала убийце отчаянное сопротивление. Ей так же, как Элизабет, удалось развязать руки. Она вцепилась ногтями в спину насильника и разорвала на нем рубашку. Взбешенный негодяй тут же ударил ее несколько раз ножом в грудь,

а потом перерезал девушке горло. Но он был вынужден бросить на месте преступления свою окровавленную рубашку, что дало возможность экспертам определить группу крови, а также его генетический код. Благодаря этому удалось освободить из-под стражи нескольких человек, которые были ошибочно арестованы в связи с убийствами, совершенными в действительности Хищником Бастилии. И все же сам маньяк до сих пор продолжает творить свои кровавые дела.

"Если бы полиция приложила столько сил для поимки Хищника Бастилии, сколько она потратила на безуспешное расследование причин гибели известной английской аристократки, то жизни многих француженок были бы спасены, а негодяй получил бы по заслугам", – заявил корреспонденту газеты "Санди миррор" Чантал Сиротти – отец изнасилованной и зарезанной маньяком 19-летней Магалли Сиротти.

Многие парижане поддерживают мнение убитого горем старика.

Между тем стала поступать информация о том, что аналогичные преступления были совершены в Бельгии и других соседних странах. Возможно, Хищник Бастилии решил отправиться в кровавое турне по государствам Европы. Пока на счету негодяя семь убитых женщин. Если же учесть, что он может беспрепятственно разъезжать по соседним странам, то сколько он на самом деле загубил душ, не знает никто.

В таком же страхе продолжает держать всю Британию загадочный маньяк, которого журналисты окрестили Белокурым Волком. Он насилует и убивает женщин, начиная с 1982 года. О нем периодически пишет английская пресса – как правило, после очередного зверского преступления. В феврале газета "Санди телеграф" вспомнила о неуловимом маньяке в связи с тем, что следователи Скотланд-Ярда возобновили работу по делу о гибели 26-летней Шайни Уаррен, убитой более десяти лет назад. Тогда полицейские посчитали, что она покончила жизнь самоубийством. Девушку случайно нашли в небольшом озере около городка Таплоу. Когда Шайни вытащили из воды, ее тело было еще теплым, но вернуть ее к жизни не удалось. Девушка была полностью одета, следов насилия на трупе полицейские тогда не обнаружили. Однако экспертов смутило то, что ее руки были связаны веревкой так, что она сама сделать ничего подобного не могла бы. Кроме того, ее знакомая в тот вечер видела, что Шайни – дочь состоятельных родителей – куда-то торопилась на своей шикарной машине. Полиция тщательно обследовала место, где нашли тело Шайни, но никаких следов на берегу озера не обнаружила, как, впрочем, и машины Шайни, и ключей к ней. Тем не менее сыщики, не желая дальше заниматься бесперспективным делом, охарактеризовали случившееся с Шайни как самоубийство и материалы сдали в архив. Но родители ее были уверены, что у их дочери – веселой, жизнерадостной девушки, собиравшейся вскоре выйти замуж, не было причин для самоубийства. Кроме того, в прессе тех времен все чаще стали публиковаться сообщения о преступлениях Белокурого Волка. Он нападал только на женщин в автомобилях. Вытащив очередную жертву из салона ее автомобиля, он раскладывал несчастную на капоте и насиловал, часто в извращенной форме, избивал, а потом перерезал жертве горло. Некоторых он топил в реках и озерах. Причем руки он связывал так же, как была связана Шайни.

Одной из его жертв удалось спастись. Изнасиловав несчастную, он связал ее и швырнул в канал около города Лидс. Однако девушке повезло. Она смогла нащупать ногами большой камень, лежавший не слишком глубоко под водой. Так и простояла на нем до рассвета, едва высунув голову из воды. Только с восходом солнца она осмелилась позвать на помощь. Однако в полиции не смогла сказать ничего конкретного о насильнике, так как он в момент нападения надел ей на голову пластиковый пакет. Лишь в 1995 г. детективы Скотланд-Ярда получили конкретную информацию о серийном убийце. Поздно вечером он напал еще на одну молодую женщину, которая выходила из машины в одном из подземных гаражей города Ноттингем.

24-летняя владелица небольшого косметического салона была красива. Возможно, поэтому Белокурый Волк не убил ее сразу. Он несколько раз насиловал женщину. Угрожая ножом, заставил заниматься с ним оральным сексом. Потом повел свою жертву к банкомату, где снял все деньги с ее кредитных карточек. Затем приволок ее обратно в гараж и, по своему обыкновению, уткнув ее лицом в капот машины, поднял юбку несчастной, намереваясь совершить свое дело. Но тут раздался шум въехавшего в гараж автомобиля. Негодяй, видимо, испугался. Ударив девушку рукояткой ножа по затылку, он убежал. Девушка рассказала приехавшим полицейским, что маньяк – высокий, белокурый, молодой мужчина худощавого

телосложения. Сыщики составили фоторобот серийного убийцы и насильника и опубликовали его в газетах. К их удивлению, около 200 женщин из разных уголков Англии позвонили в полицию и заявили, что их в разное время изнасиловал именно он. Английская общественность пришла от этого в замешательство.

Вот тогда-то отец многострадальной Шайни стал особенно активно требовать возобновления расследования гибели своей дочери. Наконец было проведено более тщательное исследование одежды Шайни. Эксперты обнаружили на джинсах девушки остатки следов спермы. Возможно, между ней и насильником завязалась борьба, в ходе которой у негодяя произошло семяизвержение. По своему составу его сперма совпала с той, которую Белокурый Волк обычно оставлял на своих жертвах.

Беспощадный и злобный садист до сих пор разгуливает на свободе. Точное количество его жертв трудно даже предположить[2].

События, подобные тем, что описаны выше, случаются и в других западных странах. "Неуловимые" (до поры) сексуальные маньяки все чаще наводят ужас и на жителей Северной Америки.

В США за последние тридцать лет отмечен трехкратный рост убийств, сопряженных с сексуальным насилием. Особую тревогу вызывает рост количества убийств, совершаемых людьми с аномальной психикой. По подсчетам специалистов ФБР, только за последние 20 лет они увеличились в 6 раз, тогда как в XIX в. такого рода убийства, являвшиеся сюжетами полицейских романов и триллеров, были вообще редкостью. Этим и объясняется то, что проблема оптимизации борьбы с указанными преступлениями попала в фокус внимания ученых различных специальностей.

Научное изучение серийных убийств в США резко интенсифицировалось после создания в 1985 г. при Академии ФБР Национального центра анализа насильственных преступлений.

Вслед за США аналогичные программы стали осуществляться в Канаде, Великобритании, ряде стран Западной Европы (Австрии, Швейцарии, Германии) и много позднее в России.

Понятие серийных убийств

Понятие "серийные убийства" было введено в лексикон на Западе в конце 70-х гг. XX столетия. В России оно стало употребляться лишь с начала 90-х гг. С этого времени им пользуются средства массовой информации, сотрудники правоохранительных органов, ученые. Понятия "серийные преступления", "серийные убийства", "серийные убийцы" фигурируют в официальных документах органов прокуратуры и МВД. (Между тем законодателю это понятие не знакомо. В уголовном законе указаний ни на серийные преступления, ни на серийные убийства не содержится. Закон употребляет иную терминологию. В УК РФ говорится о неоднократности, совокупности, рецидиве преступлений как формах множественности преступлений).

Однако единого, общепринятого подхода к определению и серийных преступлений, и серийных убийств пока еще не выработано. Отсюда и терминологические, и содержательные расхождения имеющихся на этот счет дефиниций. Так АЛ. Протасевич полагает возможным относить к числу серийных совершение двух и более в разное время одним лицом либо группой лиц тождественных или однородных преступлений, предусмотренных одной и той же либо разными статьями УК РФ[3].

Аналогичный подход демонстрируется некоторыми авторами и при определении серийных убийств. Считается, что термин "серийные" подходит лишь к случаям совершения в разное время одним лицом или группой лиц по предварительному сговору убийств не двух, а

---

[2] *Мегаполис-Экспресс.* – № 17. – 1998. – 30 апреля. – С. 19.

[3] *Протасевич А.А.* Серийные преступления, сопряженные с насилием, как объект криминалистики. – Иркутск, 1999. – С. 4.

трех и более лиц, при условии, что преступления "…характеризуются единством или схожестью мотивов и однотипностью способов их совершения". Опираясь на такую трактовку, в круг серийных убийств включают:

• убийства, сопряженные с изнасилованиями или удовлетворением полового влечения в иной форме, лицами, в обиходе называемыми маньяками;

• убийства, жертвами которых одновременно становятся несколько человек, совершенные в результате "разборок" и иных конфликтов между преступными группировками;

• убийства лиц, в отношении которых в течение длительного времени реализуется умысел на их уничтожение (очевидцев преступления и других нежелательных свидетелей; последовательное устранение членов конкурирующей преступной группировки; убийства лиц, претендующих на наследство; убийства жертв мошенничества; длящаяся кровная месть);

• убийства по «заказу» наемными убийцами, превратившими это занятие в преступную профессию[4].

Подобная, излишне широкая, на наш взгляд, трактовка объема понятия серийных убийств вылилась в позицию авторов одного из пособий для следователей, которыми, судя по всему, ошибочно рекомендуется применять общий подход к раскрытию таких разных по своему психологическому содержанию и поведению преступников видов преступлений, как убийства из мести, убийства из хулиганских побуждений, убийства при преступных разборках, ритуальные убийства, а также убийства, совершенные в целях использования органов и тканей потерпевших, убийства по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды либо кровной мести, убийства, совершенные на корыстной основе и по сексуальным мотивам[5].

Между тем западные криминалисты, вводя в употребление понятие серийных убийств, имели и до сих пор имеют в виду значительно меньший объем характеризуемых этим понятием деяний. Оно было предложено для обозначения главным образом одной, но весьма своеобразной разновидности преступлений – убийств, совершаемых с необъяснимой, на первый взгляд, жестокостью и садизмом, доминирующим в механизме которых является мотив достижения психосексуальной разрядки. В круг серийных также включаются убийства и некоторые другие опасные многоэпизодные преступления, совершаемые по так называемым неочевидным мотивам, лицами, одержимыми маниакальными идеями и влечениями (например, пироманией). И вот тому пример.

В последний день августа 1995 г. в жилом секторе старой части Омска были найдены сразу два изуродованных трупа. 83-летняя жительница частного дома скончалась от нескольких рубленых ран головы. Прибывшая на место происшествия оперативная группа обнаружила и изъяла отпечатки пальцев потенциального убийцы и сумела найти свидетелей. Они рассказали, что видели у дома потерпевшей незнакомого мужчину, чуть раньше бесцельно бродившего по улицам.

Как выяснилось, из дома погибшей ничего не пропало. Да и жила она одиноко и очень скромно. Не прошло и часа, как сотрудники уголовного розыска в соседнем квартале обнаружили почти такую же картину: одинокая старуха (на год старше предыдущей жертвы) скончалась от рубленых ран головы. На этот раз убийца унес 800 тысяч рублей (сбережения покойной) и дешевые карманные часы.

Опрос возможных свидетелей дал положительный результат. Примерные приметы подозреваемого совпадали с полученными ранее. Кроме того, они напоминали описание неизвестного мужчины, причастного к убийству в том же районе Омска, случившемуся месяцем раньше. Тогда жертвой оказалась 60-летняя пенсионерка, проживавшая в собственном деревянном доме. Похож был и почерк преступника. Он зарубил старуху топором, снял с ее

---

[4] *Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1* . – Воронеж, 2000. – С. 79; *Исаенко В.Н.* Проблемы организации расследования серийных убийств // Серийные убийства и социальная агрессия. – Ростов на-Дону, 1998. – С. 113; Законность. – №2. – 1999. – С. 2.

[5] *Методика расследования серийных убийств: Методическое пособие* . – М.: Генеральная Прокуратура РФ. Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка, 1998. – С. 11.

головы грошовые сережки– с камушками и оставил по всему дому множество кровавых следов.

Стало очевидно, что в городе появился опасный и безжалостный убийца с маниакальными наклонностями. И если у кого-нибудь оставались сомнения, они вскоре исчезли. Через две недели был найден очередной труп пожилой женщины. Ее смерть наступила от ударов топором по голове. Из дома потерпевшей не пропало ничего, кроме орудия преступления. Прошло немного времени, и маньяк вновь напомнил о себе.

18 сентября в частном доме был зарублен топором 70-летний одинокий старик. Единственной добычей убийцы оказались потрепанный магнитофон "Комета" и пачка говяжьего фарша. А на следующий день новое преступление. Жертва – 85-летняя женщина. Убийца не притронулся ни к одной из вещей в доме, оставив на месте происшествия окровавленный топор и монтировку.

3 октября – очередное убийство. Жертва – дряхлая старуха, разменявшая девятый десяток и жившая в деревянной хибаре на окраине города. Почерк убийцы тот же – рубленые раны головы. На этот раз маньяк прихватил комплект постельного белья и ставший традиционным "сувениром" мясной фарш из холодильника. Неделю спустя ситуация повторяется с той лишь разницей, что жертва оказывается на четыре года моложе. Своей добычей маньяк делает банку варенья, золотые сережки и электронную игру "Тетрис".

Несмотря на усилия сыщиков, убийца оставался на свободе. Однако во время последней вылазки он совершил явную ошибку: в доме потерпевшей его видела молодая женщина. По ее показаниям составили подробный словесный портрет подозреваемого.

Каждый оперативник города получил документ следующего содержания: "На территории Ленинского района г. Омска в период с 27 июля по 19 сентября 1995 г. совершена серия убийств одиноких лиц пожилого возраста, проживающих в частном секторе. Разыскивается мужчина, который под видом аренды жилья расспрашивает прохожих о людях преклонного возраста, представляется беженцем из Казахстана или приехавшим из Петропавловска. Приметы разыскиваемого: европейская внешность, на вид 30–35 лет, рост 175–180 см, худощавого телосложения, волосы русые с сединой, прямые, взъерошенные, лицо прямоугольное, нос удлиненный с большими крыльями. На верхней челюсти зубы белого металла, справа один зуб отсутствует…"

Маховик розыска был запущен на максимальные обороты. Была принята версия о том, что убийца приезжает в Ленинский район на общественном транспорте, причем, скорее всего, по железной дороге. На маршрутах движения автобусов и пригородных поездов постоянно дежурили оперативники. Особое внимание уделялось периоду с десяти утра до трех часов дня. Именно в эти часы были совершены все убийства. В операции постоянно участвовали 170 человек, снабженных семьюдесятью рациями, по маршрутам общественного транспорта курсировали автомобили с оперативниками.

Уже на пятый день массированный поиск дал результат. 17 октября скрытым постом сотрудников уголовного розыска на платформе железнодорожного вокзала был задержан молодой мужчина, по приметам схожий с разыскиваемым. Едва его доставили в отделение милиции и "откатали" пальцы, сомнения отпали. Задержанным оказался 30-летний Петр Геранков, ранее дважды судимый, в том числе за убийство. Отрицать свою причастность к преступлениям он не стал. Но объяснить мотивы не смог.

Показания маньяка закрепили вещественными доказательствами. Кроме совпавших отпечатков пальцев и опознавших его свидетелей, на квартире Геранкова (он жил с женой без прописки у родственников) были изъяты похищенные ценности и вещи. Для чего же Геранков убивал стариков? Отобрать мелочи, которые его интересовали, он мог, не прибегая к топору и монтировке. И почему объектами нападения маньяка оказывались только немощные одинокие жители частных домов? Получить ответы на эти вопросы следствию не удалось[6].

Называя такие преступления серийными, западные криминалисты исходили из необходимости отграничения их от других опасных групп преступлений, поскольку серийные преступления требуют иных подходов и технологий раскрытия по сравнению со всеми прочими

---

[6] *Модестов Н.* Прирожденный убийца //Крестьянская Россия. – 1996. – 10–16 июня.

многоэпизодными преступлениями.

Своеобразие оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, реализуемых по делам о серийных преступлениях, обусловлено тем, что серийные преступники имеют существенные отличия по многим признакам личности, поведения в условиях совершения преступлений и вне их от других категорий лиц, совершающих преступления.

Классификация убийств

В Национальном Центре анализа насильственных преступлений при академии ФБР в Куантико (штат Вирджиния) была разработана оригинальная классификация убийств. В основу этой классификации положено количество жертв, тип и стиль поведения преступника. По этим критериям выделяется следующие виды убийств:

- одиночное: одна жертва за один эпизод;
- двойное: в одном месте и в одно время убиваются две жертвы;
- тройное: три жертвы в одно время и в одном месте;
- массовое: более четырех жертв за один эпизод и в одном месте.

Выделяются две подкатегории массовых убийств: классическое и семейное. *Классические массовые убийства* совершаются, как правило, психически неуравновешенными индивидами, имеющими серьезные личные проблемы. Эти индивиды переносят свою враждебность на группы людей, никак с ними лично и их проблемами не связанных. (Так в 1966 г. некто Чарльз Уитмен после того, как запасся ящиками боеприпасов, оружием, пищей, веревками, радиопередатчиком, забаррикадировался в башне университета города Остин (Техас) и на протяжении 90 минут вел открытую стрельбу, убив 16 и ранив более 30 человек.) *Семейные массовые убийства* характеризуются тем, что их жертвами становятся более четырех членов собственной семьи или близких убийцы. Нередко преступник потом убивает и себя тоже.

Цепное убийство: один растянутый во времени эпизод криминального поведения, сопряженного с последовательным совершением убийств нескольких человек в двух и более местах. Период эмоционального остывания между убийствами у таких преступников отсутствует. (Один из убийц (американец) раздобыл автомат с большим количеством патронов, прогуливался по своему кварталу и стрелял во всех, кто попадался ему навстречу. За 20-минутную «прогулку» он убил 13 человек и троих ранил. Хотя убийца действовал на протяжении небольшого отрезка времени, его преступление не относится к числу массовых убийств, так как он действовал в разных местах, перемещаясь с одного места на другое.)

Серийное убийство: три и более отдельных эпизодов в трех или более отдельных местах с периодом эмоционального остывания преступника между убийствами. Это предумышленное преступление, отличительными чертами которого являются предшествующая ему фаза (стадия) фантазии и детальное планирование убийства. Когда проходит время, достаточное для «остывания» от последнего убийства, серийный киллер выбирает следующую жертву и действует в соответствии со своим планом. Продолжительность периода эмоционального остывания может составлять дни, недели, месяцы и даже годы. Однако убийства обязательно возобновляются. *Наличие периода эмоционального остывания является ключевым признаком, отличающим серийника от других киллеров, совершающих множественные убийства.*

Существуют и другие различия между массовым, цепным и серийным убийствами. Так, в классическом массовом и цепном убийстве жертвы оказываются случайными: любой, кто окажется на пути убийцы. Что касается убийства серийного, то здесь, как правило, в фантазиях преступника формируется своеобразный идеальный образ, типаж, в соответствии с которым и выбирается будущая жертва.

Еще один существенный признак, отличающий серийное убийство от других видов убийств со множественными жертвами, – планирование преступления и контролирование собственного поведения и ситуации во время его совершения. Серийный убийца в отличие от убийцы массового или цепного действует обдуманно, хладнокровно, стремясь оставить как можно меньше улик. Он выбирает не только подходящую для реализации своих замыслов жертву, но и удобное, с этой же точки зрения, место совершения преступления. Причем, если

ситуация не представляется ему благоприятной, он может отложить на какое-то время замышляемое преступление.

Поведение убийцы-серийника

Существует несколько вариантов схемы поведения убийцы-серийника в рамках отдельно взятого эпизода серии. Наиболее распространенной считается шестиэтапная модель. Разумеется, с учетом ситуации и личности преступника она реализуется не всегда во всей полноте ее элементов. Однако во всех случаях в качестве первоначального она предполагает этап, названный на Западе *фазой фантазии.*

Фантазирование – непременная часть, ключевое звено системы криминального поведения серийника. Другими словами, задолго до того, как он переходит к действию, т.е. начинает убивать, у него обязательно, можно сказать, фатально возникает какая-то навязчивая идея, которая воплощается в те или иные формы и виды фантастических мечтаний. В одних случаях эти фантазии очень просты, в других – достаточно затейливы. Но они присутствуют всегда, как неизбежность. В фантазии отражаются потребности, мотивы, предвосхищаемые "выгоды" от замышляемого убийства.

Сравнительная характеристика массового, цепного и серийного убийств

Массовое убийство:	*Цепное убийство*:	*Серийное убийство*:
один субъект;	один субъект (или больше);	один субъект;
четыре (и более) жертв;	две (и более) жертвы;	три (и более) жертв;
один эпизод;	один эпизод (продолжительный или короткий);	три (и более) эпизода;
одно место убийства;	два (и более) места убийства;	три (и более) места убийства;
период эмоционального остывания не характерен;	отсутствие периода эмоционального остывания.	период эмоционального остывания обязателен;
жертвами могут быть члены семьи убийцы.	–	предумышленность;
–	–	планирование;
–	–	фантазия.

Один из серийников признался, что осуществлял убийства по сценарию, в основу которого положил сюжет порнофильма. Видеокассету с этим фильмом, будучи ребенком, он в тайне от взрослых посмотрел в гараже своего отца.

Серийник неоднократно проигрывает в воображении сцену убийства, до мелочей отрабатывает модель ритуала обращения с мысленной жертвой и схему сокрытия следов планируемого преступления.

Психологами установлено, что фантазия играет решающую роль в генезисе серийного убийцы.

Запретные мечтания, связанные с сексом и насилием, могут время от времени появляться у каждого. Однако моральные нормы, социальные табу и самоконтроль у большинства людей никогда не позволяют этим фантазиям воплотиться в действие. Фантазии же серийного убийцы отличаются от фантазий нормального человека тем, что в них сильнее и в более омерзительном виде представлен компонент физического насилия, а сдерживающие механизмы у данного типа преступников отсутствуют вовсе. К примеру, среднестатистический парень может воображать,

как он занимается любовью с супермоделью. А серийный убийца будет одержим навязчивым желанием приковать ее к стене и разрезать на куски охотничьим ножом. И можно быть уверенным, что ничто не помешает ему со временем воплотить в жизнь это желание. Опять же в отличие от нормального человека стремление к осуществлению своих фантазий, к превращению кошмарных видений в реальность у серийного убийцы очень велико. Будущие серийные убийцы начинают воображать и мысленно проигрывать садистиские сцены порой еще в совсем юном возрасте. Пока их сверстники предаются мечтам о карьере спортивного чемпиона или супергероя, эти начинающие психопаты уже фантазируют об убийствах и преступлениях. Один серийный убийца после ареста рассказывал, что в школе на уроках он часто отвлекался, углубляясь в свои фантазии, и учителя делали ему замечания. "О чем вы мечтали?" – спросили его. Он ответил: "О том, чтобы взорвать к чертям всю школу".

Другой серийный убийца вспоминал, что в детстве часто представлял себя в газовой камере в роли осужденного преступника, которому предстояла мучительная казнь. Смакование мысленных моделей болезненной смерти доставляло ему чрезвычайное наслаждение.

В отличие от нормальных людей, серийные убийцы так никогда и не избавляются от своих детских фантазий. Напротив, они все глубже и глубже погружаются в мир зловещих, кошмарных видений. И хотя внешне серийный убийца может выглядеть вполне обычным человеком – хорошим работником, общительным соседом, добропорядочным гражданином, мысли его безумны, фантазии кровавы. Поскольку психопаты лишены внутренних ограничителей, удерживающих нормального человека от реализации запретных желаний, их извращенные мечты о власти над другими людьми, об истязаниях и крови подталкивают их каждый раз к новому преступлению.

Вторая стадия называется *фазой сталкинга* (выслеживание жертвы). Характер, продолжительность и другие особенности поведения киллера на этой стадии зависят от силы его желания и степени нетерпения, личностных качеств как самого преступника, так и выбранной им жертвы.

Реальный случай подтверждает сказанное. Маньяк узнал домашнее и рабочее места стоянки автомобиля супруга намеченной жертвы. С учетом этого он определил, какое время затрачивает автомобилист на проезд от дома до работы. Зная, каким временем он располагает, чтобы сделать то, что он задумал, убийца избрал оптимальный момент нападения на жертву.

Подобным образом поступают так называемые организованные убийцы. В отличие от у дезорганизованных киллеров (подробнее об этих преступниках мы расскажем далее) фаза сталкинга у них настолько сжата, что можно утверждать о почти полном ее отсутствии: дезорганизованный преступник нападает на случайную жертву внезапно. Заметим, что некоторые серийники при их опросе исследователями отмечали, что во время фазы сталкинга у них возникало состояние деперсонализации жертвы: к началу выслеживания (заманивания, охоты) жертва для них превращается из живого человека просто-напросто в предмет, неодушевленную обезличенную цель их активности. В глазах серийного убийцы в этот момент у нее как бы нет семьи, детей, супруга, родственников, друзей, увлечений и привязанностей. В таком состоянии серийному убийце лишить жизни избранную жертву ни больше ни меньше, чем разорвать бумагу на куски.

Третья фаза – *похищение жертвы.* Эта фаза также присутствует не во всех случаях серийных убийств. Дезорганизованный киллер чаще прибегает к «блиц-атаке». Организованный киллер использует различные «уловки» и хитрости, чтобы завлечь жертву в «комфортную» для совершения убийства зону. В зависимости от состояния и личностных особенностей киллера похищения могут быть как очень простыми, так и очень сложными, позволяющими ему продемонстрировать свой ум и изобретательность.

Четвертая фаза – сам *акт убийства.* Известны два варианта поведения преступников на этой стадии. Одни из них свое внимание фокусируют на действиях, связанных с лишением жертвы жизни, другие – на процессе физического взаимодействия с жертвой, приводящем в конечном счете к ее смерти, и постмортальном обращении с телом потерпевшей (потерпевшего).

В первом случае сам акт убийства совершается быстро. Так как для киллера важен результат – смерть жертвы, а не сопутствующее убийству получение сексуального

удовлетворения, или упоение властью над жертвой. Решение на убийство реализуется немедленно, независимо от поведения жертвы, от ее реакции на действия преступника. Убийство, сфокусированное на процессе другого характера, более типично для серийника, мотивированного поиском острых ощущений или же утверждением своей власти (контроля) над жертвой. Последний тип убийц обычно орудует в соответствии со стереотипной, каждый раз повторяющейся процедурой. Для нее могут быть характерны повторяющиеся слова и действия, выполняющие функцию ритуала и предшествующие акту непосредственно убийства. Ритуал не завершается и после смерти жертвы. Он может иметь свое постмортальное продолжение в совершении некросадистских действий, связанных с обращением с трупом. Они, в частности, выражаются в отчленении отдельных частей тела и органов трупа.

Пятая фаза – *размещение трупа.* Эта фаза также характерна не для всех серийников. Одни из них, насладившись манипуляциями с трупом, бросают его и покидают место преступления. Другие считают необходимым осуществить перемещение трупа. Эти действия имеют мотивационную окраску. Кто-то перемещает труп и оставляет его в таком месте, где его могли бы скорее обнаружить. Другие же руководствуются иными побуждениями. Для них главное – стремление сделать все, чтобы труп не смогли найти.

Когда одного серийника после ареста спросили, почему он выставлял трупы своих жертв на "всеобщее обозрение", последовал ответ: "Чтобы знали, что я еще здесь".

Завершающей фазой поведения серийного убийцы в рамках каждого эпизода содеянного считается *депрессия.* По признанию многих серийников, им никогда не удавалось получить от убийства того эффекта, на который они рассчитывали, поскольку в полном объеме ожидаемого эмоционального облегчения от совершенного преступления они никогда не испытывали. Наоборот, после этого их обычно охватывали чувства безнадежности и бессилия. Эту фазу известный знаток серийных убийц психолог Джоэл Норрис описывает следующим образом. "В период депрессии даже газетные заголовки, сообщающие об обнаружении очередной жертвы, не помогают преступнику вернуть себе состояние могущества, которого он, вроде бы, на мгновение достиг. Долгие дни или недели после убийства преступник пребывает в мрачном мире тоски, терзается печалями. Он занимается повседневными делами и со стороны кажется вполне нормальным. Со временем бремя совершенных преступлений становится настолько невыносимым, что он способен написать исповедь и отослать ее в полицию или позвонить в местную газету и попросить там помощи. Но вскоре фантазии вновь начинают рождаться в его голове. Неконтролируемые потребности захватывают убийцу целиком, и, движимый жаждой насилия, он снова прочесывает территорию, где, не ведая своей судьбы, гуляют его будущие жертвы. И вот еще один не чувствующий опасности незнакомец оказывается у него на пути, ступает в тоннель смерти. И опять разворачивается ритуал убийства, ведущий к неотвратимому концу[7].

По нашим данным, если исключить стадию депрессии, рассмотренную схему криминального поведения серийников нетрудно обнаружить и в поведении других типов лиц, совершающих самые различные преднамеренные, заранее подготавливаемые преступления. Дело, однако, не в этом. Главное, чем отличается исследуемый нами криминальный тип от иных типов лиц, действующих по похожей схеме, состоит в особенностях содержательного наполнения каждого звена приведенной цепи[8]. Вот об этом и не только об этом пойдет речь в

---

[7] *Норрис Д.* Серийные убийцы. – М, 1998. – С. 51.

[8] В ходе работы над этой книгой стало известно, что в Санкт-Петербурге расследуется уголовное дело по обвинению врача-педиатра 5-ой подстанции городской "Скорой помощи", 35 лет, примерного семьянина, имеющего двух детей, уважаемого специалиста. На протяжении одного только 1999 г., как установлено следствием и не отрицается самим обвиняемым, признанным вменяемым, он убил десять и еще пять раз покушался на жизнь пенсионеров. Преступления этот "цепной" убийца совершал в квартирах жертв, оставаясь с ними один на один, путем введения потерпевшим смертельных инъекций. Действовал предельно рационально, причем исключительно из корыстных соображений: после того, как убийца приводил свои жертвы в бессознательное состояние, сделав им якобы обезболивающие уколы, он грабил квартиры стариков для обеспечения материального достатка своей семьи. И хотя он совершил хорошо спланированные, тщательно подготовленные множественные преступления в разное время и в разных местах, относить его к числу серийных преступников вряд ли правильно. Хотелось бы,

следующем параграфе.

1.2. Зарубежные маньяки-убийцы: типовой портрет

Что роднит, объединяет, делает похожими серийных убийц, чем один из их подтипов отличается от другого? Проведенные на Западе, а затем и в России исследования, позволяют выявить у них при всей неповторимости каждого индивида ряд принципиально важных сходных черт как в генезисе, так и в преступном и постпреступном поведении. Полученные данные положены в основу составления типового обобщенного портрета "героя" криминального сериала. Вот как он выглядит.

Демографическая информация

В основной своей массе серийники принадлежат к белой расе. Начало их преступной карьеры относится к зрелому возрасту (близкому к тридцати годам). Образовательный уровень чуть ниже среднего. В служебной карьере они обычно не достигают больших успехов: занимают должности, не требующие высокой квалификации. Необходимо отметить, что серийные киллеры отдают предпочтение тем видам профессиональной деятельности, которые облегчают удовлетворение их потребности в насилии и "жажде крови": более половины серийников – профессиональные военные, затем идут медицинские работники. Киллеры с педофильной ориентацией стараются выбирать занятия, позволяющие контактировать с детьми.

Социально-психологическая предыстория

Все исследователи единодушны в том, что истоки поведения серийного киллера следует искать в детстве. Более половины из них воспитывались в неполных семьях. Многие стали в детстве жертвами сексуальных посягательств. Почти все будущие киллеры в детстве были лишены родительской ласки, заботы и внимания. Как результат такой "эмоциональной обделенности" – изоляция от общества, уход в "фантазматическую жизнь".

Именно по этой причине всемирно известный специалист по сексуальным преступлениям, специальный агент ФБР Роберт Ресслер (автор термина "серийный убийца") убежден, что серийными убийцами люди становятся из-за страданий или психологических травм, которые им причинили в детстве. Для некоторых из них в детстве были характерны симптомы "триады Макдональда": мочился в постели – совершал поджоги – мучил животных. Среди родителей будущих серийных убийц нередки случаи алкоголизма и токсикомании. Характерно, что у самих киллеров этих пагубных пристрастий не наблюдается.

Выдающийся специалист в области биоэнергетики, заведующий кафедрой биофизики Казахского университета В.М. Инюшин так объясняет феномен отсутствия у маниакальных убийц-серийников влечения к алкоголю и наркотикам: «Гормональные вспышки, которые происходят у них при актах насилия, усиливают их психоэнергетику. Хищник, уничтожая жертву, выделяет из нее биоплазмоид, поглощает его, резко увеличивая свой биоэнергетический потенциал. Эта колоссальная энергия химического типа, она питает организм преступника, но разрушает его личность. Такого рода хищническая энергоподпитка – замена наркотиков и алкоголя»[9]. Думается, что эта концепция проливает свет и на ряд

чтобы читатель не спутал данного носителя белого халата с его коллегой и по профессии, и по кровавым похождениям – с Василием Куликом из Иркутска, являвшимся классическим представителем "армии" серийных маньяков-убийц, которого мы не раз будем упоминать по ходу исследования. Это пожелание высказано не случайно: по профессиональной и возрастной принадлежности, иным признакам личности и поведения эти "врачи" мало чем отличаются один от другого. Фатальное сходство обнаруживается даже в том, что оба они были задержаны в один и тот же день – 17 января.

[9] "МК". – 2000. – 23 марта.

моментов, характерных для поведения маниакальных убийц (на рецидив их преступлений, фазу депрессии, усиливающейся по мере истощения запасов «награбленных» у жертв психоэнергетических ресурсов, подпитывающих преступников, объем такой «подпитки», зависящий от продолжительности периода истязания и других кровавых, мучительных манипуляций, издевательств в отношении жертв и др.).

Личность и поведение

В повседневной жизни серийный киллер абсолютно ничем не выделяется из окружения: он такой же на вид, как все. В сферу внимания правоохранительных органов он обычно попадает в зрелом возрасте, будучи "схваченным за руку", как правило, на месте преступления. Серийного киллера также отличает хорошо развитый интеллект (нередко выше среднего уровня). Об этом, в частности, свидетельствует организация преступления и "безупречное" поведение в быту (никому и в голову не могло прийти, что он способен на такое).

Живущий двойной жизнью, серийный убийца умело носит маску нормальности, позволяющую совершать преступления, не вызывая ни малейших подозрений. Большинство серийных убийц обладает чрезвычайно отточенными навыками социальной манипуляции – способностью заставить других поступать так, как это им удобно. Благодаря острому чутью к потребностям общества в соблюдении внешних норм серийным убийцам удается демонстрировать социально приемлемое, часто даже образцовое поведение.

Так, Гери Шефер жил и работал среди религиозных и ориентированных на семейные ценности людей в сельском штате Вермонт, входил в секту, члены которой строят свою жизнь на фундаменталистской интерпретации Библии, был внешне добропорядочным прихожанином и в то же время насиловал и убивал девочек своего округа.

Джон Вейн Гейси – убийца-гомосексуалист. В восемнадцать лет участвовал в политической деятельности в Чикаго, где работал ассистентом местного партийного босса на избирательном участке в поддержку кандидата от демократов, испытывая то же чувство гордости, что и во время своего руководства общественным клубом в своей школе. И хотя в детстве отец постоянно издевался над ним и ругал за занятия общественной работой, Гейси оставался активным членом демократической партии, даже став взрослым. Он снискал известность одного из самых активных добровольцев – борцов за порядок в городе, был назван фельдмаршалом Парада чистоты, проводимого в Чикаго. На протяжении нескольких лет ему приходилось координировать усилия свыше семисот подчиненных (Гейси был руководителем крупной строительной компании). В тот же период жизни он совершил не менее тридцати трех ритуальных убийств юношей и закопал тела в мягкой почве у себя под домом. Будучи женатым, он постоянно встречался с молодыми людьми, работавшими у него на стройках. Занимаясь строительным бизнесом, Гейси совершал массу законных и незаконных сделок – от обеспечения выгодных цен на древесину до организации грабежей и торговли наркотиками.

Во время обыска в доме Гейси полицейские нашли фотографии, запечатлевшие рукопожатия хозяина с мэром Чикаго Ричардом Дэли и с Розалин Картер, супругой президента Джимми Картера.

Мэр Чикаго рассчитывал на его способности в сборе голосов на избирательном участке. В этих целях Гейси ходил мыть окна у беспомощных престарелых женщин, передавал жалобы избирателей своего участка боссам от демократической партии. Он даже был включен в группу сопровождающих Розалин Картер во время ее визита в Чикаго в ходе избирательной кампании 1976 года. Столь велика была его потребность в социальном одобрении. Однако еще сильнее была потребность в убийствах, раскрытие которых повергло все общество в шок, вызвало бурю негодования в общенациональных масштабах.

Еще одна "звезда" двойной жизни – незаконнорожденный Тед Банди. Он был галантен и красив. Готовился к научной деятельности в области права, был бакалавром психологии. Дежурил на телефоне доверия для самоубийц в Сиэтле и занимался политикой. Написал

руководство по защите от изнасилований для штата Вашингтон и даже получил от аттестационной комиссии этого штата присвоенную заочно степень доктора философии. Благодаря этой степени он смог открыть частную практику психотерапевта. В Банди нуждались местные политики и представители администрации университета, стремившиеся заручиться его помощью во взаимоотношениях со студентами в крупном студенческом городке. Женщина, с которой Банди был близок, узнав о том, что разыскивается преступник по имени Тед, обратилась со своими подозрениями в полицию. Но там ей не поверили, сославшись на то, что уж очень не похож был Банди на убийцу. Все, кто знал Банди, не верили в то, что он убийца даже после того, как он был арестован. Да и как было поверить! Ведь это были не просто убийства молодых женщин, это были еще и изощренные пытки, истязания, унижения жертв и надругательства над трупами (Банди расчленял тела еще живых жертв, совершал оральный секс с отрезанными головами и анальный секс с трупами). На такое, как считали многие, Банди пойти не мог. Даже опытнейший детектив Боб Кеппел дважды попадался на удочку обманчивого внешнего облика Банди и прекращал его разработку, хотя и располагал информацией о его причастности к убийствам. ФБР и полиция продолжали сомневаться в его виновности до тех пор, пока Банди не арестовали во Флориде за изнасилование и убийство девушки. Задержали, кстати, его совершенно случайно и не за это преступление, а за нарушение правил дорожного движения. И только позднее выяснилось, что он совершил убийства не менее 35 студенток, начиная с 1974 г. Его арестовали спустя четыре года после первого убийства – в декабре 1978 г. И только смерть по приговору суда остановила его кровавую вакханалию.

Почему же при несомненных умственных способностях и изворотливости серийные убийцы не достигают заметных высот в профессиональной карьере? Происходит это из-за их асоциальности, вследствие которой у них возникают проблемы в процессе учебы и на работе. По данным ФБР, киллеры с высоким интеллектом отличаются особенной изобретательностью и изощренностью пыток в сексуальных преступлениях. Все исследователи единодушны в том, что серийным киллерам присуща способность к манипулированию людьми. Они, когда им это нужно, умеют быть обаятельными и внушать полное доверие жертве, которая безропотно следует за киллером куда угодно. И наконец, еще одна особенность, подмеченная у серийных киллеров: все они отчасти мегаломаны и где-то в глубине души хотят, чтобы их "величие" и "необычность" были замечены. На следствии они охотно описывают детали совершенного преступления и даже сознаются в преступлениях, которых не совершали. По этой же причине они иногда, как бы в пику полиции, ведут себя слишком дерзко и в конце концов попадаются. Некоторые из киллеров склонны к мистике и ощущают себя призванными к выполнению великой миссии освобождения человечества от "дегенератов". К числу последних они относят, в частности, проституток, гомосексуалистов. Не так давно в США были выявлены своеобразные "секты" серийных киллеров, практикующие сатанинские культы и исповедующие идеологию, смыкающуюся с неонацизмом.

По психиатрической классификации, серийные киллеры относятся к психопатам (в англоязычной литературе их называют социопатами). *Психопат (социопат) –* это асоциальная личность без очевидных психических расстройств, но с аномалиями характера и поведения.

Имеет смысл сказать несколько слов о психопатической личности. Этот тип представляет собой особый интерес для криминалистов, психологов, криминологов. Подавляющее большинство преступников-мультирецидивистов (про которых говорят, что они не выходят из тюрьмы) являются психопатами. Американский тюремный психиатр д-р Hare R.D., посвятивший четверть века изучению преступников-психопатов, выделяет личностные черты и поведенческие особенности, образующие в совокупности синдром психопатии[10]. Ключевыми симптомами в сфере эмоций и межличностных отношений у них являются:

- велеречивость и поверхностность;
- эгоцентризм и претенциозность;
- дефицит угрызений совести и чувства вины;

---

[10] *Hare R.D.* Without conscience: The disturbing world of psychopaths among us. New York: Pocket Books, 1993. p. 6–34.

• дефицит сострадания и ответственности;

• поверхностность эмоций;

• лживость и непорядочность.

Для психопатов характерны импульсивность, неконтролируемость поведения, постоянная потребность в острых ощущениях, проблемное поведение в детском и антисоциальное поведение во взрослом возрасте.

Следует иметь в виду, что один (или несколько) перечисленных признаков могут обнаруживаться у любого человека и не свидетельствовать о психопатии. Надлежащий диагноз специалист ставит тогда, когда все симптомы проявляются в комплексе (в форме синдрома) и когда каждый из них достигает определенной степени выраженности.

Глубокое рассмотрение вопроса о психопатическом характере не входит в нашу задачу. Мы обратились к нему только для того, чтобы проиллюстрировать психологические предпосылки поведения серийного киллера. Некоторые из особенностей психопатической личности, в частности, потребность в острых ощущениях, помогают понять необъяснимые, на первый взгляд, жестокость и садизм серийных убийств.

Локализация и периодичность преступлений

Одна из характерных особенностей серийных убийств состоит в том, что они совершаются в разных местах и в разное время. По этому признаку серийный убийца отличается от убийцы "массового", убивающего в одном и том же месте сразу нескольких человек. Отличается он и от убийцы "цепного", убивающего нескольких человек в разных местах, но на протяжении сравнительно небольшого промежутка времени. Серийные убийства совершаются неразоблаченным киллером на протяжении всей его жизни. Интервалы между преступлениями могут быть очень большими (до года и более), но, как уже говорилось, убийства обязательно возобновляются.

По данным центра психологии расследования Великобритании, «зона действия» серийных сексуальных преступников располагается в радиусе 500 км*2* . Время от времени они совершают «набеги» и возвращаются на постоянную «базу», находящуюся внутри этой зоны. Конечной целью исследований, проводимых в центре, является создание системы поддержки решений (в форме компьютерной программы), позволяющей с достаточной долей вероятности локализовать постоянную «базу» (или место жительства) преступника на основе собранных данных о местах расположения совершенных им преступлений. В настоящее время такая модель позволила определить постоянное местонахождение преступника в радиусе порядка 30 км*2* (в эту зону попали 82% из 45 сексуальных преступников)[11].

Вероятность рецидива

Они – не бандиты. Они хуже и опаснее бандитов. Бандиты рано или поздно прекращают *свой* преступный промысел. Устав. Награбившись. Уйдя в легальный бизнес. Раскаявшись, наконец. Неразоблаченные убийцы из числа маньяков – существа иной природы. Не убивать они не могут. Встав однажды на тропу насилия, почувствовав запах горячей человеческой крови, вдохнув дурманящий «аромат» чужих страданий, они идут по этому пути до конца, не в силах укротить свой охотничий азарт и прекратить процесс наращивания количества жертв. Остановить серийного убийцу могут только его собственная смерть, арест и пожизненное заключение.

Оказавшись в заключении, серийные убийцы ведут себя примерно, не доставляя никаких хлопот оперативному и обслуживающему персоналу. Однако вероятность их исправления, по

---

[11] *Canter D. and Gregory A.* Identifying the residential location of serial rapists. – Journal of the Forensic Science Society, 1994, vol. 34, pp. 169–175.

мнению специалистов, равна нулю.

Убийца и его жертвы

Проникнуть в глубину мотивационных механизмов преступного поведения лиц, совершающих серийные убийства, можно лишь в контексте их взаимосвязи с жертвами. Существенно то, что жертвами данного типа преступников всегда являются незнакомые или малознакомые люди. Долгое время считалось, что жертвы выбираются случайно (первые попавшиеся в подходящей ситуации). Однако практика показывает, что это не так. Каждый серийный убийца выбирает себе жертвы по определенному, далеко не всегда очевидному, на первый взгляд, критерию.

Для некоторых киллеров убийство является своеобразной эмоциональной разрядкой, высвобождающей глубоко подавленные, тщательно скрываемые (даже от себя самого) переживания. В сознании серийного киллера связь с жертвой существует, но природа этой связи эмоционально-опосредованная. Жертва служит как бы пусковым механизмом, пробуждая воспоминания о том, кто когда-то давно (в детстве или юности) кто-то унизил, оскорбил будущего киллера, каким-то образом надругался над ним. (По свидетельству зарубежных исследователей, в биографии почти всех серийных киллеров имеются такие факты.) Свой гнев, страх, ненависть киллер переносит на невинную жертву. Убивая ее, он на какое-то время освобождается от мучительных воспоминаний о некогда пережитом унижении и беспомощности. В глазах убийцы совершенное им преступление – это акт возмездия за прошлое. Тем самым он оправдывает свое поведение, избавляясь от чувства вины.

Влияние на последующее поведение утраты самоуважения, переживания несостоятельности и неспособности достойно и своевременно ответить обидчику подтверждено социально-психологическими исследованиями. Применительно к обсуждаемой проблеме важно подчеркнуть, что речь идет о субъективном восприятии ситуации как унижающей достоинство человека и нарушающей принципы морали и высшей справедливости. (Кто-то другой может отнестись к подобной ситуации иначе и не воспринимает ее как чрезвычайную.) Один из серийных киллеров признался, что выбирал жертвы по признаку сходства со своей первой женой, которая его бросила. Хотя они и "расстались по-хорошему", он считал для себя этот развод унизительным и в глубине души остро переживал это унижение до тех пор, пока не начал убивать. Все его жертвы, как и его бывшая жена, были брюнетками и расчесывали волосы на прямой пробор. Другой убийца, считавший, что к нему плохо относилась его мать, свою ненависть к ней переносил на других, похожих на мать женщин, убивая их и расчленяя их тела. Убийство незнакомых женщин вызывало у него своеобразный катарсис, избавляя (на время) от переживания унижений от отвержения собственной матерью. Описано немало случаев, когда пережитое в детстве или юности унижение становилось пусковым механизмом серии убийств в зрелые годы. Так, один из английских киллеров, убивший на протяжении десяти лет семнадцать женщин, в юные годы был тощим заикой с прыщавым лицом. Сверстники насмехались над ним, всячески его третировали, не принимали в компанию. Он остро переживал свое социальное отвержение, чувствовал себя глубоко униженным. Впоследствии стал ненавидеть всех молодых и интересных женщин. Встав на преступный путь, он придумал рациональное оправдание своим убийствам, полагая, что "убивал только недостойных женщин" (все его жертвы были уличными проститутками или танцовщицами из баров).

Следует обратить внимание еще на один психологически важный момент, связанный с выбором преступниками своих жертв. Почему убийца, "восстанавливая справедливость", не убивает того, кто стал непосредственной причиной его страданий, того, кто его унизил или оскорбил? Ответ на этот вопрос дает теория первичной генерализации. Согласно этой теории, стимулы, сходные с теми, которые стали причиной подавленной, загнанной внутрь эмоции, вызывая аналогичную эмоцию, предоставляют возможность "разрядить" первичную эмоцию. Начальное агрессивное побуждение может быть блокировано как объективной опасностью (страх перед наказанием, боязнь возмездия), так и субъективной тревожностью по поводу

проявлений агрессии. Поэтому субъект на время вынужден подавлять свою агрессивность. Однако эмоция требует разрядки и "ждет своего часа". Когда непосредственная разрядка эмоции блокирована или невозможна, агрессивные импульсы могут быть ослаблены косвенным образом, посредством смещения на объекты менее угрожающие и менее опасные. Иначе говоря, подавленная агрессия направляется по другому руслу, на менее опасного "козла отпущения". С помощью этой теории поведение серийного киллера можно объяснить следующим образом: некогда (как правило, речь идет о детстве или юности) он находился в полной зависимости от человека, ставшего причиной его страданий и унижений. Этот человек блокировал естественную в подобной ситуации ответную реакцию – агрессию. Поскольку отсутствовала возможность сразу же дать отпор мучителю, чувство пережитого унижения становилось еще острее и стабильнее. Переживания и проблемы, запечатлевшиеся в душе в период оформления характера будущего серийного киллера, переносятся на людей, чем-то похожих на тех, кто был некогда первопричиной этих переживаний. Один из киллеров показал на допросе, что убил совершенно незнакомую ему женщину за поразительное сходство с его матерью ("даже скулы были похожими"). Однако приносимое убийством "успокоение" – явление временное. Во-первых, потому, что никто не может засвидетельствовать того факта, что "обидчик" получил по заслугам. Во-вторых, потому, что не устранена первопричина, т.е. реальный, а не замещающий объект, страданий. Именно поэтому, согласно данной теории, убийства будут повторяться снова и снова.

Подавляющее большинство серийных убийц являются сексуальными садистами. Убийство и полная власть над другим человеком в этот момент дают им ощущение полноты жизни, вызывают своего рода эмоциональный катаклизм, который сродни оргазму (этот феномен известен под названием "синдром Дракулы").

Двое мужчин, прогуливающихся по набережной реки Уорриор в американском городе Бирмингем (штат Алабама), обнаружили тело полураздетой молодой женщины. Во рту у нее был кляп. Она была убита ударом ножа в сердце… Звали ее Стефания Гейч. Училась в колледже. Полиция довольно быстро взяла след… За месяц до гибели Стефании к женщине, припарковавшей автомобиль на стоянке возле церкви, подъехал мужчина в фургоне кремового цвета. Мужчина направил на женщину ружье и приказал следовать за ним. Женщине удалось ускользнуть от преследователя и затеряться в потоке машин. Через шесть дней после убийства Гейч в пригороде Бирмингема кремовый фургон преградил дорогу еще одной женщине. И вновь водитель фургона наставил на нее ружье. Женщина ухитрилась выскочить из машины и добежать до полицейского участка. Через неделю на стоянке возле торгового центра мужчина из кремового фургона пытался напасть на очередную жертву. Но в этот раз был пойман. Человеком из фургона кремового цвета оказался хорошо известный полиции Джек Харрисон Трейвик.

История его жизни примечательна подробностями, делающими ее классической биографией серийного убийцы. Детство Трейвика прошло в комфортабельном пригороде Бирмингема, в котором жил средний класс. Отец – инженер, мать – учительница. В младенчестве Джек был болен смертельной болезнью, но выжил, окреп, стал выглядеть старше своих лет. Интересовался механикой. Его мать на суде сказала: "Я рано поняла, что Джек не такой, как все… Он никогда не проявлял никаких эмоций, не плакал, не радовался". Друзья детства ничего особенного о нем не припоминают, разве что "жестокий нрав".

В восемь лет Трейвик уже фантазировал, как он истязает и убивает женщину. Позже он поделился воспоминаниями: "Я мог стать восьмилетним или девятилетним серийным киллером, но мысль об этом тогда не приходила мне в голову". Но в десять лет он напал на женщину, избил ее, повалил на пол, заставил раздеться. Перепуганные родители бросились к психологу. Но с лечением ничего не получилось. Отец Трейвика умер от сердечного приступа. У семьи на дорогого специалиста денег не было.

А Трейвик продолжал учебу. Играл в футбол, занимался борьбой, возился с машинами. Встретил девушку. Женился на ней. Позже у них родилась дочь. Но отношения с женой часто сводились к жестоким, иной раз до потери сознания избиениям. Пошел служить в армию, но был оттуда изгнан за нападение на вольнонаемную служащую (женщина попала в больницу). Вернулся в родной Бирмингем, устроился в электрическую компанию работать по вызовам.

Вот тут все и началось. Он проникал в квартиры приглянувшихся ему клиенток, когда никого не было в доме. Находил женское нижнее белье и резал его в лоскуты ножом. На зеркале писал губной помадой: "Я вернусь!" Трейвика задержали в 1970 г.: его застали неожиданно вернувшиеся хозяева. Трейвик не оказал ни малейшего сопротивления и не думал бежать. Он спокойно сидел в кресле и терпеливо дожидался полиции. В участке немедленно во всем сознался. Он вообще всегда говорил только правду… Перед судом его отправили на психиатрическое освидетельствование. Его признали опасным шизофреником. При этом врачи отмечали его недюжинный интеллект (намного выше среднего) и недоразвитость эмоциональной сферы. Кроме того, Трейвик был одержим манией сексуального насилия. Однако он никогда никого не насиловал! Его обвинили в преступлении, которое на русский язык можно перевести как сексуальное хулиганство, и посадили на год.

Выйдя из тюрьмы, Трейвик развелся с женой, поселился в доме у матери, начал лечиться у психиатра и торговать автомобилями. Карьеру серийного убийцы он начал 16 июля 1972 г. Первой его жертвой стала 17-летняя путешественница Бетти Ричарде. Она впервые приехала в Америку и поселилась в Бирмингеме со своим дружком. Трейвик как-то увидел ее гуляющей по городу и "сразу решил что-то с ней сделать". Он вышел из машины, подошел к девушке, обхватил рукой и приставил к боку нож. Приказав молчать, он завел Бетти в переулок и зарезал, нанеся несчастной десять ударов ножом – в голову, в грудь, в спину. Потом прошел немного вперед, выбросил нож, вернулся к машине и уехал. Дружок Бетти оказался похожим на нашего героя. Его арестовали. Судили. Но, слава Богу, оправдали. У нас бы он так легко не отделался. У нас бы это дело "раскрыли". В Америке же оно "провисело" двадцать лет. Полиция Бирмингема забыла о нем. Но представший перед своим последним судом Трейвик взял его на себя. Хотя с тех пор почти все улики исчезли, а через место преступления пролегла скоростная магистраль. Трейвик откомментировал первое свое убийство таким образом: "После дело пошло легче. В первый раз вам самому страшно так же, как и вашей жертве… После третьего, четвертого, пятого раза убийство становится таким же привычным делом, как хождение по утрам на работу."

Через несколько недель Трейвик напал на служащую магазина: схватил ее сзади, вонзил в горло нож и ушел, оставив истекать кровью. Женщина, однако, выжила, но ничего не могла вспомнить о напавшем на нее человеке. Это дело также осталось нераскрытым. После он ни на кого несколько лет не нападал. Работал на бензоколонке, свободное время проводил на автогонках. Знакомился со многими женщинами, но "роман" очень быстро заканчивался оскорблениями и бранью. В эти годы пытался лечиться! Добровольно лег в больницу, где ему вновь поставили диагноз – шизофрения. Пробовал лечиться самостоятельно, принимал торазин и препарат химической кастрации "Тасе". В 1974 г. после разрыва с очередной возлюбленной впал в глубокую депрессию – его пришлось даже госпитализировать.

"Мирный" период закончился в 1978 г. Трейвик любил путешествовать. И приступ насилия застал его на северо-западном побережье Тихого океана. Он задушил женщину-лыжницу, а тело ее сбросил в пропасть. Вторую жертву нашел в круизе между Сиэтлом и Аляской. Он опять задушил женщину – на этот раз в лодке. Тело выбросил за борт. Ни одна из этих жертв не была идентифицирована, не были найдены и их тела. Трейвик же объяснил, что обе женщины были проститутками или бродяжками. Надо сказать, что полиция Бирмингема, Орегона и Аляски подозревала Трейвика, но веских улик против него так и не нашла.

Вернувшись в Бирмингем, Трейвик нашел новую забаву. Выдавая себя за официальное лицо, он звонил женщине по телефону и говорил, что ее муж погиб в автокатастрофе. Слыша истошные женские крики, он получал сексуальное удовольствие. Его поймали в 1980 г. и обвинили в телефонном хулиганстве и дискредитации полиции. На суде Трейвик неожиданно попросил, чтобы тюремное заключение ему заменили кастрацией или лоботомией (удалением передних долей головного мозга). Но его снова отправили на год в тюрьму. Выйдя на свободу, он опять принялся проникать в квартиры и кромсать нижнее женское белье. На этот раз взбешенное американское правосудие отмерило ему 15 лет тюрьмы. Впрочем, в 1990 г. он освободился досрочно. Вернулся к матери. В тюрьме он освоил профессию повара, потому первое время работал в ресторанах, потом грузчиком в мебельном магазине.

К убийствам он вернулся 17 июня 1992 г. Подобрал стоящую на обочине женщину. Ею оказалась 26-летняя наркоманка Франс Эйлен, зарабатывавшая на наркотики проституцией. Франс попросила его ехать по дороге, ведущей к роще, – она располагалась как раз за больницей, в которой лечился Трейвик. Именно здесь он и убил женщину, по привычке ударив ножом в горло. Затем изуродовал тело, нанеся 53 ножевых ранения. В кошельке убитой нашел фотографию ее шестилетнего сынишки. "Я не понимал, что случилось, – рассказывал он потом полиции, – мне было жаль этого маленького мальчика, у которого больше не было матери". Подозрение в убийстве пало на бывшего мужа Франс Эйлен, но через двадцать пять дней его пришлось освобождать – Трейвик начал давать показания…

Это преступление включило механизм убийства, заложенный в Трейвике. Он принялся методично, изо дня в день преследовать женщин. Он колесил по городу в фургоне для перевозки мебели. "Я никогда, садясь утром в машину, не говорил себе: сегодня я что-то найду. Но я всегда имел при себе нож, ружье, какую-нибудь веревку или шпагат". Впрочем, ружье у него было не настоящим: он его выстругал из дерева. "Убийство не было самоцелью. Волновало сознание власти над жертвой и контроля ситуации. Я отдавал отчет в том, что делаю. Это мне нравилось".

На первом же допросе в полиции Трейвик, сообразуясь со своим убеждением говорить одну только правду, сознался в попытках нападения и в убийстве Стефании Гейч, присовокупив к нему все свои прочие злодеяния. Однако выдвинул поразительное условие: в обмен на признательные показания ему должна быть обеспечена казнь на электрическом стуле. Для пущей убедительности, чтобы наверняка дотянуться до вышки, он сказал, что изнасиловал Гейч. Узнав о том, что для электрического стула вполне достаточно сопряженного с похищением убийства, Трейвик признание в изнасиловании забрал обратно. Через месяц после ареста он начал широкую "рекламную" кампанию: опубликовал в газетах несколько своих писем и дал множество телевизионных интервью. Особый интерес вызвало одно из писем, направленное им в марте 1993 г. доктору Брайану Броуди, который занимался проблемой СПИДа. Трейвик предлагал исследователю провести над ним, Трейвиком, все необходимые эксперименты, потому что все равно будет казнен. Броуди отказался от его услуг, сообщив в ответном письме, что опытов над людьми он и его коллеги не проводят.

Тогда многие думали, что жаждущий известности Трейвик требует казни, поскольку хочет выглядеть мучеником. Но он постоянно опровергал это мнение. При этом, когда речь заходила о совершенных им убийствах, он был предельно честен. Но чаще всего его публичные рассуждения концентрировались на недовольстве правоохранительной системой. Трейвик постоянно твердил, что если бы полиция и тюремный персонал в свое время больше внимания обратили бы на его болезнь, то он бы не дошел до убийства. "Я не преступник, – писал он, – однако как психически неуравновешенный человек я опасен. В 70-е годы меня можно было спасти, а множество других людей избавить тем самым от угрозы… Государство не виновато передо мной. Оно виновато перед обществом, которое призвано защищать. Я прошу смертной казни потому, что государство, пренебрегая собственными интересами, хочет вернуть меня на улицы". Представ перед судом, Трейвик начал процесс с того, что передал судье письмо, в котором предупреждал, что если его не приговорят к смертной казни, то он убьет кого-нибудь в тюрьме…

Между тем, добиться электрического стула оказалось не просто. Судебное разбирательство, начавшееся в 1993 г., пришлось отложить почти на год: защита просила провести тщательное медицинское освидетельствование обвиняемого. Возобновившись, процесс уложился в три дня. Психологи, выступающие на стороне защиты, долго и нудно описывали историю его болезни – дескать, "можно быть психически больным и подобно Трейвику казаться вполне здоровым". Психолог, которого пригласило обвинение, был куда более краток: вменяем. Да и сам Трейвик разбил и без того шаткую позицию защиты, постоянно утверждая: убивал, потому что нравилось, и никаких "голосов" он не слышал, "видений" у него не было. Добили присяжных слова матери убитой девушки: "Я никогда не буду качать на коленях внука. За мной некому будет ухаживать, если я заболею. Моя дочь не заслужила такой участи. Я не заслужила таких мук. У меня отняли моего ребенка. Солнечный свет, спокойствие ушли из этого мира". Присяжные совещались час сорок минут. Десять

проголосовали за смертную казнь. Двое – за пожизненное заключение.

23 марта 1994 г. Трейвику объявили смертный приговор. Трейвик довольно улыбнулся.

У некоторых серийных киллеров садистские наклонности соседствуют с необузданным мазохизмом (по данным ФБР, около трети серийных убийц занимались самокалечением). Так, "серийник-рекордсмен" Альберт Фиш проглотил тринадцать металлических иголок. Во время его казни на электрическом стуле возникло короткое замыкание. Психиатры подметили, что садизму нередко сопутствует ритуальное поведение. Поэтому не единичны случаи, когда серийные киллеры уродуют тела своих жертв, вырезают и сохраняют определенные куски или части тела, чтобы потом их "смаковать и дегустировать". Именно по этой причине они отдают предпочтение холодному оружию, которое позволяет им более тесно контактировать с жертвой. (В литературе описан серийный киллер конца XIX века, который приказал построить замок, начиненный капканами, чтобы иметь возможность в полной мере насладиться страданиями своих жертв.)

Отдавая дань отмеченным западными специалистами психологически точным закономерным особенностям криминального, пред– и посткриминального поведения серийных убийц, нельзя не обратить внимание на то, что с позиции только "чистой" психологии загадку их феномена во всей его полноте, степени сложности и противоречивости вряд ли можно объяснить надлежащим образом. Многогранная картина, механизм, движущие силы их поведения становятся, на наш взгляд, более понятными, если на них посмотреть еще и с биоэнергетической точки зрения. В этой связи нелишне вспомнить мысли, высказанные В.М. Инюшиным, его оригинальное определение человеческой жизни как уникального термодинамического явления и объяснения актов истязания и убийств как способа и источника увеличения биоэнергетического потенциала кровавых маньяков. Не с проблемами ли еще и этого потенциала связаны прогрессирующее духовное опустошение, упадок сил, депрессия серийных убийц в межкриминальные периоды их жизнедеятельности?

Вполне возможно, что в соединении психофизиологических и биоэнергетических начал и содержится ключ к разгадке тайны феномена серийного убийцы и его поведения[12].

Некоторые психологи, а вслед за ними и журналисты, характеризуя маниакальных убийц, пользуются таким выражением: "Они питаются смертью". При этом подразумевается, что смерть жертв дает им сугубо эмоциональную, психологическую пищу, необходимую для удовлетворения амбиций, самоутверждения, получения эмоциональной разрядки и сексуального удовольствия. Все это, конечно, так. Однако с позиции концепции В.М. Инюшина указанная трактовка приведенного выражения может быть уточнена, если учесть, что смерть жертвы для серийного киллера является не только психологической категорией, но еще и биоэнергетическим фактором.

"Поглощая ("пожирая") биоплазмоид жертвы, – подчеркивает В.М. Инюшин, – убийца резко увеличивает свой биоэнергетический потенциал, "приобретает такие запасы психической энергии, которые долгие годы могут питать его невидимую агрессию".

Не от истощения ли упомянутых запасов психоэнергетического потенциала тянутся дополнительные нити к фантазматическим мечтаниям, выслеживанию и пыткам жертв, к невозможности добровольного отказа от преступного промысла и многому другому, что и составляет в совокупности типологический портрет и персонифицированные характеристики "героев" кровавых сериалов?

Признаки серийных убийств

Существует комплекс признаков, отличающих серийные убийства от других разновидностей преступлений с многочисленными жертвами:

---

[12] С данным выводом корреспондируется точка зрения, высказанная российским криминалистом Е.Г. Самовичевым, полагающим, что "запуск" криминальных программ серийных убийц "имеет сложную хронобиопсихологическую природу".

• Серийный убийца никогда не ограничивается содеянным. Его криминальная агрессия периодически возобновляется, проявляясь в новых, очередных эпизодах сериала.

• Характерная особенность серийного убийства – "один эпизод – одна жертва" (это роднит серийные убийства с рядом других, обычных убийств). Очень редкие исключения (когда серийник убивает сразу членов одной семьи) лишь подтверждает это правило.

• Серийный убийца орудует в одиночку (без соучастников, свидетелей и очевидцев). Крайне редки случаи, когда киллеры действуют парами (обычно это мужчина и женщина, связанные сексуальными отношениями), в такой паре один из партнеров (мужчина) всегда выступает в роли лидера.

• Преступника с жертвой ничего не связывает. До момента преступления киллер не был знаком с жертвой. Нападение на незнакомую жертву совершается внезапно или предваряется мимолетным знакомством. Это обстоятельство наряду с кажущейся безмотивностью, то есть отсутствием очевидного мотива преступления (цель ограбления в серийном убийстве отсутствует), затрудняет расследование данной категории убийств.

• Для серийного убийства характерна избыточность насилия (так называемое "сверхубийство"). В отличие от убийств, являющихся средством достижения какой-либо другой цели (материальная выгода, устранение соперника, месть, сокрытие другого преступления), серийное убийство совершается ради убийства и истязания жертвы, манипуляции с трупом.

• Для многих серийных убийц характерна высокая мобильность: к моменту обнаружения трупа он находится уже далеко от места преступления (часто в другом регионе страны). Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет объединение преступлений в серию. Наряду с убийцами-"странниками" существуют и убийцы-"домоседы", весьма искусные в сокрытии трупов, что тоже не способствует расследованию. Поэтому некоторые серийники действуют годами и попадаются в руки правосудия чисто случайно.

• Важным признаком серийного убийства, отличающим его от убийства массового и цепного, является период эмоционального покоя или эмоционального остывания между преступлениями, который может быть очень длительным (до года, а иногда и более). В этот период преступник живет обычной жизнью добропорядочного гражданина, не вызывая никаких подозрений у окружающих. По окончании периода эмоционального покоя убийства обязательно возобновятся.

• Каждое преступление серийного киллера тщательно спланировано и подготовлено. Преступник старается не оставить очевидных улик, указывающих на его личность. Преступление им совершается без свидетелей (имеется в виду сам акт умерщвления жертвы).

• Отдельные эпизоды преступной деятельности рассредоточены во времени: интервал между последовательными убийствами может исчисляться неделями, а порой – годами.

• В обычной жизни серийный убийца совершенно не соответствует стереотипному образу душегуба. Это может быть почтенный отец семейства, примерный супруг, уважаемый гражданин, общественный деятель.

• Характерологические особенности серийных убийц (обаяние, умение манипулировать людьми, ум, лживость и изворотливость, опыт в совершении преступлений) часто позволяют им вводить в заблуждение полицейских и следователей и долго оставаться неуловимыми.

Приведенные данные, с одной стороны, характеризуют личность и поведение убийц исследуемой категории, с другой стороны, во многом определяют своеобразие форм, средств и методов раскрытия совершаемых ими преступлений и те многочисленные трудности, с которыми сталкиваются при этом сотрудники правоохранительных органов при поиске и изобличении сексуальных маньяков-убийц и близких к ним субъектов, родственных по духу и стилю криминальной активности.

1.3. Типология "героев" кровавых сериалов

Смертельное насилие многолико. Поэтому всегда возникает необходимость «…выделить

его отдельные типы, оценить их и попытаться бросить самый первый взгляд на его природу»[13].

Научно обоснованные типологии лиц, совершающих преступления определенных категорий, имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они способствуют распознаванию признаков неизвестного преступника, построению и реализации его поискового портрета (мысленной модели, образа), определению тактики допроса подозреваемых и обвиняемых, решению других поисковых и познавательных задач в уголовном производстве.

Типологии и классификации

Существуют различные, полезные в практическом отношении типологии и классификации лиц, совершающих серийные убийства.

По половой ориентации среди серийных убийств выделяются натуралы и гомосексуалисты; по сфере криминальной активности (ареалу) – совершающие преступления в районе своего проживания (работы), в смежных районах, в рядом расположенных регионах, по определенному знакомому маршруту; по предпочтению возрастной принадлежности жертв – педофилы и эфебофилы (предпочитают детей и подростков), геронтофилы (предпочитают людей пожилого возраста и престарелых), универсалы, или "всеядные", жертвами которых могут стать люди различного пола и возраста.

На западе популярны две типологии. Одна построена по территориальному признаку, а другая – по мотивационному. В рамках первой из них выделяются "локальный" и "странствующий" типы серийного убийцы.

«Локальный киллер» совершает преступления в определенном постоянном месте, выбранном заранее, связанном с местом его работы или проживания. (Нередко таковым является его собственный дом.) Всемирно известные серийники-гомосексуалисты Джеффри Дамер, Роберт Берделла, Денис Нильсен, Джон Гейси на протяжении ряда лет, не вызывая ни малейшего подозрения у окружающих, истязали, убивали и уничтожали останки своих жертв в своем жилище. На «личном счету», например Джона Гейси, числилось 33 убитых мальчика и юноши. В отличие от локального, «странствующий» серийник охотится за своими жертвами, переезжая с места на место. Таким был, например, Тед Банди, оставивший кровавый след на территории пяти штатов.

В основу другой типологии положен ведущий мотив убийства. По этому принципу выделено четыре типа серийных убийц: визионер, миссионер, гедонист и тиран.

Тип киллера-визионера – самый малочисленный в отряде серийников. Убийцы этого типа совершают преступления под влиянием зрительных и слуховых галлюцинаций. В отличие от трех остальных типов это люди с не совсем здоровой психикой. У них бывают «видения», они порой «слышат» голос Бога или Демона, приказывающие убить того или иного человека или определенную группу людей.

Киллер-миссионер возлагает на себя миссию «очищения» общества от «нечисти» (чаще всего их жертвами становятся проститутки и гомосексуалисты). Исторический тому пример – Джек-потрошитель, наводивший ужас на жителей Лондона в 1888 году. Примером современного типа таких «героев» служит австрийский поэт и серийный убийца Жак Унтервегер, убивавший проституток в Австрии, Чехословакии и США (осужден в 1994 г.).[14]

Киллер-гедонист – самая массовая и самая изученная категория серийников. Он убивает потому, что сам процесс доставляет ему наслаждение. Ему нравится убивать. Именно среди убийц этого типа чаще всего встречаются различные формы сексуальных извращений, расчленений, а также некрофилии, каннибализма. Гедонисты подразделяются на два подтипа. Один из них называется *кошером-сластолюбцем.* Убийцы данного плана получают сексуальное удовлетворение от садистских манипуляций с жертвой и ее трупом. У них четко

---

[13] *Антонян Ю.М.* Психология убийства. – М., Юристь, 1997. – С. 19.

[14] Подробнее о нем см. в следующем параграфе.

выражены все фазы серийного убийства: фантазия, в ходе которой культивируется желание убивать (оно часто формируется под влиянием порнографических книг и фильмов); охота за «идеальной» жертвой, соответствующей сформировавшемуся в предыдущей фазе образу; сам процесс убийства и переживаемого в этот момент экстаза. Многие из убийц этого типа, стремясь «продлить удовольствие», уносят с собой различные части тела жертвы, сувениры, трофеи, напоминающие им о «счастливых мгновениях». После каждого преступления и пережитого на этой почве «озарения души» у них наступают депрессия, чувство неудовлетворенности, формирующие желание новых убийств.

Киллеру – «искателю острых ощущений» тоже нравится убивать, но по несколько иным причинам. Получение сексуального удовлетворения отступает здесь на второй план. Главное – необычные ощущения, опасность, риск, словом, все, что вызывает выброс адреналина, состояние экстаза. Для него убийство подобно наркотику: то и другое «затягивают» и требуют «увеличения дозы». Вот почему серийный убийца так же неизлечим, как и наркоман, вот почему он будет стремиться убивать вновь и вновь.

Киллер-тиран, властолюбец, как правило, является человеком с низкой самооценкой, не получающий любви и признания, которых он, как ему кажется, заслуживает. Убийство для него служит способом самоутверждения, доказательством силы и состоятельности. Убийца наслаждается унижением и беспомощностью жертвы, ощущением своего всевластия и могущества. Жертва всецело в его руках. Он может сделать с ней все, что захочет: оставить ее в живых или убить. Все манипуляции с жертвой (в том числе и сексуального характера) имеют одну цель – демонстрацию неограниченной власти над жертвой.

Подробного анализа в силу ее особой практической значимости заслуживает типология, предложенная специалистами Отдела поддержки расследования Национального центра по изучению насильственной преступности при Академии ФБР (США). Специалисты указанного отдела подразделяют серийных убийц на две категории: организованный несоциальный преступник и дезорганизованный асоциальный преступник.

Организованный несоциальный преступник

Личностные особенности организованного преступника отражаются в стиле его жизни, домашней обстановке, его личном автомобиле и внешности. Все в его жизни разложено по полочкам, всему отведено свое место и все должно находиться на своем месте. Организованному преступнику трудно отказаться от привычных способов поведения. Так, виновность Тэда Банди (его называют маньяк №1) по крайней мере в четырех убийствах удалось доказать потому, что Тэд имел привычку заправляться на определенных бензоколонках и ставить свою подпись на квитанциях за покупки.

Организованные преступники, как видно из таблицы, организованны во всем, а их "несоциальность" объясняется не дефицитом способностей к социализации, а собственной волей: они сами этого хотят, им нравится быть одинокими. Однако одиночество организованных преступников совершенно иного свойства, чем одиночество асоциальных дезорганизованных преступников. Асоциальный дезорганизованный индивид одинок потому, что он воспринимается окружающими как "странный", с ним никто не хочет иметь дела. В отличие от него несоциальный организованный индивид самодостаточен, он не видит никого, кто, по его мнению, был бы достоин его общества.

Что же толкает организованного несоциального индивида на убийство? Эти факторы, побудительные причины могут быть как реальными, так и воображаемыми. Как показал один арестованный киллер, вина женщины, ставшей его жертвой, состояла в том, что она будто бы оскорбила его чувство собственного достоинства и, чтобы "восстановить справедливость" ему якобы не оставалось ничего другого, кроме убийства обидчицы. На самом деле в поведении женщины не было ничего объективно плохого. Однако преступником ее поведение было воспринято как оскорбительное.

Характеристика организованного несоциального преступника

Личностные особенности	*Постпреступное поведение*
Высокий интеллект Социально адекватен Сексуально компетентен с партнером Жесткая дисциплина в детстве Настроение контролируемое Обаятелен Действует по ситуации Географически и по роду занятий мобилен Следит за прессой Образцовый заключенный	Возвращается на место преступления Следит за информацией о преступлениях Вступает в контакты с полицией Предвосхищает вопросы, которые ему могут задать следователи и готовит ответы Может переместить труп жертвы с одного места на другое, оставить труп в необычной, что-либо демонстрирующей позе

У большинства организованных убийц хорошо развит интеллект, среди них нередко встречаются лица с высшим образованием (уже упоминавшийся Тэд Банди имел диплом бакалавра психологии и учился в юридическом колледже). Организованные преступники социально компетентны, имеют сексуальных партнеров. Некоторые из них заводят семью. Однако большинство ограничивается внебрачными связями. Многие организованные преступники являются выходцами из семей среднего класса, имеют высокий порядок рождения (первые дети в семье). Им не чуждо употребление алкоголя и наркотиков. Тот же Тэд Банди в период своей "преступной карьеры" (с 1974 по 1978 гг.) много пил, курил марихуану.

Организованный преступник легок на подъем, чувствует себя комфортно вдали от дома. Он может работать, иметь достаточно широкий круг знакомых, хотя отношения всегда поверхностные.

В поиске жертв, а главное – чтобы легче было скрыть преступления, организованный преступник совершает круизы по стране, уезжая все дальше и дальше от дома. Тэд Банди в поисках жертв совершал круизы по 8 штатам США. Одну из своих жертв, похищенную в университетском корпусе штата Орегон, он перевез почти за 300 миль в Сиэтл (штат Вашингтон).

Сфера преступных действий отдельных серийных убийц может быть более широкой и порой не ограничивается пределами одной страны.

Унтервегер – типичный послевоенный подкидыш. Родился он в 1952 г., когда в Европе было полным-полно американских солдат. Благоразумная Австрия посчитала, что пусть в ее кабачках пьянствуют и дебоширят парни из Техаса и Оклахомы, нежели проводят тотальную зачистку населения суровые хлопцы из НКВД. Вот так и получилось: матерью Унтервегера стала венская проститутка, отцом – американский солдат. Своим родителям маленький Жак был не нужен. Они его бросили в самом раннем детстве. Какое-то время мальчик кочевал по родственникам. Везде он воспринимался как лишний рот. В конце концов он всем надоел. И его сдали в приют.

К мелкому криминалу Жак пристрастился подростком. Помимо всего прочего, он занимался сводничеством. И это, судя по всему, тоже послужило немаловажным фактором, предопределившим его дальнейшую жизнь.

Первое свое убийство (подчеркнем, доказанное) – он совершил в 1976 г. Жертвой Унтервегера стала Маргарет Шафер – 18-летняя проститутка. Многие уверены, что Маргарет никакого отношения к проституции не имела, но на этом горячо настаивал сам убийца. Трудно сказать, читал ли он труды Зигмунда Фрейда, но свое преступление он объяснил, сообразуясь с учением великого психолога. "Я убил проститутку, – говорит Жак, – потому что проституткой была моя мать." Способ убийства был прост: несчастная девушка была избита, а затем задушена собственным бюстгальтером. Именно так должен был убивать молодой человек, переживший в детстве тяжелую психическую травму. Именно так униженный, оскорбленный, брошенный сын должен мстить своей матери-проститутке. В дальнейшем Унтервегер ни разу не отступил от выработанных для себя канонов.

В семидесятые годы в благополучнейшей и тишайшей Австрии никого не вешали. Поэтому 24-летнего Жака приговорили к пожизненному заключению.

В тюрьме он написал автобиографию. Потом сочинил роман. И эти его труды нашли читателей. Во всяком случае, заключенные тюрьмы, где сидел Унтервегер, выпускали свой журнал. Наш герой стал постоянным и любимым его автором. Дальше – больше. О приговоренном к пожизненному заключению убийце, который пишет стихи и даже романы, узнали и за стенами тюрьмы. Это была почти сенсация. И уж во всяком случае экзотика… Весьма вероятно, что литературное творчество Унтервегера и впрямь – не только объект для анализа тюремных психологов. Может, и впрямь проскакивала в нем искра Божья, хотя упоминать имя Господне рядом с нашим героем – откровенное святотатство. Как бы то ни было, а через некоторое время об Унтервегере знали все, кто интересовался современной австрийской литературой. Он сделался знаменитостью. Тюремная администрация не без гордости показывала его комиссиям, государственным чиновникам и журналистам, скромно намекая на то, что литературные успехи их клиента стали возможны, благодаря вдумчиво поставленному воспитательному процессу и трогательной заботе о заблудших душах со стороны всего дружного коллектива сотрудников пенитенциарного учреждения. Потом заговорили о свершившимся чуде: в кои-то веки удалось так кардинально перевоспитать зловещего убийцу. Жаку милостиво разрешили время от времени посещать литературные собрания… Его выпускали из тюрьмы. И он аккуратно возвращался обратно. И вдохновение горело на его челе… Кроме того, Жак довольно быстро приобрел влиятельных друзей и покровителей в среде австрийских интеллектуалов.

Кончилось все тем, что поэта и писателя Жака Унтервегера выпустили из темницы. Его посчитали полностью перевоспитавшимся. Его признали не опасным для общества. Он вышел из тюрьмы в 1990 г. Все ждали от Жака новых книг и стихов, нового – не отягощенного тюремной атмосферой – полета фантазии. На литературном небосклоне вставала новая звезда.

В октябре 1990 г. в Австрии нашли убитую проститутку. В первые месяцы 1991 г. были убиты еще шесть женщин.

Летом того же года обнаружили трех убитых проституток в далеком от Австрии Лос-Анджелесе. А затем в Праге погибла некая Бланка Бескова. Конечно, и она была представительницей древнейшей профессии.

Модус операнди, образ действия, во всех случаях совпадал до мелких подробностей. Убийца знакомился с жертвами в " кварталах красных фонарей", увозил женщину в уединенное и отдаленное место, душил с помощью ее собственного нижнего белья, затем прятал трупы в лесных массивах. Приглашенный из ФБР эксперт – специалист по психологическому профилю преступника сделал однозначный вывод: убийства совершены одним и тем же человеком.

И во всех случаях в тех городах, где были совершены преступления, присутствовал Жак Унтервегер. В Лос-Анджелес он попал во время своего турне по США, которое совершал в качестве подающего большие надежды литератора. В Австрию он возвращался через Прагу. Совпадало и время. Главное: это был его почерк.

По возвращении Жака на родину австрийские полицейские несколько раз вызывали его – все таки не было у них полной уверенности, что Унтервегер – тот маньяк, которого они ищут. Как-никак поэт, писатель, натура творческая, утонченная – возможно ли? Жак аккуратно являлся на допросы, и был сама доброжелательность и открытость. Он даже предлагал полицейским свою помощь в поиске кровожадного чудовища, но при этом смущенно добавлял, что он литератор, служитель, так сказать, муз, а не детектив. Но в конце концов полицейские заставили себя забыть о "творческой личности" и увидели в Жаке прежнего убийцу.

В феврале 1992 г. было получено разрешение на его арест. Это тоже стало своеобразной сенсацией. Как же: поэт-убийца, писатель – сексуальный маньяк, яркое литературное дарование, маскирующее свою страсть к смерти. Полиция решила не просто арестовать Унтервегера. Она захотела взять его на глазах у миллионов телезрителей. В назначенный час перед домом преступника собрались бравые полицейские и предвкушающие сенсационные кадры телевизионщики. Под объективами телекамер полицейские лихо ворвались в квартиру Унтервегера… И сенсация состоялась: преступника там не оказалось.

Потом его искала половина всей европейской полиции. Выяснилось, что он умудрился

сбежать сначала в Швейцарию, а из нее – во Францию. Несколько дней прожил в Париже, а затем рванул во Флориду. Там его и удалось схватить – но уже без помпезности.

Штаты передали его Австрии. И там в мае 1994 г. его начали судить. Унтервегеру было предъявлено обвинение в убийстве одиннадцати женщин на территории Австрии, США и Чехии. Процесс получился напряженным. Длился он 32 дня. Для Австрии это был самый громкий процесс последнего десятилетия.

Надо сказать, что обвинение располагало всего лишь двумя неопровержимыми доказательствами: на одежде одной из жертв были обнаружены красные волоконца из шарфа, принадлежащего Унтервегеру; в его машине нашли женский волос, который "почти наверняка" принадлежал той самой Бланке Восковой из Праги. Вкупе со всеми прочими косвенными уликами этого хватило присяжным для вынесения обвинительного вердикта. К тому же сам поэт перед тем, как присяжные собирались уходить в совещательную комнату, бросил им: "Я был алчным, хищным, жадным до жизни, я поставил перед собой цель подняться со дна… Я проиграл". Однако решение суда присяжных было отнюдь не единогласным. Двое из восьми посчитали Унтервегера невиновным. Да и остальные посчитали его вину в двух убийствах недоказанной – трупы настолько разложились, что найти какие-то доказательства, "привязывающие" их к нашему герою, стало невозможным.

Жака вторично приговорили к пожизненному заключению. Пожизненное заключение длилось всего несколько часов. Его нашли повесившимся – почти сразу после водворения в камеру.

В силу своих личностных особенностей организованному преступнику нетрудно знакомиться, заводить друзей, менять места работы. Он умеет производить благоприятное впечатление на окружающих, создавать видимость профессиональной квалификации, которой на самом деле нет. Многие серийники этого типа имели неплохую работу: Джон Гейси работал в строительной компании, Кэн Бьянчи был психологом и офицером безопасности.

Организованный несоциальный преступник относится к маскулинному (мужественному) типу личности. Это проявляется в его одежде, манере поведения, типе личной машины.

По характеру организованный несоциальный преступник – типичный самовлюбленный социопат. Он убежден, что все знает лучше других, всегда прав, не переносит никакой, даже конструктивной критики.

Для организованного несоциального преступника каждое убийство превращается (по крайней мере отчасти) в игру. Такой преступник может возвращаться на место преступления, чтобы вновь пережить испытанные здесь ощущения. Некоторые, подобно Эдмунду Кемперу, не поддаются соблазну, потому что "неоднократно слышали о том, что многие преступники были как раз в эти моменты и схвачены полицией".

Организованные преступники внимательно отслеживают информацию в СМИ. Они часто узнают о многих деталях работы полиции из телепередач и других источников, могут даже сотрудничать с полицией и другими правоохранительными органами ради получения интересующей их информации. Обаяние и шарм людей этого типа позволяют им выходить сухими из воды даже в тех случаях, когда их напрямую подозревают в преступлении. Благодаря своему интеллекту, умению разбираться в людях организованный преступник может заранее предвидеть возможные вопросы следователя и заготовить выгодные для себя ответы и объяснения.

Применительно к данному типу преступников ФБР рекомендует следователям тактику прямой конфронтации при допросе. Организованный преступник ценит компетентность следователя, даже если это чревато для него самого арестом и осуждением. Однако, прибегая к конфронтации, следователь должен быть уверен в достоверности имеющейся у него информации. Если следователь предъявляет "факты", он должен быть убежден, что они правильны и точны. Преступник этого типа сразу же распознает, когда его "хотят взять на понт", и если полиция предъявляет ему ложное доказательство, значит, она не располагает информацией по делу. Это сразу же "закроет дверь" к успешному расследованию, так как организованный преступник никогда добровольно не выдаст никакой информации, способствующей установлению его вины. Преступник этого типа признает лишь то, что вынужден признать. Следователь не должен надеяться на то, что как только он предъявит

имеющиеся у него доказательства, информация из допрашиваемого польется рекой.

В Америке считается, что лучше, когда допрос проводится одним следователем. Однако в случаях, когда необходимо форсированное ведение допроса, возможна попеременная работа двух следователей. Так, Тэда Банди допрашивали ночами два следователя, часто сменявшие друг друга. Это делалось для того, чтобы не дать допрашиваемому выспаться и "психологически собраться". Такая тактика оказалась достаточно эффективной.

Дезорганизованныи асоциальный преступник

В отличие от организованного, дезорганизованный убийца дезорганизован буквально во всем и везде. Беспорядочность легко просматривается в его одежде, его машине, его манере поведения и не только в этом. Стиль его жизни, психологическое состояние также дезорганизованны.

Как показали проведенные ФБР исследования, типичный дезорганизованный асоциальный преступник – это белый мужчина, интроверт, далеко не спортивного вида. В детстве многие из преступников данного типа оказывались жертвами физического или психического насилия. Нередко они воспитывались в неполных семьях (без отца). Если семья была полной, отец имел низкооплачиваемую или непостоянную работу. В детстве у них было мало друзей, они отдавали предпочтение играм и развлечениям в одиночестве, сторонились компании сверстников. Дезорганизованный асоциальный преступник – это одиночка по жизни. Причина его одиночества, однако, фундаментально отлична от одиночества организованного несоциального преступника. Дезорганизованный асоциальный преступник одинок потому, что окружающие считают его "чудаковатым", странным и не стремятся к общению с ним. Для преступника данного типа характерны трудности в учении и социальной адаптации. Интеллектуальное развитие ниже среднего. Его статус в обществе – производное от компонентов его личности: неквалифицированная (часто самая низкооплачиваемая) работа, дефицит социальных контактов (с женщинами в особенности). Все это делает его одиноким не по собственному желанию, а по причине социальной сегрегации.

Данные особенности личности определяют и характер преступления: спонтанность, дефицит элементов продуманного планирования. Этот тип преступника чувствует себя некомфортно вдали от места, где он живет и работает, поэтому он часто совершает преступления "по соседству", "в зоне досягаемости", куда можно добраться пешком или на велосипеде. Как правило, такого типа преступник не интересуется, что пишут о его преступлениях в средствах массовой информации.

Характерная для него расхлябанность, неорганизованность, неряшливость в быту может проявляться и на месте совершения преступления до тех пор, пока не попадется.

Согласно данным Отдела поведенческих наук ФБР, дезорганизованному асоциальному преступнику присущи некоторые поведенческие паттерны, проявляющиеся после того, как совершено преступление. Прежде всего это потребность вернуться на место преступления по прошествии некоторого (иногда продолжительного) времени, чтобы вновь испытать приятные переживания, сопутствовавшие преступлению. С той же целью он может принимать участие в похоронных церемониях своей жертвы и даже порой выразить через газету соболезнования по поводу безвременной кончины.

Дезорганизованный асоциальный преступник может вести дневник, в котором описываются его жертвы и манипуляции с ними; у него могут храниться также аудио– или видеокассеты, "документирующие" сцены его преступлений. В дневнике, наряду с записями о реальных фактах и событиях, находится место для подробного описания сексуальных фантазий, роль которых в этногенезе серийных убийств, как известно, очень велика. Приведем пример "откровений" подобного рода: "Мне больше нравятся, – признался один маньяк, – плотненькие девчонки – чем она более упругая, тем лучше… Прежде всего нужно найти подходящее помещение, без окон, лучше в подвале, оборудовать его стальными клетками (для содержания жертв), убедиться в звуконепроницаемости помещения, только после этого приступать к охоте (на жертв)… Но не годится всякая. Не пожалейте времени и найдите именно то, что хотите. Не

кидайтесь на первую подвернувшуюся, ищите "совершенный объект". Потом держите его в клетках до тех пор, пока не убьете, и хватайте следующий, однако, если предполагается пытать, то лучше брать сразу два объекта, чтобы пока один приходит в себя, можно было "работать с другим".

После совершения преступления дезорганизованный асоциальный преступник может сменить адрес, однако он не уедет далеко от прежнего места жительства, потому что только в привычной обстановке ему живется комфортно. Уезжая в другое место, отличающееся от прежнего, он страдает, испытывает чувство анемии. Словом, если он переберется после преступления в другое место, то только в похожем доме и похожей местности. Он может также сменить работу. Бывали случаи, когда после преступления такие индивиды пытались завербоваться на военную службу. Однако подобные попытки обычно успеха не имели: либо не удавалось пройти физические и психологические тесты, либо признавалась общая непригодность к военной службе.

Важнейшим условием эффективности допроса данного типа лиц является установление психологического контакта следователя с допрашиваемым. Рекомендуется демонстрировать симпатию к допрашиваемому, сопереживание и сочувствие. Так, например, если преступник утверждает, что ему "явился" дьявол и приказал убить, следователь может сказать, что хотя сам лично он никогда с дьяволом не встречался, но если допрашиваемый видел дьявола, то, значит, так оно и есть.

Характеристика дезорганизованного асоциального преступника

Личностные особенности	*Постпреступное поведение*
Интеллект ниже среднего Социально неадекватен Неквалифицированный рабочий Не в меру жестокая (неадекватная) дисциплина в детстве Состояние тревожно-беспокойное во время преступления Употребление алкоголя минимальное Живет одиноко Живет (работает) недалеко от места преступления Минимальный интерес к новостям масс-медиа «Ночной» тип Неопрятен, не следит за своей внешностью Имеет «потайные» местечки	Возвращается на место преступления Может приходить на похороны (могилу) жертвы Может поместить «соболезнование» в печати Может «удариться» в религию Может завести дневник, собирать вырезки из газет Может сменить место жительства Может поменять работу

Поскольку для этого типа преступника трудно поддерживать личный контакт с другими, следователю нужно иметь постоянную "нить" разговора, при необходимости вводя в разговор темы, не имеющие отношения к преступлению. Следует иметь в виду, что эмоциональный контакт, доброжелательные отношения с допрашиваемым облегчают получение признательных показаний. Следователю нелишне знать, что дезорганизованный асоциальный преступник, относится к "ночному" типу личности. Поэтому для допросов рекомендуется выбирать ночное время, когда преступник находится "в лучшей форме"

Распознавание типологической принадлежности убийцы-серийника

При распознавании типологической принадлежности устанавливаемого убийцы-серий ника важно учитывать, что поведение организованных преступников, по сравнению с дезорганизованными на месте происшествия имеет существенные отличия. Организованный

(по стилю жизни) человек, организован и по стилю преступления. И наоборот, дезорганизованность в жизни проявляется в дезорганизованности преступления.

Организованный несоциальный киллер	*Дезорганизованный асоциальный киллер*
Преступление спланировано	Преступление спонтанно
Жертва целенаправленно выбрана из незнакомых	Жертва неизвестна
Жертва персонализирована	Жертва деперсонализирована
Разговор контролируемый	Разговор минимальный
Контролируемая сцена преступления	Хаотичная сцена преступления
Покорная жертва	Внезапное насилие
Жертва связана	Жертва свободна
Агрессивные перемещения	
Орудие убийства готово заранее	Используются «подручные» средства убийства

Организованный несоциальный преступник тщательно готовит свое преступление, он придает большое значение уничтожению следов преступления. В этих целях, например, совершив убийство в одном месте, он может переместить труп в другое место. В отличие от него дезорганизованный преступник нападает на жертву внезапно, не планирует заранее или очень плохо планирует преступление. Спонтанность и внезапность нападения приводит к тому, что на месте преступления остается много следов.

Как организованные несоциальные, так и дезорганизованные асоциальные преступники выбирают жертв "среди чужих", незнакомых людей. Однако критерии выбора у тех и других – разные. Дезорганизованный преступник может заранее знать о существовании своей будущей жертвы, о том, где она живет, но не иметь никаких личных отношений. А вот организованный преступник всегда выслеживает, выбирает по определенным признакам свою жертву среди незнакомых людей. Его жертва – типичный представитель идеального, в его понимании, объекта.

Из показаний одного из убийц: "Мою "типичную" жертву можно определить следующим образом: это женщина белой расы, в возрасте от 13 до 19 лет, подросток по манере поведения и стилю одежды".

Добавим, что не раз уже упоминавшийся организованный преступник Тэд Банди, психолог по образованию, создавший теорию "идеального объекта", выбирал своих жертв из типичных представительниц высшего и среднего социальных классов в возрасте 19–23 лет.

Дезорганизованный преступник, применявший тактику "блиц-атаки", много со своей жертвой не говорит, ему не требуется устанавливать личный контакт с жертвой. Организованный преступник после того, как жертва оказывается в его "зоне комфорта", говорит с нею на "языке устрашения". Чаще всего для установления первого контакта с жертвой используется машина преступника, которая также является и средством контроля, после того как жертва в машине. Для организованного преступника характерно преследование (сталкинг) и выслеживание нужного объекта. Некоторые из них – настоящие мастера своего дела ("По походке, манере держать голову, по взгляду я могу безошибочно определить подходящий объект", – показал один киллер.)

Организованные несоциальные преступники стараются причинить своим жертвам прежде, чем их убить, как можно больше физических и моральных страданий. Они очень изобретательны в придумывании изощренных пыток: вид униженной и беспомощной жертвы дает дополнительный "кайф". Перед тем, как приступать к пыткам, организованный преступник обычно связывает свою жертву, чтобы она не могла сопротивляться. Напротив,

дезорганизованный преступник, как правило, не пользуется никакими ограничивающими дееспособность жертвы средствами, потому что запугивание и устрашение последней не входят в его намерения.

Для организованного несоциального преступника наблюдение за реакциями запуганной, потерявшей человеческое достоинство и умоляющей о пощаде жертвы имеет значение чрезвычайное. Поэтому он не спешит убивать жертву до тех пор, пока не насладится вполне. Проиллюстрируем это положение одним из "откровений" серийника: "Когда я наблюдаю за женщинами (речь идет о его жертвах), они для меня абсолютно ничего не значат как человеческие существа. Одна из женщин своим "нежеланием хорошо мучиться" бросила мне вызов, который я расценил как нежелание признать собственную никчемность, как претензию этой женщины на собственное достоинство. Ее молчание, отсутствие попыток сопротивления, привели меня в ярость, и я тут же убил эту женщину и тотчас забыл о ней. Я приступил к поиску другой жертвы".

Организованный несоциальный преступник всегда пользуется собственным орудием убийства и никогда не оставляет его на сцене преступления. Дезорганизованный преступник действует спонтанно, заранее не обдумывая, чем он будет убивать. Он часто пользуется тем, что "под руку подвернулось" и оставляет орудие убийства на месте преступления.

В том случае, когда обнаружено перемещение трупа жертвы сексуальной агрессии, это может указывать на то, что преступник принадлежит к несоциальному организованному типу. Преступник неорганизованного типа обычно не имеет ни желания, ни потребности спрятать труп или переместить его в другое место.

1.4. "Надомники": кровавые "подвиги" гомосексуалистов

Не следует думать, что во всех случаях жертвами маниакальных преступников являются только представители слабого пола, немощные старики и слабосильные дети. Да, эти типы жертв доминируют в структуре серийных убийств. Однако ими круг убитых и растерзанных людей не исчерпывается. От рук маньяков страдают и гибнут и те, кого причисляют к сильному, физически активному полу. Среди них встречаются лица, имеющие нетрадиционную сексуальную ориентацию. Подчас и они становятся жертвами себе подобных. Убийцы-гомосексуалисты образуют особый "отряд" неоднородной, разношерстной, многоликой "армии" бывших и действующих серийных преступников. Даже среди своих собратьев по духу и криминальному промыслу они выделяются изощренной, необузданной, не поддающейся воображению жестокостью кровожадных, изголодавшихся хищных зверей.

В зависимости от характера мест проявления криминальной активности мы разделили их на два подтипа: "бродяг" и "надомников". К числу "бродяг" отнесены те убийцы-гомосексуалисты, которые орудуют за пределами своих жилищ (на пустырях, в лесополосах, в глухих, темных переулках и т.д.) в так называемых полевых условиях. Там они, "охотясь", отыскивают своих жертв, там же и расправляются с ними. В этом и состоит основное отличие данной категории преступников от убийц той же сексуальной ориентации, включенных в группу "надомников".

Надомниками обычно называют людей, которые выполняют какую-либо общественно полезную работу по месту своего жительства.

Для них дом – не только жилище. Он еще и место работы. Убийцы-"надомники" – это не те трудяги-работяги, которые беззаветно вкалывают без отрыва от дома. И хотя они тоже «трудятся» в поте лица под крышей дома своего, их «труд» особый. По сравнению с ним работа палача – невинная детская забава. Их дома – место казни и некрополь для тех, кто попал туда, завороженный сладкими речами и соблазнительными посулами. Укрытые стенами своих домов-крепостей, невидимые, недосягаемые, неуязвимые, гомосексуалисты-"надомники", совершающие серийные убийства, – крайне опасная, недостаточно изученная разновидность преступников-изуверов. Многим из них присущи такие черты, как каннибализм, стремление к разрушению всего живого, некрофилия, определяемая «как страстное влечение ко всему

мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому».[15]

Убедиться в этом нетрудно, даже если познакомиться с историями криминальной жизни хотя бы трех, но ярких представителей отряда кровавых гомосексуалистов, "разбудивших" потрясенную западную общественность.

Знакомьтесь, печальный гомосек Нильсен!

3 февраля 1983 г. жители одного из домов северного Лондона обратились к муниципальным властям с жалобой на неисправность канализации. Прошло несколько дней, прежде чем удалось обнаружить причину: рабочий, спустившийся в канализационный люк, увидел в красноватой зловонной жиже плавающие куски мяса. Рабочий сообщил в полицию. На следующее утро было обследовано содержимое ямы, и, хотя многое за ночь таинственно исчезло, все же удалось найти несколько кусков мяса и костей. Они были человеческими…

8 февраля проживающий в мансарде этого дома 37-летний Деннис Нильсен, вернувшись с работы, встретился с тремя детективами и удивился: "С каких это пор полиция занимается засорами?" Когда ему рассказали о случившемся, он выразил приличествующее случаю удивленное огорчение. Но тут произошло невиданное… Один из детективов, подталкиваемый каким-то наитием, круто повернулся к Нильсену и спросил его в лоб: "А где же остальные части тела?" И Нильсен тут же ответил: "В пластиковых мешках и в гардеробе".

Когда Нильсена везли в участок, его как бы между делом спросили: " А вы говорите об одном трупе или о двух?" Последовал ошеломляющий ответ: "О пятнадцати или шестнадцати… С 78 года… Кажется, тринадцать в том месте, где я жил раньше, и три уже здесь".

В последующие одиннадцать дней Нильсен надиктовал на магнитофон тридцать часов своих признаний… Так в истории британской криминалистики появилась одна из самых ужасных страниц… Этакая сага об убийствах и расчленениях… Имела место в ней одна особенность. Дело в том, что Нильсен был гомосексуалистом.

Со своими будущими жертвами – молодыми мужчинами – он знакомился на улице или в заведениях центрального Лондона, посещаемых голубыми. Многие из них были бездомными бродягами, они соглашались на оказание сексуальных услуг за еду, выпивку, деньги. Обычно Нильсен приглашал клиента к себе домой – пропустить стаканчик. Далее соблюдал строгий ритуал. Гость напивался до чертиков, и Нильсен его душил. Сразу после этого погружал голову в бадью с водой, дабы убедиться, что человек перестал дышать. Потом тщательно обмывал труп в ванне и переносил в постель, чтобы "заняться любовью" Секс не был главным и единственным мотивом преступления. Одинокий и нуждающийся в общении Нильсен полагал, что мертвый мужчина никогда его не бросит. Он обедал со своими мертвыми друзьями, смотрел телевизор и даже беседовал. Особо полюбившиеся трупы Нильсен старался сохранить подольше и прятал их под досками пола в жилой комнате. Нильсен обретался в мансарде, потому под полом было прохладно, там трупы могли находиться несколько дней. Когда бессловесные партнеры все-таки разлагались и не могли служить "желанными сексуальными объектами", Нильсен старательно расчленял тела, кипятил куски, затем сжигал или попросту спускал в унитаз. Это его и погубило…

Перед судом он предстал в октябре того же 1983 года. Некоторые останки его жертв были продемонстрированы присяжным в качестве вещественных доказательств. На суде возникли разногласия между психиатрами, приглашенными обвинением, и защитой. Спорили о вменяемости. Но в конце концов проблема была решена однозначно: Нильсена признали вменяемым и виновным. Приговорили его к пожизненному заключению.

Роберт Берделла, 35 лет, жил в американском городе Канзас Сити и держал там большой магазин редкостей. Но собранные им в этой кунсткамере чудеса ни в какое сравнение не идут с тем, что происходило в его доме на Шарлотт-стрит.

---

[15] *Фромм Э.* Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. – М., 1992.

Преступления Берделлы так и остались бы нераскрытыми, если бы его последней жертве, 22-летнему Кристоферу Б., не удалось перехитрить хозяина и сбежать после трехдневного заточения. Дожидаясь удобного момента, Кристофер притворялся покорным сексуальным рабом. Наконец, такой момент настал, и Кристофер выпрыгнул на улицу из окна второго этажа совершенно голый, если не считать собачьего ошейника. Руки и ноги его были в шрамах – их оставили наручники и кандалы, глаза распухли. Короче: вид его был ужасен, и полицейских, к которым бросился бедный малый, подгонять не пришлось. Глядя на Кристофера, они худо-бедно представили, с какими ужасами придется им столкнуться в доме Берделлы.

Да… Насчет Кристофера Берделла губительно для себя обманулся. Он-то думал, что, наконец-то воплотилась в реальность его заветная мечта… А мечтал он о том, как полностью подавит волю, дух сильного молодого мужчины и получит замечательную сексуальную игрушку, способную удовлетворять самые причудливые его желания.

Обычно Берделла усыплял свои жертвы при помощи предназначенных для животных анестезирующих препаратов – он добывал их в местной ветеринарной лечебнице. Он добавлял снадобья в пищу, давал под видом витаминов, под видом аспирина… Когда люди теряли сознание, он связывал их и надевал им на шею собачий ошейник. Потом Берделла постепенно "дегуманизировал" своих узников, лишая их всех ощущений. С помощью химических реактивов он ослеплял людей и пальцем "зондировал" их глаза, заталкивал им в горло сухую медицинскую дренажную трубку, затыкал им уши, ограничивал в пище и воде. Использовал Берделла и всевозможную пыточную атрибутику. Включал трансформатор, присоединял к телам металлические пластины, погружал людей в шок. Бил по голове резиновой колотушкой. Втыкал иголки. Расплющивал конечности досками, палками, тяжелыми металлическими трубами. Иногда Берделла совершал со своими жертвами сексуальные действия посредством собственной руки или различных овощей…

Своих сексуальных рабов Берделла никогда не убивал ради самого убийства или острых ощущений. Он убивал без удовольствия… Двух он задушил в пластиковых мешках, когда испугался, что его могут раскрыть. Другие умерли от передозировки лекарств, от инфекции, от травмы головы, от иных последствий жестокого обращения. Чтобы скрыть свидетельства своей темной страсти, он расчленял трупы по линиям суставов, затем заворачивал части в пластиковые мешки и бросал в мусоросборник. Считается, что с 1984 по 1986 год Берделла убил шестерых молодых мужчин. Но полиции так и не удалось обнаружить ни одного трупа, хотя были найдены две головы, которые Берделла прятал в кладовке, и одну – в туалете.

При обыске были обнаружены и фотографии – в количестве 357 штук. На них были изображены мужчины на разных стадиях пыток. А еще он вел дневник, которому мог бы позавидовать любой врач-исследователь: фиксировался день и час каждого контакта с жертвой, способ манипуляций с объектом, состав инъекции и реакцию на нее… Живи Берделла сорока годами раньше, он вполне мог бы стать консультантом в фашистских лагерях смерти, занимающимся экспериментами по умерщвлению узников.

Берделла признался, что испытывал восхитительное чувство власти, распоряжаясь своими пленниками. Он стремился низвести их до такого уровня, когда людьми можно было бы манипулировать как угодно, полностью контролируя их поведение…

Закуска на фоне обнаженных натур

Дело 31-летнего рабочего шоколадной фабрики, жителя американского города Милуоки Джеффри Дамера стало самым громким делом о серийных убийствах в США девяностых годов. Многие считают его самым отвратительным серийным киллером всех времен.

Все свободное время он проводил в барах, посещаемых геями, искал там знакомств с молодыми мужчинами, расплачивался когда деньгами, когда выпивкой. Его новые знакомцы и не подозревали о том, что их ждет.

Трейси Эдварде оказался счастливее других. Был он невысокого роста, субтилен, потому и выглядел куда моложе своих 32 лет. Дамер же особо любил маленьких, темнокожих и молодых.

В ночь на 22 июля 1991 г. Дамер пригласил Трейси домой – в квартиру, расположенную на втором этаже полуразрушенного здания. Представшая глазам гостя картина вызвала отвращение и желание немедленно убежать: в жилой комнате по стенам висели фотографии голых мужчин, повсюду стояло почти невыносимое зловоние. Однако убежать Трейси не удалось. Хозяин вернулся из другой комнаты с выпивкой. Трейси допил свое пиво. Дамер спросил: "Хотите еще?" Затем события стали развиваться от странного к худшему. Дамер внезапно вытащил нож, приставил лезвие к горлу Трейси и сказал: "Вы умрете, если не будете делать то, что я скажу". После чего отвел пленника в спальню смотреть по видео свой любимый фильм "Экзерцист"…

Пока Дамер наслаждался историей вселения в очаровательную девушку дьявола, Трейси рассматривал фотографии на стенах. Они производили еще более странное впечатление: на них можно было увидеть тех же голых мужчин, но тела их были обезображены, будто их окунули в кислоту. В углу спальни Трейси заметил большой бочонок, от которого исходило поистине невыносимое зловоние (Трейси было неведомо, что именно в этом бочонке "хранились" предыдущие гости Дамера).

Едва мелькнули заключительные титры "Экзерциста", началось новое "кино". Подталкивая Трейси ножом, Дамер старался опрокинуть его на постель: "Я вырежу твое сердце и съем его"… Однако прежде чем Дамер связал Трейси, тому удалось вырваться. В свое время он обучался боевым искусствам, потому и сумел нанести хозяину несколько болезненных ударов по лицу и в пах. Пока Дамер приходил в себя, Трейси выскочил из квартиры. На левой его кисти все еще болтался наручник… По счастью, он почти тут же наткнулся на полицейский патруль.

В жилище Дамера ошарашенные полицейские первым делом нашли сделанные "Поляроидом" фотографии изрубленных трупов. Было видно, что все изображенные на снимках злодейства творились в той самой комнате, в которой сейчас находились стражи порядка. Через несколько минут один из них на нижней полке холодильника нашел человеческую голову, а в морозильнике – сердце. Позже Дамер объяснил, что оставил его как легкую закуску. Много чего было найдено в жилище каннибала и садиста: головы, черепа, сердца, скальпы… В том самом бочонке из спальни полиция обнаружила части трех тел, явно распиленных электрической пилой.

Кстати, на всех знавших его людей Дамер производил хорошее впечатление. Один из его соседей даже заявил, что лучшего соседа он бы и не желал.

Джеффри Дамер был осужден за каннибализм и убийство 17 молодых мужчин…

В книге американских криминологов Дж. Левина и Макса Фокса, посвященной убийцам-серийникам, есть глава, в которой описаны упоминавшийся ранее Дамер, Берделла и Нильсен. Она называется "Оставайся со мной". Отбывая свой пожизненный срок в тюрьме, Деннис Эндрю Нильсен, человек весьма образованный, способный к интроспекции (самоанализу, самонаблюдению), детально описал свою жизнь и свои преступления в интервью журналисту. Результатом их сотрудничества стала книга "Убийство ради общения"

Некоторые ученые пытаются этим же мотивом объяснить даже каннибализм Дамера, приводя в качестве аргумента тот факт, что Дамер "съедал тех юношей, которые ему особенно нравились" и "оставлял на потом наиболее лакомые части их тела". "Съеденный избранник, – как утверждал этот преступник, – становится частью тебя самого, он уже никогда тебя не покинет."

Приведенная концепция "общения", наверно, имеет право на существование. Однако в свете изложенных выше данных она представляется выражением довольно упрощенного, узкого взгляда на крайне сложную проблему, не отражает глубинных корней и переплетений различных составляющих мотивационного характера механизма преступлений кровавых гомосексуалистов-серийников.

В свое время Зигмунд Фрейд краеугольным камнем своей теории сделал могучий сексуальный инстинкт. Его любимый ученик Альфред Адлер открыл другой, не менее мощный, побудитель человеческих поступков – стремление к самоутверждению и жажда власти. Исходя из этого американские криминологи выделяют два подтипа серийных убийц.

Первый, находящийся "во власти похоти", движим жаждой острых ощущений,

стремлением к чувственным удовольствиям. Для ясности добавим, что типичнейшим представителем этого типа был Чикатило. Это самый распространенный и изученный (даже у нас) тип серийного киллера.

Второй, движимый "похотью власти", стремится самоутвердиться, избавиться от комплекса неполноценности через полное подчинение себе подобного, превращения его в покорную игрушку, удовлетворяющую любую прихоть "хозяина".

Основное различие между этими группами маньяков просматривается в их отношении к жертве. Похотливые убийцы, вдоволь насладившись страданиями человека и получив сексуальное удовлетворение, сразу же убивают жертв и теряют к ним всякий интерес. Истязания для них – самоцель. Стоны и мольбы – лишь усиливают кайф. Властолюбивый убийца напротив, стремится как можно дольше удерживать жертву при себе. Причинение ей страданий не входит в его замыслы: это средство, но не цель. Его влечет другое – превращение жертвы в послушное, безличностное существо… Главное тут осознание: "игрушка в полной его власти и всегда под рукой".

Судя по всему, гомосексуалисты, как и другие лица, совершающие другие убийства, объединяют в себе мотивационные начала и того, и другого планов. В каждом из них существует, переплетаясь, взаимодействуя, взаимодополняя и развивая друг друга, и тот побудитель, который описан Фрейдом, и тот инстинкт, который открыт Адлером.

И, кроме того, у них имеется нечто такое, что не вписывается в стройные теории знаменитых психологов. Вполне возможно, что это неявное «нечто» из области «теней прошлого», блестяще показанных в исследовании Ю.М.Антоняна[16], – явлений, корни которых уходят в глубокую древность и тьму веков.

Завершая данную тему, отметим, что при всем различии характеристик личности и специфических черт поведения каждого отдельно взятого представителя рассмотренного типа преступников, их роднит одно общее свойство – невероятная кровожадность, соединенная с трупожадностью. И последнее замечание. Гомосексуалисты, входящие как в группу "бродяг", так и в группу "надомников", убивают не только своих взрослых партнеров. Некоторые из них "специализируются" исключительно на детях. Но это – предмет отдельного анализа.

1.5. Серийные убийцы-педофилы

В окрестностях поселка, заселенного богачами совершено тяжкое преступление. Жертва – двенадцатилетний мальчик.

В послеполуденное время он обычно ходил купаться на пруд, расположенный в трети мили от дома. Как всегда в таких случаях, его отец не садился за обеденный стол, пока не вернется мальчик. На этот раз он почему-то задерживался. Не дождавшись сына, обеспокоенный отец пошел его искать. Тревожные предчувствия не обманули. Он нашел сына мертвым неподалеку от места купания. Обнаружив на трупе признаки насильственной смерти, несчастный отец (врач по профессии) немедленно вызвал полицию…

Осмотр места происшествия и другие следственные действия свидетельствовали о следующем:

> Убийство совершено путем выстрела в спину жертвы из ружья 0,22 калибра с предельно близкого расстояния.
>
> В верхней части туловища ребенка имелась рана постмортального характера.
>
> Брюки на мальчике были застегнуты на молнию и неестественно высоко натянуты на тело.
>
> На трупе имелись следы сексуального воздействия. Обнаруженные следы также указывали на то, что мальчик убит возле пруда. Затем его тело было обмыто, перемещено на другое место и помещено на верхушку большого куста. Особый интерес сыщиков вызвало такое обстоятельство – мальчик был одет в совершенно

---

[16] *Антонян Ю.М.* Тени прошлого. – М., 1996.

новую рубашку, которая ему не принадлежала. Однако ее размер точно совпадал с размерами погибшего.

Пройдет немного времени, и полиция установит личность, арестует и изобличит убийцу. Успеху способствовал своевременно и качественно составленный так называемый "психологический профиль" преступника.

В основу его построения положили информацию, почерпнутую из различных источников. Определяющими, базовыми являлись сведения, полученные в ходе глубокого и всестороннего криминалистического анализа обстановки, обстоятельств содеянного и личности потерпевшего. Полезными также оказались обобщенные данные, характеризующие признаки и особенности криминального, до– и посткриминального поведения лиц, совершивших преступления подобным образом в аналогичных условиях.

Результаты проделанной в этом направлении работы позволили сделать ряд практически важных выводов:

1. Между преступником и жертвой имелась определенная степень близости. Оснований для утверждения, что они были друзьями или близкими, не было. Однако то, что они знали друг друга, казалось наиболее вероятным. На это указывали следующие факты: в момент убийства жертва находилась почти возле самого дула ружья, не опасаясь его владельца; чужая рубашка, в которую был одет после убийства мальчик, точно подходила ему по размеру (значит преступник знал мальчика, ему был заранее известен размер его рубашки и он подготавливал преступление).

2. Покидая место происшествия, преступник переместил тело убитого мальчика, положив его на куст (он находился на полпути между домом и прудом у дороги, прямо идущей к дому). Из этого сделали вывод, что преступник хотел, чтобы труп мальчика был обнаружен возможно быстрее. Тот вывод, на первый взгляд, может показаться парадоксальным. Однако он имел под собой прочные основания, вытекающие из изучения многолетней криминальной практики. Известны три способа обращения преступников с трупами после убийства, по которым можно судить о психологическом состоянии преступника, его мотивации.

При первом ("свалке") труп просто бросается на месте происшествия без каких-либо попыток скрыть факт преступления или жертву. Такое поведение свидетельствует о дезорганизованное™ преступника, пребывании его в паническом состоянии из-за страха задержания и разоблачения. Его действиями руководит единственное стремление поскорее унести подальше ноги от трупа.

Для второго способа ("сокрытия") характерны запрятывание, маскировка трупа, его полное или частичное уничтожение, расчленение на нераспознаваемые части.

При третьем способе ("демонстрации") труп специально помещается на видном месте. В таких случаях преступник исходит из желания того, чтобы труп был найден. Причем достаточно быстро.

Способ демонстрации мертвого тела свидетельствует либо о намерении преступника поиздеваться таким образом над родственниками, друзьями, членами семьи покойного, полицией, обществом, либо, наоборот, говорит о чувстве сострадания, возникшем у преступника, проявлении с его стороны заботы о жертве, членах семьи, родственниках последнего.

В рассматриваемом случае с учетом того, что тело было обмыто в пруду и одето после совершения преступления, полицейским наиболее вероятным представился такой вариант: преступник испытывал мучительное чувство сострадания к убитому им ребенку и его родным.

Факту "омовения" убитого мальчика в пруду было дано такое объяснение – "очищение" трупа перед тем, как выставить его напоказ. (Не исключалось, что при этом также преследовалась цель ликвидировать следы преступника, приуменьшить безнравственность содеянного.)

3. По следам поведения преступника на месте происшествия определили, что преступник совершил половой акт с потерпевшим после наступления смерти последнего. Ряд обстоятельств (и прежде всего рана на верхней части туловища от удара, нанесенного мальчику после смерти) свидетельствовали о психологической перверзии (извращении) преступника, получающего

сексуальное удовлетворение при нанесении жертве уколов или ударов. Все говорило в пользу версии о том, что преступник – педофил. Но какой: регрессивный или фиксированный? От получения правильного ответа на этот вопрос зависело многое в организации поиска преступника. К чести участников расследования они блестяще справились с этой трудной задачей. Основу для ее решения составили знания об особенностях предкриминального и криминального поведения педофилов той и другой группы, о его генезисе, характере реакции педофилов на ситуации и способах их действий.

Данные специальных исследований свидетельствуют, что регрессивный педофил для получения сексуального удовлетворения изначально предпочитает иметь дело со сверстниками или более старшими партнерами. Однако когда в этих взаимоотношениях возникают серьезные проблемы или конфликты, то сексуальные интересы и желания фокусируются на детях.

Конфликты или ситуационные кризисы, побуждающие к сексуальному сосредоточению на детях, могут быть самыми различными по характеру (проблемы в семье, на работе, во взаимоотношениях с окружающими, в сексуальной жизни и т.д.). Совершаемое регрессивным педофилом преступление – это импульсивный поступок, акт отчаяния, указывающий на его неспособность адаптивно противостоять жизненным стрессам. Как правило, такой преступник имеет семью. Нередко он мучается угрызениями совести, вспоминая содеянное. В момент совершения преступления обычно пребывает в состоянии депрессии, пренебрегает привычными ценностями и слабо контролирует свое поведение. Совершенно иная картина поведения у фиксированного педофила. Начиная с подросткового возраста сексуальные предпочтения фиксированного педофила связаны исключительно с лицами, которые моложе его по возрасту. И эта склонность (предрасположенность) сохраняется на протяжении всей последующей жизни. Она не зависит от приобретаемого сексуального опыта. Отличительной особенностью этого вида преступников является то, что у них отсутствуют характерные для подросткового возраста признаки социализации (такие, например, как назначение свиданий девушкам или занятия соревновательными видами спорта). Фиксированный педофил может отвечать взаимностью на сексуальную инициативу сверстников, но сам такой инициативы никогда не проявляет и остается пассивным. Как правило, противоестественные влечения не нарушают душевного комфорта фиксированного педофила. Удовлетворяя столь необычным образом свои сексуальные потребности, он не испытывает при этом ни стыда, ни чувства вины, ни угрызений совести. Преследующие фиксированного педофила мысли и сексуальные фантазии, связанные с детьми, приобретают характер навязчивых состояний, пагубной страсти, как привычка к наркотикам. В обычных житейских обстоятельствах такой человек нередко обнаруживает свою неадекватность и маргинальность, неспособность справляться с требованиями повседневности. Испытывая потребность в сексуальном взаимодействии с детьми, фиксированный педофил ищет и специально создает условия и возможности для частых контактов с ними.

Различия между регрессивным и фиксированным педофилом можно представить следующим образом.

Регрессивный педофил:

• психосексуальное развитие после подростковой стадии было нормальным;

• регрессия началась с возникновением чувства неадекватности;

• на месте преступления не просматривается наличие какой-либо продуманной организации, предварительного плана;

• если убивает жертву, то делает это из страха или паники;

• после убийства он просто бросает труп на месте совершения преступления без всяких попыток что-либо скрыть, что является результатом его дезорганизованности, страха, вины и паники

Фиксированный педофил:

• начиная с подростковой стадии объектом его сексуальных посягательств являются лица более молодые, чем он сам;

• он не имеет опыта нормальной сексуальной жизни, хотя и может состоять в браке;

• работу и занятия во время досуга выбирает таким образом, чтобы иметь побольше контактов с детьми;

• согласно статистике фиксированные педофилы совершают убийства в возрасте 45–55 лет.

Раскрывая убийство мальчика, сотрудники полиции проанализировали типичные для педофилов обеих групп признаки их поведения и, сопоставив их с теми фактическими данными, которые собрали по делу, сделали однозначный вывод: в данном случае орудовал фиксированный педофил.

Как и все прочие фиксированные педофилы, разыскиваемый за убийство мальчика преступник представлялся сыщикам как одинокий, сексуально неадекватный человек, имеющий давнее и устойчивое тяготение к детям и немалую практику сексуальных посягательств на них. Обстановка, обстоятельства и следы содеянного говорили об определенном уровне интеллектуальности преступника, что позволило судить о том, что он, видимо, закончил колледж, профессионально связан с "беловоротничковой" работой.

Учитывая год преступления (начало семидесятых) и предполагаемый возраст преступника (45–55 лет) резонно заключили, что он – ветеран войны в Юго-Восточной Азии и скорее всего не доброволец, а призывник. Имеет автомашину, на которой уехал с места происшествия. Машина преступника должна быть достаточно вместительной, так как по характеру его работы или внерабочих занятий ему приходится перевозить детей. С учетом наиболее вероятного возраста и социально-экономического статуса преступника, его машина довольно старая (4–5 лет), содержится в хорошем состоянии и окрашена в консервативный цвет.

Итак, по мнению полиции, следовало искать одинокого мужчину белой расы в возрасте 45–55 лет. Его весьма информативный "психологический профиль" был насыщен множеством других признаков (интеллектуальный уровень средний или выше среднего, работа позволяет ему иметь контакты с детьми, в круг местных жителей не входит, ветеран войны, был знаком с потерпевшим, пользуется вместительной машиной и т.д.)

Когда преступника поймали, обнаружилось, что криминалистический прогноз его признаков оказался очень удачным. Это был мужчина в возрасте 50 лет, одинокий, белый, из "беловоротничковой" группы населения. В свое время его призывали на военную службу. На момент ареста – ветеран, закончил колледж, интеллект (по показателям тестирования) выше среднего. В местности, где было совершено преступление, он не жил, но частенько туда наведывался на своем вместительном автомобиле (автомобиль темного цвета, куплен 4 года назад, содержался в очень хорошем состоянии). За несколько дней до убийства он приезжал в район будущего преступления по делам службы. Тогда же он познакомился со своей жертвой.

В этом, на первый взгляд, фантастическом совпадении нет никакой мистики. Разработанный совместными усилиями психологов и юристов метод, получивший название психологического профиля, позволяет делать прогнозы достаточно высокой степени точности, использующиеся для розыска неизвестных преступников по делам об особо тяжких преступлениях против личности. (О том, что это за метод, как он применяется, мы расскажем подробнее в следующей главе.) По иному сценарию действовал и был разоблачен русский педофил Сливко.

Анатолий Сливко приехал в Невинномыск после службы в армии. Закончил техникум, работал на химкомбинате и параллельно, на общественных началах, трудился в школе пионервожатым, возглавляя детско-юношеский туристический клуб "Чергид". Не пил, не курил, никогда не сквернословил. Пользовался беспрекословным авторитетом у детей и уважением у их родителей. О нем писали газеты, его награждали почетными грамотами. Когда его арестовали, ему было 46 лет. Он являлся отцом двух мальчиков, имел партбилет члена КПСС и носил звание "Ударник коммунистического труда". Сливко задержали после того, как пропал один из школьников. Милиция опросила его сверстников и те вспомнили, что накануне исчезновения пропавший рассказывал им о предстоящих съемках фильма у Сливко. Со слов детей стало ясно, что Сливко уже не первый год снимает какие-то фильмы с участием детей. Фильмы странные: об удушениях и пытках. Дети сказали правду. При обыске в доме Сливко снятый им фильм нашли. А когда его просмотрели, ужаснулись. Пленка запечатлела сцены

казней детей и мазохистские глумления Сливко над трупами…

Он всегда сторонился женщин. Даже с собственной женой близость имел крайне редко. Последние 10 лет спал отдельно от нее в одной из комнат своего дома. В детстве и юности он стеснялся своей внешности, избегал шумных игр со сверстниками. Страдал бессонницей. Рос болезненным и слабым. В то же время, увлекаясь кроликами, охотно умерщвлял и разделывал их тушки. Правда при виде крови и отрезанных голов грызунов бледнел и падал в обморок. Повзрослев, вел уединенный образ жизни. Нежную привязанность испытывал лишь к мальчикам, предпочитая возраст до шестнадцати лет. После задержания Сливко признался в совершении 33 тяжких преступлений в отношении детей, включая 7 убийств. Первое убийство совершил в 1964 году, последнее – в 1985. Играя на любопытстве и тяге мальчишек к тайнам и заговорам, он предлагал специально подобранным "актерам" – будущим жертвам – поучаствовать в "эксперименте" на выживаемость и проверку мужества. У тех, кто соглашался, он брал подписку о неразглашении тайны "эксперимента". Для создания видимости правдоподобия планируемого действия набрасывал сценарии события и киносъемки и знакомил с ним будущую жертву. Необходимость киносъемки объяснял тем, что собирает материал для книги о пределах человеческих возможностей. Мальчики не догадывались, что отправляясь в лес с дядей Толей, они могут назад никогда не вернуться. В бессознательное состояние свои жертвы маньяк приводил различными способами (надевал на голову противогаз и заставлял дышать эфиром, натягивал на голову полиэтиленовые мешки, перекрывая доступ кислорода, использовал петлю из резинового шланга и др.). Затем связывал им руки и ноги и приступал к "экспериментам".

После ареста Сливко направили на судебно-психиатрическую экспертизу. Специалисты установили, что в его поведении присутствовали элементы вампиризма, фетишизма, некрофилии, садизма и даже… пиромании. Все это нашло отражение в снятых маньяком фильмах. В обвинительном заключении следователь по этому поводу написал следующее: "Садизм и некрофилия Сливко проявлялись в том, что он расчленял трупы без цели их сокрытия. Он отрезал голову, руки, ноги, туловище на уровне пояса, удалял внутренние органы, вспарывал грудную клетку, брюшную полость, отрезал мошонку, половой член, ушные раковины и мягкие ткани лица. Иногда убийца специально повреждал предмет, являвшийся для него сексуальным символом. Например, ботинки, которые иногда разрезал и поджигал".

Характерен такой момент для поведения Сливко на месте происшествия после убийства: тела убитых он подвешивал за ноги на деревьях, носил трупы перед камерой на руках, менял на них одежду, составлял на подстилке различные фигуры из отсеченных рук, ног, головы. Во всем этом, помимо стремления к самоутверждению, самовыражению, эмоциональной разрядке присутствовала и сексуальная составляющая. Сексуальную разрядку он испытывал, не вступая с жертвой в прямой физический контакт: маньяк онанировал, используя в качестве фетишей различные предметы, происходящие от жертв, и манипуляций с ними (части тела, ботинки, материалы кино– и фотосъемки). Отдельные части тел жертв он уносил с собой и засаливал в целях обеспечения длительности их хранения и использования. Он наслаждался сценами своих "экспериментов", мучениями и гибелью детей, получая от этого удовольствие, разрядку и сексуальное удовлетворение. Долгое время оставаться безнаказанным способствовало то, что маньяк подбирал свои жертвы в неблагополучных семьях, где о детях особенно не заботились и многих даже не искали после пропажи.

Сексуальных извращенцев, "специализирующихся" на детях, называют педофилами (буквально на русский язык переводится так: "любящие детей").

В основной массе случаев педофилы, занимаясь сексуальным растлением, не причиняют ощутимого вреда физическому здоровью детей, поэтому их деяния часто остаются незамеченными и не попадают в сферу уголовного реагирования. Так, проведенный в США среди заключенных-педофилов опрос показал, что педофилы-гомосексуалы до ареста имеют в своем "послужном списке" в среднем по 30 жертв, а педофилы-гетеросексуалы – до 62 жертв.

Самой опасной разновидностью педофилов являются мизопеды. Слово это переводится на русский язык как "детоненавистник". Мизопед – это сексуальный садист-убийца. Истязая, а затем убивая ребенка, мизопед получает наивысшее сексуальное удовлетворение. Свои жертвы мизопед подбирает, как правило, среди незнакомых. Eiro метод – внезапное нападение и

похищение ребенка. Все происходит очень быстро, нередко в людных местах средь бела дня (на улице, в магазине, на игровой площадке и т.п.). Окружающие при этом ничего не подозревают.

Похищению предшествует обычно ритуал "охоты", доставляющий мизопеду дополнительный "кайф". В отличие от некоторых других категорий педофилов, мизопед не "завлекает" жертву (игрушками, сладостями, приятными разговорами и т.п.), пытаясь ей понравиться и войти в доверие. Мизопед действует решительно и грубо: внезапно хватает ребенка и, как паук, не давая жертве опомниться, тащит ее в безопасное место и уже здесь наслаждается по полной программе. Действия с жертвой – индивидуальный плод изобретательности каждого конкретного насильника-садиста. Общее же правило их поведения заключается в следующем: чем сильнее страдает и дольше мучится жертва, тем больше наслаждения получает мизопед.

Подтверждением этому служит личность и криминальная деятельность Уэстли Аллана Додда.

Он родился в одном из городков штата Вашингтон в 1961 году. И хотя за свою непродолжительную жизнь не достиг больших успехов, полным тупицей его назвать нельзя. В иных обстоятельствах он мог бы быть полезным, и вместе с тем вполне заурядным, мало чем примечательным гражданином. Однако Уэстли рано (по некоторым данным, в 12 лет) почувствовал сексуальное влечение к маленьким мальчикам. Будучи в среднем подростковом возрасте (15–16 лет), он уже имел регулярные сексуальные контакты с детьми много его моложе. Уже тогда Додд попал в поле зрения полиции. Однако, его "талант" расцвел в 80-е годы. В 1981 г. Додд был призван на службу в военно-морской флот. В июне 1982 он сбежал со службы. Перейдя на нелегальное положение, совершил сексуальное посягательство на 9-летнего мальчика. Спустя два месяца после этого был арестован как дезертир и к тому же ему предъявили обвинение в развращении малолетних. Последующие годы Додд провел в тюрьме, неплохо себя зарекомендовав в качестве участника программы реабилитации сексуальных преступников. Выйдя на свободу, занимался неквалифицированной, низкооплачиваемой работой.

Ранним утром 4 сентября 1989 г. на обочине дороги был найден труп маленького мальчика. Первое впечатление у тех, кто его осматривал, было таким – мальчик стал жертвой дорожной аварии. Однако оно изменилось после того, как полиция обнаружила, что обильное кровотечение вызвано многочисленными ножевыми ранениями. Вскоре неподалеку от места обнаружения первого трупа в городском парке Ванкувера был найден другой труп, слегка прикрытый ветками. У этого мальчика также имелись множественные ножевые ранения.

Незадолго до этого в полицию обратился встревоженный отец с заявлением об исчезновении двоих сыновей. В обнаруженных трупах он опознал десятилетнего Уильяма и его одиннадцатилетнего брата Коля. Итак, с идентификацией жертв проблем не возникло. Проблема была связана с идентификацией убийцы. А неизвестный полиции Додд был в это время "на взлете своей спирали насилия".

К концу октября 1989 г. исчез четырехлетний Лео Изели. Дети видели, что он ушел с каким-то мужчиной с игровой площадки, находящейся в нескольких метрах от его дома. Сразу же по местному телевидению были переданы приметы Лео и его предполагаемого похитителя.

Шли дни, но никаких утешительных результатов следствием достигнуто не было. 1 ноября полностью обнаженный труп маленького Лео обнаружили в охотничьем заповеднике штата Вашингтон.

Но и после этого имя убийцы все еще оставалось тайной. Однако он не бездействовал. Не прошло и двух недель как Додд попытался похитить шестилетнего мальчика из туалета кинотеатра. На этот раз потенциальная жертва оказалась непокорной: когда Додд открывал дверцу своей машины, чтобы запихнуть туда мальчика, тот вырвался и с воплями бросился наутек. Додд развернул машину. Пытаясь догнать жертву, он врезался в здание кинотеатра и в результате оказался в полицейском участке.

Задержанный признался в том, что совершил три убийства. Как он показал, на преступный путь его толкнула скука. "Мне было невыносимо скучно, – уверял он следователей. – Телевизора у меня не было." В ходе записанных на видео допросов Додд рассказал, что обычно он приводил украденного мальчика в свое жилище, потом шел с ним в ресторан "Фаст-фуд", в

магазин игрушек, покупал ему что-нибудь, затем возвращался домой и уговаривал будущую жертву провести с ним ночь. Рано утром будил мальчика и говорил, что сейчас его убьет. Забравшись к ребенку в кровать, он душил его руками. Если не удавалось, привязывал на шею веревку и душил в туалете. Не желая отсутствовать на работе в тот день, когда поступало заявление о пропаже ребенка, Додд прятал труп за выступом в туалете и шел на службу. Вернувшись домой, он совершал акт сексуального насилия с трупом ребенка, потом избавлялся от трупа.

При обыске в квартире Додда нашли серию гротескных фотографий, на которых он сам был запечатлен во время совершения извращенных сексуальных актов со своими жертвами – живыми или уже мертвыми. Был также найден дневник, в котором Додд графически изображал "планы действий" со своими малолетними жертвами. В них фиксировались "ознакомительная хирургия", анальный секс, расчленение тела.

Суд над Доддом состоялся в июне 1990 г. Приговор – смертная казнь – никого не удивил, удивило другое: письмо Додда в Верховный суд с просьбой ускорить исполнение приговора. Он писал: "Я должен быть казнен прежде, чем у меня появится шанс убежать; потому что если я убегу, то обещаю вам, снова буду насиловать и убивать. Я использую для этого любую предоставленную мне минуту". В письме содержалась еще одна просьба – Додд хотел воспользоваться своим конституционным правом выбора способа казни. Он просил, чтобы его повесили, обосновывая свою просьбу тем, что его жертвы не имели возможности умереть легкой, спокойной, безболезненной смертью и поэтому он сам не имеет права на легкую смерть.

Просьба приговоренного была удовлетворена: 5 января 1993 г. вскоре после полуночи Додд был повешен.

Даже своей смертью Додд доставил "головную боль" администрации учреждения. Дело в том, что казнь через повешение не применялась в штате уже 28 лет и не было "специалиста нужного профиля". Пришлось воспользоваться армейским пособием с детальными, поэтапными инструкциями, как совершать казнь. По крайней мере, в практическом плане все прошло гладко. Свидетелями казни были родители и члены семей жертв. Однако, чтобы пощадить их чувства, окно наблюдения было прикрыто тонким экраном. В последние минуты жизни Додд произнес свою прощальную короткую речь. Он сказал: "Я ошибался, когда говорил, что не существует ни надежды, ни мира. Я нашел и то, и другое у нашего Господа Бога Иисуса Христа". Однако вряд ли после этой речи стало легче родителям жертв казненного.

По мере продвижения от одной стадии криминального взаимодействия с жертвой к другой интенсивность переживаний мизопеда нарастает. Стадии эти таковы: поисковая хирургия, анальный секс, причинение увечий, убийство с предваряющими его пытками.

Обычно мизопед старается подольше сохранить жертву живой, чтобы сполна насладиться ее страданиями. Если условия позволяют, мизопед может несколько дней держать жертву при себе. Все телесные увечья, как правило причиняются еще живой жертве. Мизопеды отдают предпочтение жертвам своего пола, то есть мальчикам. В полицейских отчетах встречаются случаи, когда у живой еще жертвы отрезался пенис и вставлялся жертве в рот, а в результате грубых анальных проникновений наблюдались тяжелые повреждения брюшной полости потерпевших. Насладившись подобными манипуляциями, мизопед убивает жертву и избавляется от трупа, иногда предварительно надругавшись над трупом и оставив себе "на память" что-либо от тела жертвы. В отличие от некоторых других педофилов, которые, получив свое, отпускают жертву, мизопед никогда не оставляет жертву в живых. Поэтому он неизбежно превращается в серийного убийцу. (Мизопед относится к гедонистическому типу серийных убийц.)

1.6. "Ангелы смерти", или серийные убийцы с женским лицом

Это – не гипотеза, не выдумка, не сон. Это – факт. Удручающий, пока еще сравнительно редкий, но тем не менее реальный факт. И среди женщин встречаются любители потешить душу рукотворными смертями. Мы не имеем в виду тех, кто совершил убийство в силу сложившихся обстоятельств: от безысходности, собственной жадности или глупости, ревности,

минутной слабости, обид или помутнения рассудка. Мы говорим о тех, кто, как и их "коллеги" мужского пола, "питаются смертью", кто маниакально привержен к смертоносному опыту и ищет продолжения в новых смертях представителей человеческого общества.

Медсестра Аида Нур эль-Дин, 42 лет, египтянка, за несколько лет убила в общей сложности 18 пациентов клиники. Все они были отравлены лекарствами, которые убийца похищала в больничной аптеке. Свои действия, будучи разоблаченной, она объяснила так: «Не хотела, чтобы больные своими стонами нарушали мой покой во время ночных дежурств».[17]

Проблема женщин, совершающих серийные убийства, взволновала ученых и общественность в начале 90-х гг. XX века, т.е. примерно через два десятилетия после того, как специалисты всерьез занялись мужчинами-"серийниками". Поводом послужили громкие дела, вызвавшие общественный резонанс. Однако и по сей день многие ученые, изучающие маньяков, считают, что принцип "ищите женщину" здесь не работает.

Аргументы скептиков таковы. Во-первых, женщины вообще реже становятся убийцами, а во-вторых, особенности их физиологии, характера практически исключают такие зверства. Они становятся убийцами в основном в силу сложившихся обстоятельств. И это одноразовые преступления. Однако другие специалисты убеждены: "серийницы" были, есть, только их действительно меньше, чем "серийников", и гораздо труднее изобличить. Эти преступницы действуют долго, иногда десятки лет, т.е. пока не попадутся или не уйдут в мир иной. Никакие перевоспитания, психологические тренинги не помогают. В этом их сходство с маньяками-мужчинами. Есть и кардинальные различия. Один из западных специалистов, обобщив больше тридцати случаев серийных убийств, выявил некоторые закономерности. Как отмечалось нами, для маниакальных убийц мужского пола характерны такие фазы убийства, как фантазия, преследование, похищение, убийство, "работа" с телом. Они почти не действуют в паре. У "серийниц" почти все иначе. В 1987 г. две медсестры 25 и 26 лет, лесбиянки, работали в доме для престарелых (одна из них, бросив мужа и шестилетнюю дочь, жила с подругой). Их жертвами становились старушки, находящиеся при смерти. Как потом объяснили медсестры, психологически это не являлось для них убийством. Все равно, мол, старушки были уже одной ногой в могиле. Обычно они душили свои жертвы (в отличие от маньяков, "серийницы" не длят агонию несчастных – они душат или используют яд). Одна из подельниц прижимала салфетку к лицу бабушки и ждала… А в диагнозе позже значилось – сердечный приступ. На их совести было больше пяти жертв. Однажды, после второго эпизода, медсестра пришла к бывшему мужу и поделилась с ним "секретом". Тот не поверил – посчитал, что у его прежней супруги на почве "розовой" любви просто поехала крыша. А через год узнал, что сказанное не было бредом.

Некоторые специалисты-психологи восприняли действия этих дамочек как жестокую эмоциональную разрядку. Другие рассматривали это совместное убийство в русле "укрепления" любви лесбиянок одним общим, страшным секретом.

Характерной чертой серийных убийц является еще и такая. "Серийники", как правило, не убивают знакомых – коллег по работе, родственников, друзей. Избегают эмоций в контакте с потенциальной жертвой. Потому им не бывает жалко этого человека. Для маньяка стадия поиска – это целый ритуал. "Серийницы" же выбирают жертв в своем близком кругу, среди своих домашних или коллег по работе, как те самые медсестры из дома престарелых Вот еще один пример, описанный американскими криминологами Джеймсом Фоксом и Джеком Левином.

Медсестра Дженен Джонс, работавшая в детском отделении интенсивной терапии больницы в Сан-Антонио, получила прозвище "Сестра-смерть": с мая по декабрь 1981 г. во время ее дежурств при невыясненных обстоятельствах скончались 10 детей. Внутреннее расследование не дало результатов. Вскоре после этого она устроилась в педиатрическую клинику в небольшом городке штата Техас. Одной из первых ее пациенток на новом месте была 15-месячная девочка с затрудненным дыханием. Пока мать разговаривала с врачом, медсестра занималась девочкой в осмотровой комнате. Внезапно оттуда раздался ее крик, что ребенок задыхается. Медсестра вела себя героически, девочка была спасена, родители счастливы и

---

[17] In the Miami Herald. Sunday, August 17. 1997.

начали рассказывать всем о "спасительнице". Через несколько недель мать снова принесла девочку на осмотр. После того как медсестра сделала инъекцию, ребенок перестал дышать, закатил глаза. Спектакль с героическими усилиями повторился, однако на этот раз девочка скончалась.

Так продолжалась преступная карьера "Сестры-смерть" в клинике техасского городка. В последующие шесть недель здесь скончались шестеро детей при похожих обстоятельствах. Нужно было видеть переживания медсестры, пытавшейся "спасти" своих пациентов и делавшей им искусственное дыхание! Сгубила ее упаковка из-под сильнодействующего препарата, вызывающего расслабление мускулатуры и резкое нарушение дыхания. "Сестра-смерть" призналась в совершенных преступлениях и в 1984 г. была осуждена за множественные убийства.

Характерно, что значительная доля серийниц, согласно западной статистике, – медработники. Другая категория – матери, умертвившие своих детей. Например, Марибет Тиннинг. Она убивала своих чад не в состоянии отчаяния или помрачения сознания, а хладнокровно и расчетливо, на протяжении ряда лет. Все началось в 1972 г., когда третий ребенок в семье супругов Тиннинг умер в больнице от менингита. Вполне естественно, что убитую горем мать постоянно окружали родственники и друзья, выражавшие свои соболезнования. Марибет испытала от всеобщего внимания своеобразное "эмоциональное опьянение". Со временем, однако, внимание стало ослабевать. И вот не прошло и трех недель со смерти новорожденного, как случилось новое несчастье: умер двухлетний Джо, а спустя шесть недель – четырехлетняя Барбара.

Оставшись бездетными, супруги решили восполнить утраты, но родившийся в конце 1973 г. ребенок не прожил и трех недель. Марибет родила еще одного ребенка – трагедия повторилась. Мать начала рассуждать о некоем генетическом дефекте, якобы передающемся ее детям. Однако после смерти ее очередного – восьмого ребенка сочувствие окружающих сменилось подозрениями. Бывший ее сослуживец предрек: "Она снова беременна и готовится убить еще одного ребенка". И действительно, вскоре после рождения девочка умерла. Сводная сестра Марибет обратилась в полицию. Эксперты пришли к заключению, что ребенок был задушен. "Безутешную" мать судили.

Что общего в описанных случаях?

И у Джонс, и у Тиннинг просматривается так называемый "синдром Мюнхгаузена по доверенности" О нем сейчас заговорили специалисты в связи с участившимися случаями жестокого обращения с детьми. В отличие от обычного "синдрома Мюнхгаузена", когда человек ради того, чтобы стать объектом внимания и заботы, симулирует болезнь или даже причиняет себе увечья, в синдроме "по доверенности" страдает другое лицо, чаше всего ребенок. Такой матери (няне, медсестре) необходимо показать окружающим, какие героические усилия предпринимались ею, чтобы спасти ребенка, и как она убита горем.

"Серийников" обоего пола отличают глубоко запрятанные, часто не осознаваемые ими переживания собственной неполноценности, беспомощности и несостоятельности. Истоки этих переживаний лежат в прошлой жизни человека, в пережитых некогда унижениях и оскорблениях при невозможности (или неспособности) дать достойный ответ обидчику.

Вместе с тем при оценке мотивации, определении движущих сил преступного поведения серийных убийц женского, а иногда и мужского пола, не следует сбрасывать со счета весьма своеобразный редко встречающийся, но все же реальный стимул. Речь идет о мотиве, который Ю.М. Антонян в своих работах определяет как мотив "любви". Этот мотив (а его, видимо, можно дополнить и близким по сути "мотивом сострадания") стоит особняком. Он не характерен для подавляющего большинства жестокосердных серийников с мужским и женским лицом.

Имеются в виду лишь те из числа лиц женского пола, у которых мысль совершить убийство кого-то из своих близких, любимых, других хорошо знакомых людей зарождаются на почве жалости, сострадания, заботы о них и реализуются в силу сложившихся чрезвычайно неблагоприятных обстоятельств. И на преступление они идут, подчас по просьбе пострадавших, в целях избавления их от чего-то еще более худшего в условиях отсутствия реальной возможности изменить ситуацию в лучшую сторону иными способами (например, для

избавления от мук ожидания неизбежной смерти при неизлечимом заболевании или в целях избавления от невыносимых страданий, возникших по той либо иной неустраняемой причине).

В последнее время специалисты наблюдают всплеск преступлений среди представительниц слабого пола. Одни это связывают с тем, что полицейские стали более тщательно подходить к расследованию темных, "висяковых" дел. Другие утверждают, что вообще возросло количество таких преступниц. Недаром в 1995 году ФБР выпустило специальную брошюру для оперативников, в которой говорится о существовании женщин-"серийниц", о проблемах раскрытия подобных преступлений. Там упоминается и о "синдроме Мюнхгаузена по доверенности". Им часто объясняется поведение той или иной преступницы.

Маниакальные убийцы не только мужского, но и женского пола – печальное "достояние" всего человеческого сообщества. Есть они и в России. Их у нас не меньше, чем на Западе. К сожалению, в России не принято глубоко вникать в обстоятельства странных смертей, в частности, в домах для престарелых. Да и "спихотехника" отлажена до совершенства. Многое не замечается даже из того, что лежит на поверхности. Так удобнее и меньше хлопот. И вот тому пример.

Первый ребенок в семье череповчан Сиротиных появился в ноябре 1998 г. Мальчик с детства был болен гидроцефалией (водянкой головного мозга) и находился под пристальным наблюдением врачей. Именно медики заметили, что у малыша уже на 12 день жизни появились кровоподтеки на теле. Мать мальчика клялась, что не имеет представления, откуда у ребенка синяки. Между тем, глава семейства видел, как его супруга по ночам избивает малыша, который часто плакал. Таким образом женщина пыталась заставить карапуза замолчать.

В ночь на 29 февраля, когда мальчик опять заплакал, мать избила его так, что он перестал дышать. Мужчине еле удалось оттащить рассвирепевшую женщину от детской кроватки. Наутро же оказалось, что малыш умер. Муж хотел вызвать медиков и милицию, но супруга не дала этого сделать. Вместе они придумали версию, что по неосторожности уронили мальчика с лестницы. Прокуратура, поверив родителям, не стала тогда возбуждать уголовного дела. Тем более что дама была на девятом месяце беременности.

30 марта у Сиротиных родился второй мальчик, на этот раз совершенно здоровый. Однако через три недели умер и он. Судебно-медицинская экспертиза показала, что малыш скончался от кровоизлияния и ушиба головного мозга в результате полученных травм.

На этот раз прокуратура возбудила уголовное дело, в ходе которого выяснилась причина смерти и первого ребенка Сиротиных. Глава семьи признался, что в смерти обоих детей виновата его супруга. А сам он никак не мог ей помешать, поскольку жена избивала малышей в основном в его отсутствие.

28-летнюю мать-садистку приговорили к 15 годам лишения свободы. Приговор вступил в законную силу.[18]

Глава 2
Поисковый психологический портрет серийного преступника

2.1. Западная модель поискового психологического портрета (профиля) как метод установления серийного преступника

Хотите понять Пикассо? Смотрите его картины.
Джон Дуглас

"Картина" преступления позволяет понять, какой тип человека способен на подобное дело. Эта идея не нова. Наиболее яркое художественное воплощение она получила в новелле

[18] "МК". – 2000. – 24 декабря.

Эдгара По "Убийство на улице Морг". Герой новеллы сыщик Дюпен, изучив обстановку на месте преступления, пришел к выводу, что действия, требующие такой невероятной фантастической силы, не могло совершить существо, принадлежащее к роду человеческому. Как позже выяснилось, убийцей была большая обезьяна.

Мысль о том, что в действиях преступника проявляется его личность, получила позднее развитие во многих произведениях детективного жанра. Однако прошло более ста лет, прежде чем эта идея стала воплощаться в криминалистическую практику и была положена в основу нового метода расследования неочевидных преступлений – психологического профиля неизвестного преступника.

Психологический профиль преступника – ограничение круга подозреваемых

В основе разработки данного метода лежат результаты исследований специалистов США. Поисковый психологический портрет теперь создается и реализуется в целях розыска преступников не только в Америке (там он получил название *психологического профиля),* но и в ряде других стран Запада, а также в России. Наибольшая эффективность использования данного портрета зафиксирована по делам о преступлениях против личности, совершаемых в серийном порядке сексуальными маньяками.

Будучи одной из разновидностей криминалистических мысленных моделей, "профиль" ("портрет") разыскиваемого преступника представляет собой систему сведений о психологических и иных признаках данного лица, существенных с точки зрения его выявления и идентификации. Поскольку в эту систему включаются признаки не только психологической природы, но и правовые, социально-демографические и иные признаки, представляется более точным определять рассматриваемый объект как поисковый "портрет" либо как психолого-криминалистическую характеристику преступника.

Истоки научных разработок в этой области связаны с именем Нью-Йоркского психиатра Джеймса А. Брусселя, составившего в декабре 1956 г. впервые психологический профиль реального преступника – Жоржа Метески.

Этот человек, прозванный Безумным бомбителем, более десяти лет терроризировал Нью-Йорк, закладывая бомбы в библиотеках, концертных залах, кинотеатрах, железнодорожных вокзалах и других общественных местах. Первое самодельное взрывное устройство было обнаружено 16 июля 1940 г. в здании Объединенной компании Эдисона. Его удалось обезвредить прежде, чем оно взорвалось. С тех пор время от времени находили самодельные бомбы, конструкции которых становились все более совершенными. Одна из таких бомб взорвалась в 1954 г. в мюзик-холле городского радио. Газеты назвали преступника "Безумный бомбитель". Люди жили в постоянном страхе, ожидая новых взрывов. И они случались. Одни пострадавшие погибали, другие получали тяжелые увечья. Преступник оставался неизвестным. Следующей его жертвой мог стать каждый.

Многие террористы испытывают потребность уведомлять о своих намерениях публику. Безумный бомбитель не был исключением: в городские газеты он отправлял аккуратно отпечатанные письма, подписанные буквами "F.P." Из этих писем с очевидностью следовало, что террорист "имеет зуб" на Объединенную компанию Эдисона, которую он обвинял во многих чудовищных злодеяниях и считал виновной в том, что он сам разорился и потерял здоровье. Одно из писем в "Нью-Йорк Геральд Трибюн" заканчивалось такими словами: "Я просто ищу справедливости".

Проблема была в том, что Объединенная компания Эдисона возникла сравнительно недавно путем слияния многих мелких компаний, существовавших в Нью-Йорке с конца XIX века. Каждая из этих компаний имела собственную документацию, в большей части не сохранившуюся. Поиск по больничным листам и заявлениям о помощи по инвалидности был бесперспективен. Даже если бы удалось найти за десять лет данные об имевших место несчастных случаях, не было никакой уверенности в том, что среди пострадавших окажется разыскиваемый террорист.

Полиция была бессильна, бомбы продолжали взрываться, истерия в обществе нарастала.

2 декабря 1956 г. около 8 часов вечера бомба взорвалась в Парамаунт-театре, в Бруклине; шесть человек получили ранения, из них трое – очень тяжелые. То было последней каплей, переполнившей чашу терпения властей. Комиссар полиции Нью-Йорка выступил с публичным заявлением, пообещав, что все силы будут брошены на поимку террориста. Однако это было сказано больше для того, чтобы успокоить население. Комиссар знал, что полиция исчерпала свои возможности: были испробованы все традиционные средства расследования и все безуспешно.

Тогда руководитель криминалистической лаборатории Нью-Йоркского департамента полиции инспектор Говард Финни, взяв с собой двух детективов, нанес визит психиатру Джеймсу Брусселю. Финни обратился к нему с просьбой: не может ли он что-либо сказать о личности террориста, основываясь на некоторых деталях сцены преступления, стиле и содержании его писем в газеты. После того, как полицейские рассказали, что используемые террористом самодельные взрывные устройства изготавливались профессионалом, с годами усовершенствовались и становились все более мощными, Брюссель предположил, что неизвестный по роду деятельности связан с электричеством, металлообработкой, слесарными работами, что вполне согласуется со службой в крупной энергетической компании. Поскольку в 1956 г. среди американских мужчин было немало ветеранов Второй мировой войны, Брюссель не исключал, что неизвестный мог приобрести необходимые технические навыки во время службы в армии.

Для Брусселя было очевидно, что бомбитель считает Кон. Эд. (так он называл в своих письмах Консолидэйшн Эдисон Компани) и некоторые другие компании виновником всех своих несчастий и болезней. Вследствие какой-то полученной на производстве травмы он, видимо, стал хроническим больным. Навязчивая идея преследует неизвестного по крайней мере шестнадцать последних лет. По своему психиатрическому опыту Брюссель знал, что навязчивые состояния требуют длительного времени для развития и формирования. Они очень долго никак не проявляются во вне. Как известно, первая бомба предназначалась специально для Кон. Эд. Однако очень скоро круг "объектов ненависти" расширился – им стала широкая публика. Если вначале террорист хотел "наказать" только Кон. Эд., то теперь каждый житель Нью-Йорка воспринимался им как потенциальный недруг.

Основываясь на этих фактах, Брюссель пришел к выводу, что неизвестный является параноиком. Для паранойи характерны устойчивые, не подверженные изменениям, систематизированные и логически сконструированные бредовые идеи. В этом смысле прозвище Безумный бомбитель является очень удачным. Из его посланий в газеты можно заключить, что он имел устойчивую, систематизированную и логически сконструированную бредовую идею. Эта идея подспудно развивалась и, судя по совершенствующейся конструкции и увеличению смертоносной мощи бомб, продолжает развиваться. Как психиатр, Брюссель знал, что человек такого типа самовлюблен (нарциссичен), сосредоточен на себе самом и убежден в собственной моральной правоте, даже если весь мир восстает против него. Он просто обязан выйти победителем из этого противостояния, это его способ самоутверждения. Вначале Кон. Эд., а теперь уже все стали его врагами.

"Выхватить" его из толпы по каким-то отличительным поведенческим признакам невозможно, таковые отсутствуют. За исключением направленного антисоциального поведения (в данном случае – бомбинга) во всем остальном он ведет себя как обычный законопослушный гражданин. Он может писать письма с самыми невероятными угрозами, но напрямую никому конкретно угрожать не будет. В себе самом он видит одновременно и жертву, и "ангела мести".

Рассуждения известного психиатра показались инспектору Финни интересными. Но они не способствовали поимке преступника. И тогда инспектор попросил психиатра попытаться хоть как-то описать внешность Бомбителя.

Брюссель заколебался. Он не был полицейским, не видел улик и мест преступления, никогда не был знаком ни с одним из бомбителей. Но полицейские ждали от него помощи. И Брюссель, используя свои профессиональные знания, стал описывать неизвестного.

"Он симметрично сложен… не толстый, но и не тощий". При этих словах полицейские скептически переглянулись: – Почему вы так решили? А Брюссель просто руководствовался статистическими данными. Из известных ему работ психиатра Эрнста Кречмера (изучившего не

одну тысячу пациентов психиатрических клиник с целью установления связей между строением тела и типом личности) следовало, что примерно 85% всех параноиков имеют симметричную, атлетическую фигуру. Ободренный первым шагом, Бруссель продолжал: "Сейчас Безумному бомбителю где-то около 50 с небольшим. Паранойя – заболевание, развивающееся медленно. Обычно оно полностью "расцветает" после 35 лет. Если учесть, что деятельность Бомбителя продолжается уже в течение 16-ти лет и, судя по последним проявлениям, Бомбитель сейчас находится "на подъеме", а не на спаде, ему должно быть не менее 50 лет".

Из того, что рассказывал и показывал ему инспектор Финни, Бруссель заключил, что бомбитель, он же автор письменных посланий – человек очень аккуратный и дотошный до навязчивости. И если когда-нибудь в архивах Кон. Эд. будет найдено его личное дело, окажется, что он солидный, надежный, исполнительный работник. Он вежлив, пунктуален, аккуратно одет. Все это было до трагического случая, "перевернувшего его жизнь" и сделавшего из него преступника. Анализ письменных посланий показал, что писавший их человек имеет некоторое образование (не ниже средней школы, но, вероятно, не колледж).

Надо сказать, что Бруссель впервые воспользовался методом, впоследствии получившим название *метода психолингвистического анализа текста.*

Используя психолингвистический анализ текста писем, он установил, что Безумный бомбитель – выходец из Европы и что английский язык не является его родным языком. По стилю и тону писем Бруссель определил, что их автор думает на родном языке, а потом переводит фразу на английский язык. Изучив почерк и выявив глубокую, скрытую мотивацию, Бруссель "нарисовал" портрет человека, не имеющего тесных дружеских привязанностей с мужчинами и серьезных отношений с женщинами, – портрет закоренелого холостяка, возможно, до сих пор остающегося девственником, ни разу не поцеловавшим девушку. Живет он один или с родственницей, которая напоминает ему мать (возможно, это его сестра или тетка). Поскольку полиция уже установила, что взрывные устройства, которые он использует, требуют для своего изготовления "домашней мастерской" (в городской квартире это сделать невозможно), напрашивается вывод, что он живет в собственном доме с одной или двумя родственницами, ибо "это не тот тип человека, который может жить один в большом доме". Таким образом, обобщив результаты своего анализа, Бруссель обрисовал Безумного бомбителя следующим образом: это хорошо сложенный, аккуратный, чисто выбритый, белый мужчина средних лет, выходец из Европы. Он вежлив, но не доброжелателен. Друзей не имеет, живет с сестрой или теткой в собственном доме. Во внешности его нет ничего примечательного. Во время работы в компании Кон. Эд. (вероятнее всего) или в одной из компаний-предшественников он хорошо выполнял свою работу. От сослуживцев держался отстраненно. Съедал свой обед или ланч в одиночестве, пикников и иных общественных увеселительных мероприятий не посещал.

Основываясь на результатах психолингвистического анализа и приняв во внимание тип оружия, используемого террористом, Бруссель внес уточнение: преступник не только выходец из Европы, но славянин, так как именно славяне отдают предпочтение бомбам для поражения своих целей. Если террорист – славянин, то вероятнее всего, что он католик и регулярно посещает церковь.

Что касается места жительства террориста, Бруссель сосредоточил внимание на Коннектикуте и вот почему. На большинстве писем были штемпели Нью-Йорка или Вест-Честера. Такой хитроумный и осмотрительный человек, как Безумный бомбитель, никогда не совершил бы ошибки и не стал бы посылать письма из того места, где живет. Он отправил бы письмо из Нью-Йорка (где закладывал бомбы) или из места, расположенного между Нью-Йорком и своим домом. Брусселю было известно, что в Бриджпорте (Коннектикут) есть большая польская община и что многие жители штата имеют славянские корни. Путь из Бриджпорта в Нью-Йорк пролегает через Вест-Честер.

В своих письмах бомбитель постоянно упоминает о хроническом заболевании, которое он получил по вине Кон. Эд. Так это или нет – неизвестно, но если так, то Бруссель рассмотрел три варианта: сердце, рак, туберкулез. Если бы это был рак, то к этому времени бомбитель либо вылечился бы, либо уже умер, (ибо с момента первого акта возмездия прошло шестнадцать

лет.) Туберкулез в середине 50-х также был излечим. Оставалось сердечное заболевание. Согласно составленному профилю неизвестный преступник имеет хроническую болезнь сердца (Бруссель ошибся лишь в диагнозе, во всем остальном составленный им профиль оказался на удивление точным).

На прощание Бруссель сказал детективам, что если они найдут этого родившегося за границей белокожего славянина средних лет, страдающего сердечным заболеванием и живущего в Коннектикуте в собственном доме с сестрой или теткой, он будет со вкусом, утонченно, но не ярко одет. – "Вероятнее всего, это будет двубортный костюм. Застегнутый на все пуговицы."

Итак, ограничение круга подозреваемых – это первая задача, решить которую помогает психологический профиль. Вторая задача – подсказать, как поймать преступника, используя знание его психологических особенностей, то есть подсказать следователям (сыщикам) приемы, посредством которых можно расставить ловушки для преступника. Приемы эти впоследствии стали называть *проактивными техниками.* Этот метод получил развитие в Отделе поддержки расследований Академии ФБР (до 1995 г. Отдел возглавлял Джон Дуглас), однако основы его были заложены Брусселем и это он же предложил «растиражировать» через средства массовой информации составленный им профиль Безумного бомбителя, чтобы о нем узнали как можно больше людей. Имея же определенное представление о личности этого человека, зная о том, что изготавливаемые им взрывные устройства становились все совершеннее и мощнее, Бруссель предположил, что Бомбитель уже не довольствуется тем, что держит в страхе город и «водит за нос» полицию, ему хочется славы, чтобы «мир узнал о нем», поэтому Бомбитель должен обязательно отреагировать. Поскольку в полицейской практике не принято разглашать материалы следствия, Бруссель предложил опубликовать профиль от его имени, будучи уверенным в том, что Бомбитель обязательно выступит с опровержением (если профиль совсем не соответствует реальности) и тем самым даст какие-то верные сведения о себе, либо, если профиль правилен, кто-то его опознает.

Полиция последовала совету специалиста. Как и предположил он, преступник заявил о себе: 24 декабря неразорвавшаяся бомба была обнаружена в телефонной будке главного корпуса публичной библиотеки. Спустя четыре дня другая бомба была найдена в сиденье роскошного Парамаунт-театра.

Однажды ночью в квартире Брусселя раздался телефонный звонок. Позвонивший представился как "F.P." Бруссель и полиция предусмотрели такую возможность. Однако звонивший оказался хитрее и повесил трубку так быстро, что "засечь" его не удалось.

А тем временем сотрудники компании Кон. Эд., когда у них появлялась такая возможность, кропотливо просматривали личные дела и жалобы тех, кто работал в компаниях, объединившихся потом в Кон. Эд. Однако теперь работа велась уже не "вслепую": было примерно ясно, кого искать. И вот 18 января одна из сотрудниц взяла в руки дело, на котором было написано: "Метески, Жорж". Метески работал чистильщиком генераторов в компании – предшественнице Кон. Эд. 5 сентября 1931 г. в результате аварии парового котла он получил травму (попав под струю горячего воздуха). Доктора сочли повреждения не опасными для здоровья, однако Метески настаивал на том, что после травмы он стал инвалидом и не может работать. Поначалу компания позволяла Метески оставаться дома и оплачивала больничный лист. Однако позднее, заподозрив симуляцию, прекратила выплаты. Эта компания и была одной из тех "других", о которых говорилось в письмах Жоржа Метески, подписывающего свои "послания" в газеты литерами "F.P." 4 января 1934 г. Рабочим Советом по компенсациям было отклонено ходатайство Метески об инвалидности (он утверждал, что после несчастного случая заболел туберкулезом). На протяжении следующих трех лет он писал жалобы в разные инстанции, обвиняя руководство компании во всех смертных грехах. Потом замолчал и исчез. Последняя запись в его личном деле датирована 1937 годом.

Сотруднице, работавшей с личным делом, бросилось в глаза знакомое выражение "чудовищные злодеяния", часто фигурировавшее в посланиях, направлявшихся Безумным бомбителем в газеты и журналы, и она стала более внимательно читать дело дальше. Как оказалось, после первой мировой войны Метески служил на флоте, где получил специальность электрика. До несчастного случая его профессиональная репутация была безупречной (как и

предсказывал Бруссель). К тому времени (1956 г.) ему должно было быть где-то около 54 лет (если он еще жив). Он был римский католик, родившийся в Польше. В деле был и его последний адрес в Коннектикуте. Словом, если не считать туберкулеза, то совпадение с составленным Брусселем портретом, было стопроцентным

Следственная бригада сделала запрос коллегам по месту жительства Метески, но местные полицейские никакого Метески по указанному адресу не нашли. Было установлено, что до 1920 года дом принадлежал Адаму Милаускасу, а после его смерти перешел к его сыну – Жоржу Милаускасу. Проведенный среди соседей (выходцев из Ирландии, Италии, Центральной Европы) опрос позволил выяснить следующее: Жорж Милаускас, хотя официально фамилию никогда не менял, еще со времени учебы в школе взял фамилию Метески. По словам соседей, это был вежливый, но "странный" человек, общения избегал, друзей не имел.

Поздно ночью четыре Нью-Йоркских детектива позвонили в дверь дома, в котором проживал Метески. Дверь открыл мужчина среднего веса и роста, в пижаме. Он был безукоризненно вежлив, охотно дал образец своего почерка. На вопрос одного из полицейских, что означает подпись "F.P." ответил: "Честная игра".

Детективы объявили ему, что он арестован и попросили его одеться и поехать с ними в город. Он вышел из комнаты, оделся и попрощался с двумя незамужними сестрами, которые жили с ним вместе. Когда он вернулся, на нем был двубортный костюм, застегнутый на все пуговицы.

В своих воспоминаниях Бруссель отмечает еще одно, поразившее его обстоятельство: Метески был чрезвычайно доволен тем, что оказался в центре внимания прессы, охотно позировал перед объективами фото– и видеокамер журналистов.

Метески был помещен в больницу: у него обнаружили активную форму туберкулеза. Одно легкое было полностью поражено. Причину своей ошибки в диагнозе Бруссель впоследствии объяснил тем, что не принял во внимание следующее: многие параноики не доверяют врачам (как, впрочем, и всем остальным), полагая, что они сами больше знают, и, следовательно, не лечатся. Бруссель несколько раз навещал Метески в больнице. Тот всегда был гладко выбрит, опрятен и очень доброжелателен…

После первой удачи в применении метода психологического профиля к Брусселю стали обращаться за помощью детективы из разных городов. Он принимал участие в расследовании ряда громких серийных убийств. В частности, с его помощью удалось поймать опаснейшего серийника по прозвищу Бостонский душитель.

На начальном этапе расследования этого дела (1964 г.) в помощь детективам была выделена группа врачей и ученых психиатров, которую назвали *Медико-психиатрической комиссией.* Обстоятельства выявленных к тому времени 11-ти преступлений – убийств на сексуальной основе – указывали на возможную причастность к ним двух человек. Коллеги Брусселя считали, что одна часть этих нераскрытых убийств (убийства женщин пожилого возраста) совершена одним лицом, а вторая (убийства молодых дам) – другим преступником, не связанным с первым. И только Бруссель не разделял этого мнения. Он утверждал, что вся серия преступлений – дело рук одного и того же маньяка. Используя рекомендации Брусселя, полиция в конце концов установила, что все было так, как и полагал этот выдающийся профилер. Бостонский душитель был выявлен и изобличен в совершении тринадцати убийств. Им оказался Альберт де Сальво. Данные, заложенные Брусселем в разработанный им профиль разыскиваемого убийцы, практически полностью совпали с характеристиками де Сальво. И это не случайность. Решая данную и другие аналогичные задачи, Бруссель опирался на информацию о психодинамических особенностях преступного события и на некоторые психиатрические показатели криминального поведения преступников. Как правильно подмечено российским исследователем Дмитрием Мироновым, у основоположника психологического профилинга «был собственный метод приложения психиатрических принципов к расследованию дел, к которому также приплюсовывался богатый клинический опыт и интуиция».[19]

---

[19] *Миронов Д.* Психология на вооружении ФБР США // Мир безопасности, июль. – М., 1998. – С. 42.

В начале 70-х годов работами Брусселя заинтересовался специальный агент Говард Тетен, читавший в Академии ФБР курс прикладной криминалистической психологии. Тетен стал переписываться с Брусселем, пытался использовать его наблюдения и наработки для объяснения криминального поведения. Поначалу исследование велось на общественных началах одиночками-энтузиастами. В середине 80-х, после создания Национального центра по изучению насильственных преступлений, метод психологического профилинга получил официальное признание.

2.2. В каких случаях, как и на основании чего строится поисковый психологический портрет

Поисковый психологический портрет существенно отличается от традиционного словесного портрета (основы последнего были заложены в 80-х гг. XIX в. французским криминалистом Бертильоном) как метода описания признаков внешности человека по определенной системе.

Словесный портрет

Словесный портрет скрывшегося преступника, личность которого не установлена, составляется, как правило, по указаниям потерпевшего, очевидцев, по данным осмотра места происшествия, где могут быть обнаружены следы., также указывающие на признаки внешности преступника, его физические особенности. По методу словесного портрета осуществляется регистрация неопознанных трупов, без вести пропавших лиц, а также лиц, содержащихся под стражей, в отношении которых производится сигналитическая (опознавательная) фотосъемка. Используется методика словесного портрета и при разработке субъективных портретов – "фоторобота", "изоробота" – разыскиваемых лиц.

Психологический портрет

В отличие от многофункционального словесного портрета психологический портрет отражает внутренние, психологические, а также поведенческие признаки человека. Его основная функция – быть средством поиска, выявления преступника, личность которого не установлена. Психологический портрет формируется не на основе достоверных знаний об отражаемых в нем признаках, а на базе знаний вероятностного характера. Существенно и то, что этот метод "работает" далеко не в каждом случае раскрытия преступления. Полем его применения являются лишь некоторые группы дел, и прежде всего те, что связаны с раскрытием тяжких преступлений против личности. Известно еще одно важное ограничение возможностей его применения. Метод психологического портрета реализуется в тех случаях, когда место происшествия и состояние жертвы позволяют заключить о наличии у неизвестного преступника каких-либо отклонений в поведении, психике, эмоциональном состоянии. Эти ограничения, однако, не умаляют значимости данного метода как остроактуального средства, позволяющего с честью выходить из запутаннейших тупиковых ситуаций, в которых другие методы оказываются просто бесполезными. Сказанное прежде всего касается проблемы раскрытия серийных убийств, совершаемых в разных местах и в разное время лицами с психосексуальными аномалиями.

Разработанный и апробированный в Отделе поведенческих наук Академии ФБР (Куантико, штат Вирджиния), данный метод впервые был применен в 1971 г. при расследовании убийств, совершенных с особой жестокостью. В 1984 г. при Академии ФБР был создан Национальный центр изучения насильственных преступлений, занимающийся идентификацией и розыском преступников, совершивших серийные убийства и другие особо тяжкие преступления против личности. Создание центра стало дополнительным импульсом к широкому внедрению и совершенствованию метода. Этому способствует единая национальная

компьютерная система. По специальной программе в нее заносятся данные обо всех совершаемых в стране тяжких насильственных преступлениях, как раскрытых, так и нераскрытых (соответственно около 15 и 5 тысяч преступлений ежегодно). Наряду с исследовательской работой Отдел поведенческих наук выполняет заказы по составлению психологических профилей для розыска неизвестных преступников.

Метод получил международое признание и внедрен в ряде стран Европы и Америки, высшие полицейские чины которых проходят стажировку в академии ФБР в Куантико.

Материал, необходимый для построения "профиля", собирают путем тщательного изучения жертвы и места преступления. Судебный патолог с помощью средств своей науки дает ответ на вопрос, как было совершено убийство; следователь, располагая полными данными о месте преступления и жертве, отвечает на вопрос: какой тип личности совершил этот поступок.

Психологический профиль составляется для раскрытия преступлений лишь в тех случаях, когда место происшествия и состояние жертвы позволяют предположить наличие у преступника психопатологии. В тех случаях, когда убийство совершено с целью ограбления, а жертва – лишь средство в достижении этой цели, применение метода психологического профиля в США считается нецелесообразным. Другая область преступлений, не пригодных для составления психологического профиля, – это преступления, связанные с приемом наркотиков, поскольку трудно отграничить устойчивые личностные черты от состояний нарушенного сознания в момент совершения преступлений, обусловленных наркотическим отравлением. Итак, для всякого преступления, где наблюдаются какие-либо признаки психологической дисфункции, можно попытаться составить психологический профиль преступника. Наиболее пригодны для использования этого метода убийства на сексуальной почве с признаками садистского истязания жертвы (эвисцерация (потрошение); посмертные колотые и резаные ранения; какие-либо манипуляции преступника с трупом жертвы); безмотивные поджоги и взрывы; причинение увечий жертве; изнасилования; ритуальные убийства.

Этапы составления психологического профиля

Разработанная в ФБР процедура составления психологического профиля состоит из 5 шагов или этапов.

1. Обстоятельное изучение и анализ природы и сущности преступления и типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом.
2. Исчерпывающий анализ места расследуемого преступления.
3. Углубленное изучение окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв, если их несколько) и подозреваемого (подозреваемых).
4. Формирование возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц.
5. Описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности).

Чаще всего в психологическом профиле описываются и оцениваются следующие характеристики преступника: пол и возрастные рамки; семейный статус, образовательный уровень, род занятий (общие сведения о работе), как будет реагировать на ситуацию полицейского расследования и допрос, уровень сексуальной зрелости, сможет ли совершить вновь нечто подобное, вероятность того, что искомый преступник мог совершать в прошлом аналогичные преступления, есть ли на него полицейское досье.

Материалы для составления психологического профиля

Для составления "психологического профиля" используют следующие материалы:

Фотографии места преступления, цветные, увеличенные фотографии имеющихся на теле жертв ран, фотографии жертвы, сделанные с разных позиций и под разными углами. С

помощью обширной фотодокументации криминально-технической службы, используя также карты, планы, схемы, в комплексе анализируется все найденное полицией непосредственно на месте преступления и вокруг него. При этом максимум внимания уделяется каждой видимой на фотографии детали, каждому зафиксированному на снимках портрету или положению, в котором было найдено тело, определяется логическая связь объектов с предполагаемым ходом преступления. Случается, что полицейские, проводившие первичный осмотр места преступления, вносят в него какие-либо изменения. Такие изменения, если они неизбежны, следует тщательно документировать и сообщать о них, иначе возникает опасность сделать позднее ложные выводы о механизме преступления. Хорошо продуманное ограждение места преступления и ловко проложенные пешеходные дорожки являются при исследовании тяжкого преступления важными предпосылками для успеха в работе на месте. Наряду с сохранением следов на месте происшествия задача криминально-технической службы состоит в создании обширной и подробной фотодокументации. При этом в каждом случае используется цветная пленка.

Не рекомендуется ни при каких обстоятельствах экономить на фотоснимках. Важно, чтобы как близкие, так и удаленные от места происшествия окрестности были представлены достаточным количеством фотографий. Так, при совершении убийства внутри здания интерес представляет не только помещение, где было найдено тело, но и фотографические снимки всех остальных помещений дома и его окрестностей. Наряду с обзорными снимками желательны также фотографии деталей, зафиксированных с различных направлений и под разными углами. Фотодокументирование места преступления и его окрестностей – необходимое условие для создания психологического профиля преступника.

Материалы вскрытия трупа и исследования результатов вскрытия. Вскрытие производится специально обученным врачом, обладающим знаниями патолога и судебного медика. Часто необходимо, чтобы врач, которому придется производить вскрытие, был предварительно вызван на место преступления, чтобы он мог иметь представление о случившемся и сделать определенные выводы. При вскрытии должен обязательно присутствовать сотрудник криминально-технической службы, фиксирующий на фотопленке различные стадии вскрытия и исследования трупа. Анализ вскрытия ориентирован на получение ответов на следующие вопросы: каким орудием, где, в какой последовательности и с какой силой были нанесены повреждения, явившиеся причиной смерти. Точная локализация повреждений на теле жертвы позволяет сделать предположение о том, была ли жертва застигнута убийцей врасплох или убийству предшествовала борьба. Интерес представляет также количество повреждений, были ли и какие повреждения нанесены посмертно, были ли ранения нанесены сквозь одежду или в область неприкрытой кожи тела. Общая картина повреждений позволяет сделать вывод о душевном состоянии убийцы в момент преступления и о том, существовали ли между ним и жертвой какие-либо отношения.

План перемещений жертвы до смерти: место работы, место жительства, где последний раз видели жертву перед тем, как она была обнаружена на месте преступления.

Документы с информацией о личности жертвы. В методе психологического профиля изучению жертвы придается столь же важное значение, как и изучению преступника. Для получения психологического профиля преступника необходимо иметь психологический профиль жертвы. На выполнение этой работы выделяются дополнительные сотрудники, специализирующиеся в области криминалистической виктимологии. Эти сотрудники занимаются исключительно жертвой столько времени, сколько необходимо для того, чтобы получить «точную картину жертвы». Из чего составляется эта картина? Возраст, пол, физические особенности, в том числе и одежда во время инцидента, семейный статус, социальная адаптированность, интеллект, успеваемость в школе, взаимоотношения в школе, стиль жизни и недавние изменения в стиле жизни, особенности личности и темперамента, манера поведения, место жительства (прежнее и настоящее), взаимосвязь места жительства и места преступления, сексуальная адаптированность, род занятий (прежний и настоящий), репутация в доме и на работе, история болезни (физические и психические особенности), личностные привычки (употребление алкоголя, наркотиков), социальные привычки, увлечения, пристрастия, друзья и враги, полицейское досье.

Информация о полной картине преступления и реконструкция механизма содеянного (сведения о месте, времени и дате события, показания свидетелей, род оружия, которым было совершено преступление, и т.д.). С помощью характеристики жертвы, анализа места преступления, характера ран и повреждений на теле жертвы можно реконструировать предположительно последовательность событий преступления. Это часто помогает выяснению, почему преступник выбрал тот или иной способ действий. Реконструкция механизма содеянного позволяет диагностировать психологическое состояние преступника в момент совершения преступления, составить представление об уровнях природной интеллигентности и образованности преступника. Особый интерес представляет поведение преступника в так называемой ситуации после убийства (спрятал ли тело жертвы, уничтожил ли другие вещественные доказательства или в панике покинул место преступления, оставив разнообразнейшие следы и т.д.).

Наличие сведений, о которых говорилось выше, позволяет ответить на вопросы: ЧТО произошло на месте преступления и ПОЧЕМУ это произошло? Основная предпосылка, на которой базируется метод психологического профиля, состоит в том, что ответ на первые два вопроса подводит к ответу на третий – КТО мог совершить такое преступление, то есть к составлению психологического профиля, отражающего существенные для характеристики личности и поведения убийцы признаки. Этот профиль описывает совершившего преступление так, как будто речь идет о хорошо известном, знакомом человеке. Однако профиль не "называет" конкретных имен. Содержащиеся в нем сведения одинаково применимы к большому количеству людей определенной категории.

Практика применения психологического профиля

Составлением поискового портрета устанавливаемого преступника работа научных консультантов не заканчивается. Их следующая важная задача – разработка рекомендаций о том, как, используя информацию, заложенную в указанный портрет, выявить преступника и как тактически правильно построить его допрос с учетом личностных особенностей заподозренного. В этих целях разработаны различные приемы заманивания преступника в ловушку. Вот один из них. Киллеры определенного склада внимательно отслеживают обнародованную в СМИ информацию о совершенных ими преступлениях и работе полиции. Зная это, можно успешно использовать местную прессу, радио и телевидение для запуска специально подобранной информации с тем, чтобы побудить преступника к определенным действиям в определенном месте. Организация оперативного контроля за этим местом позволяет захватить искомое лицо, если оно "клюнет" на информационную "приманку".

Не стоят в стороне от подобных изысканий и российские пинкертоны. Так, поведенческий отдел Московского уголовного розыска тоже разработал ряд оперативных методов по выявлению сексуальных убийц.

Одним из них является метод "физического перекрытия", основанный на иррациональном стремлении большинства маньяков действовать в пределах определенной территории. Животный инстинкт влечет их "охотиться на своей территории". Для выявления маньяка устанавливается негласное наблюдение за м:естами его возможного появления и установления контакта с потенциальной жертвой.

Другим таким методом является "вычисление по установочным данным". В его рамках проводится тщательная проверка всех ранее замеченных в попытках совершения аналогичных преступлений и подозрительных лиц из числа психически неполноценных людей. Устанавливается наблюдение за членами религиозных сект, в которых нестандартной половой жизни придается особое значение.

Необходимо подчеркнуть, что разработка и реализация психологического профиля – это лишь одно из многих средств расследования. Это не магическое средство, не панацея от всех бед и трудностей следствия по уголовным делам, а попытка использовать поведенческие и психодинамические принципы психологии в прикладной области.

О перспективах применения данного метода автор статьи "Mindhunter", опубликованной в

журнале "Psychology Today (1983, № 4)", сказал: "…видимо недалек тот день, когда полиция по психическим петлям и завиткам, оставленным на месте преступления сможет распознавать преступника столь же быстро и надежно, как если бы он покрыл всю стену отпечатками пальцев".

Чтобы приблизить наступление этого дня, ученые в области наук о поведении должны объединить свои усилия в совершенствовании методов расследования, основанных на использовании психологических и других специальных знаний.

2.3. Поисковый психологический портрет преступника, убившего 34 американки

Данный портрет составлен профессором Рональдом Холмсом. Работая над ним, Р. Холмс изучил материалы дела, вскрытия трупа последней жертвы, заключение судебных патологоанатомов, планы места обнаружения трупа и окружающей местности, фотографии и видеодокументы места происшествия и следов преступления. Вот, что он написал в своем заключении о признаках устанавливаемого лица.

"Возраст: Возраст этого подозреваемого должен быть где-то между 32–36 годами. Возможно, на пару лет старше. Для такого мнения есть следующие основания. Во-первых, как мне кажется, этот человек уже совершал подобные убийства, то есть я хочу сказать, что он уже несколько лет в своих фантазиях убивал женщин подобным образом. Потом он перешел к конкретным действиям, то, что он сделал с этой женщиной, имеет предысторию: не исключено, что до этого он уже совершил в реальности одно или два убийства. Во-вторых, это возраст завсегдатаев баров в этой местности. В третьих, о таком примерно возрасте может свидетельствовать энергия, с которой было совершено преступление.

Пол: Преступление совершено мужчиной.

Раса: Как полагаю, этот подозреваемый – белый. Почему я так считаю? Прежде всего потому, что большинство убийц выбирают свои жертвы из представителей одной с ними расы. Каких-либо оснований для того, чтобы считать, что преступник не принадлежал к белой расе, в материалах дела не усматривается.

Интеллект: Я склонен думать, что этот человек имеет средние или чуть выше средних умственные способности. Он прекрасно гармонирует со своим окружением и, вероятно, может выполнять работу, не нуждающуюся в постороннем надзоре. Он не производит впечатления умственно отсталого лица, хорошо его знающие считают его человеком со средними способностями, но с некоторыми странностями.

Образование: У этого подозреваемого высшее или незаконченное высшее образование. В годы учебы он хорошо адаптировался к окружению, у него не было существенных проблем в поведении. Он посещал местную школу в вашей части штата. Если он посещал колледж, то оставался в нем не более семестра. Его способности позволяли ему поступить в колледж, но его психическое состояние, его личная неорганизованность не позволяли ему долго там оставаться. В период учебы он мог быть средним студентом, вероятно, без поведенческих проблем.

Семья: Этот человек – либо единственный ребенок в семье, либо из малодетной семьи. Его отец был человеком пассивным и мало занимался воспитанием сына, возможно, что он вообще не жил с семьей, либо рано умер. Мать была женщиной властной в семье. Она была главным судьей, присяжным и исполнителем наказаний. Ее слово было в семье законом. Я могу также предположить, что умерла она совсем недавно, может быть месяцев 6 тому назад. Ребенок в семье жил под полным контролем матери, мать постоянно оскорбляла преступника.

Место жительства: Во время преступления, о котором идет речь, подозреваемый жил в этой местности, живет тут и сейчас. По тому, как он перенес уже мертвую жертву в наиболее привычное и удобное для манипуляций с нею место, чувствуется, что подозреваемый действовал в «своей зоне комфорта». Останки захоронены в четырех местах. Первое – это место, где было найдено туловище (это место находится в вашей юрисдикции); три других места являются для подозреваемого менее комфортными, и захоронения в них были произведены позже. Подозреваемый живет ближе к месту первого захоронения.

На место захоронения туловища нужно обратить особое внимание. Преступник живет недалеко от этого места, возможно, даже в пределах видимости. Дом, в котором живет

подозреваемый, ничем не выделяется в округе. Этот человек живет здесь давно, его здесь хорошо знают. Вероятно, он долго жил вместе с матерью, не исключено, что до самой смерти.

Машина: Машина этого человека содержится в «плохом косметическом виде». Возраст машины 8–10 лет; эта машина «домашняя» – «Форд», «Шевроле» и т.д. Машина грязная, неопрятная, «механическая часть» тоже оставляет желать лучшего. В салоне машины такой же беспорядок, и здесь могут быть найдены следы крови жертвы.

Род занятий: У этого человека работа постоянная. Он может работать в строительной организации, где иногда ему приходится заниматься и физическим трудом. Он может также быть водителем грузовика. «Беловоротничковая» профессия исключена. Он обнаруживает некоторые познания в различных юрисдикциях, а способ расчленения тела свидетельствует о владении информацией, которая может быть известна только полиции, возможно, он когда-либо был или сейчас является добровольным помощником полиции, медицинским техником, пожарником и т.п.

Психосексуальное развитие: У этого киллера – серьезные проблемы. Способ расчленения трупа, то, как он обезобразил лицо жертвы, изобразив на нем «улыбку», все это свидетельства лютой ненависти к женщинам. Части расчлененного трупа киллер разместил в нисходящем порядке предпочтения. Прежде всего – торс, найденный за день до того, как были обнаружены остальные части тела. В других частях тела были найдены кусочки льда – свидетельства того, что эти части тела представляли для киллера большой интерес и он хранил их дольше. Интересно, что сохранил (по крайней мере, из того, что было найдено) часть тела от шеи до талии, то есть наиболее для него «лично значимую» часть. Я не исключаю, что этот человек мог содрать кожу с трупа и носить ее по ночам у себя дома, где он живет в одиночестве. Этот человек может оказаться транссексуалом, и не исключено, что он уже обращался за консультациями по поводу своих сексуальных проблем. Подчеркиваю, что я не считаю его гомосексуалистом. Просто у него серьезные проблемы с сексуальностью. С одной стороны, он обожает женщину как таковую, он хочет ей нравиться (по этой причине он сохранил грудь и репродуктивные органы). С другой стороны, он женщину ненавидит из-за того, что ему пришлось вытерпеть (из-за матери?) от женщин. Об этом свидетельствует способ выбора жертв: он выбирает своих жертв из числа сексуально активных посетительниц баров для низшего класса, алкоголичек, которым «наплевать на свою семью».

Приведенный портрет преступника был разработан по заданию ФБР в то время, когда детективы еще не располагали сведениями о личности искомого лица. Лишь впоследствии, после того, как преступник был схвачен и разоблачен, чему способствовал правильно составленный его портрет-образ, выяснилось, что на счету этого маниакального убийцы и насильника 34 жертвы.

2.4. "Этот парень несет чепуху"

Как показывает практика, возможности успешной реализации поискового психологического портрета преступника существенно возрастают, когда его разработчикам удается определить наличие у искомого лица индивидуальных признаков, позволяющих выделить его из группы людей, реальный облик которых сходен с образом, зафиксированны в портрете. Речь идет о своего рода особых приметах искомого лица и прежде всего о свойственных ему персонифицирующих признаках психологического и психофизиологического характера. В этом отношении весьма примечателен случай из практики известного американского профилера Джона Дугласа, много лет проработавшего в качестве специального агента ФБР. Вот его рассказ.

"Когда-то жертвами большинства преступлений, особенно насильственных, были знакомые преступнику люди. Им двигала злость, алчность, ревность, месть. Но в наше время все больше преступлений совершается против незнакомых людей и получает распространение опасный тип преступника – преступник-маньяк. Поскольку жертвы маньяков не входят в круг их знакомых, а мотивы преступлений весьма запутанны, то поймать серийных убийц и насильников наиболее трудно.

Как ни странно это звучит, но единственный способ выследить такого преступника – это

думать так же, как он, мысленно поставив себя на место охотника. Это нелегко и это неприятно, но я и мои коллеги из ФБР научились это делать.

Одно из моих первых дел началось в августе 1979 г., когда пропала Эдда Кейн, спортивная 44-летняя женщина, менеджер банка. Она отправилась на прогулку в окрестностях Сан-Франциско, и, когда с наступлением темноты женщина не вернулась домой, ее супруг позвонил в полицию. Обнаженное тело Кейн было найдено на следующий день. Она стояла на коленях, словно просила сохранить ей жизнь. Причиной смерти была пуля, выпущенная ей в затылок.

В марте следующего года в том же районе было обнаружено тело 23-летней женщины. В октябре была найдена мертвой, с пулевой раной в правом виске, 26-летняя женщина, одетая в спортивный костюм. Затем, за один день в ноябре 1980 г. в Пойнт-Рейес-Парк, в 32 километрах от Сан-Франциско, были обнаружены трупы трех женщин и одного мужчины. После того, как это стало известно, началось настоящее светопреставление.

Давление общественности на правоохранительные органы нарастало, но расследование зашло в тупик. Свидетели заявляли о том, что незадолго до смерти рядом с жертвами видели мужчину, однако, описания не совпадали. Несмотря на объединенные усилия десяти полицейских участков и местного отделения ФБР, никто не мог найти убийцу.

Тогда следователи и обратились в Национальную академию ФБР в Куантико. Я в то время занимался разработкой новой методики расследования – составлением психологического портрета преступника. Поскольку я был единственным сотрудником, работавшим по этой теме в Подразделении по изучению поведения, то в Сан-Франциско отправили меня.

Я начал с изучения отчетов полиции и фотографий мест преступления. Меня особенно заинтересовало то, что все убийства произошли в уединенных местах с густой растительностью. Анализ этого дела я излагал полицейским в большом лекционном зале. Многие из сидевших в зале были убелены сединами. Чтобы поймать убийцу, из отставки были призваны на службу опытные ветераны.

Я считал, что мы имеем дело с необщительной личностью, страдающей комплексом неполноценности. Тот человек не способен без насилия добиться от своих жертв того, чего он хочет, и, поскольку все его жертвы находились в хорошей физической форме, единственным способом одолеть их было молниеносное нападение сзади.

Я предполагал, что у этого парня были проблемы в семейной жизни и что он уже сидел в тюрьме за изнасилование или, что более вероятно, за попытку изнасилования. Наверняка имел место некий психологический толчок, например рождение ребенка или потеря супруги, предшествовавший началу в этой серии убийств. Поскольку все его жертвы были белыми, а в преступлениях такого типа обычно четко соблюдаются расовые признаки, то преступник был белым.

Судя по тому, как успешно действовал убийца и как удачно скрывался от полиции, он, вероятно, не был юношей, но его возраст, видимо, не превышал 35 лет, умственное развитие значительно превосходило норму. В детстве он, скорее всего, страдал хроническим недержанием мочи, манией поджигательства и отличался жестоким отношением к животным, или, по крайней мере, для него были характерны две из приведенных трех характеристик.

Еще одно, – добавил я после продолжительной паузы. – Убийца заикается. – Разгадать, что подумали полицейские, было нетрудно: "этот парень несет чепуху".

– Вы делаете такое заключение, судя по характеру раны? – саркастически поинтересовался один полицейский.

Нет, объяснил я. Тот факт, что убийца предпочитает нападать внезапно даже в пустынных местах, говорит о том, что в нем есть нечто, чего он стесняется. Никто из свидетелей не упоминал о ком-либо, имевшем явный физический недостаток. Я предположил наличие заикания, поскольку это то, чего может стесняться убийца, но что невозможно заметить, пока он не начнет говорить.

Двадцать девятого марта 1981 г. убийца снова нанес удар, расстреляв на сей раз пару влюбленных в парке недалеко от Сайта-Круза. Он убил 20-летнюю Эллен Мари Хансен, но лишь ранил ее приятеля Стивена Хертла. Хертл сообщил полиции, что убийце 50–60 лет, у него кривые желтые зубы и лысеющая голова. У некоторых свидетелей этот человек ассоциировался

с новой красной машиной, возможно, Фиатом. Баллистическая экспертиза подтвердила, что пуля с места покушения идентична найденным на месте предыдущих убийств.

Затем 2 мая исчезла миловидная 20-летняя блондинка Хедер Рок-сани Скаггс. Она училась в полиграфическом училище в Хейворде, штат Калифорния. Родные и друзья утверждали, что она собиралась встретиться с Дэвидом Карпентером, своим преподавателем, чтобы купить машину у одного из его друзей. Карпентеру было 50 лет, и он ездил на красном "Фиате".

Полиция и ФБР взяли Карпентера под наблюдение, и петля начала затягиваться. В конце концов он был арестован, признан виновным в совершении нескольких убийств и приговорен к смертной казни.

Позже стало известно, что Карпентер сидел в тюрьме за совершенное в 1960 г. нападение на женщину. Это преступление последовало за рождением ребенка в его семье, в которой сложились напряженные отношения.

У Карпентера была мать-деспот, а отец часто его бил. В детстве он страдал хроническим недержанием мочи и мучил животных. Его умственные способности превышали средний уровень, но большую часть жизни его унижали из-за того, что он сильно заикался[20].

Глава 3
Российские убийцы-серийники

3.1. Типовой портрет

А как же обстоят дела с кроваво-сексуальным бандитизмом в России? Данные, которые имеются на этот счет, оптимизма не вызывают: куда хуже, чем на цивилизованном Западе. По этому виду гнусного зла, у которого, как и за рубежом, звериное лицо, мы впереди планеты всей. И в количественном отношении, и по тенденции роста.

По данным А. Бухановского, с 1993 по 1998 гг. количество серийных убийств увеличилось более чем в четыре раза. Как отмечалось на прошедшей в 1998 г. 2-й Международной научной конференции на тему "Серийные убийства и социальная агрессия", только в Ростовской области за последние 10 лет разоблачено 28 серийных убийц, на счету которых почти 120 жертв.

У российских маниакальных убийц нет конкурентов по ряду показателей, в том числе по признаку возраста, с которого начинаются преступления. Совсем недавно в СМИ сообщалось о задержании в Подмосковье самого юного маньяка всех времен и народов. Вот что об этом написал репортер одной из столичных газет.

Саша Тимофеев, 12 лет, (имя и фамилия изменены) рос весьма агрессивным. Он плохо учился, терроризировал малышей и слабых ровесников, часто срывал уроки и грубил преподавателям. Родители, которые, кстати, отличались жестокостью по отношению к сыну, объясняли причины его неуправляемости переходным возрастом. Подростка даже отправляли на обследование в психоневрологический диспансер, однако мальчик по-прежнему ходил в школу и общался с детьми.

Если поначалу юнец просто дергал девочек за косички, то вскоре он перешел к вполне взрослым поступкам. 25 ноября Саша набросился на одноклассницу, намереваясь раздеть ее и изнасиловать. Подросток даже полоснул девочку ножом по горлу, однако школьнице удалось убежать. Разгневанные родители написали заявление в милицию, но меры не были приняты… Три недели спустя малолетний маньяк напал на первоклассницу и попытался ее задушить. К счастью, в пустой класс вошли родители ученицы, которые в это время забирали девочку из школы, и Тимофеев убежал. Спустя несколько дней Тимофеев, выследив восьмиклассницу и ее пятилетнюю племянницу, в безлюдном месте набросился на детей и повалил их на землю.

---

[20] *Ридерз Дайджест.* – Июнь. – М, 1996. – С. 142–145.

Восьмиклассница успела крикнуть племяннице, чтобы та бежала, и малышка со всех ног бросилась домой. Самой же школьнице спастись не удалось… Негодяй шесть раз ударил несчастную в спину, а затем полоснул лезвием по горлу и начал раздевать, порезав ей еше и живот. Юного маньяка спугнули родители девочки, прибежавшие на выручку. Дочь умерла у них на руках…[21]

Общеуголовные преступления в России совершаются лицами самых различных национальностей. В криминально-криминогенном отношении у нас нет "чистых" наций и народностей. Национальный вопрос в российской преступности не актуален. Но так обстоит дело только на усредненном уровне общей уголовной статистики. Преступления, о которых идет речь в данном случае, являются исключением из правила. Кроваво-сексуальные сериалы в России в основной своей массе совершаются представителями славянской расы. Этот доминирующий показатель сопрягается с другим – с невиданной жестокостью отечественных потрошителей.

Известный криминолог и психолог Ю.М. Антонян описывает их "подвиги" следующим образом:

«Орудуя чаще всего под покровом ночи, сексуальные убийцы, как первобытные охотники обычно выслеживают свои жертвы, внезапно нападают на них, наносят множество телесных повреждений, неистово вспарывают грудь и живот, выворачивают внутренности, совершают надругательства над половыми органами, отрезают отдельные куски тела. Эти злодеяния поражают своей неимоверной жестокостью, неумолимостью, большим количеством жертв, среди которых немало детей. Создается впечатление, что на свет вырвались невиданные чудовища, грозные слуги смерти, не знающие чувства жалости и сострадания. Это впечатление еще больше усиливается, когда обнаруживаются факты съедения ими отдельных частей тела убитых.»[22]

Примеров злодеяний, о которых пишет Антонян, сколько угодно. Похождения подмосковного зоотехника Головкина одно из них.

В уголовном розыске его называли "удавом". Отличился этот "герой" далеко не телевизионного сериала любовью к мальчикам, но странной любовью. Начиная с середины 80-х годов в подмосковных лесных массивах стали находить трупы мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет со следами зверских пыток и глумления. Когда преступника все же поймали, выяснилось, что свою единственную, но пламенную страсть он реализовывал такими способами, что у видавших виды сыщиков волосы на голове вставали дыбом. В бетонном подвале-бункере своего гаража (куда Головкин, неженатый, 30-летний мужчина, обманным путем заманивал свои жертвы) при ярком электрическом свете он орудовал набором ветеринарных инструментов, топором, лопатой, шприцами, синтетической веревкой, убивая, подвешивая живых и мертвых на крюки, снимая с них скальпы, разрезая тела на куски, вырезая фрагменты мышечных тканей, снимая и засаливая кожу тех, кто оказался в его логове. Вся эта страшная картина открылась перед глазами следователя и оперативных работников, осматривавших подвал Головкина и то, что осталось от его жертв. Не прошла мимо их внимания и оцинкованная ванночка, в которую спускалась кровь убитых. И хотя кровь сжигалась изувером с помощью паяльной лампы, при осмотре ванночки обнаружили сгустки крови и кусочки препарированной кожи. В подвале нашлось еще кое-что, что позднее признали вещественными доказательствами. (Изъяли, например, презервативы и вазелин, имевшие свое вполне определенное обоснование.)

По мнению Ю.М. Антоняна, жестокость в структуре преступного поведения убийцы выступает в качестве средства его самоутверждения. «Терзая, пытая, уничтожая другого, – подчеркивает Ю.М. Антонян, – принося ему неимоверные страдания, без остатка порабощая его, преступник ощущает всю полноту и значимость своей личности, подтверждает свое место в жизни… Уничтожая другого, пытаясь буквальным образом втоптать его в землю или сжечь,

---

21 "МК. – 2000. – 25 декабря.

22 *Записки криминалистов.* – Вып. 3. – М., 1994. – С. 244.

преступник стремится компенсировать все те страдания, а подчас и унижения, которым ему, по его субъективным ощущениям, пришлось подвергаться ранее.»[23]

Сколько же их, потенциальных, еще не пойманных Головкиных затаилось или блуждает в потемках российского пространства? Точно этого не знает никто. Армия сексуальных маньяков неуклонно растет. Этому способствуют навалившиеся на страну беды, доведенные до абсолюта абсурды, тлетворно воздействующие на сознание и подсознание личности. Сращивание власти и уголовной преступности, алкоголизация и духовная деградация, вырождаемость населения, расцвет наркомании, разрушение исторической памяти народа, неудержимый, как половодье, распад семей, экономическая разруха не проходя! бесследно.

Как подчеркивает психиатр из Ростова-на-Дону Александр Бухановский, людей с психо-сексуальными аномалиями гораздо больше, чем принято об этом думать. Если не принять решительных мер, то в ближайшие годы следует ожидать соответствующего криминального взрыва.

И этот печальный прогноз известного ученого и практика представляется, увы, реальным. Не менее печально и то, что раскрытие преступлений сексуальных маньяков оставляет желать много лучшего. Далеко не во всех случаях эти ничтожества оказываются за решеткой, слишком часто преступления раскрываются с огромным запозданием после моря пролитой крови невинных жертв. Причем большей частью установление преступников и пресечение их преступного промысла происходит благодаря его Величеству Случаю.

Вот, например, как был пойман Василий Кулик, долгое время своими бесчинствами буквально терроризировавший жителей Иркутска.

Повар столовой сельхозинститута Галина Викторовна выглянула в окно и, бросившись в служебное помещение, наткнулась на бухгалтеров Андрианову и Веселовскую. "Ой, Таня, ой, Тамара, там мужчина повел мальчика на стройку, наверняка изнасилует", – на одном дыхании выпалила Галина Викторовна, хватая за руки подруг.

Те не поверили. Но повар – бледная, не на шутку встревоженная – горячо и сбивчиво пересказала им свои подозрения, отрывая пальцы и вновь цепляясь за сослуживиц, которым наконец передалась ее тревога.

Андрианова с Веселовской кинулись на стройку. Замедлив у дома шаг, они, не сговариваясь, разошлись в разные стороны и, крадучись, бесшумно обходя здание, заглядывали в каждое окно, безуспешно пытаясь рассмотреть что-нибудь в темном помещении.

Силуэт мужчины, в полусогнутом состоянии стоявшего на коленях, первой заметила Андрианова. Вздрогнув, крикнула: "Тамара, надо вызвать милицию!" Мужчина не шелохнулся. Веселовская, увидевшая его через другое окно, громко спросила: "Ты что тут делаешь?" "Нужду справляю", – спокойно ответил тот. "Сволочь, а почему в таком положении?" Мужчина что-то пробурчал в ответ, но Тамара уже бежала к столовой, высоким и звонким голосом взывая к прохожим. Андрианова резко отшатнулась: насильник, выпрыгнувший из окна, чуть не сбил ее с ног, перемахнул через забор, ограждающий стройку, и помчался прочь. В этот момент от группы прохожих, ринувшихся вослед ему, оторвался парень; стремительно, почти летящими прыжками настиг беглеца, перелезавшего через очередной забор, и мертвой хваткой вцепился ему в ногу, ловко уворачиваясь от яростных пинков. Спустя несколько секунд подоспела помощь: второй преследователь забрался на забор и хорошо рассчитанным ударом саданул мужчину по очкам, слетевшим с него в стекольных брызгах. Беглец обмяк, тут же перестав сопротивляться, его сдернули с забора и повели в милицию, крепко обхватив с обеих сторон. Так был задержан один из опаснейших преступников последних десятилетий…

На стройке обнаружили полуобнаженного мальчика в бессознательном состоянии, но, похоже, еще живого. Перенесли в столовую, вызвали неотложку. Мальчик очнулся, стонал, слабо отбивался: "Не подходите… Мне больно… очень…"

Личность задержанного повергла всех в изумление. Кулик Василий Сергеевич, линейный врач Иркутской городской станции «Скорой помощи», 30 лет, женат, имеет двоих детей. Сын интеллигентных родителей. Отец – профессор, доктор биологических наук, писатель. Мать –

---

[23] *Антонян Ю.М.* Психология убийства. – М.: Юристъ, 1997. – С. 223–224.

директор школы. Казалось невероятным, что такой человек мог быть преступником. Николай Моденов и Илья Хонгодоров – это им обязан Иркутск избавлением от монстра. Работники милиции и прокуратуры, не раз выходившие на след убийцы, проявили полнейший непрофессионализм.[24]

Справедливости ради нельзя не сказать, что для поимки Кулика и ему подобных обычно делалось и делается много. Вот только плохо получается. Как всегда. Как повелось, ибо ведутся дела бестолково, по наитию, методом многочисленных проб и столь же многочисленных ошибок. Несвоевременное раскрытие анализируемых сериалов является следствием издержек организационного порядка, слабой базы информационного обеспечения расследования, низкого уровня профессионализма оперативных работников и следователей, отсутствия фундаментальной научной базы и четких, целенаправленных методических разработок, необходимого в количественном отношении научно-консультационного аппарата, каким обладает, например, полиция в США.

Исследуя вопрос о том, почему долгое время ростовский Чикатило оставался неуязвимым для правоохранительных органов, генерал-майор МВД России Н.П. Водько приводит конкретные данные об огромном количестве ошибок и упущений, допущенных оперативно-розыскными и следственными органами. По мнению Водько, затянувшейся на долгие годы безнаказанности Чикатило способствовали и «проколы» консультантов-медиков при разработке поискового психологического портрета устанавливаемого преступника.[25]

Всего этого во многом можно было бы избежать, если бы отечественные пинкертоны имели на вооружении полноценный типовой "портрет" сексуального убийцы. И хотя интенсивные исследования в этом направлении ведутся, они еще далеки от завершения.

Все главное, как говорится, еще впереди. Но и то, что уже достигнуто, может быть реализовано с пользой для науки и для практики.

По мнению Ю.М. Антоняна, при разработке розыскных и предупредительных мероприятий следует учитывать, что при кажущейся внешней одинаковости "серийные" сексуальные убийства в действительности весьма существенно отличаются друг от друга. Можно выделить следующие их группы:

• Убийства лиц женского пола и подростков (обоего пола) с целью сломить их сопротивление;

• Убийства с целью обеспечения собственной безнаказанности после совершенного изнасилования;

• Убийства, когда преступник получает половое удовлетворение от мучений и агонии своих жертв (это наиболее опасная категория сексуальных преступников);

• Убийства женщин до, во время и после совершения изнасилования, когда потерпевшие говорят или делают нечто, что воспринимается преступником как тяжкое оскорбление.

Определить, к какой группе преступников относится данный убийца, можно на самой ранней стадии предварительного следствия, что позволяет построить правильную версию, "привязать" данное убийство к другим подобным деяниям.

Результаты исследования Ю.М. Антоняна изложены в виде следующих основных положений:

• сексуальные посягательства на женщин, сопровождаемые проявлениями особой жестокости, определяются не столько половыми потребностями преступников, сколько необходимостью решения своих личностных проблем, в основе которых лежит бессознательное ощущение зависимости от женщин (при этом имеется в виду не конкретное лицо, а женщина вообще);

• социальное или биологическое неприятие их женщинами порождает у них страх утратить свою социальную и биологическую определенность в жизни, т.е. фактически стать как бы отверженными. Преступник не может согласиться с такой ролью. Насилуя и убивая

---

[24] *Записки криминалистов.* – Вып. 3. – М., 1994. – С. 262.

[25] *Водько Н.П.* Почему так долго искали Чикатило… – М., 1996.

потерпевшую, т.е. полностью господствуя над ней, он возвышается в собственных глазах, подтверждая свое право на существование. Следовательно, здесь действует мотив самоутверждения, обладающий огромной стимулирующей силой;

• нападение на подростков и особенно детей детерминируется бессознательными мотивами снятия или подавления тяжких психотравмирующих переживаний собственного детства, связанных с унижениями, перенесенными в основном от родителей. Избрание же сексуального способа преступного посягательства определяется тем, что у данного человека сексуальные отношения вызывают наибольшие затруднения. Эти затруднения, переплетаясь с нежелательными образами детства, мощно стимулируют указанные тяжкие посягательства. Понятно, что в названных случаях ребенок или подросток также выступают в качестве символов.[26]

Думается, что приведенные суждения важны не только для ученых, но и практических работников, поскольку их учет может оказаться полезным при построении версий и проведении соответствующих поисковых и следственных мероприятий.

Вместе с тем следует учитывать, что не все представители сексуально-кровожадных монстров строго вписываются в те или иные научные типологические группы по "интересам".

И тем не менее сравнительный анализ данных отечественных и зарубежных специалистов, полученных при изучении сексуальных маньяков-убийц, позволяет судить о том, что по основным показателям характеристики рассматриваемого типа лиц в России и за ее пределами совпадают. Прежде всего это касается социально-психологических параметров личности маниакальных убийц с сексуальной патологией, генезиса, мотивационного механизма, закономерностей, лежащих в основе их противоправного пред– и посткриминального поведения.[27]

Профессиональная деятельность сексуальных преступников в России, как правило, отражает трудности общения этих лиц с окружающими и в свою очередь с людьми своего возраста. Поэтому в наиболее типичном варианте это работа уединенная, с ограниченным числом контактов с окружающими. Возможен обратный вариант, когда под видом профессиональной деятельности они стремятся к общению с интересующими их в сексуальном отношении объектами.

С точки зрения психологии криминального поведения, преступники делятся на тех, кто предварительно вступает с жертвой в контакт, и тех, кто этого избегает. Данная характеристика поведения преступника при всей ее внешней малозначимости является важной. Для большинства преступлений этого вида данный вопрос является принципиальным. Лица, вступающие в контакт, относятся к общению с жертвой как к обязательному ритуалу. Лица, не вступающие предварительно в контакт, нередко даже отказываются от своих преступных намерений, если бывают вынуждены общаться с предполагаемой жертвой. Поэтому и те и другие придерживаются своей тактики.

В целях завладения жертвой используется стандартный набор: хитрость, сила, соблазн, угрозы.

Одежда преступника в большинстве случаев после нападения хранит следы преступления.

Специального оружия практически не бывает, применяются либо бытовые предметы (кухонные ножи, отвертки, веревка), либо импровизированные (камень, платок жертвы и т.п.).

Если орудия убийства готовятся заранее, то преступник использует их многократно.

Российские исследователи обращают внимание на дисгармоничность семей, в которых выросли сексуальные преступники. Прежде всего это вариант, когда мать, властная женщина,

---

[26] *Записки криминалистов.* – Вып. 3. – М., 1994. – С. 260.

[27] Это обстоятельство создает предпосылки для совершенствования практики борьбы с маниакально-сексуальной преступностью на основе международного обмена передовым опытом, накопленным в указанной области. Наряду с этим открывается возможность и для дальнейшего развития научных исследований психологов, криминалистов, криминологов путем взаимообмена идеями, творческой реализации эмпирических данных и достижений их зарубежных коллег.

подавляет отца. Будущие серийники растут в ситуации эмоционального отчуждения со стороны родителей. В тех же случаях, когда преступники вырастают во внешне благополучных семьях, отмерено, что родители часто уделяют много внимания интеллектуальному и физическому развитию ребенка, оставляя без внимания эмоциональную сферу.

Преступники могут иметь жену, детей. Часто жертвы преступлений имеют одинаковый возраст с их детьми. Нередко они совершают развратные действия со своими детьми.

Среди преступников, совершающих серийные убийства по сексуальным мотивам, встречаются лица, имевшие в прошлом судимость за аналогичные преступления. Часто первые преступления они совершают в подростковом возрасте, после отбывания наказания (иногда и до окончания срока) совершают серию преступлений.[28]

Портрет российского серийного убийцы

Как подмечено Е.Г. Самовичевым, криминальное событие в поведении серийного убийцы реализуется «по механизму резонансных отношений между хронотипами виновного и потерпевшего. Выбор жертвы не является случайным. В ее типе объективизированы существенные черты типа преступника, хотя формы их внешнего проявления могут быть различными».[29]

Все это очень похоже на то, с чем мы столкнулись, изучая зарубежные источники. Вместе с тем отечественные серийные убийцы не являются во всех отношениях копией, зеркальным отражением образов их европейских или заокеанских "коллег". В отличие от обычно опрятных, ухоженных, подчас внешне респектабельных зарубежных серийников, российские киллеры чаще выглядят не лучшим образом. Их внешний вид соответствует неудачному социальному статусу отверженного. Безвкусно, примитивно одетые в дешевые, поношенные вещи с потугой на оригинальность и подражание моде. Бросающаяся в глаза неухоженность. Часто какой-либо значок или знак, свидетельствующий о внутреннем стремлении выделиться или уравняться с желаемым кругом лиц.

Глаза злые, с выражением затравленного зверька. Движения диспластичные, неуклюжие.

В разговоре на обычные темы стремятся уйти от общения, не смотрят в глаза.

Определенное отличие портрета российского серийного убийцы от западного образца имеет свое объяснение. Оно обусловлено известным своеобразием субкультуры, среды обитания отечественных мокрушников, особенностями социально-экономической ситуации советской и постсоветской деятельности.

3.2. Персонифицированные портреты некоторых российских серийных убийц

Похождения иркутского монстра

После задержания Василий Кулик признался, что на его совести – около 40 преступлений (изнасилования, покушения на изнасилования, развратные действия в отношении несовершеннолетних), в том числе 14 убийств. Лишал жизни детей, пожилых женщин, старух. Душил руками, вешал, резал ножом. Девочек и мальчиков заманивал в подвалы, откуда не долетало ни стона, ни вскрика страдальцев. Взрослым делал уколы, вводя снотворное под видом лекарства, и вытворял с ними все, что хотел…

В заявлении, названном им "Явка с повинной", Кулик писал: "Считаю себя в полном физическом и моральном здоровье и требую, чтобы ко мне была применена крайняя мера

---

[28] *Гримак Л.П.* и др. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1999. – С. 154.

[29] *Серийные убийства и социальная агрессия.* – Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – С. 91.

наказания… Считаю, что людям, подобным мне, не место среди людей, не говоря о совместимости с моей профессией. Еще раз прошу отнестись ко мне со всей строгостью закона".

Что же предшествовало сериалу Кулика?

Первая его любовь была романтической. Ему – 24 года, ей – 9. Писал письма, дарил игрушки. Когда прошел романтический период, начал зазывать на чердак, который присмотрел для "штаба". Живописал, как им будет хорошо, уютно, как станут весело резвиться и играть. Девочка не пошла – то ли ей хватило благоразумия, то ли у него еще не доставало опыта обольщения малолеток. Впрочем, сам Кулик, анализируя эту ситуацию, дал такие показания: "Я понял, что для получения удовольствия мне требовалось, чтобы партнер не был знаком".

Началась семейная жизнь, родился сын, прекрасно – по свидетельству окружающих – справлялся с обязанностями мужа и отца, учился в институте, подрабатывал и… насиловал детей. Пока только насиловал. Убивать он станет позже, предварительно "проверив" себя на 72-летней женщине.

Из показаний Кулика: "В 20-х числах марта 1984 г., часов в 10 утра, я встретил на ул. Тимирязева старушку, которая поздоровалась со мной. Я ей ответил, и мы разговорились. Оказалось, что ранее я оказывал ей как врач медицинскую помощь. В разговоре я узнал, что она живет одна, и тут у меня возникла мысль изнасиловать ее. Она жаловалась на здоровье, и я решил ввести Л. внутривенно одурманивающий укол. Я, однако, прекрасно понимал, что мне придется убить ее, иначе она заявит в милицию… Когда мы пришли на квартиру Л., я смерил ей кровяное давление, затем поставил внутривенно двойную дозу аминазина. От этой инъекции человек становится вялым, слабым, впадает в полуобморочное состояние… Я повел женщину к дивану и, положив лицом вниз, стал ее насиловать в извращенной форме. Во время этого я душил Л. руками за шею…"

Справкой иркутского ЗАГС смерть Л. была зарегистрирована как наступившая в результате ишемической болезни сердца, атеросклероза и гипертонической болезни. Труп не вскрывался. Кулик мог убивать дальше.

…Он возвращался из сестриной квартиры, где сутки провел с любовницей. Увидел: сидит во дворе девочка. Одна. На вид – лет 8–9. Его любимый возраст. Подошел, предложил поиграть в прятки. Скучающая Лариса С. согласилась…

Труп ее ужаснул даже экспертов. Из показаний Кулика: "Девочка слишком активно сопротивлялась."

Через месяц он подобным образом "казнит" 53-летнюю Т., к которой пришел, чтобы оказать медицинскую помощь. Но орудия мести будут пострашнее – большой кухонный нож и толстый деревянный пестик.

Из показаний Кулика: "Я желал, чтобы мои жертвы сопротивлялись, но незначительно. В противном случае на меня накатывалась ярость. Но и при нужном мне сопротивлении я не всегда получал удовольствие без убийства". Зато каждое убийство заменяло ему все остальные удовольствия…

Случайно ли это? Ответы мы находим в материалах уголовного дела. Из показаний матери преступника: "Врач Шергина, которая меня консультировала, сказала, что мне рожать нельзя, что тот, кого я рожу, будет не человек. Я все же решила родить, и роды длились у меня с 10 по 17 января. Они прошли под наркозом. Когда я впервые увидела новорожденного, то ужаснулась: был он очень маленький, без ногтей, уши вдавленные, большой живот пульсировал так, что казалось – лопнет… Он появился на свет недоношенным, семимесячным. До полугода его не купали, так как кожа от воды начинала чернеть. Только в шесть месяцев он начал походить на ребенка".

Бес полгода медлил с очеловечиванием, ибо сам страшился того, что предстояло совершить этому существу.

Некие силы преследовали Кулика с самого рождения, пытаясь умертвить, искалечить или, по крайней мере, обезобразить его, чтобы он внушал отвращение и взрослым, и детям.

Новорожденного кормили насильственно: через вены – организм не принимал пищи. Из роддома выписали, казалось, обреченным: в месячном возрасте весил всего 2 килограмма 100 граммов. Не исполнилось и года, как тяжело заболел корью., мать с отцом, сменяя друг друга, держали его в вертикальном положении. Лежа он умирал. Потом не спал ночами, вставал, бредил, родители просыпались в холодном поту: жив ли, цел ли? Однажды упал в открытый погреб, изуродовал лиио. Но все зажило, разгладилось, даже сломанный нос сросся так, что кривизна его была едва заметна. Дважды перенес гепатит, страдал ревматизмом, до 12 лет задыхался от бронхиальной астмы. Рос, естественно, ослабленным, безвольным. Но дьявол должен был осуществить свой жребий, и Василий увлекся спортом, весьма преуспел в занятиях боксом – получил первый разряд. Окреп, возмужал. На очередных соревнованиях получил мощный нокаут, долго лежал в больнице, но опять все обошлось. Сильно переживал смерть отца, выпил флакон корвалола, ночью потерял сознание, бился в судорогах. Отвезли в токсикоцентр, еле откачали… Было это в канун 1984 г., когда Кулик превратился в хладнокровного убийцу-садиста. Его уже ничего не могло остановить.

…Очередное дежурство на "Скорой помощи" принесло немало хлопот, пришлось спасать роженицу, разрешившуюся прямо в машине. Уставшего и взволнованного Кулика горячо благодарили ее родственники, и в блаженном настроении сдав смену, он заявился по давно намеченному адресу – к 75-летней Ч. Та удивилась: врач, не зван, негадан, и так рано, нет еще и девяти утра. "Шел домой, вспомнил вдруг про вас, – пояснил Кулик. – Проверю, думаю, чтоб потом не спасать в пожарном порядке…" Ч. с обожанием смотрела на него. Из врачей "скорой помощи" никто, пожалуй, не пользовался таким уважением пожилых женщин, как Кулик. Внимателен, добр, отзывчив, ласков – число благодарных отзывов сделало бы честь любому.

Измерив давление, Кулик покачал головой: плоховато, надо сделать укол. Двойная доза аминазина сразу повергла старушку в сон…

Ч. он убил ножом. Впервые. И не мог разобраться в своих чувствах: что приятнее – душить или колоть? Жуткая дилемма всецело завладела им, требовался повторный "эксперимент", и он уже не расставался с ножом, постоянно носил его в "дипломате" вместе со шприцами.

Из показаний матери преступника: "Я сама по профессии педагог-психолог. Поверьте, мы не баловали Василия, за поступки наказывали даже физически. Одевали скромно, лишнего ничего не покупали, не пошли навстречу, когда в старших классах вымаливал у нас мопед. Он себе и магнитофон-то купил, лишь закончив институт и устроившись врачом. А работать начал после девятого класса – все лето дворником… Нет, не могу представить себе, чтобы мой сын был способен на такие зверства! В доме мы всегда держали животных – белку, черепаху, собаку, кота, он к ним очень хорошо относился. Его друг после окончания института звал в хирурги, но Василий наотрез отказался, так как в силу своего характера не мог делать операции".

Свидетельствует сестра Кулика: "К Василию в семье было особое отношение, ему все позволялось и прощалось. Он это быстро понял и рос очень эгоистичным, порой до жестокости, ребенком…

Однажды он схватил нож и побежал за мной, я едва успела выскочить из комнаты, захлопнув за собой дверь, в которую – слышала – впился нож".

Выяснилось, что в детстве Кулик обожал вешать кошек – ловил их во дворе, в округе… Рано стал интересоваться сексом, рано созрел. Утверждали: в отца. Покойный профессор был весьма охоч и до женщин, и до несовершеннолетних, приставал к женщинам, сестрам, к падчерице… И в семьдесят с лишним лет сохранил себя как мужчина. Отличался жестокостью: кружкой выбил зубы первой жене, детей наказывал сурово, без разбора…

Родственники уверяли, мужчины из рода Куликов не должны пить, у них какая-то особенность в психике. Василий все убийства совершал потрезвому. Да и вообще не падок был на спиртное. И не курил. Не страдал наркоманией.

Из показаний жены Кулика: "Василий производил впечатление мягкого, безвольного человека, но это не так. Он был очень целеустремленным, что задумает, сделает обязательно. В последнее время строил дачу, копил деньги на автомашину".

Из показаний Кулика: "Считаю, что на меня повлияла женская распущенность. Еще

школьником влюбился в одну, спал с ней, потом узнал, что у нее таких, как я, – с добрую дюжину. Студентом выезжал на уборку картошки, познакомился там с молодой замужней женщиной, обучившей меня всем извращениям. В ресторане сошелся с женщиной, которая доверительно поведала мне, что спит с любовниками своего мужа, они "пользуют" ее тем же способом, что и супруга… У меня было много любовниц, в последние годы – около 20, по нескольку одновременно. Женщины мне надоели. Я не получал с ними удовольствия…"

От его руки пали шестеро девочек и мальчиков и семь пожилых женщин. Самой младшей жертве было 2 года и 7 месяцев, самой старшей – 75 лет.

Из показаний Кулика: "С конца 1984 г. я стал составлять список старух, которые меня заинтересовали. Параметры: старушка должна быть одинокой, жить без подселения, в отдельной квартире, знать меня и относиться ко мне доброжелательно… Был у меня список и молодых одиноких женщин, которых я посетил в качестве врача "скорой помощи". Они приглашали меня заходить, но поскольку в моих сексуальных фантазиях не было им места, я ни к одной так и не зашел. Весь списочный состав остался жив. Что касается детей, то тут я списка не вел, все получалось импровизированно. В своих мыслях я часто прокручивал сексуальные сцены, связанные с детьми, представляя их в конкретных местах Иркутска, которые хорошо изучил еще в младенчестве. Оказываясь в этих местах – уже наяву, видел ребенка, удовлетворявшего моим фантазиям, и проделывал с ним то, о чем грезил…"

Почему такой "диапазон" – дети и старушки? Я желал, чтобы мои жертвы сопротивлялись, но незначительно, чтобы я мог без особого труда подавить это сопротивление". Когда же ему все-таки выпадал "особый труд", он глумился над несчастными со всей своей дьявольской изобретательностью.

Большой эстет, Кулик предпочитал насиловать пожилых женщин в извращенной форме: "В естественной не мог – мне были неприятны их лица". Мальчиков и девочек отбирал строго по внешности. Остальное – возраст, знакомство с родителями замученных и даже степень собственного родства с ними – не имело значения. Если что и удерживало его, так только страх быть разоблаченным. Из показаний любовницы Кулика: "Он часто ложился в постель к моему сыну, когда я уходила на кухню. Вадик – сын – прибегал, жаловался: дядя лезет ко мне, хватает за все. Я думала, просто ласкает мальчика, ну и схватит невзначай." Из показаний Кулика: "Я дважды пытался изнасиловать своего трехлетнего сына, когда мы оставались наедине, но то мама, то жена приходили в этот момент домой". Из показаний жены Кулика: "Сын мне жаловался, что папа лезет к нему, я потребовала объяснений. Василий отвечал, что просто обрабатывал фурункул на его ягодице. Я успокаивалась – мальчик плетет невесть что…"

Желание совокупиться с обоими своими сыновьями владело им до конца, но он нашел выход: когда терпеть уже не было мочи, шел на улицу и отлавливал очередную жертву.

Монстра обезвредили в день его тридцатилетия. В квартире Куликов готовились к семейному торжеству, а сам хозяин дома, разгоряченный купанием своего наследника, рыскал по Иркутску, ища подходящего мальчика. Женщины спугнули монстра, приступившего к своему грязному делу. Он выскочил в окно и бросился бежать. За ним кинулись прохожие. Один настиг Кулика. Спустя несколько секунд подоспел второй преследователь.[30] Кулика задержали и доставили в милицию.

Так была пресечена преступная деятельность иркутского монстра. Сделали это обыкновенные жители, горожане, заслуживающие самого глубокого уважения и низкого поклона. Они сделали то, что могли. Сколько жизней – возможных в будущем жертв – они уберегли, сколько предотвратили горя и страданий ни в чем не повинных земляков своих.

Верх-Исетские кошмары

Началась эта многолетняя история 30 апреля 1982 г. Тогда в Верх-Исетском районе вблизи Свердловска, в лесу, недалеко от автобусной остановки "Контрольная" обнаружили тело

[30] *Записки криминалистов.* – Вып. 3. – М., 1994. – С. 262–267.

пятиклассницы Лены. Накануне она, как всегда, в полдень возвращаясь из школы, вышла из автобуса и вприпрыжку поскакала через рощу к поселку, размахивая портфелем.

Результаты осмотра трупа с очевидностью свидетельствовали о том, что девочка изнасилована и задушена ее же пионерским галстуком. Вот только портфель куда-то исчез. Весь лес прочесали, но его не нашли. Зато в поле зрения сразу же попал проживающий неподалеку Хабаров. Далеко не ангел, он после трехлетнего срока за грабеж нигде не работал (по тем временам – криминал). Установили, что за несколько дней до трагедии с Леной Хабаров пытался изнасиловать соседку, напал еще на одну женщину и избил ее.

Подозреваемого задержали, и он признался в убийстве Лены. Расследование дела завершилось обвинительным заключением. Хабарова отдали под суд. Он обвинялся в злостном хулиганстве, нанесении побоев, изнасиловании, умышленном убийстве, сопряженном с изнасилованием.

Свердловский областной суд счел обвинение доказанным и приговорил Хабарова, 31-го года от роду, к исключительной мере наказания – расстрелу.

27 апреля 1984 года приговор привели в исполнение.

Не пройдет и пяти лет, как Судебная коллегия по уголовным делам отменит приговор Свердловского облсуда и направит дело на новое расследование по вновь открывшимся обстоятельствам. Эти обстоятельства свидетельствовали о том, что Хабаров не насиловал и не убивал школьницу, что расстреляли невиновного, что оговорил себя, признав вину в том, чего не совершал.

Следователь по особо важным делам Прокуратуры России Пантелей В.И. добросовестно пытался восстановить обстоятельства, при которых появились эти признания, но без особого успеха. Материалы, касающиеся задержания, порядка и условий допросов оказались уничтоженными по истечении сроков хранения. А что касается заместителя начальника районного отдела внутренних дел Широкова, который мог пролить свет на темную историю, то он уже был не в состоянии этого сделать, так как в июне 1983 г. погиб при задержании вооруженного уголовника.

Так что же произошло после того, как расстреляли Хабарова, какие события легли в основу того, что Верховный суд квалифицировал как вновь открывшиеся обстоятельства?

Исходным пунктом цепи этих событий явилось происшествие, случившееся 12 мая 1984 г. В этот день возле той же остановки "Контрольная" и в том же лесу у тропинки обнаружили труп 12-летней Наташи (девочка исчезла за двое суток до этого средь бела дня. Ушла из дома на прогулку и пропала). Заключение судебных медиков – изнасилована и задушена.

Многие уже тогда вслух и в душе проклинали это место. Ведь чуть более полугода назад сотрудник госбезопасности случайно обнаружил в этом же закутке скелетированные останки женщины. Причину смерти выяснить так и не удалось, а вот личность установили. В первых числах августа 1983 г. Гульнара пошла в лесопарк на занятия бегом, да так и сгинула. Мало того, что нашли слишком поздно, так ведь и искать бросились не сразу. Жила девушка в общежитии, родные далече. Поздно спохватились на металлургическом заводе, где она работала в листопрокатном цехе, поздно заявили в милицию. Не было у следствия веских оснований полагать, что она убита. Настораживала лишь одна деталь – на трупе не обнаружили одежды. А с другой стороны… Соседки по общежитию вспомнили, что Гуля неоднократно жаловалась на свою неудовлетворенность жизнью. Мало ли что взбрело ей в голову.

Между тем поиск убийцы Наташи продолжался. К ответу на вопрос о личности преступника зачастую приходят через разрешение другого вопроса: "А кто мог это сделать?" Через неделю милиционеры задержали в общественном месте за очень неприглядные действия местного жителя Титова. Он состоял на учете в психоневрологическом диспансере. Спустя какое-то время Титов признался не только в убийстве Наташи, но и Гульнары. Развязка этого эпизода была стремительной, но не менее драматичной. Через полтора месяца после ареста Титов с множественными переломами ребер поступил в больницу, где и скончался. Дело об убийстве двух девушек следователь прокуратуры прекратил за смертью обвиняемого.

Что же случилось с арестантом? Упал с койки – версия работников следственного изолятора. Убит сокамерниками – доказано в ходе проверки. Насильников и убийц малолетних ненавидят даже в тюрьме. Если с таким соседом по лестничной площадке можно

демонстративно не здороваться, то в тюрьме свои понятия о чести и способах ее поддержания.

А между тем наступил очередной месяц май. Прекрасное время года омрачилось чрезвычайным происшествием: в лесу у той же "Контрольной" обнаружили труп Ларисы, учащейся ПТУ, большой любительницы рисования. Выяснилось, что 6 мая она взяла этюдник и ушла в лес за натюрмортами. Пейзаж оживающего болотца так и остался незаконченным и никем кроме убийцы не увиденным. Другие смогли увидеть обезображенное вампиром тело и прочие жуткие детали его вакханалии.

Дальше все произошло по сценарию дела Хабарова. Через месяц задержали двух братьев за изнасилование. Один из них на допросе заявил, что убийство Ларисы – их работа. Долго пытались подтвердить или опровергнуть сие раскаяние, но в конце концов махнули рукой – чушь. Не успели разобраться с одним, как в орбиту внимания следствия попал кочегар лесхоза. Этот не признавался ни в чем, но злополучное стечение обстоятельств обернулось против него. Сочли, что доказательств его виновности достаточно не только для ареста, но и предъявления обвинения. Дело направили в суд. Как бы там решилась судьба кочегара, сказать трудно. Его счастью помогло несчастье другого человека. Пока он сидел, прошло десять месяцев. Земля совершила полный оборот вокруг Солнца. Наступил май 1986 г. В один из последних дней этого месяца недалеко от "Контрольной" у стадиона медицинского института по аллее бежала группа студентов (сдавали зачет по физкультуре). Одна из бегуний постепенно отстала. И было неведомо уставшей девушке, что три года назад по этой же дорожке, в том же направлении бежала ее сверстница – спортсменка-любительница Гульнара. Последнее, что они обе видели – это не спеша поднявшегося со скамейки невзрачного лгужчину и его молниеносный бросок. Тело Ольги нашли спустя два дня. А еще через пару месяцев появилась явка с повинной от арестованного за подделку документов отца тех самых братьев-насильников, которые уже внесли свою лепту в закапывание истины. Спустя какое-то время он одумался и пошел на попятную.

Вторая половина мая 1987 г. Внимание еще одной Леночки привлекло пышное цветение черемухи у грузовой площадки железнодорожной платформы. Не удержавшись от соблазна отломить пару пахучих веток, девушка свернула с тропинки. На этом и строился психологический расчет затаившегося в засаде маньяка. Знал наверняка, что добыча сама к нему придет. Знал, что очарованная великолепными цветами, она забудет об осторожности, что можно будет взять ее голыми руками. Через час бездыханное тело обнаружили такие же любительницы флоры.

Данные осмотра места происшествия до изумления совпадали с теми, что были здесь собраны и год назад, и два, и три. Так же задушена, одежда сорвана, отрезаны все части тела, те же характерные для садистских манипуляций с мертвой признаки. Мучительно тяжело и долго наступало прозрение, вылившееся в предположение о серии убийств, совершенных одним и тем же неизвестным лицом. Над участниками расследования довлело сознание того, что все аналогичные предыдущие убийства значились раскрытыми. Впрочем, не только предыдущие. Не успев появиться, версия стала опровергаться. Было над чем задуматься. Один из обвиняемых, арестованный за хулиганство, дал показания, что им совершено пять убийств в городе Свердловске, в том числе известных нам Лены и Ольги. Пока проверяли, пока лопнул очередной мыльный пузырь самооговора, пока искали виновных в этом и разбирались с ними, пролетел еще год.

25 апреля 1988 г. в одном из глухих уголков Центрального парка культуры и отдыха им. Маяковского Свердловска внимание двоих гулявших привлекла какая-то подозрительная возня в кустах. Любопытство заставило их осторожно подкрасться. Взору оторопевших прохожих предстала шокирующая картина: рядом с обнаженным трупом девушки сидел мужчина и с удовольствием рассматривал сорванные с убитой украшения.

Не хочется верить в то, что могло бы случиться здесь же следующей весной, если бы эти люди незаметно отступили "от греха подальше". К счастью, они не спрятались, не убежали.

С поличным был пойман Фефилов Борис Николаевич, 1946 года рождения, местный житель, семьянин, отец двоих детей. Работал он печатником в типографии, судим ранее не был. Жил тихо и внимание милиции и общественности ничем предосудительным не привлекал. Серый, неприметный, никакой.

Его показания о совершении еще шести убийств, начиная с 1982 г., поначалу встретили с большой осторожностью и даже скепсисом. Столько раз обжигались следователи и оперативные работники на липовых явках с повинной и "чистосердечных признаниях". В описываемых событиях на каждом шагу что-то происходило шиворот-навыворот. Финал тоже не стал исключением.

Все перевернулось с ног на голову. Обвиняемый упорно доказывал свою вину, а следователи недоверчиво пожимали плечами. И только тогда все стало на свои места, когда по каждому эпизоду убийства Фефилов начал выдавать вещи потерпевших: то сережки, то сумочку. Напомним, что у одной из жертв исчез портфель. Его тайна раскрылась в тот момент, когда Фефилов вытащил портфель из кладовки своего дома и вручил следователю. Открыли, а там школьный пенал с нацарапанной на нем фамилией погибшей (годы не смогли стереть из памяти ее матери тот день, когда она журила дочурку за эту надпись).

Выяснилось, что Фефилов регулярно несколько раз в неделю приходил к местам преступлений и подолгу любовался процессом гниения тел, рассматривая следы борьбы, вновь и вновь мысленно воспроизводил волнующие его обстоятельства, испытывая при этом сатанинское наслаждение. Такого эмоционального заряда ему хватало на год. С наступлением очередного мая неодолимая сила вновь влекла его к "Контрольной" в поисках свежей крови. Однажды на допросе он даже посетовал, что такие посещения – "чистое ребячество" с его стороны, ведь запросто могли застукать. Мол, каждому сопляку известно из детективных книжек, что убийца возвращается к месту преступления. Что ж, он прав, могли бы застукать, если бы стукали в нужное место.

Последним нелепым звеном в этом клубке трагических несуразностей стало то, что упырь, совершивший 7 убийств, так и не предстал перед судом. На исходе последнего дня августа в камере 232 следственного изолятора Свердловска сокамерники расправились с насильником тем же способом, каким он расправлялся со своими жертвами. Чертыхаясь, работники этого сурового заведения похоронили монстра на Лесном кладбище. Однако и мертвый, он еще долго хватал живых: с кого-то срывал погоны, кого-то снимал с работы, направо и налево щедро раздавал выговоры и прочие взыскания.

3.3. История и практика разработки поискового психологического портрета преступника в России

Практика разработки и реализации поисковых портретов серийных преступников имеет многолетнюю историю. Однако долгие годы это делалось по наитию, ориентируясь на субъективные представления и личный опыт тех, кто по долгу службы ловил и изобличал преступников. Успех в этом деле сопутствовал прежде всего тем, кто имел богатый личный опыт раскрытия преступлений. На какие-либо серьезные научные обоснования при этом никто, естественно, опираться не мог. И немудрено, если учесть, что в СССР фундаментальное изучение психологами и криминалистами серийных убийств в целях их раскрытия началось в 70-е годы после того, как было доказано, что с десяток убийств на трассе между Витебском и Полоцком совершил один человек.

В 1992 г. в МВД России была принята программа проведения научно-практической разработки поисковых психологических портретов неизвестных преступников, совершающих серийные преступления против личности. В НИИ МВД РФ создали отдел психофизиологических проблем раскрытия преступлений и анализа преступного поведения, основным объектом работы которого являются преступления, содержащие признаки серийности. Из работников ряда подразделений МВД, сотрудников Генеральной прокуратуры РФ и научно-исследовательских учреждений Минздрава была сформирована постоянно действующая рабочая группа. В ее состав наряду с работниками упомянутого отдела НИИ вошли группы из отдела судебно-психиатрических экспертиз Федерального центра им. Сербского и лечебно-реабилитационного центра "Феникс" из Ростова-на-Дону.

Исследования серийных убийств ведутся по следующим направлениям:

• разработка психологической и психиатрической типологии сексуальных серийных убийц;

• определение методов выявления основных признаков личности и поведения этих преступников;

• выяснение статистической значимости выявленных характерных признаков личности и поведения указанных правонарушителей ;

• создание типовой информационной модели сексуального убийцы и формирование поискового портрета по конкретным делам в целях розыска.

Программистами НИИ МВД разработана автоматизированная информационно-поисковая система (ЛИСП "Монстр"), предназначенная для анализа информации о серийных убийствах и использования при построении поисковых портретов неизвестных преступников. В 1994 г. введены в эксплуатацию созданные в ГИЦ ГУУР и НИИ МВД автоматизированные системы "Насилие" и "Досье" Федерального банка криминальной информации, предназначенные для сбора и первичного анализа необходимых поисковых сведений.

В каждом конкретном случае поисковый портрет является результатом комплексного междисциплинарного анализа отраженного в материалах дела криминального события.

Как и в случае западного профилинга, направленность анализа данных, полученных в ходе осмотра места происшествия, содержащихся в показаниях свидетелей, различных экспертных заключениях, одна – получить сведения о личности преступника, но не фамилию и адрес, а информацию, позволяющую создать вероятностный портрет преступника с характерными чертами его психического и внешнего конституционного облика, профессиональной ориентацией, стилем жизни, увлечениями и прочим. «Совпадение подозреваемого с моделью поможет изобличить преступника, а несовпадение – отвести подозрение от невиновного. А до того, как появится конкретный подозреваемый, возможно создание его психологической модели, образа».[31]

В составлении упомянутых портретов (моделей) принимают участие научные и практические работники-специалисты различных "поведенческих" отраслей – криминалисты, криминологи, психологи и психиатры. Плодом их совместной деятельности выступает заключение (или справка), имеющее рекомендательный характер. Главными заказчиками выступают службы криминальной милиции УВД и следственные подразделения прокуратуры.

По мнению разработчиков, в зависимости от характера и содержания информации поисковый портрет устанавливаемого преступника может содержать следующие данные:

• общая характеристика личности и преобладающая мотивация поведения;

• привычки, склонности, навыки и другие индивидуальные признаки личности;

• возрастная группа;

• район проживания;

• район места работы, службы, учебы;

• уровень образованности и профессиональная деятельность;

• особенности происхождения (родительская семья) и история личной жизни.

Возможности разработки и использования поисковых психологических портретов обсуждались на научно-практическом семинаре "Нетрадиционные методы раскрытия преступлений" (организатор – НИИ МВД РФ, 25–26 мая 1994 г., Москва) и на трех конференциях, организованных в 1994 и 1998 и 2001 гг. Министерством здравоохранения и медицинской промышленности РФ, ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. Сербского и лечебно-реабилитационным центром "Феникс". На семинаре в Москве, в частности, говорилось о разработанной автоматизированной системе "Диалог", позволяющей осуществлять сбор, обработку, интерпретацию и выдачу рекомендаций (совпадаемость заключений – 68%).

Помимо накопления внутреннего научного и практического опыта, Россия поддерживает отношения со странами, где также применяется рассматриваемый метод.

Указанной выше группой отечественных специалистов было направлено обращение к полицейским органам государств – членов Интерпола с предложением о сотрудничестве, установлен контакт с Национальным центром ФБР по анализу насильственных преступлений

---

[31] *Втюрин Л.А.* Нетрадиционные методы раскрытия преступлений // Серийные убийства и социальная агрессия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – С. 36.

(США), МВД Германии и Австрии, проведены совместные семинары с научными и практическими работниками полиции Великобритании и осуществлен обмен разработанными методами сбора и анализа материалов и построения психологических портретов.

Типовые модели поискового портрета

Все это не могло пройти мимо внимания широкой юридической общественности России. Все чаще в научных изданиях стали появляться публикации правоведов, криминологов, психологов, криминалистов, посвященные тем или иным аспектам борьбы с серийной преступностью.[32] И хотя крупного прорыва на этом фронте пока еще не замечено, определенные позитивные сдвиги наметились. Одним из свидетельств тому – выход в свет работ, в которых рассматривается технология психологического профилинга и приводятся рекомендации по реализации разрабатываемых поисковых психологических портретов преступника. Так, А.А. Протасевич предложил свою типовую модель поискового портрета преступника, состоящую из трех блоков.

Первый – признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.).

Второй – признак типа связей и отношений (отношений преступника к потерпевшему, похищенному имуществу, к местности, на которой расположено место происшествия и т.д.).

Третья – признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе следообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на теле, одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т.д.).[33]

Существуют и более детальные проработки этого вопроса. Так, разработчикам психологических поисковых портретов серийных убийц рекомендуется обращать внимание на время нападения преступников на жертв. При этом целесообразно зафиксировать день недели и его особенности: рабочий или выходной, праздник.

Кроме того, необходимо указать возможную связь времени преступления с рабочим режимом данного пункта местности: окончание работы средней школы, предприятия; увеличение количества людей в месте совершения преступления или, наоборот, снижение их количества.

Рекомендуется также учитывать:

• Особенности погодных условий в момент совершения преступления (шел ли дождь, каким было атмосферное давление, в какой фазе находилась Луна и т.п.).

• Маршрут движения жертвы (особый интерес представляют передвижения жертвы в пределах последнего часа до момента нападения, а также маршрут от предполагаемого места контакта потерпевшей с преступником до места совершения преступления, обнаружения трупа).

• Маршрут движения преступника. (При отсутствии данных целесообразно сделать заключение о возможных путях и способах его передвижения, отметив: а) возможные пути прибытия в данный район и отхода; б) место, с которого преступник выслеживал жертву, его передвижение.)

• Данные о жертве преступления и способе обращения с ней преступника. (Наряду с анкетными данными жертвы необходимо зафиксировать, какому возрасту она соответствовала по своему виду, какие имела особенности внешности, на кого по своим расовым, другим

---

[32] См., например: *Афиногенов С.А.* и др. Особенности расследования сексуально-садистских убийств. – СПб, 1993; *Антонян Ю.М.* и др. Серийные сексуальные убийства. – М., 1997; *Панкин А.И., Анфиногенов А.И.* Психологический портрет преступника: понятие, виды, методика составления // Право и юридическая психология. – №1. – М., 1995. – С. 6–14.

[33] *Протасевич А.Л.* Поисковый портрет преступника как интегративная система. – Иркутск, 1998.

анатомическим и внешним признакам была похожа. "Почерк" преступника часто проявляется в характере обращения с жертвой, в связи с чем надо обращать внимание на следующее: степень обнажения; возможные варианты сексуальных контактов с необнаженной жертвой. Процесс обнажения также специфичен (одежда разорвана, разбросана, сложена либо просто отсутствует. Сама жертва может быть связана и т.п. Повреждения, наносимые жертве, характер ранений, их количество, область поражения и т.д.).

• Особенности места происшествия. При описании места происшествия важно отметить возможность подъезда транспорта, наличие остановок транспорта и какого именно, а также выясняется, какой вид попутного транспорта используется населением. Интерес представляет описание маршрута движения транспорта в удалении до 2 км (в сельской местности) и 1 км (в черте города).

Прогнозирование места совершения преступления

Для сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих розыск и задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений по сексуальным мотивам, наибольший интерес представляет вопрос о том, где и когда можно задержать преступника при попытке совершения очередного нападения.

Несмотря на то что место совершения преступления является как бы произвольным, заданным самим маршрутом жертвы, следует отметить, что в сознании преступника место преступления и требования к нему бывают выбраны заранее. И если жертва не окажется там, то преступления, вероятнее всего, не произойдет. Мест, удовлетворяющих требованиям преступника, немного. Уже после первого преступления можно охарактеризовать предпочитаемые места преступлений. Поэтому возможно и необходимо определить подобные места на местности и взять их под наблюдение. Преступник обязательно "обходит" территорию, нередко возвращается на место преступления.

Предпочитаемые места преступления и прилегающие территории определяются по следующим критериям:

• ограниченность пространства (открытое пространство или помещение);

• вероятность предполагаемой жертвы оказаться именно в этом месте в одиночку;

• присутствие самого преступника в этом месте не должно вызывать подозрений;

• освещенность;

• время;

• расстояние до жилых домов;

• степень удаленности от путей следования жителей (посещаемое место или нет);

• расстояние до ближайшей пешеходной дорожки, дороги.

Эти условия индивидуальны и, как правило, остаются неизменными. Наиболее стабильной характеристикой места преступления является определение "открытое (парки, лесопарки) – закрытое (лифты, подвалы) и т.п.)" пространство, которое имеет для преступника принципиальное значение и сохраняется с поразительным постоянством.

Практика показала, что для того, чтобы достоверно описать критерии выбора места преступления, требуется в среднем 5–6 таких мест, хотя приемлемые результаты возможны и при анализе меньшего количества мест.

В условиях города для нападения с целью изнасилования или убийства по сексуальным мотивам наиболее часто выбираются (в порядке убывания): лифты многоэтажных домов, чердаки, подвалы, подъезды, черные лестницы, лестничные площадки, скверы, лесополосы, строящиеся или заброшенные здания.

Прогнозирование места совершения возможного очередного преступления включает в себя, *во-первых,* определение границ территории, на которой наиболее реально проявление активности серийника; *во-вторых,* определение конкретных участков территории, где следует сосредоточить оперативно-розыскные мероприятия.

В условиях крупного населенного пункта возможны три варианта географии мест нападений: а) на всей территории города; б) на ограниченной территории; в) наиболее часто

встречающийся вариант: имеются несколько мест нападений, сгруппированных на нескольких (2–4) ограниченных пространствах. В третьем варианте для каждого из отдельных районов определяются собственные границы. А затем центр окружности каждого из выделенных районов принимается за самостоятельную точку. Полученные точки берутся за основу для построения схемы всей территории района действия преступника.

Однако в условиях крупных городов, где хорошо развита транспортная сеть, за центр фигуры, образующейся от соединения точек, более правильно брать станцию метро, электрички, откуда предположительно приезжает преступник для совершения нападений.

После выделения всего района действий преступника необходимо конкретизировать и обозначить те места, где наиболее вероятно его появление и где соответственно следует прежде всего организовывать оперативно-поисковые мероприятия по задержанию.

При анализе места совершения нападения важно учесть особенности освещенности, возможность подъезда транспорта и другие обстоятельства.

Сопоставив маршрут движения с аналогичными данными, полученными в отношении других жертв, представляется возможным вероятностно определить место, где преступник может вновь предпринять попытку войти в контакт с потенциальной жертвой. При этом важно получить данные о маршруте передвижения жертвы во времени. Сопоставление маршрутов с учетом времени важно, поскольку место выхода на преступление, время нападения на жертву чаще всего являются постоянными.

При отсутствии каких-либо данных о маршрутах преступника следует сделать заключение о возможных способах его передвижений, отметив следующее: а) вероятные пути прибытия в данный район и отхода; б) место, с которого преступник выслеживал жертву, маршрут его передвижения. Необходимо учитывать, что места нападений и выслеживания жертв специально выбираются преступниками так, чтобы обеспечить максимальное количество потенциальных жертв. Это могут быть остановки транспорта, пути следования после работы или учебы, магазины.

Место начала преступления (место выслеживания)

Наряду с местом преступления существует место начала преступления ("место старта"). Мест выслеживания жертвы может быть несколько. Последние в отличие от места совершения преступления более стабильны как по своим характеристикам, так и в географическом отношении.

Чтобы определить место (или места) выслеживания жертв необходимо знать, где в последний раз видели потерпевших, изучить маршрут их движения. Сопоставив маршруты движения жертв, можно прогнозировать место, где преступник может вновь предпринять попытку войти в контакт с очередной жертвой.

В то же время возможны ситуации, когда преступник устраивается на соответствующую работу (парикмахерская, ателье, бассейн, баня), где он может беспрепятственно выбирать очередную жертву, т.е. действует стационарно.

Временной фактор в анализе серийных преступлений

Практика показала, что преступник удаляется от исходной точки (станции, остановки) приблизительно на одно и то же расстояние во всех случаях нападений. И если попытаться понять, почему преступник совершает преступления на одинаковом расстоянии от исходной точки, то оказывается, что одинаковым является не расстояние, а время. Преступник как бы определяет время, которое он намерен выделить для выхода (поиска) на место. Обычно это 5–15 минут ходьбы или езды.

Время совершения нападений не является чем-то случайным, оно несет достаточно много информации о преступнике, особенно если удается выявить закономерности в его выборе последним.

Закономерность выбора времени совершения преступления определяется по двум направлениям: а) времени суток нападения и б) периодичности совершения нападений (в какие дни, месяцы и т.д.). Эти позиции не связаны друг с другом и решаются по отдельности.

На выбор времени суток совершения преступления влияет вероятность появления жертвы в месте, подходящем для нападения. На периодичность совершения преступлений влияют характер и уровень нереализованных потребностей преступника, что в свою очередь зависит от погодных условий, времени года, фазы Луны, режима работы, учебы и т.д. Обобщенные данные показывают, что нападения с целью изнасилования в крупных городах совершаются преимущественно в 11, 14, 19 часов и 22 часа. Примечательно, что после 22 часов число нападений по сексуальным мотивам незначительное, хотя среди населения указанное время считается наиболее опасным в этом плане.

Пики роста числа нападений по сексуальным мотивам оказались обусловлены прежде всего появлением на улице одновременно наибольшего количества потенциальных жертв. 14–15 часов – время окончания занятий в школах, 16–17 часов – окончание занятий в группах продленного дня, училищах, институтах, 18–19 часов – окончание работы, 22 часа – возвращение с вечерних гуляний, из гостей.

Важно не время само по себе, а то, чем обусловлен выбор именно этого времени для нападений.

Исследуя проблему временнбго фактора уже совершенных преступлений в целях увязки с ним намеченных мероприятий по захвату преступника, важно учитывать, совершены ли преступления серии в одно и то же время суток, или в разное, насколько отличаются временные моменты сравниваемых преступлений, не "увязаны" ли они с началом или временем окончания учебы в местных учебных заведениях, работы предприятий и организаций, обеденными перерывами, временем проведения музыкально-зрелищных мероприятий и другими событиями культурной, профессиональной, иной социальной жизнедеятельности в регионе.

Проводя изучение времени нападений преступника важно обратить внимание на то, в какой день недели совершались нападения и чем он примечателен для данной территории.

Наличие или отсутствие выходных, праздничных дней в числе дней недели, выбираемых для совершения нападений, указывает на семейное положение преступника, степень его привязанности к семье, наличие последней.

Следующим важным моментом, характеризующим время совершения преступления, являются погодные условия. На криминальную активность серийных сексуальных преступников влияет не столько сама погода, сколько изменение атмосферного давления. Для большинства преступников сезоном наибольшей сексуальной активности является весна. Затем в ряду убывания активности стоит осень. Меньше всего нападений зимой, что вообще не трудно объяснить.[34]

3.4. Лжедмитрий из Балашихи

Утром 22 марта 1992 г. москвич, выгуливавший собаку в лесном массиве возле микрорайона Гольяново, наткнулся на полуобнаженный труп девушки с перерезанным горлом. Погибшая лежала в снегу лицом вниз. Вокруг валялись беспорядочно разбросанные носильные вещи – женские сапожки, спортивная куртка, безрукавка, шарф.

Пройдет всего несколько часов и судебно-медицинский эксперт, исследовавший труп, насчитает на нем тридцать две колотые раны. Убитой оказалась молодая работница одного из заводов, совсем еще девчонка. Через две недели Тане исполнилось бы шестнадцать лет. Еще сутки назад она была живой и здоровой.

В ту роковую ночь с 20 на 21 марта ничего не предвещало трагического исхода. Вместе со своей знакомой Ириной Мажаровой (фамилия изменена), девятнадцати лет, Таня прогуливалась возле магазина "Ганг". Там они познакомились с приличным на вид парнем. Новый знакомый,

---

[34] *Гримак Л.П.* и др. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1999. – С. 155–162.

назвавшийся Димой, стал сопровождать их во время прогулки. В пути по его инициативе они повернули в сторону лесного массива национального парка "Лосиный остров". Здесь их спутник достал нож и внезапно напал на Ирину. Раненная в шею и спину, она сумела вырваться из его объятий и убежать. Добежав до ближайших домов, Ирина бросилась к первой попавшейся двери. Ее впустили. Трясущимися, окровавленными руками Ирина схватила трубку телефона и вызвала "Скорую помощь" и милицию. Девушке повезло. Она спаслась и залечила раны. Не повезло ее юной подруге. Беззащитная, насмерть испуганная, отчаянно кричащая Таня осталась один на один с озверевшим, безжалостным чудовищем, с ножа которого еще капала кровь Ирины Мажаровой. Вокруг ни души. Только глухое, безмолвное, безучастное ко всему пространство. Оно равнодушно поглощало ее, как песчинку, не обращая внимания на ее отчаяние, ужас и страдания. Участь ее была предрешена…

Учинив кроваво-беспощадную вакханалию на окраине Гольяново, преступник неспеша удалился в сторону от места своего обитания. Спешить было незачем. Под крыло своей сожительницы на Сахалинскую улицу он вернулся только под утро.

Его криминальный опыт подсказывал, что особенно бояться нечего и некого. Он знал как медленно, неуклюже, лениво действуют в подобных случаях те, кто поставлен на стражу людей и правопорядка. Он верил в свою судьбу и в то, что силы замедленного реагирования его безопасности не угрожают. И не ошибся в своих расчетах.

По всем классическим канонам цивилизованного сыска его могли и должны были взять "тепленьким". Если не на месте преступления, то по крайней мере вблизи от него. Но не взяли.

Выехавшая по звонку Ирины Мажаровой опергруппа не только не пресекла преступление, не только не задержала преступника, но и труп не нашла. Да, была ночь. Да, было темно. Но ведь были еще один день и одна ночь. И тем не менее труп не смогли обнаружить. Не очень, стало быть, хотели. Спасибо комнатной собачонке. Она сделала, можно сказать, на общественных началах то, что не сделали профессионалы, получающие за свои дежурства немалые деньги. Низкий ей поклон, бессловесной, бескорыстной твари. Сама того не ведая, она помогла ускорить розыск убийцы и уберечь общество от новых жертв, которые планировал скрывшийся преступник.

Гольяновское убийство стало последним эпизодом кровавой серии жестоких преступлений, совершенных одним и тем же сексуальным маньяком и садистом.

22 марта 1992 г. после обнаружения трупа Тани следователь показал Ирине Мажаровой несколько фотографий. Осмотрев их, она уверенно указала на одну. На ней был изображен тот самый парень, назвавшийся при знакомстве Димой, который поранил ее и убил Таню. Опознанного звали Олегом Кузнецовым. Спустя три дня он был задержан и заключен под стражу.

Кто он, новоявленный Джек Потрошитель?

Олег Кузнецов родился и большую часть своей жизни провел в г. Балашиха Московской области. Когда ему исполнилось пять лет, его родители развелись. После этого он стал проживать с отцом в его новой семье. С матерью, хотя она и жила в одном доме с ним, отношений не поддерживал. Из школьной характеристики О. Кузнецова:

"… Олег упрям, проявляет упорство в неправильных суждениях, старается настоять на своем вопреки убедительным доводам и здравому смыслу. По характеру замкнут. Друзей в классе не было…"

Закончил восемь классов, затем СПТУ, получив аттестат по профессии модельщик по деревянным моделям. В школе ДОСААФ приобрел специальность водителя, несколько месяцев работал по этой специальности. Занимался спортом. Имел первый разряд по биатлону, увлекался рукопашным боем.

С шестнадцати лет стал систематически вступать в интимные отношения с различными женщинами, вел беспорядочную половую жизнь.

Призванный в армию, служил в автороте в Киеве. В армии Кузнецов ни с кем не дружил, часто допускал самовольные отлучки из подразделения, навещая знакомых женщин (незаметно

уходил после отбоя и возвращался к подъему), держался особняком, "ходил как неприкаянный", "был каким-то тормозом", вступал в конфликты с сослуживцами. За грубые нарушения воинской дисциплины неоднократно наказывался начальством.

Отец Кузнецова на допросе показал, что до армии сын был трусоват, часто врал. После службы в армии стал дерзким, отчужденным, к его советам не прислушивался. У него появились прежде не наблюдаемые злобность, садистские замашки по отношению к женщинам. При виде девушек его "начинало трясти". По свидетельству мачехи, у Олега после армии "…стали появляться различные женщины, он часто их менял, был непостоянен, неразборчив в связях". С десяток допрошенных по делу случайных сожительниц Кузнецова характеризуют его как высокомерного, легко возбудимого, плохо управляющего своими эмоциями человека. Ему было свойственно применение физической силы при достижении сексуальных целей в случае нежелания в тот или иной момент вступать с ним в интимные отношения. По словам одной из его партнерш, Кузнецов был "какой-то нелюдимый, злой, ненавидел женщин". Еще более красноречиво его облик был описан другой сожительницей. Она показала, что как-то, активно добиваясь от нее близости, он разозлился, впал в бешенство, говорил, что все равно своего добьется, "будет мстить всем женщинам и делать это жестоко". И еще одна деталь: новоявленный "мститель" очень заботился о своем здоровье, почти не употреблял спиртного, не курил.

А теперь предоставим слово главному персонажу сего, мягко выражаясь, не совсем обычного дела. Вот что собственноручно написал Кузнецов о себе в "Чистосердечных признаниях" после ареста (воспроизводится дословно):

"С раннего возраста насмотревшись порнухи, мне стали сниться эротические сны, иногда я просыпался с мокрыми трусами, меня это очень пугало. В 7 классе я уже не мог себя сдержать, занялся онанизмом. Первая девушка у меня была в конце 16 лет. Звали ее Оля, она была старше меня, училась в институте. После этого я начал вести интенсивную половую жизнь. С конца 16 лет до армии я вел интенсивную половую жизнь. Во время этих лет у меня не было постоянных девушек. Переспавши с девушкой один раз, ну от силы два раза, меня влекло к другой. Я никогда не ждал их согласия, а насильно требовал их подчинения. Если девушка от меня не удовлетворялась, то есть не плакала или не кричала, я ей делал больно сжимая сильно груди или кусая зубами, она начинала кричать, от этого только я мог кончить. Каждый раз после этого я клялся себе, что это последний раз, но наступал вечер я себе искал новую партнершу, с которой я повторял то же самое…"

Специалисты в области судебной психиатрии и сексологии, привлеченные для производства экспертизы Кузнецова, в своем заключении указали, что он вменяем в отношении инкриминируемых ему преступлений. Вместе с тем эксперты отметили, что он обнаруживает психопатические черты характера и садистские сексуальные влечения. Они развивались еще в юношеские годы на фоне асинхронии полового развития и гиперсексуальности. Для достижения сексуальной разрядки он стремился причинять жертвам физические мучения.

Начало преступной деятельности

По официальным данным следствия, на тропу кроваво-сексуальной агрессии Олег Кузнецов встал в мае 1991 г. За сравнительно непродолжительный период (с мая 1991 по 21 марта 1992 гг.) он совершил 15 тягчайших преступлений. Безвинно пролитые кровь и слезы его жертв окропили землю Москвы, Подмосковья, Киева и Киевской области. Действовал он стереотипно. Поле его деятельности – улица. Основной способ – подстеречь, выследить, познакомиться с будущими жертвами, а затем, выбрав подходящий момент и удобное место, осуществить задуманное. Главным, определяющим мотивом было стремление удовлетворить свою похоть – движущую силу, "локомотив" его криминальной активности. Сфера его преступлений в начальный ее период не выходила за пределы города Балашихи и примыкающей к нему территории ближайшего Подмосковья.

Как и многие другие любители преступно-сексуального промысла, на первых порах Кузнецов не рассматривал убийство жертв в качестве обязательного для всех случаев элемента.

В значительной мере это объясняется тем, что пострадавшие сдавались практически "без боя". Запуганные, подавленные им психологически и физически, они не несли угрозы его разоблачения. Одни из них не заявили в милицию потому, что боялись мести, другие – из нежелания огласки, пересудов, позора. Отсутствие необходимой информации – главная причина того, что следствие не смогло установить исчерпывающе полное количество изнасилованных Кузнецовым в 1991 г. Во всяком случае, если даже судить только по первоначальным его показаниям, их было значительно больше того количества, которое указано в обвинительном заключении.

Этот, в основном бескровный этап преступной деятельности нашего "героя" (в 1991 г. им была убита одна потерпевшая), внезапно оборвался осенью 1991 г.

В ночь с 13 на 14 ноября острое желание потешить похотливую плоть свою вытолкнуло его из тепла на холод в промозглую темень улицы. Он пришел к автобусной остановке и стал вести наблюдение в поисках объекта нападения. Прошло немного времени и из затормозившего автобуса вышла девушка. Крадучись, Кузнецов пошел за ней. Возле кладбища он догнал одинокую путницу и в грубой форме предложил ей совершить с ним половой акт. Девушка бурно запротестовала, стала кричать, пыталась убежать. Он догнал ее, избил и затащил на территорию кладбища. Там под угрозой ножа, преодолев отчаянное сопротивление непокорной жертвы, Кузнецов изнасиловал ее. Припугнув девушку убийством в случае, если она вздумает обращаться в милицию, он безмятежно удалился восвояси. Утро, однако, принесло неприятную неожиданность. По заявлению потерпевшей прокуратура Балашихи возбудила уголовное дело. Подозрение пало на Кузнецова. Узнав о том, что его разыскивают, насильник изрядно струхнул и заметался. Чтобы избежать ареста, перестал появляться дома, ночевал у знакомых, прекратил визиты в общественные места. Балашиха – городок небольшой. Все на виду. Долго от милиции не побегаешь. Рано или поздно схватят. Кузнецов это понимал. Поэтому надумал податься в Киев, отсидеться там до лучших времен. Выбор на этот город пал не случайно. Во-первых, государство, хотя и доступное, да все же другое. Достать его там будет сложнее. Во-вторых, там у него были знакомые женщины, с которыми крутил любовь во время службы в армии. Их адреса он еще не забыл. У них и собирался укрыться. Нет, со своими гнусными проделками не собирался расставаться. Просто решил поставить их на новые основы. Реально замаячивший перед ним призрак тюрьмы подтолкнул к мысли не оставлять в будущем живых свидетелей своих пакостей. Твердые решения подкреплялись делом: собираясь в дорогу, сунул в сумку с барахлишком остро заточенный нож. С этого момента начался заключительный, усеянный трупами этап преступного промысла балашихи не кого Лжедмитрия.

Киевский сериал

Взбудораженный Киев бурлил, возмущался, негодовал, теряясь в догадках, фактах и измышлениях. По городу ползли самые невероятные, фантастические слухи, один страшнее другого. Для всеобщей тревоги и панического настроения были серьезные основания: в городе и его окрестностях зверствует кровожадный охотник на девочек и молодых женщин. Нечего сказать – хорошенькое начало нового года. Только в одном Ленинском районе в январе были обнаружены с интервалом в несколько дней три полуобнаженных, изрезанных трупа. Люди поговаривали, что таинственный маньяк выслеживает свои жертвы, внезапно нападает и извращенно глумится над ними. Потом убивает и оставляет истерзанные тела в неприличных позах как бы для показа и устрашения.

Воображение посвященных в детали поражало то, что четверо из пяти потерпевших были тезками. Их звали Светланами.

Что стоит за этим: случайность, простое, ничего не значащее совпадение или какая-то закономерность, фатальная неизбежность, целенаправленная избирательность расчетливого злодея?

Ничего определенного по этому поводу никто сказать не мог. Пройдет немало полных тревожных ожиданий дней и ночей, и лишь тогда наконец успокоятся люди и перестанут дрожать от страха потенциальные жертвы, их родственники и близкие, лишь тогда затихнут

страсти и схлынет волна напряжения, когда вздохнувшие с облегчением киевляне услышат долгожданную новость: преступник пойман и посажен за решетку. И лишь немногие узнают, как непросто это было сделать, как много сил было затрачено впустую на поиск несуществующего, мифического Димы из Балашихи, Димы Фадеева.

Много воды утечет, пока те, кто вел его розыск, поймут, что они дезориентированы, пока не выяснят, преодолев нагроможденные преступником и его благодетелями препятствия, что за балашихинским Лжедмитрием стоит вполне реальный Олег Кузнецов со всей его подлинной и полной атрибутикой…

Избыточность сексуального влечения и желания его удовлетворить насильственным способом не покидали Кузнецова ни до, ни после его киевского вояжа. И на украинскую землю он прибыл не только для того, чтобы оттянуть как можно на больший срок нежелательные для него контакты с балашихинской прокуратурой и милицией.

Инстинкт самосохранения подсказывал, что с ходу, прямо с вокзала слишком рискованно браться за реализацию обуревавших желаний. Нужна была пауза для решения прозаических вопросов: подыскать надежную крышу над головой, основательно устроиться и оглядеться.

Старые связи пригодились, но они могли обеспечить лишь временное пристанище. Это его не устраивало. Пришлось заняться свободным поиском по отработанной методике. Наконец повезло. На улице познакомился с Аллой Уголь. Слово за слово – и он убедился, что нашел ту, какая ему нужна.

Скудное философское кредо Кузнецова исходило из одной идеи – рассмотрение лиц женского пола в качестве средства удовлетворения потребностей. Его каннибальски примитивное деление их основывалось на убеждении, что одна часть – это те, у кого он берет (они должны содержать и ублажать его), другая – те, кого он берет, кого насилует и убивает.

Алла подходила под первую категорию: молодая, заботливая до услужливости, нетребовательная. Небольшая имитация возвышенных чувств – и вот уже рекламируемый как жених неискушенной в любовных интригах Адлой, Кузнецов со всеми своими "походными" пожитками перебирается на снятую им и его сожительницей квартиру. Надежная хата, база и явка обеспечены.

А вскоре, отоспавшись в теплой постели своей пассии, обустроившись и сориентировавшись в обстановке, Кузнецов приступает к основному "делу своей жизни". Отсюда он уходит в вечерне-ночные рейды по полутемным улицам, темным переулкам и глухим местам города. Сюда же возвращается, утолив свои "печали", чтобы отдышаться, привести себя в безопасности в порядок, почистить перышки, осмыслить текущие события и перспективу. Отсюда же, когда откроются неблагоприятные обстоятельства, сложив пожитки, он рванет на вокзал, чтобы вновь, как ни в чем не бывало, возродиться в Московии.

Но это случится лишь через месяц после последнего здесь убийства. А первым в его киевском сериале было убийство, совершенное на шестой день января…

Вечером Света, пятнадцатилетняя ученица 9-го класса одной из киевских школ, ехала в пригородной электричке. Она собралась навестить своих родственников из деревни в окрестностях города. Помогал коротать ей дорогу говорливый москвич по имени Дима, только что с ней познакомившийся и набившийся в провожатые.

Сойдя на станции "Макийчуково", в сопровождении нового знакомого Света пошла по дороге, ведущей в деревню. Когда они зашли в лесной массив, ее спутник вдруг достал нож и под угрозой убийства раздел, изнасиловал, а спустя некоторое время и убил ее. Прихватив с собой деньги, кое-что из вещей потерпевшей, Дима-Кузнецов покидает место происшествия и вместе с "товаром" как ни в чем не бывало приезжает на "явку". Пылая свежестью и негой, сожительница открывает ему дверь и видит в его руке целлофановый пакет…

Пройдет несколько месяцев, будет арестован и изобличен Кузнецов, и лишь после этого Алла Уголь на допросе раскроет тайну содержимого пакета. Она расскажет, что в нем находились книга Коллинза "Женщина в белом", обруч для волос, одноразовые шприцы, кошелек, косметичка, губная помада, две коробки теней, кисточки, тональный крем, зеркало и 15 рублей. А тогда, вечером 6 января, увидев пакет у Кузнецова, она спросила: "Откуда эти вещи?" В ответ безмятежное, как улыбка ребенка: "Грохнул подругу!" А потом прозаично, без всяких эмоций: "Она была малолеткой".

Сожитель помылся и поужинал. Потом они легли спать. Спали без сновидений. Вот и все, чем закончилась сцена признания убийцы, посвятившего сожительницу в суть своего "хобби".

Нет, все же не все. Наутро Кузнецов выбросил пакет с большей частью похищенных вещей. Сожительница настояла. Вещи не представляли ценности. Вот теперь все. Так Алла совершила свой первый шаг на пути того, что на юридическом языке квалифицируется как недоносительство, укрывательство преступления и преступника. У нее было много возможностей для того, чтобы помочь правоохранительным органам поставить точку, оборвать преступную цепь Кузнецова. Выходец из глубоко религиозной семьи, сама верящая в Бога, она могла и должна была это сделать и по закону, и по христианской морали, хотя бы из сострадания к будущим жертвам сожителя. Она не сделала этого, и кровь еще четырех киевских и пятерых московских жертв сожителя мрачной тенью легла на ее совесть как тяжкий, несмываемый грех…

* * *

Седьмого января Алла была свободна от работы. Этот день и ночь с 7 на 8 января сожители провели вместе. Утром она поехала на работу в онкологический центр на суточное дежурство. Кузнецов остался один в квартире. От нечего делать мысли поплыли в привычном направлении. Размышления на сексуальную тему не покидали его весь день. Ни о чем другом не умел и не мог думать этот извращенный, ограниченный, нищий духом бездельник, не обремененный нервными, интеллектуальными и физическими затратами. Свободного времени для этого у него было сколько угодно. Да и возможности для реализации навязчивой идеи были богатые. Их повсеместно предоставляла наша непутевая, уродливая, расхристанная действительность, одуревшая от кризисов, шараханий, катаклизмов. Все шло к тому, что пора бы и отправляться на "охоту". Ситуация подсказывала, что лучше всего ее предпринять на окраине города в районе онкологического центра. Места там ему известные, к тому же глухие, пути-дороги знает. И он поехал в онкологический центр. Навестил сожительницу, поболтали о том, о сем, потом попрощался и сказал, что едет домой. В ночь на 9 января он вышел на улицу, огляделся и отправился на поиск.

В это время после вечерней смены домой возвращалась шестнадцатилетняя работница одной из фабрик. Кузнецов завел с ней разговор, узнал, что девушку зовут Светланой, стал ее сопровождать.

Когда они оказались в районе новостройки, Кузнецов затащил Светлану в ближайший подъезд недостроенного дома и, сопровождая свои действия угрозами, стал раздевать ее. Девушка отдала ему 500 рублей с тем, чтобы он отпустил ее. Затем он стал избивать ее ногами. Девушка кричала. Кузнецов достал нож и дважды ударил ее. Потерпевшая увернулась и сталь клинка ножа причинила повреждения лишь одежде.

Сопротивляясь, Светлана ударила Кузнецова ногой в живот. Он споткнулся о кучу мусора и упал. Воспользовавшись этим и темнотой, Светлана выскочила на улицу и забежала в подъезд расположенного напротив жилого дома. Жильцы укрыли ее, а затем проводили домой. Утром о случившемся Светлана заявила в местное отделение милиции.

Милиция на этот раз оказалась не в состоянии оперативно найти и обезвредить мародерствующего на местах совершенных им изнасилований и убийств "мстителя", приметами которого располагала. И пока его безуспешно искали или делали вид, что ищут, Кузнецов тоже искал. Прежде всего он искал то же самое, что и до этого – очередных жертв. Искал и находил, а найдя, добивался своих целей.

19 января, вечером, находясь неподалеку от онкологического центра, Кузнецов заметил девушку, гулявшую с собачкой. Далее все шло по отработанной схеме: вступил в контакт, завязал разговор, легкий флирт, знакомство, совместная прогулка.

Ничего не подозревающая школьница по имени Света, пятнадцати лет, заходит во двор школы-интерната. Еще мгновение и обходительный молодой человек вдруг резко сбрасывает маску. Школьница подвергается жестокому избиению. Преступник срывает с нее одежду, насилует и наносит 20 ножевых ранений в область шеи, груди и спины. Жертва умирает от

острой потери крови, а Кузнецов покидает место происшествия.

* * *

В эти дни Кузнецов искал не только тех, кому уготовил мученическую смерть. Много хлопот и беспокойства ему доставил поиск исчезнувшей из его поля зрения сожительницы.

Ах, какие мы стали твердокожие, непробиваемые, отстраненные. Для реального прозрения, для нормальной оценки нормальной ситуации мало, оказывается того, что лежит на поверхности, бросается в глаза и лезет в уши. Надо, чтобы все было доведено до крайности, до точки, до полного распада и обнажения, чтобы все из области чужого, отдаленного, расплывающегося перешло в нечто личное, кровное, необратимое. Только тогда начнет действовать внутри защитный механизм, сработает сигнал пожарной опасности, проснется от сна разум.

Так и было в случае с Аллой Уголь. Она спокойно, как должное, приняла известие о совершении сожителем убийства школьницы под Киевом. И только тогда, когда узнала о том, чем систематически занимается он вне дома, страшно испугалась и забила тревогу.

Ее не очень волновало то, что происходит и может произойти с другими девушками. До сознания дошло, что ее жених может учинить расправу и над ней. И тогда, почувствовав смертельную опасность, она сбежала к отцу и попросила спрятать ее. Отцу она передала записку, в которой на всякий случай сообщила, что если ее найдут убитой, это сделал Дима из Балашихи…

Вечером 24 января, надеясь застать Уголь у нее на работе, Кузнецов опять (в который уже раз) приехал в онкологический центр. И снова неудача. На работе ее не оказалось. Предупрежденные ею сослуживцы скрыли от Кузнецова, что Уголь взяла отпуск за свой счёт. Раздосадованный, Кузнецов покинул здание медицинского учреждения. Он понимал что Алла "пропала без вести" совсем не случайно. Никто не делал секрета из того, что она жива и здорова, что она ушла в "подполье" по причинам, напрямую связанным с ним. Подобное развитие ситуации вело к тому, что его в любой момент могли "сдать" милицейским властям. Нужно было быть предельно осторожным. Однако эти тревожные мысли не особенно досаждали ему. Они заглушались привычным утробным позывом. Даже в условиях возросшего риска он не смог совладать с собой и не желал "тормозиться".

На этот раз будущая жертва нашла его сама. В 21 час 15 минут на проспекте Победы к нему обратилась молоденькая жертва с просьбой дать ей двухкопеечную монету, чтобы позвонить. Подождав, пока девушка наговорится по телефону-автомату, Кузнецов предложил ей погулять. На свою беду та согласилась. Прогулка завершилась традиционным для Кузнецова финалом. Он и на этот раз ничего оригинального не содержал: те же действия, те же последствия. Жизнь еще одной Светланы из Киева оборвалась за пару месяцев до ее совершеннолетия. Прошло еще три дня. Все эти дни Кузнецов безуспешно искал Аллу Уголь. Она как в воду канула. Тучи сгущались. В Киеве оставаться было небезопасно. "Пора сматываться", – подумал Кузнецов. Его решение окрепло после того, как 27 января попытка застать Аллу на работе ничего не дала.

Покидая онкологический центр, Кузнецов заметил, как следом за ним на улицу вышла молодая женщина. Не нее и пал выбор. С двадцатилетней Ольгой, сотрудницей онкологического центра, связан последний эпизод кровавой киевской эпопеи Кузнецова.

Ольга была избита и изнасилована Кузнецовым в лесном массиве около Киевской окружной автострады. Затем он убил ее. Девять ножевых ударов в шею, пять в грудь, четыре в веки глаз и шесть в спину. Но и это было не все. "На прощанье" он снял с трупа зимние сапоги, золотую цепочку с нательным крестиком, серебряное кольцо. Кроме того, похитил сумку, косметичку, деньги и портмоне. Перед уходом с места происшествия Кузнецов положил труп спиной на пень. В этом положении, напоминающем гимнастический мостик, с обнаженной нижней половиной туловища его и обнаружили на следующий день.

Благополучно добравшись до своего опустевшего пристаница, Кузнецов отоспался и, нацепив на свою шею трофейную цепочку с крестиком, стал собираться в путь-дорогу. Перед

отъездом из Киева 28 января он подарил малюсенькой дочери хозяйки, которая сдавала ему и его сожительнице квартиру, кое-какие мелочи, похищенные им после убийства школьницы – первой своей киевской жертвы. Обруч для волос и круглое зеркальце в коричневом чехле, оставленные "на память" трехлетней девочке, позже ее мать передала следствию.

Московский сериал

Киевский вокзал столицы и привокзальная площадь встретили его обычной толкотней, суетой и гамом. Продав на толкучке часть похищенных при последнем убийстве вещей, Кузнецов занялся подыскиванием "опорной точки". В Балашиху возвращаться не хотелось: слишком опасно. В Москве же нетрудно было раствориться – ищи иголку в стоге сена. Первоочередная задача – найти достойную замену Алле Уголь, но с московской пропиской. Задача поставлена – задача решена. Пригодился киевский опыт. Его приняла, разместила и пригрела в своей квартире Елена Злогина – новая благодетельница, с которой он познакомился на улице.

Вначале любовники жили в квартире Злогиной на одной из Парковых улиц. Сожительница работала, сожитель по-прежнему вел праздный образ жизни, по принципу: "пока есть женщины, не пропаду". Иногда он "взбрыкивал", возникали ссоры. Но в основном все было тихо и мирно. Сожительнице особенно по душе пришлись подарки, которые ей царственным жестом преподнес Кузнецов. Среди них замшевая сумка и золотая цепочка с крестиком. Позднее, вспоминая эту сцену на допросе в прокуратуре, она показала, что цепочку с крестиком Кузнецов снял со своей шеи и протянул ей со словами: "Пока крестик у тебя, у меня все будет хорошо". Тогда Злогина не знала, что приняла в качестве подарка "трофеи", захваченные Кузнецовым во время последнего его преступления в Киеве. Еще хранившие запах тела убитой им сотрудницы онкологического центра, они не могли принести счастья их новой владелице и не годились на роль талисмана-хранителя. Поняла это Злогина лишь после ареста сожителя. Потому и передала их следствию в порядке так называемой добровольной выдачи. А тогда, за полтора месяца до своего "прозрения" она думала и действовала по-другому…

Как-то находясь со Злогиной в Измайловском парке, Кузнецов демонстрировал ей искусство метания ножа, который бросал в деревянную скамью. Во время этой процедуры нож, оставивший кровавую цепь следов в Киеве, сломался. Кузнецов выбросил обломки. С этим обстоятельством было связано то, что три последующих преступления он совершил несколько измененным способом. Наряду с отработанными ранее элементами он включал нечто новое – удушение.

Свой московский сериал Кузнецов открыл 25 февраля нападением на сотрудницу одного из строительных трестов. Действовал он нагло и решительно. Догнав свою жертву, двадцати двух лет, недалеко от кинотеатра "Первомайский", схватил ее за руку и предложил прогуляться. Молодая женщина стала кричать и вырываться. Зажав ей рот одной рукой, он обхватил ее другой и затащил в расположенный поблизости лесок. Избив, он изнасиловал ошеломленную женщину. После продолжил ее избиение кулаками, ногами и палкой. Поскольку жертва подавала признаки жизни, схватил ее шарф, обмотал вокруг ее шеи и затянул его. Но и этого ему показалось мало. Взял палку и с силой загнал ее во влагалище агонизирующей жертвы. И на этот раз он покинул место происшествия не с пустыми руками. С собой прихватил деньги, документы, снятые с трупа пальто и сапоги.

Аналогичным образом он действовал и в дальнейшем: зверски избитые, изнасилованные и обворованные, две студентки московских вузов одна за другой были задушены им с помощью ремней. Случилось это 3 и 9 марта. Перед тем, как покинуть места преступлений, Кузнецов вбил ногой в полость рта одной из жертв палку, другой запихнул во влагалище ветку.

Окопавшись в квартире Злогиной, где он и отсиживался в промежутках между преступлениями, Кузнецов чувствовал себя какое-то время в относительной безопасности. Однако после того, как в непосредственной близости от своего жилища убил трех человек, понял, что слишком много наследил в этом микрорайоне. И хищник сменил "нору". С помощью Злогиной через квартирное бюро Кузнецов отыскал новую квартиру в другом районе города на

Вешняковской улице (в дальнейшем сожители еще раз меняли местожительство). Таким путем он дважды уходил из эпицентра активности правоохранительных органов. Унося ноги от греха подальше, Кузнецов не только уменьшал возможности розыскников напасть на его след, но и в то же время создавал условия для безопасного осуществления новых преступных замыслов.

Легкость, с которой он добивался задуманного, неуязвимость вдохновляли Лжедмитрия, хвастливо возносившего себя до уровня "неуловимого мстителя", а безнаказанность все более развращала его. Остановиться он был не в силах. Как у деградирующего наркомана, его организм, его плоть, мозг, кровь требовали все более возбуждающих вливаний, все новых и новых, увеличивающихся доз криминального дурмана. Его кровожадный, замешанный на избыточной похотливости сексуального извращенца аппетит возрастал от одной жертвы к другой. И без убийств он уже не мыслил своей жизни. Услужливая сожительница своими действиями невольно попустительствовала ему, стимулируя его криминальную активность. При переезде на новую квартиру 10 марта она подарила ему нож с кнопочным фиксатором, имеющим выкидной клинок. С этого времени в ночные рейды по городу он выходит с этим ножом, пуская его в ход при совершении преступлений. Этим рейдам обычно предшествовали конфликты с сожительницей.

Вот и на этот раз вечером 13 марта, поссорившись со Злогиной, он отправился в район станции "Новогиреево" в поисках объекта сексуальной и психологической разрядки. Выбор пал на женщину, которую он заметил у дворца культуры "Мир". Ее жизнь оборвалась в возрасте тридцати лет. Труп жертвы со следами изнасилования, побоев и с двадцатью шестью колото-резаными ранами обнаружили на территории учебно-производственного комбината. Нижняя часть тела потерпевшей была обнажена.

Как выяснилось, изнасиловавший и убивший ее изверг, вытащил из ее кошелька и положил в свой карман 200 рублей.

Спустя два месяца, заметая следы, Кузнецов перебрался вместе со Злогиной на новую квартиру на Сахалинской улице. Отсюда за десять дней до его задержания он и вышел на последнюю в своей жизни криминальную "охоту" к магазину "Ганг" в микрорайоне Гольяново. При задержании 26 марта при нем обнаружили нож с фиксатором, длина которого составляла 31 мм. Это был тот самый подарок Злогиной, который он использовал в двух последних случаях в качестве орудия преступления. Изъяли у него и кошелек типа портмоне, похищенный вечером 27 января у своей последней жертвы.

Как был установлен балашихинский Лжедмитрий

Выявление и изобличение Кузнецова базировалось на результатах грамотного криминалистического анализа нераскрытых изнасилований и убийств совершенных в 1991 – 1992 гг. Сперва он осуществлялся раздельно по киевскому и московскому регионам. Его начали толковые киевские следователи и сыщики. Позднее то же самое сделали участники следственно-оперативной группы, раскрывавшей преступления по Москве. Сходство признаков преступления киевского и московского сериалов позволило осуществить комплексный анализ преступлений, совершенных в обоих регионах. Во внимание принимались не только данные о преступлениях и преступнике, почерпнутые при изучении обстановки мест обнаружения трупов, их соотношения, материально-фиксированных следов, но и сведения, сообщаемые изнасилованными, а также оставшимися в живых жертвами покушений на убийства. На основе данного анализа был сделан вывод о том, что в Москве и Киеве орудовал один и тот же неизвестный сексуально-извращенный с садистскими наклонностями "Джек Потрошитель".

На это указывали в первую очередь такие обстоятельства: 1) скученность преступлений, локализирующихся на территориаль-ноограниченных пространствах московского и киевского регионов (это позволяло предположить, что преступник орудует в зоне его места жительства, работы либо иного частого появления); 2) выбор преступником его будущих жертв осуществлялся избирательно; предпочтение отдавалось симпатичным, доверчивым девушкам либо молодым женщинам, не чуждающимся уличных знакомств; 3) совершению преступлений предшествовали вступление преступника в контакт с объектами его интереса, завязывание

разговора по подходящему для ситуации поводу, знакомство, прогулка; 4) "вербовка" будущих жертв, прогулка с ними, совершение преступлений осуществлялись под покровом темноты (в вечернее время либо ночью); 5) в целях создания условий для беспрепятственного, безопасного совершения планируемых деяний, преступник заводил обманным путем либо с помощью силовых методов девушек и женщин в укромные, безлюдные, неосвещенные места, где и осуществлял задуманное; 6) в основной массе случаев изнасилования совершались неоднократно в естественной и извращенной формах после жестокого избиения потерпевших; 7) чтобы избежать разоблачения по заявлениям и показаниям изнасилованных, преступник убивал их и, забрав найденные у них деньги, ценности, вещи, пользующиеся спросом, с мест происшествия скрывался; 8) вступая в контакт с будущими жертвами, а подчас и с другими лицами, преступник называл себя вымышленными именами: Димой, иногда Димой Фадеевым из Балашихи; 9) преступная деятельность разыскиваемого маньяка характеризуется возрастающей агрессией и жестокостью; 10) хотя модели его преступного поведения в ряде случаев имеют различия в части некоторых моментов, они содержат признаки стереотипности действий, сходства многих элементов не только в стадии приготовления, но и ходе совершения преступлений (например, в эпизодах убийств, совершенных колюще-режущим орудием, раны и повреждения носят множественный, скученный характер, локализируются в основном в области шеи, левой стороны груди, спины).

Опираясь на результаты конкретизации и проверки построенной мысленной модели преступника, участники киевской следственно-оперативной группы сумели решить две ключевые задачи. Было установлено, что киевские преступления – дело рук "гостя", прибывшего из московского региона.

Наряду с этим следователи и оперативники из Киева, дезинформированные вначале, в конце концов сумели прорваться сквозь дымовую завесу вымышленных имени и фамилии искомого лица и установили подлинные данные, характеризующие его.

Собранные таким путем по Москве и Киеву данные использовались участниками расследования для установления места временного пристанища Кузнецова в Москве, его задержания, ареста, изобличения. При этом удалось доказать не только преступления, в которых он подозревался к моменту задержания, но и изобличить его в совершении некоторых преступлений, которые до этого по разным причинам не были известны участникам расследования. Этому способствовал тактически правильно построенный первый, проведенный "по горячим следам" задержания допрос подозреваемого.

Вначале Кузнецову продемонстрировали доказательства его виновности в покушении на убийство Ирины Мажаровой и в убийстве ее подруги (последний эпизод), а затем было объявлено, что следствие располагает доказательствами совершения им других тяжких преступлений в Москве и Киеве. Характер, количество, детали преступлений при этом не раскрывались.

Поскольку при задержании у Кузнецова изъяли нож – орудие последних преступлений и портмоне, похищенное у одной из киевских жертв, он понял бессмысленность отрицания вины. Ему предложили собственноручно изложить на бумаге обстоятельства всех совершенных преступлений, что он и сделал.

Затем по каждому указанному им факту он был обстоятельно, с выяснением всех деталей допрошен.

После тщательного изучения протокола допроса Кузнецова возникла неотложная задача обеспечения безотлагательной, экстренной проверки его показаний. Необходимость в этом была очевидна по ряду причин и прежде всего в силу одного щекотливого обстоятельства. Полагая, что следствие располагает информацией о всех эпизодах его преступной деятельности, Кузнецов посчитал нецелесообразным что-то утаивать. В этом, правда, убедились лишь после того, как завершилась проверка его показаний. Однако в тот момент, когда он их дал, объем достоверного следственного знания был не особенно большим. Поэтому трудно было с ходу разобраться в том, что истинно в его показаниях, а что ложно. Не исключалось, что вперемешку с правдой он мог допустить и "дезу". Для подобных рассуждений имелись основания.

Особое беспокойство вызвало сообщение Кузнецова о двух убийствах, одно из которых, как он утверждал, совершил в Подмосковье в 1991 г., а второе – в Измайловском парке Москвы

в марте 1992 г. Об этих преступлениях участники расследования не располагали никакой информацией.

С них и началась проверка. Сомнения по эпизоду 1991 г. рассеялись быстро. Позвонили в областную милицию и прокуратуру и убедились, что действительно в том месте и в то время, на которые указал Кузнецов, было совершено до сих пор нераскрытое убийство девушки. Детали преступления совпадают с теми, что изложил в своих показаниях подозреваемый.

То обнадеживающее сообщение омрачалось другим. В нем говорилось, что каких-либо официальных сведений об убийстве девушки в Измайловском парке в марте 1992 г. не имеется. Такое преступление по криминалистическим учетам не значилось, уголовного дела по данному убийству не возбуждалось.

Из этой информации вытекало одно из двух возможных следствий: либо Кузнецов совершил данное убийство, но оно по каким-либо причинам до сих пор не обнаружено, либо он приписал себе то, чего не было. Если верен второй вариант развития событий, если поверить в то, что имел место самооговор, оставалось неясным, для чего это сделано Кузнецовым, где гарантии того, что и другие преступления, в совершении которых он признался, или хотя бы часть из них – творения рук его, а не другого (других) лица (лиц). Эти и другие вопросы спустя несколько часов разрешились в тот же день, 27 марта.

Измайловский парк столицы

Здесь производится проверка показаний подозреваемого Кузнецова на месте с его участием.

В присутствии понятых, в сопровождении немигающего ока видеокамеры, фиксирующей каждый его шаг, каждый жест, каждое слово, Кузнецов показывает место около лыжной базы, где он увидел 3 марта 1992 г. незнакомую девушку, где заговорил и познакомился с ней. Потом он указывает тропинку, по которой прогуливался с Таней Ищенко (фамилия изменена) – студенткой одного из вузов Москвы, подводит участников следственного действия к поваленному дереву. Здесь он останавливается и рассказывает про то, как сидел с девушкой на этом дереве, пытался ее обнимать, предлагал совершить с ним половой акт, как, получив отпор, избивал ее. Далее Кузнецов рукой указывает на кусты, где оставил, по его словам, труп убитой им студентки.

Присутствующие направляют свои взоры на этот участок парка, приглядываются и замечают небольшой, присыпанный снегом бугорочек. Сильное внутреннее напряжение сковывает понятых, следователей, оперативников. Кажется, оно достигает своего апогея. Кто-то из участников следственного действия отделяется от основной группы, приближается к бугорку, разрывает снег ногой и, побледнев, оборачивается. "Труп", – тихо говорит он.

Да, это был полуобнаженный, со связанными руками труп Тани Ищенко, без вести пропавшей 3 марта после посещения спортивного комплекса в Измайловском парке.

Встать, идет

Произведенный осмотр места происшествия и трупа, другие следственные действия полностью подтвердили показания Кузнецова о всех, даже мельчайших, обстоятельствах встречи его с Таней, о ее личности, образе жизни и конкретных событиях ее жизни, учебе, времяпрепровождении, а также об обстоятельствах содеянного и картине места происшествия, когда он покидал его после учиненных здесь зверств.

Было доказано, что сообщенные им сведения он мог почерпнуть только в результате личного общения с потерпевшей в роковой для нее день перед преступлением, а также при совершении им преступления и сразу после этого. Возможность их получения иным образом, при иных обстоятельствах, из иных источников категорически исключалась. Его показаниям, кроме того, соответствовали выводы судебных медиков, исследовавших труп Тани, о причине ее смерти (удушение), нанесенных повреждениях, орудиях преступления и других

обстоятельствах.

Эксперты-трасологи исследовали узлы на ремне, снятом с рук потерпевшей, а также узлы на ремнях и шарфе, изъятых с трех других мест происшествия. Выяснилось, что все они имеют одинаковый механизм исполнения.

Глубокая, всесторонняя проверка была произведена и в связи с показаниями Кузнецова о других преступлениях. Обвинение в совершении инкриминированных ему преступлений объективно подтверждалось показаниями оставшихся в живых потерпевших, большого количества свидетелей и многочисленными вещественными доказательствами. Важное доказательственное значение имели и заключения судебных экспертиз. Их по делу было произведено несколько десятков.

Особо важную роль в изобличении обвиняемого сыграли судебно-биологические экспертизы. В ряде случаев на базе метода генной идентификации и следственных данных было установлено, что следы биологической природы (сперма, кровь, пот) на объектах, обнаруженных на местах происшествий, оставлены одним и тем же человеком – Кузнецовым и не могли произойти от других людей.

Прочную доказательственную базу, сформированную в ходе следствия, не смогло подорвать и резкое изменение Кузнецовым своей позиции. После того, как судебно-психиатрическая экспертиза установила вменяемость обвиняемого, испугавшись неотвратимого сурового возмездия за содеянное, он отрекся от прежних показаний, назвав их фальшивкой, и встал на путь полного отказа от дачи показаний по делу под надуманной, несерьезной мотивировкой.

Жестокосердный, ни во что не ставивший жизнь других людей душегуб, не хотел умирать. Стремясь избежать наказания, Кузнецов делал все, что мог, чтобы затянуть срок следствия, опорочить доказательства, поставить под сомнение объективность расследования (отказывался знакомятся с материалами дела, обливал грязью следователей и т.д.). Не помогло. Истина, как говорится, восторжествовала.

1 декабря 1993 г. коллегия по уголовным делам Мосгорсуда приговорила Кузнецова, 24 лет от роду, к исключительной мере наказания.[35]

Глава 4
Психологические индикаторы и их криминалистическое значение

4.1. Психолого-криминалистический анализ способов совершения преступлений и "автографов" преступников

Основание для выдвижения версии о том, что два и более преступления на той или иной территории совершены одним и тем же лицом, могут дать данные о наличии сходства самых различных элементов криминалистических характеристик сравниваемых преступлений. Соответствующая версия может быть основана на обнаружении сходства следующих обстоятельств:

• обстановки в местах совершения преступлений, временных параметров содеянного, типа жертв посягательств;

• способов вступления в контакт с потенциальными жертвами и других действий преступника в период, непосредственно предшествующий исполнению преступного акта;

• способов и орудий лишения жертв жизни;

• использовании преступником транспортных средств;

• действий преступника, сопровождавших убийство, и последовавших вслед за этим действий, в том числе способов сокрытия трупов жертв и иного с ними обращения в постмортальный период (например, перемещения трупа, отчленение и сокрытие отдельных

---

[35] *Записки криминалистов.* – Вып. 3. – М, 1994. – С. 3–22.

фрагментов человеческих тел).

Отдельную группу данного рода признаков образует установленное сходство признаков внешности, одежды, обуви, других сопутствующих преступнику вещей, что может быть сделано по показаниям оставшихся в живых жертв преступления и очевидцев содеянного.

Вероятность указанного распознавательного решения резко возрастает в случае обнаружения сходства не отдельных отмеченных признаков, а их комплекса, когда сходство наблюдается в элементах поведения преступника, непосредственно предшествовавшего убийству, или при его осуществлении и в посткриминальных действиях на месте происшествия и в его окрестностях.

Модус операнди

Традиционно в рамках криминалистического анализа преступлений большое значение придается способам совершения исследуемых деяний (модус операнди). Происхождению в начале XX в. термина "модус операнди" криминалистика обязана Англии. Затем он стал употребляться криминалистами США и других стран. Детективы используют это понятие для обозначения способа действия преступника.

По природе своей человек является "рабом привычки" к рутинному, однообразному выполнению одинаковых действий. Преступник в этом плане не составляет исключения. Поскольку поведение человека в сходных условиях обычно носит повторяющийся, стереотипный характер, метод модус операнди быстро получил признание и занял достойное место в арсенале средств расследования преступлений и криминалистической регистрации. Термин "классификация преступников" лучше всего отражает суть картотеки модус операнди. Созданная в ФБР программа выявления насильственных преступников (VICAP) является хорошим примером такой классификации. При создании системы регистрации по модус операнди за основу берется тип совершенного преступления – это "точка отсчета". Следующей по значимости характеристикой является тип личности пострадавшего или тип собственности, ставшей объектом преступного посягательства. От этих "стартовых точек" можно двигаться в любом направлении до тех пор, пока сохраняется "верность" заданному критерию. Независимо от избранного способа регистрации по модус операнди должны учитываться общие характеристики, в частности такие, как день и час совершения нападения, выбор объекта преступного посягательства (преступной "мишени"), способ проникновения в помещение, похищенные или непохищенные вещи.

Особое внимание уделяется частным характеристикам личности и поведения преступника, подчеркивающим его индивидуальность. Ими могут быть, например, еда из холодильника, оставленные преступником записки или сообщения, избирательная кража каких-либо определенных предметов. Если речь идет об убийстве по сексуальным мотивам, важную роль играет описание положения и позы жертвы, в которой киллер оставил ее после смерти. Способ расчленения трупа также должен указываться при классификации убийств. Располагая этими характеристиками, следователь может "выйти" на определенного преступника.

Необходимость регистрации модус операнди и использования его в следственной работе объясняется тем, что в наши дни многие опасные преступники не отбывают длительных сроков в заключении. Они слишком рано оказываются на свободе и слишком быстро возобновляют свою преступную деятельность. Случается, что через несколько часов после освобождения преступник совершает новое преступление привычным для него способом. Поэтому иметь картотеку модус операнди преступников необходимо. Форму сохранения информации о модус операнди преступника каждое управление полиции в США выбирает по своему усмотрению. Важно лишь то, чтобы следователи могли пользоваться этой информацией.

Для того чтобы классифицировать преступников по способам действия, необходима система цифровых обозначений. Она экономит ресурсы (бумажные или компьютерные), необходимые для хранения информации. Так, в графе "пострадавший от преступления" каждой категории лиц (мужчины, женщины, взрослые, несовершеннолетние) должен быть присвоен

свой номер. Графа о расово-национальной принадлежности пострадавших должна содержать не менее 10–11 наименований. То же самое относится и к подозреваемому. Общий же список сведений о подозреваемом может содержать до 50 и более позиций.

Американский Институт прикладной науки разработал систему классификации модус операнди для преступников, состоящую из 10 первичных факторов, каждый из которых может подразделяться на субфакторы. Так, при первичной классификации кражи со взломом раздел (графа) "способ проникновения" (в помещение) может насчитывать 54 субфактора, включая такие, как через потолок, через люк, через фрамугу.

В системе VICAP при характеристике модус операнди преступника учитываются такие моменты, как роспись кровью на теле жертвы, губной помадой, перьевой ручкой, ножом и множество других опознавательных признаков.

Необходимо заметить, что форма VICAP не предназначена для обычных, повседневных преступлений. Ее объектом являются тяжкие насильственные преступления (в особенности – убийства). VICAP чрезвычайно трудозатратна.

Для большинства преступлений вполне годится традиционная картотека. Компьютерная регистрация модус операнди позволяет определить степень сходства в данных о подозреваемых, установить связь между преступлениями и помогает идентифицировать наиболее вероятного преступника.

Каждая из компьютерных программ предназначается для решения определенных задач, а для модус операнди необходимо специфическое программное обеспечение. Одна из основных проблем – точность компьютерных программ. Для целей модус операнди нужна гибкая программа, предусматривающая разнообразие вариантов и возможностей.

Поведенческие индикаторы – «автограф» преступника

В последние годы зарубежными специалистами при изучении раскрываемых преступлений особое внимание уделяется такому элементу поведения преступников как поведенческие индикаторы.

В Америке этот феномен принято называть "signature". Термин переводится как "автограф" преступника.

Понятие «автограф» встречается и в отечественной литературе. Оно обычно употребляется в связи с криминалистическим анализом способа совершения преступления. Так, в одной из своих работ Р.С. Белкин пишет: «Способ совершения и сокрытия преступления играет роль своеобразного „автографа“ преступника, по которому он может быть установлен».[36] И далее, говоря об уникальности и повторяемости способа совершения преступления, он называет его «визитной карточкой преступника».[37]

Соглашаясь в принципе с тем и другим образным определением способа совершения преступления, следует предостеречь от излишней переоценки информационного потенциала данного феномена и его возможности во всех без исключения случаях выступать в качестве того, что в действительности подразумевается в словах "автограф" или "визитная карточка" преступника. На эту роль, как показывает анализ следственной практики, не могут претендовать все действия по достижению преступной цели. В их число не входят ничем не примечательные, тривиальные, не несущие идентификационной нагрузки действия, которые могут быть характерны для самых различных категорий лиц, совершающих преступления самых различных категорий. Под понятием "автограф" попадают лишь те отдельные, специфические элементы либо комплексы элементов поведения преступника, которые можно отнести к числу уникальных, неповторимых черт или по крайней мере редко встречающихся в криминальной практике, образующие неповторимый персонифицированный почерк

---

[36] *Белкин Р. С.* Сквозь завесу тайны. – М., 1989. – С. 87–88

[37] Там же. С. 94.

конкретного преступника.

26 марта 1998 г. в Париже был арестован некто Ги Жорж. Как установило следствие, на протяжении шести лет, начиная с 1991 г., в разное время и в разных, но чем-то похожих местах он убил шесть девушек и молодых женщин. Характерный для убийцы почерк выразился в повторяющемся каждый раз комплексе следующих признаков: преступник связывал жертв, перерезал им горло, кромсал ножом их нижнее белье. Однако, пожалуй, самой главной отличительной приметой, характерным признаком его поведения, важным для распознавания типа преступника и его идентификации, явилось то, что каждый раз преступник рассекал ножом ткань бюстгальтеров жертв на две равные части, делая разрез точно между чашечками.

В данном случае криминалистически значимым оказался своеобразный комплекс признаков. Одни из них имеют отношение к способу лишения жизни потерпевших, другие лежат за пределами достижения этой цели. Каждый из них, взятый в отдельности, может рассматриваться в качестве автографа, особой приметы содеянного. В то же время совокупность этих признаков образует то, что можно квалифицировать как распознавательно-идентификационный комплекс, отражающий специфику почерка преступника.

Приведенный пример служит одним из аргументов, подтверждающих правильность увязки (при криминалистической трактовке) понятия автографа не только с какими-то специфическими чертами способа совершения и сокрытия преступления, т.е. элементом преступного поведения, но и с определенными элементами пред– и посткриминального поведения как частей более широкой системы – поведения преступника. Преступное поведение при этом выступает в качестве хотя и важнейшей, но всего лишь одной из частей поведения преступника в условиях совершения преступления и за их рамками. Именно такое содержание, на наш взгляд, вкладывают в анализируемое понятие западные ученые и практикующие криминалисты. Уделяя предмету настоящего анализа куда больше внимания, чем их российские коллеги, они, с одной стороны, рассматривают в качестве автографа не все подряд действия, охватываемые понятием способа совершения преступления, а лишь те черты, элементы, грани преступления, которые позволяют отграничить данный конкретный случай от многих иных, даже в чем-то сходных преступных актов. С другой стороны, они ориентируют практиков на необходимость целенаправленного отыскания еще и таких обстоятельств, играющих также роль автографов, которые отражают специфические признаки устанавливаемого преступника, отраженные в его действиях за пределами способа достижения преступной цели. В их трактовке "автограф" – это своеобразное "клеймо", "клише", "фирменный знак" преступника, которое он оставляет на теле, одежде жертвы, ином объекте посягательства, в окружающей обстановке. Действия, попадающие под определение способа совершения преступления (modus operand!), несут в системе криминального акта важную функциональную нагрузку. Они являются необходимыми элементами, средствами достижения преступного результата. Их "расшифровка" по следам преступного поведения помогает распознать признаки личности правонарушителя, установить механизм содеянного и другие важные для дела обстоятельства.

Обнаружение сходства признаков способов совершенных в разное время преступлений позволяет, во-первых, судить о возможной криминальной активности одного и того же лица, во-вторых, соединять уголовные дела в одно производство и вести целеустремленный поиск правонарушителя на основе использования в комплексе информации о каждом конкретном случае. Еще более значимы для решения этих и ряда других задач действия, подпадающие под определение "автограф". В отличие от действий как элементов "modus operand!", в основе их лежат иные психологические основания – они совершаются для того, чтобы доставить преступнику эмоциональное удовлетворение. Modus operand! со временем и в зависимости от обстоятельств может изменяться и от этого терять свои криминалистически значимые распознавательные свойства. Однако "автограф" как индикатор мотива остается значительно более стабильным и, значит, может выступать в качестве надежного признака, позволяющего объединять, на первый взгляд, разрозненные, ничем вроде бы между собой не связанные, спорадически вспыхивающие преступления в систему с одним исполнителем.

Не менее значима роль "автографа" (этого особого вида поведенческого индикатора, своеобразной особой приметы) и в деле распознавания образа оставившего его неизвестного

лица, выяснения его принадлежности к определенному типу личности, определения характеризующих признаков разыскиваемого, разработки и реализации его поискового портрета.

Модели поведенческих индикаторов

Отечественной и зарубежной практике известны различные модели поведенческих индикаторов преступников, совершавших серийные преступления. В первую очередь они характерны для умышленных действий корыстного и сексуального характера. В некоторых случаях они входят в качестве элементов в систему способа совершения преступления. Однако чаще их происхождение имеет отношение к посткриминальному поведению преступника, но до того момента, как он покинет место происшествия.

Каждый вольно или невольно оставленный преступником "автограф" представляет собой способ его эмоционального самовыражения. Одни это делают осознанно, в угаре бравады, подчеркнуто демонстрируя свои чувства, силу и неуязвимость, пренебрежительное отношение к правоохранительным органам, как бы бросая им дерзкий вызов путем оставления на теле убитой жертвы, других объектах рисунков, текстов, знаков и других бросающихся в глаза "визитных карточек" (вспомним рисунки кошки, которыми демонстративно завершали свои "подвиги" в послевоенные годы члены банды, прозванной "Черной кошкой"). Для других преступников характерна иная мотивация, иной механизм анализируемых действий. Их автографы рассчитаны не на внешних потребителей (публику, полицию и т.д.), а как бы созданы для сиюминутного и последующего "внутреннего употребления", для собственного удовольствия.

Подобное "автографирование" характерно и для поведения некоторых типов маньяков, склонных к совершению серийных убийств. Это может выражаться в отчленении отдельных частей тела, во введении в полость женских половых органов, в рот и анальное отверстие потерпевших тупых или острых твердых предметов, в оставлении тел убитых в одних и тех же позах и других формах постпреступного поведения на месте происшествия. Оригинальные "автографы" на месте происшествия оставлял американский убийца-серийник (13 жертв) по имени Альберт Де Сальво, прозванный "Бостонским душителем". Его фирменный знак – бантик, которым он "украшал" шеи либо щиколотки ног своих жертв после учиненной над ними расправы. Бантики он изготавливал из подручного материала, часто из лифчиков, трусиков или иных деталей нижнего белья потерпевших.

При всем их разнообразии в актах такого рода отражается психопатология субъектов, специфическая субкультура, стереотипность их поведения, нечто привычное, создающее вкупе с тем, что сделано до этого, необходимый психологический комфорт и полноту ощущений от обращения с жертвами.

В одном из штатов США путем удушения были убиты две старые женщины. Их трупы были найдены на видном месте в одном из общественных скверов. Никаких видимых следов насилия на телах обнаружено не было. Обращало на себя внимание лишь то, что каждой из женщин на живот были положены их водительские права и ключи от машины. Прошло довольно много времени, и в другом штате, расположенном за несколько сотен миль от первого, был найден задушенный мужчина: на животе у него лежали его водительские права и ключи от машины. Поначалу казалось, что убийства были совершены разными людьми, потому что между жертвами не было ничего общего: старые женщины и молодой человек – пассивный гомосексуалист. Однако постмортальный "автограф" был одинаков. Следователи предположили, что убийства совершены одним человеком. В результате совместного (юрисдикция двух штатов) расследования это предположение подтвердилось и преступник был осужден за три убийства.

Случаи подобного рода "автографирования" зафиксированы и в практике российских сексуальных маньяков. Весной 1999 г. был задержан и изобличен в нескольких десятках убийств и изнасилований приезжий из Молдавии. Орудуя в Подмосковье, он нападал на женщин различного возраста, наносил им смертельные удары по голове ломиком. Затем он,

совершив с жертвами половые акты, забирал их ценные вещи и скрывался с места происшествия. Характерно то, что перед этим он раскладывал поверх одежды на груди трупов взятые у потерпевших деньги. Как показал маньяк на допросах, манипуляции с денежными знаками он осуществлял для обеспечения сексуально-психологического комфорта, вообразив, будто его жертвы проститутки и им за оказанные "услуги" нужно платить. "Рассчитываясь" таким образом их же деньгами, он все же уносил с места происшествия захваченные иные вещественные "трофеи" и "сувениры" своих жертв. Эти вещи были изъяты при обыске жилища маньяка.

Упомянутые "трофеи" и "сувениры" – это тоже знаковые феномены из серии "автографов", имеющие свое психологическое объяснение. Как уже говорилось, следующей после фантазии фазой в генезисе серийного убийства является фаза выслеживания жертвы. Убийца выслеживает свою жертву словно охотник дичь. Точно так же, как охотник приносит домой какой-нибудь трофей (оленьи рога, головы или шкуры убитых животных), так и серийный убийца нередко сохраняет на память ту или иную вещь жертвы.

Иногда это вполне заурядные предметы – бижутерия, наручные часы, какая-нибудь пустяковая вещица, не имеющая особой ценности. Впрочем, для серийного убийцы каждый такой предмет чрезвычайно ценен, иначе он не стал бы рисковать, храня в своем доме серьезнейшую улику. Как считают сотрудники ФБР, "сувениры" – это предметы, разжигающие фантазию серийного убийцы, а "трофеи" служат вещественным подтверждением содеянного им когда-то. По большому счету между этими двумя видами "добычи" особой разницы нет. И то и другое выполняет функцию одновременно и напоминания, и возбуждения. Для серийника эти предметы в сущности являются своего рода фетишами, которые их обладатель наделяет сверхъестественными свойствами. Если некоторые из "сувениров" вполне обыденны, то другие носят откровенно эротический характер. Убийцы на сексуальной почве предпочитают сохранять нижнее белье жертвы, туфли на высоких каблуках, шелковые чулки. У одного серийного убийцы была обнаружена целая коллекция дамских туфель, в которых он любил сам расхаживать по дому или заставлял их надевать свою жену.

Но самым чудовищным "трофеем", несомненно, являются расчлененные части тела. Серийные убийцы могут коллекционировать все – от обрезков ногтей до целых трупов. Британский убийца на сексуальной почве Джон Риджинальд Кристи хранил в кухонном шкафу три мертвых тела своих жертв целиком, в обширную коллекцию другого маньяка Джеффри Дамера входили раскрашенные черепа, замороженные в холодильнике головы и мужские половые органы, сложенные в консервную банку из-под устриц.

Один из известных на Западе любителей подобных "трофеев" Эд Гейн, прозванный "Висконским вампиром", коллекционировал еще более жуткие вещи. На его ферме полиция обнаружила множество расчлененных тел жертв, а также сиденья для стульев из человеческой плоти, суповые миски из черепов, пояс из женских сосков и коробку с законсервированными половыми органами женщин. Но самые страшные экспонаты Гей поместил в спальне. Это были развешанные на стене женские лица, срезанные с черепов, высушенные и превращенные в маски.

Могут ли сведения из области психологии серийных убийств иметь практическое криминалистическое значение? – Несомненно.

Вместе с тем нельзя не отметить, что проблема "трофеев" и "сувениров" актуальна не только для практики раскрытия убийств. Эти и другие виды криминальных автографов подчас сопутствуют поведению преступников различной ориентации, различных намерений и калибра. Примером тому служит "свежее" дело одного российского вора-рецидивиста, в прошлом известного спортсмена, которому новое тысячелетие придется встречать в тюремной камере.

Анализируя серию квартирных краж, совершенных в одном из районов Москвы, сотрудники уголовного розыска обратили внимание на три сходных момента всех преступлений:

• Все кражи были совершены в первой половине дня.

• Обворованные квартиры находились на первых этажах многоэтажек.

• В жилищах потерпевших вор забирал драгоценности, валюту, аудио– и видеотехнику и… альбомы с семейными фотографиями. Все разъяснилось лишь после того, как вора

"вычислили" и задержали. На допросе он показал, что изъятую при обыске его квартиры коллекцию фотоальбомов потерпевших он создавал "для души", "приятных воспоминаний" о делах минувших. Следователи же, изъяв эту коллекцию, использовали ее по иному назначению – приобщили к делу в качестве вещественного доказательства.

В заключение еще раз подчеркнем, что модус операнди как способ совершения преступления – это как бы заученное поведение, а потому динамичное и подверженное изменениям. Трудно ожидать, что преступник-рецидивист в расцвете своей "карьеры" будет действовать точно так же, как при совершении своего первого преступления. В отличие от модус операнди, автограф как способ эмоционального самовыражения преступника статичен и не подвержен сколько-нибудь серьезным изменениям. Модус операнди – это действия, необходимые для совершения преступления. Автограф – это действия не несущие криминально-функциональной нагрузки, но выражающие своеобразие, неповторимые черты внутреннего мира того, кто их совершил.

4.2. О криминальном стиле и "автографах" Роберта Хансена

Роберт Хансен. 45 лет. Владелец приносящей хороший доход пекарни. Видный член городской общины. Женат. Двое детей.

Известен как опытный охотник. В местных кругах прославился тем, что свалил из лука горного барана. Место действия. Анкоридж (Аляска). Время действия. 1984 год.

Хроника преступлений

1980 год. Дорожная строительная бригада откопала плохо сохранившиеся женские останки. Тело было зарыто неглубоко, сильно поедено медведями, но хранило следы множественных ножевых ран, которые и послужили причиной смерти. Убитую опознать не удалось. Убийца не найден.

1980 год. В гравийном карьере обнаружено тело Джоанны Мессины. Проститутка. Убийца не найден.

1982 год. Сентябрь. В неглубокой могиле у реки Кник найден труп 26-летней Шерри Морроу. Стриптизерша-танцовщица. Исчезла в ноябре 1981 г. Экспертиза показала, что она была убита тремя выстрелами, сделанными, судя по найденным на месте преступления гильзам, из мощного охотничьего ружья "Ругермини-14" калибра 223. Таким оружием на Аляске владел чуть ли не каждый охотник, и отследить его оказалось невероятно трудно. Но бросалась в глаза одна характерная деталь – на платье жертвы не было отверстий от пуль. Это означало, что ее застрелили голой и уже потом одели. Убийца не найден.

1983 год. Август. В неглубокой могиле у той же реки Кник нашли еще одно тело. На этот раз жертвой оказалась Паола Голдинг – безработная секретарша. Отчаявшись получить место, чтобы заработать на жизнь, она соглашалась танцевать в стриптиз-барах. Как и Шерри Морроу, ее тоже убили из "Ругера-мини-14". Паола исчезла в апреле. Убийца не найден.

Итак, все убитые – одинокие молодые женщины, проститутки и стриптизерши. Об их исчезновении в полицию никто не заявлял, и никто, естественно, их не искал. Модус операнди преступника в двух последних случаях одинаков.

Начало истории

1 июня 1982 г. в полицейское управление Анкориджа вбежала запыхавшаяся девушка. На одном из ее запястий блестели наручники. Она рассказала невероятную историю. Девушка оказалась семнадцатилетней проституткой, к которой на улице подошел рыжий, рябой коротышка и предложил 200 долларов за сеанс минета в его машине. Но когда она стала исполнять его желание, коротышка неожиданно защелкнул на ее запястье наручники, достал пистолет и угрожая расправой, отвез в свой дом в фешемебельном районе Малдун. Кроме них

двоих в доме никого не было. Мужчина сказал, что не причинит ей вреда, если она окажется послушной и будет в точности делать все, что он скажет. Но вслед за этим сорвал с нее одежду, дико изнасиловал и причинил нестерпимую боль, искусав соски и засунув во влагалище молоток. Наручники были по-прежнему застегнуты у девушки на запястье. Не дав возможности убежать, коротышка пристегнул ее в подвале к трубе и лег спать. А проснувшись через несколько часов, объявил, что она настолько ему понравилась, что он хочет пригласить ее в свой личный самолет (на Аляске из-за больших расстояний личные самолеты – не редкость). Они полетят в его хижину в лесу, там займутся любовью, а потом он привезет ее обратно и отпустит.

Но девушка понимала, что шансы на спасение совсем невелики. Рыжий коротышка напал на нее, изнасиловал и даже не позаботился, чтобы скрыть свою внешность. Стоит ей оказаться в его лесной хижине, и положение станет намного серьезнее. В аэропорту, пока похититель заправлял самолет, девушке удалось ускользнуть. Она бежала, что было духу, высматривая, кого бы позвать на помощь, и тут наткнулась на полицейского.

По ее описанию вычислили, что похититель был похож на Роберта Хансена. Полиция отвезла проститутку к дому Хансена в Малдуне, и девушка подтвердила, что именно там ее подвергли пыткам. Потом они направились в аэропорт, и она опознала принадлежащий Хансену самолет.

Полицейские встретились с предполагаемым похитителем и познакомили его с обвинениями девушки. Хансен бурно возмутился, заявил, что никогда ее не встречал, что он солидный человек и из него просто намереваются вытрясти деньги.

– Вам не кажется смешной сама идея? – обратился он к полицейским, – разве можно изнасиловать проститутку?

Дело осложняло то, что у Хансена было алиби: его жена с детьми уехала на лето в Европу, и он ужинал дома с двумя деловыми партнерами. Хансен назвал их имена и они подтвердили его рассказ. Кроме заявления проститутки у полиции не оказалось никаких улик, поэтому Хансена не арестовали и не предъявили ему никакого обвинения. Но хотя доказательств не было, полицейские Анкориджа и всего штата Аляска "почуяли дымок и не сомневались, что пожар где-то рядом".

Тогда решено было обратиться за помощью в группу поддержки расследований при Отделе поведенческих наук Академии ФБР в Куантико. Когда в сентябре 1983 г. поступило обращение, Хансен уже фигурировал в качестве подозреваемого. Но полицейские Аляски хотели убедиться в обоснованности версии о его виновности. Сомнения в том, что человек с социальными атрибутами Хансена мог совершить столь ужасные вещи, в которых его обвиняли, оставались.

В ответ на просьбу местной полиции в Анкоридж приехала группа специальных агентов ФБР, занимающихся составлением психологических профилей неизвестных преступников с оказанием консультативной помощи на местах. Ими были Джон Дуглас и Джим Хорн.

Из воспоминаний Джона Дугласа: "Хотя подозреваемый появился до того, как я узнал о самом деле, я не хотел, чтобы уже проделанная следственная работа повлияла на мое суждение. И попросил при первом телефонном разговоре не описывать предполагаемого убийцу, а рассказать об обстоятельствах преступлений.

– А об этом типе я вам сам расскажу.

Мне сообщили подробности нераскрытых убийств и детали рассказа юной проститутки, и я подготовил психологический профиль. Он оказался очень близок к реальному подозреваемому – вплоть до такой детали, как заикание. Мне рассказали о Хансене: его работе, семье, положении в обществе, о его репутации выдающегося охотника на крупного зверя. Мог ли он совершить подобные преступления?

– Безусловно, – ответил я. Беда была в том, что полиция располагала большим количеством информации, но вся она поступила из вторых рук и не могла послужить уликой. Теперь, чтобы засадить Хансена за решетку – чего в управлении все дружно желали, – следовало добиться его собственного признания. Поэтому попросили подключиться к делу меня".

Работа профилеров

Рекомендации по обыску.

Предположения. Где искать ружье? В отличие от обычного преступника, который после убийства выбрасывает оружие, Хансен, как охотник, должен своим ружьем дорожить. Поэтому ружье нужно искать где-то в доме, хотя и не на самом виду: за ложной панелью стены, в потайном лазе или на чердаке.

Искать "коллекции". Уже имея представление о личности Хансена и на основе прошлых знаний о серийных убийцах, было высказано предположение, что Хансен тоже был "коллекционером", но не в обычном смысле слова. Многие сексуальные убийцы прихватывают у жертв сувениры, а потом отдают близким женщинам. Для них такие сувениры – символ собственной власти и воспоминание о моменте наивысшего возбуждения, который он пережил во время убийства. Хансен не мог украсить стены своей комнаты головами убитых им женщин, как он поступал с убитыми зверями. И поскольку тела жертв не имели повреждений, нанесенных руками человека, судя по всему, Хансен ограничивался тем, что забирал у убитых какие-нибудь безделушки или драгоценности. Хансен не хранил предметов нижнего белья убитых или чего-нибудь такого, что явно бросалось бы в глаза, но мог оставлять какую-либо мелочь из кошельков убитых. Кроме того, по опыту предыдущих расследований серийных убийств известно, что подобные типы часто ведут "журнал своих подвигов".

Такая "ориентировка" была дана профилерами детективам, которым предстояло проводить обыск в жилище Хансена.

Результаты обыска. В доме Хансена полицейские обнаружили ружье охотничье «Ругер-мини-14». Баллистические испытания и сравнение с найденными на месте преступления гильзами подтвердили, что именно из него были сделаны роковые выстрелы. Как и предполагали профилеры, для хранения охотничьих трофеев у Хансена была оборудована специальная комната, где он смотрел телевизор. На стенах красовались головы животных, моржовые клыки, резцы кабана, оленьи рога, на полках – чучела птиц, на полу – шкуры. Вскрыв на чердаке половые доски, обнаружили еще оружие и дешевые украшения убитых женщин, которые Хансен не отдал ни жене, ни дочери. И среди прочего – часы «Таймекс» и удостоверение личности одной из жертв. Журнала его подвигов не было, но нашлось нечто в том же роде: авиационная карта с обозначением мест, где Хансен оставлял тела убитых.

Предположения специального агента ФБР профилера Джона Дугласа о личности и преступлениях Роберта Хансена.

"О Роберте Хансене мы знали не все. Но то, что нам было известно, вполне укладывалось в нашу модель. Он был низкого роста, тщедушен, с рябым лицом и сильно заикался. Я предположил, что в бытность подростком он страдал кожным заболеванием, а заикание возникло от того, что его сторонились или дразнили сверстники, особенно девочки. Вероятно, его самооценка была достаточно низкой. Возможно поэтому он и переехал на Аляску – начать новую жизнь на новом месте. А издевательства над проститутками, говоря языком психологии, – распространенный метод мести женщинам вообще.

О многом говорил и тот факт, что Хансен был известен как опытный охотник. В местных кругах он прославился тем, что на охоте в Кускуимских горах свалил из лука горного барана. Не хочу утверждать, что всякий охотник обладает комплексом неполноценности, но мой опыт подсказывает, что люди, испытывающие это чувство, часто утверждают себя на охоте, забавляясь или огнестрельным оружием, или ножами. Сильное заикание напомнило мне о Девиде Карпентере – убийце с тропы из Сан-Франциско. И я готов был поспорить, что в момент наивысшего возбуждения, когда Хансен тешил себя властью над беззащитной жертвой, мучающий его дефект речи тоже пропадал.

Сведя все воедино, мы, хотя и не имели опыта в разработке подобных сценариев, стали представлять, что происходило в реальности. Проституток и танцовщиц-стриптизерш находили далеко в лесу с огнестрельными ранами, которые, судя по всему, были нанесены из охотничьего ружья. По крайней мере одну из женщин застрелили голой. А семнадцатилетняя проститутка сообщила, что ей удалось бежать после того, как Роберт Хансен объявил, что они вместе

полетят в его хижину в лесу. Сам он в это время жил в доме один, поскольку семью отправил на все лето в Европу.

…Я был глубоко убежден в том, что Роберту Хансену надоело охотиться на оленей, медведей и горных баранов и он выбрал себе добычу поинтереснее. Хансен подобным образом относился к проституткам – женщинам, по его разумению, намного ничтожнее его самого. Чтобы подцепить проститутку, ему не требовалось блистать даром красноречия. Хансен нанимал одну из них на улице, делал своей пленницей, вез куда-нибудь в глушь, приказывал раздеться, отпускал и преследовал с ружьем или ножом.

Такой модус операнди сложился не сразу. Первых он просто убивал и вывозил на самолете тела. Это были преступления ярости. Хансен заставлял своих жертв просить о пощаде. Но натура охотника брала свое: в какой-то момент он решил, что способен соединить два развлечения: брать женщин в лес живыми и сочетать спортивную охоту с сексуальным удовлетворением. Именно тогда в полную меру проявлялась его власть над жертвами. Постепенно тяга к убийству превратилась в навязчивую идею, и Хансен испытывал потребность охотиться снова и снова".

Реальные факты

На допросах Хансен утверждал, что преследовал и убивал женщин только определенной категории. Ему никогда не пришло бы в голову охотиться на "приличную женщину". Зато проституток и стриптизерш он считал подходящей добычей. "Поймите, я ненавижу не всех женщин. Боже упаси… Но проститутки – существа намного ниже меня… С ними все, как в игре: они посылают мяч, а я отбиваю".

Хансен вырос в Покахонтасе, штат Айова, где его отец, как и он, был пекарем. Мальчиком Роберт воровал в магазинах и продолжал этим заниматься, чтобы пощекотать нервы, после того, как у него появились собственные деньги и он мог покупать все, что хотел. Неприятности с девочками начались в старших классах. Роберта обижало, что сверстницы из-за его угрей и заикания отказывались с ним водиться. "Я выглядел и говорил как урод. Стоило мне посмотреть на какую-нибудь девочку, и она тут же отворачивалась". После ничем не отмеченной службы в армии он женился в двадцать два года. Потом последовала серия обвинений в поджогах и грабежах, разрыв с женой, развод и повторный брак. После того как вторая жена закончила колледж, он перебрался с ней на Аляску, где хотел начать новую жизнь. Но в течение еще нескольких лет продолжались его конфликты с законом – в числе прочего ему неоднократно предъявляли обвинения в нападениях на женщин, которые, судя по всему, отвергли его ухаживания.

27 февраля 1984 г. Хансен был признан виновным в четырех убийствах, одном изнасиловании, одном похищении человека, кражах вещей и незаконном хранении оружия. Его приговорили к 499 годам тюрьмы.

Библиографический список к разделу I

Адлер А. Понять природу человека. – СПб., 2000.

Антонян Ю.М. Тени прошлого. – М., 1996.

Антонян Ю.М. Психология убийства. – М., 1997.

Антонян Ю.М. и др. Серийные сексуальные убийства. – М., 1997.

Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. – М., 1996.

Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. – М., 2000.

Афиногенов С.А. и др. Особенности расследования сексуально-садистских убийств. – СПб. 1993.

Байкушев С. Серьезно о сверхъестественном. – М., 1991.

Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.3. – М., 1997.

Белкин Р.С. Сквозь завесу тайны. – М., 1989.

Богомолова С.Н., Образцов В.А. Серийные убийства на сексуальной основе как объект психолого-криминалистического анализа //Труды МГЮА. №1. – М., 1996. – С. 123-132.

Воронежские криминалистические чтения . – Вып. 4. – Воронеж, 2000.

Водько Н.П. Почему так долго искали Чикатило. – М., 1996.

Гримак Л.П. и др. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1999.

Зуйков Г.Г. «Модус операнди», кибернетика, поиск. – М., 1970.

Зинин А.М. Внешность человека в криминалистике. – М., 1995.

Записки криминалистов. – Вып. 3,4,5. – М., 1994–1995.

Законность. – №11. – 1997.

Исаенко В. Организация расследования серийных убийств // Законность. – №2. – 1999. – С. 2-4

Криминалистика. /Под ред. В.А. Образцова. – М., 1999. –

Криминальная хроника. – №1. – 1997, 1998; №9. – 1998; №2. – 1999.

Криминалистика /Под ред. В.А. Образцова. – М., 2001.

Криминалистическое обеспечение предварительного расследования /Под ред. В.А. Образцова. – М., 1992.

Криминалистическое обеспечение предварительного расследования /Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М., 1997.

Комиссаров А.Ю. Технико-криминалистическое обеспечение производства автороведческой экспертизы // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. – М., 2000. – С. 141–145.

Мегаполис-экспресс . – №17. – 1998.

Модестов Н.С. Серийные убийцы. Маньяки и их жертвы. – М., 1999.

Методика расследования серийных убийств . – М., 1998.

Миронов Д. Профиль преступника: психология на вооружении ФБР США // Мир безопасности. – М., июль 1998. – С. 42–43.

Норрис Д. Серийные убийцы. – М., 1998.

Образцов В.А. Не убивать они не могут // Уголовное право. – №1. – 1998. – С. 138-148.

Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997.

Панкин А.И., Анфиногенов А.И. Психологический портрет преступника: понятие, виды, методика составления // Право и юридическая психология. – №1. – М., 1995. –С. 6-14.

Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. – Иркутск, 1998.

Протасевич А.А. Серийные преступления, сопряженные с насилием, как объект криминалистики. – Иркутск, 1999.

Протасевич А.А., Образцов В.А. Раскрытие убийств. – Иркутск, 1998.

Протасевич А.А., Образцов В.А., Богомолова С.И. и др. Монологи. Криминалисты о своей науке. – Иркутск–Москва, 1999.

Ридерз Дайджест . – М., июнь 1996.

Серийные убийства и социальная агрессия . – Ростов-на-Дону, 1994.

Следственная практика . – Вып. 140. – М., 1983.

Топорков А.А. Словесный портрет. – М., 1999.

Фрейд З. Основной инстинкт. – М., 1997.

Фрейд З. Психология бессознательного. – М., 1990.

Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. – М., 1992.

Энциклопедия преступлений и катастроф . Убийцы и маньяки. – Минск, 1996.

Geberth V. Psychological profilling. – Law and Order, 1981. – P. 29, 46–49.

Geberth V. Practical homicide investigation. Tactics, procedures, and forensic techniques. (3-rd ed.), Elesevier. – N. Y., 1996.

Keeney B ., Heide K. Gender differences in serial murderers. A preliminary analysis. – Journal of Interpersonal Violence, 1994, Vol. 9, №3. – P. 383–398.

Lane B ., Gregg W. The new encyclopedia of serial killers. Headline Book Publishing. – London, 1996.

Annon J. Investigative profiling: A behavioral analysis of the crime scene. – American Journal of Forensic Psychology, 1995, Vol. 13(4). – P. 67–75.

Barret G. Serial murder: A study in psychological analysis, prediction and profiling. – New York: Bonus, 1992.

Brussel J. Casebook of a crime psychiatrist. Bernard Geis Associates, U. S. A., 1968.

Cluf J., Haunter A., Hinch R. Feminist perspectives on serial murder. – Homicide Studies, August, 1997. – P. 291-308.

Douglas J., Burgess A. and Ressler R. Crime scene and profile characteristics of organized and disorginized murderers. – FBI Law Enforcement Bulletin, 1985. – P. 54, 18-25.

Douglas J., Burgess A. Criminal profiling: A viable investigative tool against violent crime. – FBI Law Enforcement Bulletin, 1986, 55. – P. 9–13.

Douglas J., Burgess A. W., Burgess A.G. and Ressler R. Crime classification manual. Lexington Books. – New York, 1992.

Douglas J., Olshaker M. Mindhunter. Inside the FBI's elite serial crime unit. Pocket Books. – N. Y., 1995.

Douglas J., Olshaker M. Unabomber. On the trail of America's most-wanted serial killer. Pocket Books. – N. Y., 1996.

Douglas J., Olshaker M. Journey into Darkness. Pocket Books. – N. Y., 1997.

Douglas J., Olshaker M. The anatomy of motive. A Lisa Drew Books / Scribner. – N. Y., 1999.

Earl J. Catching serial killer's. Learning from past serial murder investigations. International Forensic Services Inc., 1991.

Egger S. The killers among us: An examination of serial murder and its investigation. Prentice Hall Inc., Upper Saddle River. – N. Y., 1998.

Раздел II
Использование достижений нетрадиционных отраслей криминалистической психологии при выявлении и раскрытии преступлений

Глава 5
Криминалистическая психолингвистика

5.1. Речевая информация как объект криминалистики, психологии, лингвистики, оперативно-разыскной и следственной практики

Письменная и устная речь человека представляет собой богатейший источник информации о самых разнообразных признаках, характеристиках предмета описания (другого человека, факта, процесса и т.д.), самого пишущего или говорящего и других обстоятельств. Не случайно, как и ученые-криминалисты, психологи, лингвисты, так и оперативные работники органов дознания, дознаватели, следователи традиционно уделяют большое внимание указанному объекту и использованию речевой информации, полученной от ее носителей, для выявления и изобличения преступников, пресечения, предотвращения и раскрытия преступлений. Исследования письменной и устной речи в России, как теперь, так и во времена СССР, ведутся в рамках относительно самостоятельных областей криминалистики – автороведения и фонологии (фоноскопии). Основной объект психологических автороведческих исследований – рукописные, машинописные и иным способом исполненные тексты, а точнее, – смысловое, понятийное, содержательное наполнение текста. Они осуществляются для идентификации авторов текста (при наличии проверяемого лица и образцов его письменной продукции), а также для решения комплекса диагностических и других распознавательных задач, связанных с определением признаков неизвестного автора, решением вопросов

относительно общности источника происхождения нескольких текстов, условий их исполнения. Наращивание теоретического потенциала, развитие базы методической оснащенности увеличивают возможности и повышают качественный уровень автороведческих экспертиз. По мере того как судебно-автороведческая экспертиза формировалась в специфический вид судебной экспертизы, имеющей собственный предмет, объект, задачи и средства исследования, все явственней ощущалась необходимость создания автоматизированного рабочего места (АРМ) эксперта-автороведа, предназначенного для обеспечения автоматизации процесса решения идентификационных и неидентификационных задач (определения уровня образованности, интеллектуальных возможностей, половой и возрастной принадлежности, родного языка, профессиональной принадлежности и некоторых других признаков устанавливаемого лица как автора исследуемого текста). По сообщению А.Ю. Комиссарова, решение этих задач предполагает наличие в АРМе эксперта-автороведа блока индексации лексических единиц встроенного словаря по следующим параметрам:

1) часть речи, к которой относится слово;

2) преимущественная область профессионального использования (отнесение к области профессионализмов);

3) преимущественное использование возрастными группами;

4) преимущественное использование группами мужского или женского пола;

5) преимущественное использование лицами, использующими русский язык как неродной или иностранный.

Созданные в ходе научных исследований методы индексации позволяют существенно расширить круг решаемых экспертами-автороведами криминалистических задач, а оперативным работникам МВД и следователям – получать дополнительную ориентирующую информацию при проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Важны они и для упорядочивания словарных массивов по классификационным категориям, существенным для дальнейших автороведческих исследований с использованием АРМа "Лексика".

Основной целью, которая ставилась исследователями, является разработка блока индексации лексических единиц встроенного словаря АРМа эксперта-автороведа "Лексика" на базе различных фундаментальных естественных словарей, а также научного материала, имеющегося в современной лексикологии, и обобщения многолетнего экспертного опыта.

При этом были решены задачи по следующим направлениям:

1) часть речи лексической единицы;

2) профессионализмы;

3) возраст автора;

4) пол автора;

5) образование автора;

6) русский язык как неродной или иностранный.

Решение поставленных задач потребовало проведения и использования результатов ряда экспериментальных и теоретических исследований. Объектами исследований являлись:

а) материалы лексико-синтаксических словарей, справочников, научных публикаций по классификации русской лексики;

б) общие и частные признаки (количественные и качественные) письменной речи, характеризующие интеллектуальный и функционально-динамический стереотип автора текста.

В ходе работ были выявлены лексические единицы речи, отражающие письменно-речевые навыки автора текста, свидетельствующие о принадлежности его к одной из следующих групп-носителей русского языка:

1) по преимущественной области профессионального или социологического использования слов: военный, врач, инженер, педагог, преступник, священник, работник сельского хозяйства, экономист, юрист;

2) по преимущественному использованию русской лексики лицами определенной возрастной группы (до 14 лет, 14– 20 лет, 21–45 лет, 46–60 лет, старше 60 лет);

3) по преимущественному использованию русской лексики группами мужского и женского пола;

4) по преимущественному использованию русской лексики лицами, использующими русский язык как родной или неродной (в том числе иностранный);

5) по преимущественному использованию русской лексики лицами со средним или высшим образованием.

Кроме того, в АРМе эксперта-автороведа "Лексика" были заполнены оставшиеся свободные поля, указывающие на отнесение слова к определенной части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, союз, предлог, частица, причастие, деепричастие, вводное слово.

Выявленные в ходе работы списки слов были внесены в основной блок индексации лексических единиц словаря, являющийся базой данных массива лексики русского языка с указанием таких их основных характеристик как:

а) общая частота встречаемости слова;

б) частота встречаемости в сфере художественной прозы;

в) частота встречаемости в сфере драматургии;

г) частота встречаемости в сфере научно-публицистической литературы;

д) частота встречаемости в газетно-журнальной сфере.

Перечисленные списки слов наряду с их частными характеристиками составили достаточно репрезентативный объем русского словаря, позволяющий эксперту-автороведу использовать разработанные ранее методы и приемы во всей полноте их возможностей.

Результаты выполненной работы не имеют аналогов в отечественной и зарубежной практике. Среди существующих программных продуктов лингвистического или криминалистического направлений не существует списков лексем, представленных в виде блоков индексированных лексических единиц встроенного словаря, содержащих данные о частотах встречаемости слов или их принадлежности к какой-либо социально ориентированной группе носителей русского языка.

По причине постоянного изменения русского словаря разработчиками рекомендуется проведение дополнительных исследований, которые должны носить систематический характер с регулярным периодическим обобщением дополнений, внесенных в словарь АРМа "Лексика" различными пользователями. Такой подход позволит получать максимально эффективный инструментарий, пригодный для проведения автороведческих экспертиз, соответствующий запросам экспертной практики, современному уровню науки и техники.

Кроме того, блок индексации позволяет упорядочить словарные массивы по классификационным категориям, существенным для дальнейших автороведческих исследований с использованием АРМа «Лексика», а также для обучения сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России, экспертов-автороведов других ведомств и организаций, слушателей и курсантов, высших и средних учебных заведений, специализирующихся на экспертном исследовании письменной речи.[38]

Второй план исследования речевой активности касается устной речи, зафиксированной на фонограмме и соответствующем материале видеозаписи. Эти исследования образуют одно из направлений судебно-фонологической экспертизы, бурно развивающейся в последние годы. Во многом прогресс на этом пути достигнут благодаря применению психолингвистических методов исследования голосовой информации. Объекты данных исследований можно разделить на четыре группы.

Фоно– и видеоматериалы, содержащие речевую информацию, имеющую отношение к устанавливаемым по делу лицам и событиям, которая до или после возбуждения уголовного дела была зафиксирована преступниками, потерпевшими, свидетелями с помощью средств звуко– и видеотехники. Содержащаяся в данных объектах информация может относиться к предкриминальным, криминальным и посткриминальным событиям и фиксироваться инициаторами по различным соображениям (например, в целях оказания помощи правоохранительным органам в раскрытии преступлений и изобличении виновных или для ее

---

[38] *Комиссаров А.Ю.* Технико-криминалистическое обеспечение производства автороведческой экспертизы // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. – М., 2000. – С. 141 – 145.

тиражирования в коммерческих целях, для шантажа и запугивания, для личного использования). К ним, в частности, относятся видеозаписи сцен мужеложства, убийства и расчленения трупов потерпевших, сделанные самими участниками таких актов или их соучастниками.

Подобные носители звуковой и визуальной информации могут быть представлены в правоохранительные органы их владельцами и иными лицами в официальном порядке или конфиденциально либо изъяты при производстве обыска, осмотра места происшествия, выемки.

Фонограммы и видеодокументы, изготавливаемые в ходе оперативно-разыскных мероприятий их участниками в процессе наблюдения за разрабатываемыми лицами, их преследования и задержания.

Фонограммы, содержащие запись сообщений по телефону о готовящемся, совершенном или совершаемом преступлении, поступающие от известных или анонимных источников речевой информации.

В рамках автороведческих исследований объекты этих групп могут изучаться для идентификации лиц – источников голосовой информации, дифференциации фрагментов речи и определения, кому она принадлежит в случае записи разговора нескольких собеседников, распознавания признаков неизвестных источников речевой информации, определения их состояния и условий, при которых продуциировалась речь.

Фоно– и видеодокументы, отражающие характер производимых процессуальных действий, их участников, порядок, условия производства и полученные результаты. (Например, допрос кого-либо, производство обыска в помещении.) Исследования этих объектов могут производиться в целях проверки версий о неправомерном психическом воздействии со стороны следователя или других лиц в отношении допрошенных, иных участников следственных действий. Упомянутые объекты могут исследоваться и в рамках технико-криминалистических экспертиз, в частности, для выяснения возможности фабрикации видео– и аудиодокументов. (Эти вопросы не входят в предмет нашего исследования.) Накопленные в рассматриваемых областях научной и практической деятельности знания, потребности следственной и оперативно-розыскной практики создали объективные предпосылки для оптимизации соответствующих исследований и расширения их возможностей с позиции последних достижений научно-технического прогресса во второй половине XX в. С этим, в частности, связана постановка в российской криминалистической литературе вопроса о целесообразности построения новой области криминалистического научного знания и соответствующего ему нового вида судебной экспертизы, объединяющего исследования двух форм речи – устной и письменной.[39]

В качестве доводов в пользу данного проекта приводятся такие аргументы: сходство идентификационных признаков устной и письменной речи (Т.В. Аверьянова), "… общность признаков, выделяемых при исследовании устной и письменной речи, а также сходство методов, применяемых для выявления признаков и их оценки" (И.В. Заяц).

Указанное предложение заслуживает всяческой поддержки, тем более что в данном случае мы еще раз сталкиваемся с ситуацией, на которую в полной мере распространяется известное изречение о том, что Запад нам поможет. Правильней, правда, сказать, что помочь мы должны сами себе, но с учетом западного опыта. Дело в том, что проблема, пребывающая у нас в статусе предмета дискуссий, за рубежом давно идет по пути ее успешного практического решения. Там, на стыке психологии, криминалистики и лингвистики уже сформировалась новая интегративная область научного знания, которую можно определить как криминалистическую психолингвистику. Ее возникновение во многом обусловлено потребностями практики

---

[39] См.: *Комиссаров А.Ю.* К вопросу о криминалистической экспертизе речи // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы. – М., 1997. – С. 51–52; *Аверьянова Т.В.* Интеграция и дифференциация научных знаний как источник, и основы новых методов судебной экспертизы. – М., 1994. – С. 11; Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. – М., 1997. – С. 173; *Заяц И.В.* Использование лингвистических познаний при расследовании преступлений. Автореферат диссертации канд. наук. – Саратов, 2000. – С. 10.

раскрытия преступлений, остро нуждающейся в разработке речевых профилей (портретов) устанавливаемых преступников. Продуктивность исследований данного плана существенно возросла после создания метода психолингвистического анализа речевой информации.

5.2. Психолингвистический анализ как метод распознавания и идентификации преступника

Как мы сообщали ранее в своих публикациях[40], родина метода психолингвистического анализа – США.

Первая публикация по этой теме появилась в Бюллетене ФБР в сентябре 1979 г. Называется статья "Анализ угроз – психолингвистический подход". Ее авторами являются сотрудник ФБР Джон Дуглас и профессор Сиракузского университета Мюррей С. Майрон – основоположник и энтузиаст этого метода в криминалистике. Объектами данного анализа служат письменные и устные сообщения. Они изучаются с помощью аналитических психолингвистических методов в целях установления признаков, указывающих на происхождение, среду обитания, психолингвистические и иные черты личности источников речевой активности. Полученные результаты позволяют построить поисковый психолингвистический портрет неизвестного автора письменного текста или звуковой информации, который может содержать данные о возрастной и половой принадлежности, образовательном уровне, географической и этнической среде, роде занятий устанавливаемого лица. Эти сведения устанавливаются путем анализа словарного запаса, синтаксиса, акцента и многих других особенностей устной и письменной речи. Наряду с этим путем сравнения выявленных особенностей аналогичных объектов устанавливается, принадлежит ли различная речевая продукция одному или разным лицам. Эта же задача может быть решена и на базе сравнительного анализа носителей устной и письменной речи. Важным направлением указанных исследований является идентификация источника речевой информации в случае установления его личности и получения от него образцов объектов, аналогичных тем, что направлены на исследование. При этом положительный результат может быть достигнут не только тогда, когда исследуются оригиналы, но и доброкачественные копии изучаемых объектов.

Первоначальной целью программы, созданной профессором Майроном, был анализ угроз в связи с деятельностью террористов. Как выяснилось позже, психолингвистический анализ может с успехом применяться при расследовании убийств, иных преступлений, если в распоряжении следствия имеются устные или письменные сообщения подозреваемых и обвиняемых.

Анализируемый метод реализуется следующим образом.

Получив сообщение или иную коммуникацию, эксперт-психолингвист вводит информацию в компьютер. Каждая фраза, слово, слог, пауза, запятая автоматически сканируются компьютером и относятся к одной из множества категорий. Эти категории, установленные эмпирическим путем, имеют важное значение в характеристике угрозы. Кроме того, компьютер табулирует "встречаемость" таких элементов как пунктуация, "запинки" в речи, орфографические ошибки, структура предложения.

Осуществлявшийся на протяжении ряда лет компьютерный анализ громадного количества угроз позволил составить так называемый "словарь угроз". Объем и содержание словаря постоянно пополняются. По состоянию на 1996 г. он содержал 350 категорий репрезентирующих более 250 000 слов. Эти угрозы ранжируются от записок (предсмертных) самоубийц до сообщений террористов и включают как ложные угрозы, так и угрозы, воплощенные в жизнь. Кроме того, в памяти компьютера хранится свыше 15 милл слов, собранных путем анализа обычного английского разговорного и письменного языка. Любое

---

[40] См.: *Протасевич А.А., Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Монологи. Криминалисты о своей науке. – Иркутск–Москва, 1999; *Образцов В.А.* К вопросу об интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Кримтехника. – М., 2000. – С. 270-273.

непривычное слово или необычное его употребление "улавливается" компьютером и подвергается углубленному анализу, сопоставляя ("взвешивая") словоупотребление автора письменного текста (говорящего) со словарем "среднего человека". Эксперт-психолингвист может выделить слова-"автографы" – своеобразные "опознавательные знаки" индивида, прослеживающиеся в различных коммуникациях.

Что касается расследования убийств и других тяжких преступлений, то психолингвистические методы могут быть применены в случаях, когда преступник обращается к кому-либо (например, в прессу, полицию) с устными или письменными "посланиями". В качестве примера можно назвать расследование по делу серийного убийцы Давида Берковица, подписывавшего свои послания в газеты "Сын Сэма".

Благодаря использованию психолингвистики в самом начале расследования удалось составить профиль этого киллера, оказавшийся, как выяснилось впоследствии, очень точным. Нелишне отметить, что по описанию свидетелей киллеру было где-то тридцать с небольшим (вводило в заблуждение то, что он был чуть лысоват). Психолингвистический профиль, основанный на письменных сообщениях, правильно определил возраст киллера: от 20 до 25 лет. Составленный доктором Майроном профиль Берковица оказался поразительно сходным с оригиналом в части, например, роста и веса, а также того, что преступник не живет с матерью (приемная мать умерла, когда Берковицу было 14 лет), что киллер будет продолжать нападать на молодых привлекательных женщин до тех пор, пока не попадется, а при задержании не окажет сильного сопротивления (так и было).

Как полагает Майрон, типичный психолингвистический профиль (портрет) должен состоять из трех разделов. Первый, и самый важный для расследования, это демографический профиль автора сообщения (коммуникации). В нем фиксируются вероятный возраст, пол, место рождения и ряд других признаков, которые могут быть выявлены при анализе коммуникаций. Во втором разделе представлены такие особенности личности автора, как мотивация, характер, патология (если таковая имеется). И, наконец, в третьем разделе оценивается детерминация и способность автора осуществить угрозы или совершить действия, о которых он предупреждает.

Изложенное можно проиллюстрировать примером, приведенным в статье Д. Дугласа и М. Майрона "Анализ угроз – психолингвистический подход".

От неизвестного поступило несколько сообщений о готовящемся взрыве самолета, летевшего рейсом Нью-Йорк – Женева. Доктор Майрон, проведя психолингвистический анализ сообщений, пришел к выводу, что неизвестный – это мужчина в возрасте около 50 лет. Он уроженец Германии. Эмигрировал в США будучи уже взрослым. Живет в США примерно 20 лет. По-видимому, неизвестный и раньше посылал письма с угрозами официальным лицам в Германии и США. Возможно, самым ценным в заключении Майрона было следующее: террорист в своем послании не удержался от искушения показать значимость своей персоны и тем самым "дал на себя наводку". Послание заканчивалось серией трехзначных цифр, в которых, по утверждению террориста, было закодировано название возглавляемой им организации.

Казалось вначале, что каждая из десяти кодовых серий соответствует десяти словам названия организации. Ни одно из слов не повторялось в названии организации или в трехзначных сериях кода.

Однако, если каждую из 9 трехзначных серий написать в виде колонки цифр, то код будет выглядеть следующим образом:

6	2	9	3	7	4	9	8	9
0	4	4	0	3	3	1	3	0
4	7	5	5	4	0	5	7	7

После такой перегруппировки оказалось, что первые три цифры кода – 629 – соответствуют определенным буквам алфавита. Используя стандартный прием кодирования –

перемещение ключа для оставшегося текста, выяснили, что следующая кодовая серия переводится как "IM", за которыми следуют два повторяющихся дважды инициала. При проверке имен пассажиров рейса оказалось, что один из путешественников попадает под составленный Майроном профиль, а часть его инициалов – под дешифрованный код. При проверке по картотекам обнаружилось, что этот пассажир уже писал несколько аналогичных сообщений в 1969 г. и подписывался таким же образом. Последующие психолингвистические сравнения показали, что эти ранние сообщения были написаны одним и тем же лицом. После такой идентификации психолингвистические способы использовались для определения наиболее эффективных методов допроса, с учетом личностных особенностей подозреваемого. Были также сделаны прогнозы вероятных реакций подозреваемого: будет ли он предпринимать попытки самоубийства или побега.

Итак, психолингвистический подход имеет самое непосредственное отношение к устной речи и внутренней, содержательной части письма, его понятийно-терминологическому наполнению. В то же время, что не менее важно, активно развивается и другое направление психолингвистических исследований. Оно напрямую связано с внешней, графической составляющей письма. Этот объект традиционно разрабатывается в криминалистике в рамках научного и практического почерковедения и нацелен на установление свойств, состояния, признаков неизвестного исполнителя рукописного текста, условий, при которых осуществлялось письмо, а также для идентификации проверяемого лица по признакам почерка. Психолингвистические почерковедческие исследования позволяют расширить круг таких задач, открывают возможность обеспечения следствия новыми видами доказательств. Имеется в виду, в частности, задача распознавания причастности проверяемого лица к совершенному преступлению путем изучения особенностей почерка подозреваемого.

5.3. Психодиагностика почерка подозреваемого

В начале 90-х годов минувшего столетия профессор Башкирского госуниверситета Г. Аминев разработал оригинальную методику исследования почерка подозреваемого, названную автором "Психодиагностикой почерка подозреваемого в убийстве".

Суть метода состоит в следующем: подозреваемому, не признающему вину, предлагается собственноручно написать, чем он занимался в день совершения убийства (или исчезновения пропавшего без вести). Зная о том, что все излагаемые сведения будут тщательно проверены, подозреваемый старается вспомнить побольше подробностей и тем самым как бы мысленно повторно "живет" теми событиями, которые описывает.

Когда же он подходит к описанию временного интервала, в котором было совершено убийство, начинает или излагать то, что свидетельствует о его непричастности к преступлению, или ссылаться на забывчивость. Однако инерция мышления, психологическое "вчувствование" уже настолько велики, что все попытки убедительно изложить собственное ложное алиби сопровождаются "прокручиванием" в сознании "кадров" подлинного события, перед глазами возникает картина совершенного убийства.

Такое психологическое состояние, по мнению Г. Аминева, должно найти отражение в почерке. Ключевой буквой при исследовании по методике Аминева является буква "р", так как именно в ней наиболее четко отражаются и легче всего выявляются изменения в почерке. К тому же она наиболее удобна для измерений и сравнительно часто встречается в произвольном тексте.

Измеряются все буквы текста, в котором изложены события в двухчасовом отрезке интересующих следствие суток, рассчитывается их средняя высота, которая отмечается на построенном графике. Такие же исследования проводятся и по другим двухчасовым отрезкам суток, описываемых подозреваемым событий пред– и посткриминального характера. Соединенные точки средней высоты буквы "р" образуют линию графика, вершина которой – графическое отображение пиков нервного напряжения подозреваемого.

Время суток, на которое выпадает пик графика, будет предполагаемым временем совершения преступления. Тем самым существенно экономятся силы и время при проведении следственных и оперативно-розыскных мероприятий, а также появляется возможность

применения высокоэффективного приема психологического воздействия на подозреваемого во время его допроса – так называемый "информационный выпад".

Этот метод применим и для перепроверки установленной, а не только предполагаемой причастности подозреваемого к содеянному, когда он признает вину, собственноручно написав свои показания.

Эффект применения психодинамического метода снижается тогда, когда он применяется спустя значительный временной интервал после совершения преступления.

Заинтересовавшись этим методом, Николай Китаев и двое его коллег провели в 1994–1996 гг. исследования с использованием электронной техники. Была специально разработана программа "ОРТ" для ЭВМ, способствующая более точному измерению букв, чем простыми измерительными приборами, которыми пользовался Г. Аминев. В качестве объектов брались уголовные дела об убийствах, по которым были приняты процессуальные решения и где ход оперативно-следственных мероприятий определялся первичными собственноручными показаниями задержанных подозреваемых.

Было изучено, в частности, такое дело.

Ранее судимого К. задержали по подозрению в причастности к убийству Л. и В. Он написал показания, которые затем стали объектом тщательной проверки как оперативным, так и процессуальным путем. В этих показаниях К. основную роль отводил соучастникам Л. и А. Текст показаний К. был разбит на несколько частей, в пределах которых и провели измерение буквы "р". В первой части текста высота "р" небольшая: здесь подозреваемый излагал информацию, не имеющую отношения к нападению на потерпевших. Во второй части текста средняя высота буквы "р" резко увеличивается при описании нападения.

Вот выдержка из показаний К.: "Я увидел, как А. набросил веревку на шею водителя, тот сначала сопротивлялся, а потом затих. Я был напуган и боялся смотреть в их сторону. А. приказал мне сесть за руль и заехать в лес. Мы вытащили водителя, он еще дышал. А. достал из кармана нож и начал втыкать ему в спину. Я с ужасом смотрел…"

В третьей части текста делается описание второго убийства, и средняя величина буквы "р" держится на том же уровне. В четвертой части резкого снижения величины "р" не наблюдается. Но это не удивительно – здесь К. сообщает, как спустя некоторое время после убийства произошло столкновение с патрулем ГАИ, когда попытка задержания преступной группы завершилась безуспешной погоней. Переживание этого момента тоже нашло отражение в почерке. Следствие установило, что К. преуменьшил свою роль в нападении на водителей. Изобличенный многочисленными доказательствами, он приговорен к исключительной мере наказания, приговор приведен в исполнение.

Н. Китаев полагает, что дальнейшие научные разработки проблемы диагностики почерка подозреваемых позволят создать совершенные типовые программы для ЭВМ, что сделает методику указанной диагностики более оперативной и доступной для широкого практического применения по конкретным уголовным делам. Важно особо отметить, что результаты, полученные с использованием этой методики, конечно, не могут быть приняты в качестве доказательства[41]. Они имеют ориентирующее значение и могут учитываться при разборке тактики допроса подозреваемого, стать предметом обсуждения во время допроса и приниматься во внимание при осуществлении последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по уголовному делу.

К сказанному следует добавить, что психодиагностика почерка представляет собой одну из разновидностей метода криминалистического распознавания, осуществляемого на предположительном (вероятностном) уровне. Наряду с этим существует и положительное распознавание, несущее точное, достоверное знание об объекте. Диапазон объектов криминалистического распознавания чрезвычайно широк, а его практическая значимость, прежде всего на первоначальном этапе расследования преступлений, исключительно высока. В круг таких объектов входят, в частности, люди как носители существенной для дела информации (свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые), дающие показания о себе,

---

[41] *Законность.* – № 8. – 1997. – С. 25–28.

своих действиях, поведении, деятельности, включая криминальную, и другие обстоятельства. Основу для успешного решения распознавательных задач образуют положения об отражаемости материи, о познаваемости реального мира, об информативности речевых и неречевых проявлений человеческой сущности, свойств, признаков, связей и отношений человека.

Глава 6
Психолингвистический анализ утверждений

6.1. Понятие, содержание, особенности психолингвистического анализа утверждений как метода проверки достоверности показаний

Научная и практическая криминалистическая психолингвистика имеет отношение к решению комплекса разного типа задач. О некоторых из них, связанных с изучением устной и письменной речи, мы уже рассказывали в предыдущих параграфах. Отдельного обсуждения заслуживает проблема установления степени соответствия содержания текстового материала отраженной в нем реалии.

Данная тема прежде всего относится к показаниям потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, к той информации, которая зафиксирована в протоколах допросов. Методу анализа утверждений более 30 лет. В России он стал известен в начале 90-х годов минувшего столетия.

Родина метода – Германия. После Второй мировой войны в Германии началась реорганизация системы уголовной юстиции. В 1953 г. были созданы специальные Ювенальные суды, занимавшиеся рассмотрением дел о преступлениях, совершенных лицами моложе 21 года (или против них). Самой распространенной категорией дел в этих судах были дела о сексуальных посягательствах, в которых часто жертвами становились дети. Отличительной особенностью дел данной категории является малочисленность доказательств. Тому есть ряд причин.

Поскольку часто сексуальные посягательства не связаны с насильственными действиями, совершаются без применения физической силы, то и следы физического воздействия на теле потерпевших не всегда обнаруживаются.

Могут не обнаруживаться вещественные следы сексуальной активности по причине отсутствия семяизвержения.

Сексуальные преступники принимают меры к тому, чтобы об их общественно порицаемом поведении никто не узнал, а поэтому действуют без посторонних свидетелей. Если и оказываются "наблюдатели", то это обычно бывают маленькие дети.

Признание преступника можно получить лишь в том случае, когда он убежден, что другие верят потерпевшему ребенку.

Из сказанного становится ясно, сколь велика роль показаний потерпевшего в возбуждении уголовного дела и в его расследовании. Вместе с тем известно также, сколь велика вероятность искажений и ошибок в свидетельских показаниях. Сложилась вроде бы безвыходная ситуация: если безоговорочно доверять показаниям потерпевшего, могут быть осуждены невиновные; если не доверять – деятельность судов будет парализована, а преступники получат неограниченную возможность для удовлетворения своих противоестественных наклонностей. Выход был найден с помощью психологов, создавших метод, помогающий отличать правдивые показания от лживых.

Основы метода были заложены в середине 60-х годов немецким психологом Удо Ундойчем, немало сделавшим для становления и развития судебно-психологической экспертизы показаний. Впоследствии в доработку и совершенствование метода внесли свой вклад ученые разных стран.

В основе теории метода анализа утверждений лежит положение о том, что правдивые показания отличаются от ложных как по содержательным, так и по формальным признакам.

Установлено, что показания, основанные на реальных, пережитых самим субъектом событиях, качественно отличаются от показаний, не основанных на собственном опыте, а являющихся продуктом импровизационной фантазии или заранее обдуманной фальсификации. Критерии реальности ("контент-критерии") отражают специфические признаки, позволяющие отграничить правдивые показания от ложных. В настоящее время выделено 19 таких критериев. Они отражены в пяти основных категориях:

• общие характеристики свидетельствования;
• специфические детали;
• необычные характеристики, связанные с содержанием;
• содержания, связанные с мотивацией;
• элементы, отражающие специфику преступления.

Распределение критериев по этим категориям наглядно представлено в приведенной ниже таблице.

Таблица контент-критериев для анализа показаний

Общие характеристики
• Логическая структура
• Неструктурированная продукция
• Количество деталей
Специфические детали
• Включение в контекст
• Описание взаимодействия
• Воспроизведение разговора
• Неожиданное осложнение в ходе инцидента
Необычные характеристики, связанные с содержанием
• Необычные детали
• Излишние детали
• Точно сообщенные детали, мало понятные свидетельствующему
• Сопутствующие внешние ассоциации
• Сообщения о своем психическом состоянии
• Атрибуция (приписывание) психического состояния преступнику
Содержания, связанные с мотивацией
• Спонтанные поправки
• Допускаемая возможность "пробелов в памяти"
• Сомнения в значимости своего свидетельсгвования
• Самобичевание (осуждение себя самого)
• Оправдывание преступника
Элементы, отражающие специфику преступления
• Детали, характерные для преступлений данной категории.

Первая категория критериев относится к общей характеристике всего показания. Контент-критерии этой категории требуют изучения показаний в целом. Они могут быть первым шагом анализа и оценены безотносительно к деталям содержания показания. Логическая структура обнаруживается, когда различные детали в показании независимо друг от друга описывают один и тот же ход событий (одинаковый). По существу, этот критерий относим ко всему показанию, рассматриваемому как единое целое.

Введение критерия "неструктурированная продукция" объясняется тем, что, как было подмечено, ложные показания представляются в непрерывно структурированной, чаще всего хронологической последовательности. Третий общий критерий – количество деталей – считается "выполненным", когда показание содержит достаточно деталей о месте, людях, объектах и действиях, относящихся к преступлению. Следует подчеркнуть, что в отличие от остальных эти три первых критерия являются необходимыми для подтверждения достоверности показания. Если эти критерии (особенно критерии 1 и 2) отсутствуют в содержании текста, достоверность показаний может быть поставлена под сомнение.

Критерии, относимые ко второй и третьей категориям, более специфичны, и эта специфичность становится объектом оценки (оказывается в фокусе внимания эксперта). Под включенностью в контекст понимается "привязка" расследуемого события ко времени и пространству.

В качестве индикаторов достоверности показания могут выступать такие специфические элементы содержания, как описание взаимодействий, воспроизведение разговоров, сообщения о неожиданных "осложнениях" в ходе инцидента и т.п. Третья категория критериев касается особенностей содержания показаний. Сообщения о необычных или "избыточных" (не имеющих отношения к делу) деталях, сообщения о чувствах, душевных состояниях преступника или жертвы (свидетеля), как правило, присутствуют в рассказе о действительно пережитом, а не придуманном событии.

Так, например, ребенок – жертва сексуального посягательства – может дать точное описание деталей феномена эякуляции (или семяизвержения), смысл которого ему непонятен. Поэтому он может этот феномен неправильно интерпретировать. Или такой критерий достоверности, как сопутствующие внешние (побочные) ассоциации: рассказчик включает в повествование какие-то прошлые разговоры с преступником (не имеющие отношения к расследуемому событию). Например, по делу об инцесте (кровосмешении) дочь вспоминает, как раньше они с отцом обсуждали ее прошлые сексуальные отношения с другими партнерами.

Критерии четвертой категории относятся к мотивации лица, дающего показания. В его речи могут присутствовать спонтанные исправления по ходу рассказа, сомнения в надежности собственной памяти ("точно не помню", "возможно, я что-то забыл"), неуверенность в том, что его рассказу поверят, упоминание деталей, свидетельствующих не в пользу дающего показания, упоминание деталей, свидетельствующих о желании реабилитировать преступника, объяснить его поведение. Наличие в рассказе подобных признаков должно наводить на мысль о возможности ложного обвинения, так как в правдивом показании такие критерии маловероятны.

И наконец, последний критерий достоверности относится к специфическим деталям расследуемого преступления. Для того, чтобы соответствовать этому критерию, нужна специфическая компетентность. Например, в случае сексуальных преступлений подтверждением достоверности будет "согласованность" между различными частями показания и "типичным ходом развития" сексуального преступления. Если, скажем, показания ребенка согласуются с эмпирическими данными об особенностях сексуальных посягательств на детей и противоречат расхожим представлениям непрофессионалов, то это самое убедительное подтверждение истинности показаний. Так, для инцеста характерно длительное развитие взаимоотношений и прогрессирующая их эскалация (все начинается с самых невинных сексуальных забав). Специфической особенностью преступлений этого типа является также изменение отношения жертвы к посягателю по мере развития их отношений.

Оценка достоверности показаний – это сложный процесс, имеющий как количественный, так и качественный аспекты.

При оценке достоверности соблюдаются три непреложных правила.

Правило первое. Простые повторения в разных частях показаний не увеличивают «рейтинга» присутствия критерия.

Правило второе. Один и тот же фрагмент (часть) показаний (рассказа потерпевшего) может работать сразу на несколько критериев, т.е. может оцениваться в несколько баллов.

Правило третье. Подлежат оценке лишь те показания, которые имеют отношение к расследуемому событию (а не все, о чем может рассказать опрашиваемый).

После оценки присутствия (отсутствия) каждого из 19 критериев дается общая оценка качества показания, т.е. степени вероятности достоверности показаний. Другими словами, достоверности того, что опрашиваемый действительно пережил (а не придумал) то, о чем рассказывает.

В настоящее время возможна только качественная оценка показаний, так как пока не ясен "вклад" каждого из критериев в общую оценку достоверности.

Кроме всего прочего, оценка достоверности любого конкретного показания должна соотноситься с оценкой когнитивных и вербальных способностей источника информации

(например, ребенка, если речь идет о показаниях детей), а также со сложностью описываемого события.

Количество критериев, которые можно найти в тексте, зависит от объема показания, природы описываемого события, а также от когнитивных способностей лица, дающего показание (т.е. от способности воспринять, запомнить, удержать в памяти и впоследствии вербально воспроизвести воспринятое). Получение обстоятельного, объемного показания зависит о г "искусства" допрашивающего, его умения "разговорить" собеседника и направить разговор в нужное русло.

Кроме того, до проведения интервью необходимо получить как можно больше информации о расследуемом деле, это нужно для того, чтобы при проведении интервью не пропустить важную информацию. Специально разработанные приемы направлены на то, чтобы получить рассказ достаточной длины, избежав при этом наводящих и внушающих вопросов. По завершении свободного рассказа у интервьюера может возникнуть необходимость в получении дополнительной информации, уточнении каких-либо деталей и обстоятельств дела.

Хотя метод давно и широко применяется в экспертной практике, исследований по проверке его точности, эффективности (валидности) проводилось очень мало. Публикация об одном из таких исследований (удовлетворяющих минимуму научных стандартов) относится к 1988 г.

Предметом изучения стали 40 дел о сексуальных посягательствах на детей и подростков в возрасте от 3,5 до 17 лет. В одной группе дел факты сексуальных посягательств подтвердились (20 дел). В эту группу дела включались на основании двух критериев: признания (без какого-либо давления) самого преступника (18 случаев) и медицинского подтверждения вагинального и (или) анального проникновения и травм. Во всех делах, отнесенных к этой группе, наличествовали один или оба вышеназванных критерия.

В другую группу дел вошли дела, в которых факты сексуального посягательства не подтвердились. Включение дел в эту группу основывалось на следующих критериях: подозреваемый упорно отрицал свою вину, медицинских доказательств и других подтверждающих свидетельств также не было, по оценкам клинического психолога вероятность посягательства была очень мала, дело было прекращено. (Кроме того, в 13 из 20 случаев проверка на полиграфе подтвердила непричастность подозреваемого.)

Обе группы были аналогичны по составу и типам вменяемых в вину сексуальных посягательств. В первой группе (подтвердившиеся дела) было 3 мальчика и 17 девочек, во второй – 2 мальчика и 18 девочек. Тип посягательства: пальцевые проникновения (7 в первой группе и 9 – во второй) и вагинальное совокупление (5 в первой группе и 7 – во второй). Что касается связей между потерпевшим и обвиняемым (подозреваемым), то в группе "подтвердившихся обвинений" 9 преступников были членами семьи потерпевшего и 11 посторонними лицами; в группе "неподтвердившихся обвинений" только два обвинения были выдвинуты против посторонних.

40 интервью с детьми (потерпевшими) были переведены в письменный формат и оценивались опытными экспертами, прошедшими специальную подготовку по работе с методом анализа утверждений. Экспертная оценка достоверности показаний производилась "вслепую", то есть эксперт не знал, подтвердилось ли в суде обвинение или нет. Кроме того, он не знал, к какой группе дел относится то или иное показание. Использовалась 3-балльная оценочная шкала: 0 – данный критерий в показании отсутствует; 1 – критерий в показании есть; 2 – критерий в показании есть и сильно выражен. Максимально возможное число баллов по всем 19 критериям – 38 (каждый критерий оценивался в два балла). Полученные оценки ранжировались от 0 до 38. Как оказалось, по критериям достоверности две группы дел очень четко дифференцировались: средний балл в группе с подтвердившимися обвинениями был 24,8 (при максимально возможном 38), в группе с неподтвердившимися обвинениями – 3,6.

Некоторые критерии особенно хорошо дифференцировали принадлежность показаний к той или иной группе дел: в группе с неподтвердившимися обвинениями (критерии достоверности показаний) отсутствовали.

6.2. Американский вариант метода анализа утверждений

Разработанный в Германии метод анализа утверждений был принят на "вооружение" в США и развит американскими специалистами. Они создали его улучшенную модификацию, рассчитанную на применение не только судебными экспертами-психологами, но и непосредственно следователями. В современном американском варианте методики анализа утверждений (АУ) акцент делается на использование лингвистических особенностей английского языка. (Поэтому применение этого метода в нашей стране предполагает необходимость проведения специальных исследований, нацеленных на его увязку со спецификой российской языковой культуры.)

Опыт следственного применения данного метода за рубежом показывает, что с его помощью следователь может убедиться, с кем он имеет дело – с правдивым или лгущим человеком. В зависимости от результата, если этот человек попал в круг подозреваемых, следователь строит версию о возможной причастности или непричастности его к совершенному преступлению.

Метод рекомендуется применять на стадии подготовки допроса проверяемого лица. Это позволит выбрать правильную тактику предстоящего допроса и облегчит решение задачи по получению признательных показаний.

В одной из американских фирм в интервале между 12 и 13 часами в рабочий день пропал мешок с деньгами, приготовленный для отправки в банк. Руководитель фирмы обратился к агенту ФБР Полу Гоффину с просьбой найти вора и высказал предположение, что кражу совершил кто-то из персонала фирмы. В беседе с заявителем детектив выяснил, кто из сотрудников имел доступ в комнату, из которой пропали деньги. Затем он написал записку с инструкцией, передал ее руководителю фирмы, попросил его размножить записку и раздать каждому из названных сотрудников. Инструкция была такой: взять лист бумаги и описать как можно подробнее с указанием часа и минут в хронологическом порядке все свои действия в день происшествия, начиная с момента пробуждения утром и до отхода ко сну. В описании должны быть указаны в хронологической последовательности все происшедшие за день события, дела, в которых принимал участие проверяемый и которые происходили вокруг него, а также чувства, испытанные при восприятии происходившего в течение дня.

Расставшись с детективом, руководитель фирмы поехал к себе на работу и сделал все именно так, как ему рекомендовал Гоффин. Полученные от сотрудников объяснения он потом отвез детективу. Изучив тексты, Гоффин произвел их первичную сортировку. Некоторые из объяснений он сразу же отложил, исключив их авторов из числа проверяемых. В отношении тех, кто по его мнению заслуживал внимания, определил очередность их приглашения к себе для опроса. Когда и эта часть проверки была завершена, детектив сопоставил сделанные показания с текстами объяснений, безошибочно определил круг подозреваемых, передопросил их и получил у них то, что хотел – признание своего участия в совершенной краже и возвращение похищенного.

Успешному разрешению данной ситуации способствовали знания, полученные детективом в Академии ФБР в рамках курса "Интервьюирование и допрос". Изучаемая там методика анализа утверждений ориентирует полицейских следователей на необходимость исследования таких компонентов письменной речевой продукции: I) частей речи: местоимений, существительных, глаголов (особенно важно время: настоящее или прошедшее); 2) посторонней, т.е. не имеющий отношения к делу информации; 3) степени уверенности в сообщаемой информации; 4) баланса утверждений (показаний).

С точки зрения категории "баланс", показания – это не просто последовательность каких-то изложенных деталей, это своего рода "отчет" о событии. Развернутое показание должно состоять из трех примерно равнообъемных частей. *Первая часть* – то, что предшествовало расследуемому событию (она вводит событие в контекст). *Вторая часть* – описание возникновения самого расследуемого события, то есть того, что случилось во время кражи, изнасилования, пожара и т.п. *Третья часть* – описание того, что произошло после расследуемого события, в том числе *действия* и *эмоции* (на эмоции – особое внимание!) интервьюируемого. Эта последняя часть должна быть по крайней мере не меньше первой. Чем лучше сбалансированы три части показания, тем больше вероятность того, что показания

правдивы. На листке, на котором написано показание, подсчитывается количество строк в частях, описывающих «до», «во время» и «после». Если каждая часть составляет примерно 33%, то есть 1/3 строк, то большая вероятность, что показание правдиво. Допустимы вариации, но небольшие. Если какая-то часть показания неполная или вовсе отсутствует – весьма вероятно, что показание ложное. Приведем следующий пример из следственной практики. В показании, написанном человеком, у которого якобы сгорел дом, следователь насчитал 56 строк (показание содержало полное описание событий – от пробуждения до отхода ко сну – в день пожара). Далее следователь произвел дифференцированный подсчет:

до пожара – 33 строки (59,0%),

во время пожара – 16 строк (28,5%),

после пожара – 7 строк (12,5%).

Явное нарушение баланса насторожило следователя. Часть "ДО" чересчур длинная, а часть "ПОСЛЕ" – слишком короткая. Кроме того, в первой части содержалось слишком много информации, никакого отношения к пожару не имеющей. У следователя возникла мысль: "А не пытается ли автор текста оправдать себя или сбить с толку расследование?". Версия подкреплялась еще и тем, что в рубрике "ПОСЛЕ" имелось очень мало информации и совершенно отсутствовали какие бы то ни было эмоции. Никаких, естественных для пострадавшего признаков гнева, шока, горечи, чувства потери. Получалось, что заявителя последствия пожара совсем не волновали. Впоследствии этот человек признался в том, что дом поджег он сам.

Анализ частей речи – самая важная и самая "американизированная" часть метода АУ. Простой и доступной форме изложения рекомендаций для следователя по проведению данного анализа предшествовала длительная работа по установлению критериальных признаков (нормы), характерных для правдивого показания. Следователь, зная эти критерии, сравнивает с ними конкретные показания, ищет отклонения и делает вывод о правдивости или ложности сообщений.

Преступление	*Норма*	*На что обращать внимание*	*Отклонения от нормы*
Исчезновение людей	«Дженни такая замечательная дочь»	Употребление глагола в *прошедшем времени сразу после* исчезновения	«Дженни была такой замечательной дочерью»

Наличие в показании посторонней, не имеющей отношения к делу, информации также может служить признаком лжи. Человек, говорящий правду, тот, кому нечего скрывать, когда ему задают вопрос: "Что случилось?" будет связно и в хронологическом порядке рассказывать об обстоятельствах развития события. Любая, не относящаяся к этому вопросу информация, считается посторонней.

Лицо, причастное к преступлению может испытывать потребность в оправдании своих действий. В таких случаях, информация, содержащаяся в показании, будет отклоняться от логической временной структуры или будет "обходить" события, имевшие место в действительности. Может также иметь место сообщение избыточной информации. В таких случаях следователь должен внимательно изучить эту постороннюю информацию и задаться вопросом: почему коммуникатор считает необходимым эту информацию включить в рассказ. Супруг, застреливший жену, рассказывал в полиции, что он чистил ружье и оно случайно разрядилось. Следователи попросили мужчину описать (на бумаге) все, что он делал в день убийства.

В ответ на это предложение последовало длинное, перенасыщенное деталями описание состоявшейся накануне охоты и того, какое ржавое у него было ружье, однако занятие, дела, поступки в день убийства были опущены. По показателю качества посторонней информации следователь заподозрил "охотника" в преднамеренном убийстве жены.

Другой важный фактор АУ – дефицит убедительности или недостаточная уверенность в сообщаемой информации. Следователя должно настораживать, если в показании постоянно повторяются выражения типа: "Я не припоминаю", "Точно не помню", "Возможно, я забыл".

Нужно также обращать внимание на использование в повествовании таких фраз как "Я думаю", "Я считаю", "Типа того", "Из того, что я знаю" и т.п. Эти, так называемые "ограничители", служат для того, чтобы "обесценить" сообщение еще до того, как оно будет передано. Обычно человек, избегающий прямых, точных, категоричных ответов, оставляет себе возможность для маневра. Для следователя это должно стать сигналом того, что допрашиваемый чего-то недоговаривает.

По одному из дел объектом анализа являлось заявление студентки колледжа, утверждавшей, что в 3 часа 30 минут в ее комнату проник мужчина и изнасиловал ее.

Заявление было переведено из устной формы в письменную. Из опыта известно, что при описании потерпевшими такого сильного травмирующего психику события, как изнасилование, эмоции должны "бить через край". Однако в сообщениях студентки их было явно недостаточно. Вот как она описала случившееся: "Он схватил меня и приставил к горлу нож. Когда я проснулась, а я уже действительно спала, я не стазу поняла, что происходит. И, поверьте мне, я испугалась и удивилась. Вы знаете, Вы знаете, я была испугана, а он приказывал мне замолчать и спрашивал, чувствую ли я нож у горла".

Обращает на себя внимание фраза: "Я испугалась, когда проснулась". В ситуации, когда женщина просыпается ночью и видит у себя в постели незнакомого мужчину, угрожающего ей ножом, более естественно было чувство ужаса, оцепенения, а не удивления и испуга.

Следователь учел все эти обстоятельства, готовясь к допросу. И избранная им тактика позволила изобличить студентку в ложном доносе. Событие преступления отсутствовало, что она и была вынуждена признать.

Не так давно внимание средств массовой информации в Америке было привлечено к нашумевшей истории, разгоревшейся вокруг Сюзанны Смит и двух ее якобы пропавших без вести детей. В ходе следствия выяснилась картина, далекая от того, как эта история в начале представлялась. А картина в ее реальном варианте выглядела так: Сюзанна Смит вышла из своего автомобиля красного цвета и отпустила парковочные тормоза. Машина, в которой находились привязанные к сидениям двое ее сыновей, трех и четырнадцати месяцев отроду, покатилась вниз и рухнула с крутого обрыва в глубокое озеро. Чтобы скрыть преступление, Смит обратилась в полицию с заявлением о похищении ее сыновей и потребовала объявить федеральный розыск детей и похитителя. Применение метода анализа утверждений позволило заподозрить, а затем изобличить "безутешную" мать в убийстве своих детей и сокрытии преступления.

Во время расследования Сюзанна Смит, рыдая, говорила: "Мои дети ждали меня. Они нуждались во мне. И сейчас, я не могу им помочь." Муж Сюзанны и отец мальчиков, поверивший в эту историю, пытался утешить жену: "Все хорошо. Скоро они будут дома".

Анализируя показания родителей "похищенных" детей, следователи пришли к выводу, что отец верил в то, что его мальчики живы, а мать знала, что их нет в живых. Прийти к такому выводу помогла английская грамматика, в частности, времена глаголов. Отец, говоря о детях, *употреблял глаголы в настоящем времени,* мать – *в прошедшем.* Она употребляла такие слова, как «они ждали меня», «они нуждались в моей помощи», поскольку знала, что ее сыновья мертвы, следовательно, помощь им уже не требуется.

Суд признал С. Смит виновной в содеянном и приговорил ее к пожизненному заключению. Наказание она отбывает в одном из исправительных учреждений в Южной Каролине.

6.3. Примеры практической реализации метода анализа утверждений

Пример из зарубежной практики

Эта история пришла к нам из Канады. Там в собственном доме были убиты хозяйка дома

и двое ее маленьких дочерей. Подозрение пало на мужа покойной женщины и отца ее детей – Джеффри Мак-Дональда (МД), работавшего врачом на военной базе. Арестованный категорически отрицал вину в совершении преступления. Из его показаний следовало, что нападение на него (у него имелись повреждения в области головы и груди) и членов его семьи совершили двое не знакомых ему мужчин, ворвавшись в дом. События разворачивались на глазах молодой женщины, сопровождавшей налетчиков. Следователи не поверили МД. Его взяли под стражу. Однако вскоре по приметам, сообщенным арестованным, была установлена некая Хелена С. (наркоманка). Ее допрашивали четыре раза под видеозапись. Данные Хеленой показания ставили под сомнения обоснованность обвинений и ареста МД. Однако вскоре, не дожив до 30 лет, свидетельница скончалась. Так возникла необходимость в проверке достоверности показаний умершей наркоманки с использованием метода анализа утверждений. В этих целях ее показания, зафиксированные на видеограмме, перевели в письменный формат.

Для сравнения таким же образом были подготовлены показания МД, сделанные им на разных стадиях расследования.

Подсчитали, что если при первом допросе свидетельница называла 131 деталь, то при последующих 49, 69 и 55 деталей соответственно. В сущности, три последующих допроса проводились для того, чтобы проверить повторяемость называемых деталей. При втором допросе из 49 названных деталей 48 (т.е. 100%) уже упоминались в 1-м интервью. При двух последующих допросах процент совпадений (связности) с 1-м интервью составлял соответственно 95% и 96,5%.

В ходе всех допросов было названо в общей сложности 149 деталей, имеющих прямое отношение к преступлению. Это немало для подтверждения достоверности показаний. Заметим, что количество деталей в сообщениях зависит от уровня сложности описываемого события. Важно и то, что если интервьюируемый лжет, ему требуется все время усилием воли держать освещенные детали под контролем. Характер сообщаемых Хелен С. деталей и их количество свидетельствовали о том, что она на самом деле воспринимала то, о чем дала показания.

Дополнительным подтверждением достоверности была и спонтанность ответов Хелен С. на задаваемые ей после свободного рассказа вопросы. Такая спонтанность возможна лишь тогда, когда в памяти сохраняются воспоминания о реальном (а не придуманном) событии. Ее описание тех или иных аспектов события воспроизводились во всех показаниях в полном соответствии друг с другом. Так, детали, воспроизведенные во время второго допроса на 100% совпали с деталями показаний, данных на первом допросе. Аналогичная согласованность наблюдалась и дальше – в показаниях на третьем и четвертом допросах.

Очень существенным для оценки достоверности моментом является некоторая вариативность в деталях: могут добавляться какие-то новые детали и пропускаться детали, названные в предыдущем интервью. Это свидетельствует в пользу достоверности; ибо отрепетированный, заученный текст был бы неизменяем как по форме, так и по содержанию на всех последующих допросах. В достоверном пересказе сюжета легкая вариативность естественна.

Ключевым моментом в оценке достоверности показаний является сравнение с другими объективными судебными доказательствами и точно установленными фактами, которые можно перепроверить. Почти четверть (24,16%) информации, сообщенной Хеленой С., могла быть таким образом перепроверена. В остальной части своих показаний Хелена С. описывала свои действия и действия других участников события: сведения, приведенные в этой части показаний (75,84%) также могли быть подтверждены или опровергнуты независимыми доказательствами. В показаниях Хелены С. фигурировали 36 уникальных деталей, которые могли быть подтверждены независимыми судебными доказательствами. Причем, как показала проверка, 80,56% этих деталей были точными. Нужно отметить, что это обычный уровень точности для показаний незаинтересованных свидетелей. Таким образом сам по себе этот факт не доказывает, но и не ставит под сомнение достоверность показаний Хелены С. Более подходящим (релевантным) для оценки достоверности является тип сообщаемых правильно деталей и характер ошибок.

В показаниях Хелены С. содержались следующие правильные детали:

Телефон размещался на стене в кухне.

Правильно была описана кукла, находившаяся в одной из детских комнат.

Правильно была описана игрушечная лошадка (вплоть до треснувшего седла), находившаяся в одной из детских комнат.

Правильно был описан внешний вид шкатулки для драгоценностей, находившейся в спальне.

Была упомянута поздравительная открытка, находившаяся в жилой комнате.

Наличие этих деталей свидетельствует в пользу достоверности показаний, указывает на то, что свидетель действительно была в помещениях, о которых она рассказывает. Хотя *это* не доказывает, что она находилась там именно в ту ночь, когда было совершено убийство, но и не опровергает этого факта (не противоречит ему).

При оценке достоверности анализируется и тип ошибок. По показаниям Хелены С., тело одного ребенка лежало рядом с телом матери (в действительности ребенка нашли в детской кроватке). Хотя это обстоятельство эксперты квалифицировали как ошибку, в деле имелись доказательства того, что тела убитых переносили из одной комнаты в другую.

Одним из компонентов данного типа анализа достоверности является сравнение показаний разных участников процесса. Хелена С. вспомнила о том, что когда она вошла в жилую комнату, заметила, что телевизор работал с выключенным звуком. Это соответствовало показаниям обвиняемого ("Я смотрел телевизор, но звук отключил, чтобы слушать свои стереозаписи.") Свидетельница вспомнила также, что света в доме не было и ей пришлось зажечь свечу. Из показаний подозреваемого: "У одного из вошедших, у женщины, была в руке свеча", (при осмотре места происшествия следы воска свечи были обнаружены на полу в жилой комнате).

По показаниям Хелены, когда она и двое ее знакомых наркоманов находились в доме врача, зазвонил телефон. Она взяла трубку и со смехом что-то несуразное сказала (в тот момент она, как и ее спутники, была под воздействием наркотиков). Ей было приказано соучастником положить трубку. Этот факт получил подтверждение в показаниях другого свидетеля, ошибочно соединившегося с домом Мак-Дональда в ту ночь, когда было совершено убийство. По словам свидетеля, ему ответила женщина, со смехом сказавшая что-то странное. Он расслышал, как мужской голос приказал ей положить трубку.

Вот эти примеры "необычных деталей" служили подтверждением достоверности показаний Хелены С. Другими признаками достоверности явились логическая непротиворечивость, особенно в части рассказа об обстоятельствах убийства, спонтанный характер описаний, богатство деталей. Наличие в показаниях избыточных деталей, сообщений о неожиданных поворотах ситуации также согласовывались с критериями достоверности.

Пример из российской практики

Случай, о котором пойдет речь, стал предметом комплексного анализа в рамках психолого-психиатрической экспертизы. На ее рассмотрение было вынесено несколько вопросов, включая тот, что имеет отношение к затронутой теме – анализу утверждений. А началось все так…

10 ноября 1992 г. около часа ночи в компрессорном помещении станции Иркутск-сортировочный обнаружили труп механика Полины Киптун, убитой на рабочем месте 17 ударами колюще-режущего орудия. Вещи и деньги потерпевшей остались нетронутыми, двери помещения были заперты изнутри, а одно из окон оказалось открытым. Киптун заступила на смену 9 ноября в 20 часов. Она характеризовалась положительно, отличалась осторожностью и держала запертыми двери компрессорной во время своего дежурства.

На протяжении следующих 6 лет тщательной оперативной обработке подвергались лица из окружения потерпевшей, применялись различные технические средства оперативно-розыскной деятельности, в том числе и полиграф. Полученные сведения проверялись процессуальным путем, но раскрыть преступление не удавалось. В конце 1998 г.

следствие приступило к проверке версии об убийстве Киптун ее бывшим сослуживцем Кривовым, особо опасным рецидивистом. Работа осложнялась тем, что Кривов весной 1994 г. был арестован за покушение на убийство членов своей семьи. Находясь под следствием, он скончался в следственном изоляторе в мае 1996 года.

С помощью оперативных работников были установлены сокамерники Кривова. Они дали показания о том, что Кривов рассказывал им про совершенное с помощью ножа убийство женщины на станции Иркутск-сортировочный. Сын, дочь и сожительница Кривова показали на допросах, что он ушел из дома 9 ноября 1992 года в 19 часов, а вернулся около 22 часов в подавленном настроении, начал пить водку, пытался повеситься и говорил, что завтра они узнают причину этого. В ту же ночь Кривов уничтожил свою одежду и обувь, в которой уходил из дома, а сыну сообщил, что убил Киптун в помещении компрессорной. Позднее он рассказал домашним, что убийство совершил без свидетелей и никто не докажет его вину.

Дополнительно допрошенные по делу знакомые Кривова пояснили, что он отличался злобным и мстительным характером; незадолго до смерти Киптун имел с ней конфликт; знал способ проникновения в запертую компрессорную через окно. Проведенный следственный эксперимент показал, что путь от жилища Кривова до здания компрессорной занимает 25 минут при средней скорости движения пешком. Таким образом Кривов имел возможность совершить данное преступление и вернуться домой в период между 20 и 22 часами. Наступление смерти потерпевшей в указанный промежуток времени подтвердила и судебно-медицинская экспертиза.

По делу было допрошено большое число свидетелей, знавших Кривова, что позволило назначить посмертную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. На ее решение поставили вопросы о ретроспективной характеристике Кривова и его вменяемости, мотивации его поведения в ночь на 10 ноября 1992 г., а также о соответствии психологическим особенностям его личности доверительных рассказов родным и сокамерникам о совершенном убийстве.

Комиссия из 6 опытных специалистов реконструировала подробный психолого-психиатрический портрет Кривова и пришла к выводу, что его поведенческие реакции в ночь на 10 ноября 1992 г., включая попытку суицида и уничтожения одежды и обуви, обусловлены острым переживанием возможности изобличения в убийстве Киптун. Доверительные рассказы сокамерникам, признание в убийстве Киптун своим родственникам соответствуют, по мнению экспертов, его психологическим особенностям и не содержат элементов фантазии. В момент совершения преступления Кривов являлся вменяемым.

Выводы экспертов использовались следователем наряду с другими доказательствами при вынесении обоснованного постановления о прекращении уголовного дела в связи со смертью Кривова, виновного в совершении убийства Киптун.[42]

Глава 7
Психолого-криминалистическое исследование загадочной смерти

7.1. Общий взгляд на проблему

Одной из важнейших форм использования достижений психологии в уголовном процессе является судебно-психологическая экспертиза. За помощью к судебным экспертам-психологам правоохранительные органы и суд обращаются при решении различных задач. Ряд из них связан с преодолением трудностей, которые возникают при установлении субъективной стороны исследуемого деяния. Преодолению указанных трудностей способствует экспертное психологическое исследование личности потерпевших, свидетелей, обвиняемых в целях выявления каких-либо признаков психического облика испытуемого. В таких случаях на

---

[42] *Китаева В.Н.* Значение посмертной психолого-психиатрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет //Российский следователь. – №1. – 2000. – С. 2.

разрешение экспертизы могут быть поставлены разные вопросы, в том числе такие, которые направлены на установление:

• способности психически здоровых обвиняемых, свидетелей и потерпевших воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;

• способности психически здоровых потерпевших по делам об изнасиловании правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление виновному;

• способности отстающих в психическом развитии несовершеннолетних обвиняемых полностью сознавать значение своих действий и руководить своими действиями;

• наличия или отсутствия у обвиняемого в момент совершения противоправных действий состояния физиологического аффекта или иных эмоциональных состояний, способных существенно повлиять на его сознание и деятельность;

• находился ли обвиняемый в период, предшествовавший совершению преступления, и(или) в момент совершения преступления в эмоциональном состоянии, существенно влияющем на способность правильно осознавать явления действительности, содержание конкретной ситуации и на способность произвольно регулировать свое поведение;

• возможности возникновения у субъекта различных психических состояний или выявление индивидаульно-психо-логических особенностей, делающих невозможным или затрудняющих выполнение профессиональных функций (в авиации, автомобильном и железнодорожном транспорте, в работе оператора автоматизированных систем на производстве и т.п.);

• наличия у субъекта конкретных индивидуально-психических свойств, эмоционально-волевых особенностей, черт характера (например, повышенной внушаемости, импульсивности, подражательности, повышенной возбудимости и др.), способных существенно влиять на содержание и направленность действий в определенной ситуации.[43]

Судебно-психологическая экспертиза живых участников уголовного процесса – важное, но не единственное направление судебно-психологических исследований. Не менее важным и к тому же более сложным направлением является исследование, проводимое после смерти какого-либо участника (реального или потенциального) уголовного процесса.

В том случае, когда следствие располагает сведениями о совершении определенными лицами действий, провоцирующих самоубийство (доведение до самоубийства), а также при возникновении предположения относительно инсценирования самоубийства, главный вопрос, который ставится перед назначенной судебно-психологической экспертизой, связан с установлением наличия или отсутствия у покойного в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагающего к самоубийству (суициду). Если такое состояние имело место, выясняется, чем оно было вызвано.

В структуру факторов, побуждающих суицидальные настроения и действия, включая таинственные, не сразу распознаваемые случаи суицида, становящиеся предметом дискуссий даже среди специалистов, относятся непреодолимый страх, который испытывают некоторые лица, виновные в совершении преступлений, перед лицом неотвратимого наказания за содеянное, а также нежелание нести всю меру ответственности за причиненное другим зло.

В июне 1982 г. в контейнере на станции Тайшет случайно обнаружили труп пожилого мужчины с многоосколочным переломом черепа, причиненным тормозной колодкой. Хотя личность погибшего идентифицировать не удалось, но совокупность доказательств указывала на бродяжнический образ жизни потерпевшего. В процессе оперативно-розыскных мероприятий был установлен свидетель Р., показавший, что убийство мужчины в контейнере совершил неоднократно судимый "Иван" – без определенного места жительства, обитавший в

---

[43] *Справочник следователя. Выпуск третий. Практическая криминалистика: подготовка и назначение судебных экспертиз.* – М., 1992. – С. 175-179; *Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов ММ.* Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М., Юрлитинформ, 2000; *Нагаев В.В.* Основы судебно-психологической экспертизы. – М., 2000.

районе станции Тайшет. Со слов "Ивана" ему известно, что преступление совершено на почве ссоры во время распития спиртного. Убийца очень переживал, что милиция активизировала поиски и может его задержать. Испытывая большое беспокойство, он говорил, что в тюрьму ни за что не попадет.

По фотоснимкам Р. опознал Тюменева И.М., 1924 года рождения, ранее судимого за бандитизм и убийства, ведущего бродяжнический образ жизни. Было установлено, что Тюменев спустя 10 дней после обнаружения трупа в контейнере ушел в безлюдное место, на глазах машиниста двигавшегося поезда лег головой на рельсы и погиб.

На протяжении последующих 16 лет данное уголовное дело считалось "безнадежным". В 1998 году расследование по нему возобновили и поручили его двум опытным работникам Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры. Они обратили внимание на то, что Тюменев совершил самоубийство, будучи трезвым. По имеющимся материалам, покойный никогда раньше не высказывал суицидальных намерений. Таким образом, на этот последний шаг его должна была толкнуть очень веская причина.

После сбора характеризующего личность умершего материала была назначена посмертная психолого-психиатрическая экспертиза. Специалисты определили Тюменева как психопата с явным регрессом субличностных культур. Он всегда был злобным, агрессивным, эгоистичным. В личностных контактах склонен был к развязыванию и усугублению конфликтов, эмоциональное возбуждение протекало у него в форме агрессивных действий, направленных на людей.

По мнению экспертов, рассказ Тюменева свидетелю Р. о совершенном убийстве является попыткой психического "очищения". Зная о проведении милицией активных розыскных действий, направленных на раскрытие этого преступления, Тюменев начал испытывать аффективную дезорганизацию психики в результате фрустрации (безвыходного положения). Состояние фрустрации у Тюменева эксперты объяснили его физической и социальной личностной деформацией, переживанием правонарушения, которое в любой день могло быть раскрыто, что привело бы пожилого, больного и одинокого человека в места лишения свободы. Нарастающее эмоциональное напряжение вызвало острое кризисное состояние, отчего Тюменев, будучи в глубокой степени активной дезорганизации, вызвавшей сужение сознания, склонился к аутоагрессии.

Это заключение комплексной посмертной экспертизы позволило вынести мотивированное постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью лица, совершившего данное преступление.[44]

Необходимость в квалифицированных постмортальных психологических исследованиях резко возрастает, а их значимость увеличивается в случаях загадочных смертей, когда далеко не сразу и не всегда следователям, органу дознания, суду удается определить, что это – убийство, самоубийство, доведение до самоубийства или несчастный случай.

Вопрос этот относится к категории задач повышенной сложности. Ответы на него даются не всегда точно. Заключения экспертов не во всех случаях аргументированны. Все это осложняет задачи следствия и суда по установлению истины, правильной оценке ситуации и принятию обоснованных решений.

Такое положение отчасти объясняется тем, что следствие не во всех случаях предоставляет в распоряжение экспертов в полном объеме необходимые им материалы. В то же время на качестве производимых экспертиз негативно сказывается недостаточность теоретически проработанной базы исследований рассматриваемого плана. В этом отношении может оказаться полезным более глубокое изучение российскими специалистами зарубежного опыта. Достижения в этой области на Западе, на наш взгляд, представляют практический интерес и для оперативно-розыскной и следственной практики с точки зрения оптимизации взаимодействия следователей и психологов, правильной оценки и использования заключений последних в дальнейшей работе по уголовным делам. Особого внимания в этой связи

---

[44] *Катаева В.Н.* Значение посмертной психолого-психиагрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет // Российский следователь. – №1. – 2000. – С. 3.

заслуживает метод, получивший на Западе название судебно-психологической аутопсии. О нем и пойдет речь в следующем параграфе.

7.2. Судебно-психологическая аутопсия как метод экспертного распознавания суицида

Западные специалисты, занимающиеся проблемой суицида (самоубийства), накопили большой объем знаний в данной области, значительно продвинувшись в понимании психодинамики, психопатологии и эпидемиологии этого феномена. Хотя в большинстве стран суицид не считается правонарушением (за исключением случаев принуждения к суициду), на практике нередки ситуации вовлечения данного события в правовой процесс. К числу таких ситуаций относится убийство, замаскированное под суицид. Объектом правового реагирования могут быть и случаи, связанные с выплатами по полисам страхования жизни. (Если застрахованный совершил самоубийство, страховка наследникам не выплачивается.) Возможны такие ситуации, связанные с медицинской практикой, приведшие к самоубийству, а также обстоятельства, при которых возникает необходимость отграничить суицид от смерти в результате несчастного случая. В подобных ситуациях обычно назначается судебно-психологическая, а подчас и комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Ее возможности значительно возросли после того, как на "вооружение" специалистов поступил научно обоснованный метод экспертного распознавания (диагностики) суицида, получивший название *психологической аутопсии.* На страницах зарубежной печати упоминания об этом методе появились в 1968 году. Метод был создан в Лос-Анжелесском Центре превенции суицида (штат Калифорния) группой ученых под руководством доктора Е. Шнейдмана. Суть метода сводится к следующему. Специалист, реконструируя жизненные обстоятельства, историю болезни, душевное состояние, предшествующее смерти обследуемого человека, попытки суицида в прошлом, отношение его к алкоголю, наркотикам, иные психологически значимые факторы, высказывает обоснованное мнение о том, были ли у этого человека веские основания для принятия решения о добровольном уходе из жизни. В отличие от аутопсии медицинской (вскрытие тела умершего) аутопсия психологическая может быть определена как «вскрытие души».

На Западе сложилась детально разработанная система правил, соблюдение которых является необходимым условием обеспечения объективности, полноты и правильности рассматриваемых исследований.

Психологическую аутопсию принято поручать психологу клинического профиля, прошедшему специальную подготовку в области уголовного расследования и судебной патологии. Эксперт должен иметь представление о том, как проводится полицейское расследование, что такое анализ "сцены происшествия" (места происшествия), владеть методикой опроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых. В США для сотрудников правоохранительных органов периодически проводятся семинары, на которых учат новейшим технологиям анализа обстановки на месте происшествия. Поэтому психологу, пожелавшему специализироваться в области аутопсии, необходимо пройти курс обучения на одном из таких семинаров. Наряду с этим ему надлежит овладеть достаточными знаниями о разнообразных сценариях смерти. Вполне понятно и то, что эксперт должен быть высококлассным специалистом в своей собственной области. Он, в частности, должен хорошо знать литературу по суицидологии, теории личности и поведения так называемого "высокого риска".

Заметим, что роль психолога в расследовании дела сугубо вспомогательная. Он не подменяет следователя и не оценивает ход расследования. Его задача иная – составить четкое представление о том, какие доказательства и каким образом собираются, уметь определять, насколько полной является собранная по делу информация, необходимая ему для дачи заключения, и в случае неполноты ее, знать, где и как могут быть получены недостающие данные. Для успеха реализации рассматриваемого метода важно, чтобы и следователь неплохо разбирался в сути и тонкостях метода психологической аутопсии и в том, как работает психолог. Поэтому следователям необходимо знать, какие данные потребуются психологу, который будет проводить психологическую аутопсию. Как психологу не обойтись без знания

процедур расследования, так и следователю не обойтись без знаний в области суицидологии, аутоэротизма, самокалечения, поведения "высокого риска", токсикомании. Словом, залог успеха в использовании рассматриваемого метода – работа следователя и психолога "единой командой".

Обычно при проведении психологической аутопсии специалисту предлагается прежде всего ответить на следующие вопросы:

• Как и когда наступила смерть?

• Почему именно в это время?

• Каков наиболее вероятный способ ухода из жизни?

• Мог ли этот человек совершить самоубийство, и если да, то почему?

Наряду с этим выясняется:

• Что было дорого для покойного (чему он отдавал предпочтение, что любил, что нравилось)?

• Что могло бы случится в его жизни такое, что могло бы его потрясти, вызвать у него стресс?

• Каковы были бы его реакции на стрессовые события?

Сведения о личности, жизнедеятельности, поведении покойного собираются и анализируются по определенной системе. Ее элементами являются следующие обстоятельства.

Общее отношение к жизни, симпатии и привязанности. В этой связи выясняется, как жил обследуемый, чего достиг, чему отдавал предпочтение, что любил, чем дорожил, каковы его симпатии и антипатии. Чтобы избежать субъективизма и получить более полную и содержательную информацию, эксперту рекомендуется воспользоваться следующими психологическими методиками. Их называют оценочными шкалами наблюдателя, кореллирующими с некоторыми личностными факторами *(невротизм, экстраверсия, открытость). Интервьюируемый (наблюдатель) оценивает покойного по этим шкалам, а судебный эксперт, сравнивая эти оценки с эмпирически полученными показателями нормативных групп, может судить об отклонениях от них (или об отсутствии таковых). При проведении психологической аутопсии специалист обычно пользуется двумя такими шкалами – так называемым списком прилагательных, характеризующих личностные особенности оцениваемого лица, и модифицированным личностным опросником.

Интересы и увлечения. – Чем предпочитал заниматься в свободное время, в отпуске, как «расслаблялся», самые любимые занятия.

Стиль совладания. – Как реагировал на стрессовые ситуации, утраты, фрустрацию, отвержение, критику? Проявлял ли свои чувства открыто или все переживал в себе? Каким был в гневе?

Межличностные отношения. – Был ли общителен или замкнут; легко или трудно сходился с людьми; отношения с ними были поверхностными или более тесными, глубокими; имел ли близких друзей (по интересам) или имел много и самых разных по интересам и склонностям друзей; любил ли быть среди друзей или предпочитал уединение.

Стиль коммуникаций. – Был ли открыт для общения или сдержан (заторможен); его мысли и чувства выражались преимущественно словами или действиями; было ли общение спонтанным или рефлексивным, т.е. обдуманным.

История семейно-брачных отношений. – Семейный статус; были ли сложности, конфликты во взаимоотношениях (по какой причине); сколько раз вступал в брак; как долго состоял в браке; семейное положение перед смертью; количество, возраст и пол детей; с кем и где жили дети; возможные изменения во взаимоотношениях с супругой и детьми; имел ли место реальный развод или просто уход из семьи, имелась ли реальная или декларируемая угроза развода (ухода из семьи); не умирал ли кто-либо из членов семьи в последнее время; отношение членов семьи к алкоголю и наркомании; какими были взаимоотношения в семье.

История родителей и их семьи. – Супружеские отношения, болезни, случаи госпитализации и лечения по поводу психических заболеваний, суициды; количество, возраст братьев и сестер; отмечались ли в семье случаи насилия, жестокого обращения с детьми и в каких формах, а также случаи сексуальных злоупотреблений; были ли в роду алкоголики, наркоманы; приходилось ли разлучаться с одним из родителей (служба в армии, заключение,

иные обстоятельства), с кем, на какой срок, в каком возрасте; история смертей (суициды, рак, другие неизлечимые болезни, несчастные случаи) среди родственников (возраст родственника на момент смерти, иные детали).

Личные проблемы за последний (предшествующий смерти) год. – Определяются, классифицируются и оцениваются симптомы депрессии, проявляющиеся в словах и действиях, перечисляются «сигналы опасности», свидетельствующие о суицидальных намерениях.)

Работа. – Род занятий, трудовой стаж, как долго трудился на последнем месте работы; последние повышения (понижения) по службе, трудности в отношениях с коллегами и начальниками; степень удовлетворенности работой; послужной список (динамика карьеры, включая увольнения, отставки, продвижения по службе); как часто и почему менял место работы.

Воинская служба. – В каком возрасте поступил на воинскую службу, как долго на ней состоял; участвовал ли в каких-либо сражениях; был ли вовлечен в травматические инциденты; причина увольнения (демобилизации) из армии; награды, поощрения, взыскания.

Состояние физического здоровья. – Наличие серьезных заболеваний, их лечение; недавние изменения или ухудшения здоровья; травмы, несчастные случаи, факты госпитализации; список систематически употребляемых лекарств.

История психических заболеваний. – Диагноз, госпитализации, формы психотерапии; продолжительность и даты лечения; лекарства и иные формы лечения; формы проявления личностных расстройств, в том числе проявление ярости (гнева), импульсивности, эмоциональной неустойчивости, самодеструктив-ности, членовредительства.

Проблема алкоголя и наркотиков. – Отношение, характер поведения в состоянии опьянения; злобность, драчливость, потеря самоконтроля, признаки алкоголизма; число интоксикаций, частота интоксикаций; злоупотребление алкоголем на работе; история лечения (с госпитализацией или на дому); если употреблялись наркотики, то какие именно; степень вовлеченности в наркоманию, поведение в состоянии наркотического опьянения.

Финансовое состояние. – Уровень финансовой состоятельности, неудачи, потери, иные обстоятельства.

Правовой статус. – Были ли в отношении покойного в последнее время или в прошлом какие-либо криминальные посягательства; не находился ли он сам в конфликте с законом; собственное криминальное прошлое, включая факты арестов, осуждения, задержания, число и продолжительность «отсидок», характер правонарушений; возможные отклонения в сексуальном поведении на свободе и в местах заключения.

История суицидальных попыток. – Факты, даты, способы; подробное описание сопутствующих обстоятельств; были ли угрозы самоубийства; если да, то в какой форме они проявлялись, какие обстоятельства этому способствовали и что послужило «катализатором»; какие медицинские или психотерапевтические методы были предприняты после попытки суицида (даты, длительность лечения, тип лечения, госпитализация или поликлиническое лечение).

Свое исследование психолог начинает с изучения имеющихся в уголовном деле материалов. Эти материалы – основной источник сведений, интересующих специалиста. Главное, на что изучая их, он должен обратить внимание, это информация о месте, об обстановке, и обстоятельствах происшествия. Она содержится в протоколах осмотра места происшествия, составляемых при этом рисунках, схемах, планах, фото и видео материалах. Полезными с этой точки зрения могут быть данные опроса очевидцев содеянного, лиц, обнаруживших происшествие. Следующий объект особой заботы психолога – данные о личности и социально-экономическом статусе покойного. Мимо его внимания не должны пройти никакие, даже самые мельчайшие детали и подробности, характеризующие личностные особенности, поведение, до и в ходе происшествия, положение исследуемого лица в обществе, его интересы, наклонности, черты характера, связи и отношения. Эксперту рекомендуется обратить внимание на возраст, дату рождения, пол, расу, семейное положение, род занятий, образование, домашний адрес на момент смерти, характеристику лиц, с которыми проживал вместе, и тех, с кем поддерживал близкие отношения. В сфере внимания должны также находиться дата и час смерти, место смерти, обстоятельства обнаружения трупа, наличие или

отсутствие записок, дневников, иных документов, содержащих сведения о суицидальных намерениях покойного, признаках насилия на теле и одежде трупа, а также следов, указывающих на возможность причинения потерпевшим самому себе каких-либо повреждений. Важным источником информации по многим вопросам, интересующим судебного психолога, может быть заключение судебного патологоанатома, вскрывавшего труп покойного. С этой же точки зрения интерес представляют медицинские карты покойного, его личные дела на работе, в школе, а также карты психиатрических клиник, в которых содержатся сведения, не включаемые в общую медицинскую карту. Если покойный провел какое-то время в тюрьме или на воинской службе, может возникнуть необходимость изучения документов соответствующих органов.

Ценные сведения о личности покойного содержат его личные вещи: дневники, записные книжки, переписка, фотографии, книги, а также предметы туалета и одежда. О многом могут "рассказать" книги и видеофильмы, найденные в жилище покойного. Следует обращать внимание на наличие в туалетной комнате покойного предметов одежды и (или) сексуальных принадлежностей противоположного пола. После того, как выполнен этот этап работы, приступают к изучению материалов опроса лиц, которые могли что-либо знать о покойном. Если в деле нет их показаний, а имеющиеся не содержат в полной мере необходимой психологу информации, применяются меры по восполнению этого пробела, в том числе путем опроса друзей, родственников, коллег по работе покойного, производимого самим психологом. Цель такого рода интервью – узнать как можно больше о характере и устойчивых чертах личности и поведения. По телефону заранее обговаривается время и место, удобное для интервьюируемого.

Важным условием успеха на этом пути является установление надлежащего психологического контакта с опрашиваемым. Психолог должен быть готов к сдержанному и даже враждебному приему со стороны родителей, супруга, близких покойного. Их могут настораживать вопросы, касающиеся личной жизни покойного, включая ее интимные стороны. Поэтому от интервьюера требуются такт, выдержка, понимание эмоционального состояния собеседника. Если он не сумеет установить психологический контакт с интервьюируемым, добиться взаимопонимания, он не получит нужной информации. Лучший способ добиться такого контакта – обратиться к интервьюируемому с просьбой о помощи, особо подчеркнув ценность сообщаемых им сведений для понимания случившегося. Нужно быть внимательным не только к тому, что говорит интервьюируемый, но и к тому, чего он не договаривает (в недоговоренном может скрываться разгадка тайны случившегося и роли покойного в собственной смерти).

Вот некоторые общие рекомендации для проведения структурированного интервью. Поскольку полнота и надежность полученной от интервьюируемого информации будет зависеть от частоты, длительности, характера взаимоотношений с покойным, то в начале интервью нужно получить ответ на следующие вопросы: как долго опрашиваемый был знаком с покойным; когда состоялась их первая встреча и при каких обстоятельствах; часто ли приходилось общаться; степень близости контактеров; когда и в связи с чем они виделись в последний раз? Чтобы лучше понять характер взаимоотношений, можно задать интервьюируемому вопрос типа: "Что вам нравилось (имя покойного) в нем?"

Эта часть интервью выполняет также и функцию укрепления психологического контакта. Поэтому интервьюеру необходимо по ходу интервью время от времени проявлять сожаление по поводу случившегося, понимание состояния опрашиваемого, выражать ему свое сочувствие, в то же время давая понять, что сообщаемые им сведения очень интересны и значимы. Интервьюера должны интересовать не только факты, но и аргументация, оценки, мнения партнера по коммуникации.

В ходе интервью выясняются также такие, например, моменты, как: являлось ли для покойного привычным оружие или орудие, с применением которого связана его смерть, бывал ли он раньше в том месте, где его нашли мертвым; не был ли способ смерти "отрепетирован" покойным прежде; соответствует ли способ смерти образу жизни и особенностям личности покойного.

В предмет интервью также входит выяснение особенностей эмоциональных и поведенческих реакций покойного на стрессовые, критические ситуации, способов выхода из

подобных ситуаций. Следует поинтересоваться, не замечалось ли в последнее время каких-либо существенных изменений в этом плане, когда и в связи с чем они появились. Развитие интервью может идти по линии обсуждения того, как воспринимались и оценивались покойным события, предшествовавшие трагическому исходу, что было для него важным, что могло повлиять на его решение, не высказывались ли им прямо или косвенно намерения добровольно уйти из жизни.

Нельзя жалеть времени, которое может быть затрачено на интервью тех, кто давно и хорошо знал покойного. Опрашиваемых необходимо настраивать на обстоятельный рассказ, содержащий как можно больше подробностей о личности и жизни покойного. Особое внимание в таких случаях следует уделять последнему году и прежде всего двум последним неделям жизни покойного и тем метаморфозам, которые наблюдались в его состоянии в эти периоды времени. В этой связи у интервьюируемого необходимо выяснить, каковы были стиль жизни и эмоциональное состояние покойного, не наблюдались ли у него резкие перепады настроения или симптомы психического заболевания, изменения в привычках, в отношении к еде, сну, сексу, выпивкам, приему лекарств, в реализации социальных контактов, в стиле вождения автомашины и т.д. Особенно детальным должен быть разговор о том, как выглядел, в каком состоянии находился, о чем переживал и рассказывал покойный в момент последней встречи с интервьюируемым (в каком он пребывал настроении, что вызвало его неудовольствие или возмущение, что необычное в его облике, эмоциональном состоянии, манерах, намерениях бросилось в глаза).

Завершая интервью, психолог может попросить своего собеседника назвать людей, которые также знали покойного и в состоянии сообщить о нем дополнительные сведения. После того, как вся необходимая, по мнению психолога, информация собрана, он приступает к ее комплексному анализу, пытаясь реконструировать обстоятельства случившегося и ответить себе на вопрос о реальности или нереальности суицида в данном случае. Для определения суицида и исключения других причин смерти ключевым является такой признак личности, как намерения. В свою очередь, и это облегчает задачу, имеются объективные признаки, позволяющие диагностировать намерения субъекта. Эти признаки могут быть обнаружены как в вербальном, так и в невербальном материале: записных книжках, аудио– и видеозаписях, дневниках, рисунках и т.д. К их числу относятся следующие обстоятельства:

1. Неожиданные, несогласующиеся со стилем жизни экспортируемого лица приготовления к смерти. (Например, проявления необъяснимой щедрости, неожиданное раздаривание имущества, внезапно возникающая активность по обеспечению будущего детей, любимых животных и т.п.)

2. Появления в разговорах тем прощания, неизбежности смерти, желания уйти из жизни. (Примеры: "Мне уже ничего не мило", "Вам будет грустно без меня", "Вы для меня много значите", "Пусть у Вас будет хорошая жизнь".)

3. Проявление бессилия, беспомощности.

4. Проявление сильной физической или душевной боли, страдания. (Примеры: "Эта боль меня убивает. Я не в силах больше ее выносить", "Это выше моих сил. Я так больше не могу".) Косвенные проявления непереносимой боли, например, отсутствие облегчения после обычных медицинских процедур.

5. Интерес к смертоносным средствам и способам ухода из жизни. (Приобретение оружия, накопление потенциально смертоносных лекарств и т.п.).

6. Меры предосторожности, направленные на то, чтобы не помешали совершить суицид, чтобы не могли спасти (выбрано уединенное место, двери заперты и. т. п.).

7. Указания на то, что покойный знал потенциальные возможности выбранных им "средств смерти" (например, знал летальную дозу употребленного им ядовитого вещества).

8. Попытки и угрозы суицида в прошлом.

9. Стрессовые события или ощутимые потери, как состоявшиеся, так и предстоящие. (Пример: потеря близкого, разрыв с любимым, провал на выборах, крах карьеры, утрата самоуважения, финансовое банкротство. Ожидание неизбежных изменений также может быть сильным стрессовым фактором, даже в том случае, когда такие изменения желаемы).

10. Тяжелые депрессии или психические расстройства. Под депрессией в данном

контексте понимается не кратковременное уныние и упадок настроения, а психическое расстройство, характеризующееся стойкой и всеобъемлющей потерей интереса к жизни на протяжении достаточно длительного времени (от 2 недель и более). Дополнительными индикаторами депрессии служат гипертрофированное чувство вины и угрызения совести, общий упадок сил, потеря аппетита, заметное изменение веса тела. Поскольку депрессия относится к категории возобновляющихся (возвратных) заболеваний, наличие депрессии в прошлом свидетельствует о серьезности проблемы. Для того, чтобы заметить признаки депрессии или иных психических расстройств, не обязательно быть психиатром. Об ухудшении психического здоровья могут свидетельствовать появление признаков неопрятности (нежелание и неспособность следить за собой, своим внешним видом), резкое ухудшение взаимоотношений с окружающими, а также предшествующая психиатрическая госпитализация. К числу других психических расстройств относятся маниакальные или маниакально-депрессивные заболевания, психозы, органические психические расстройства, расстройства, связанные с алкоголизмом и токсикоманией, трудности контролирования импульсов.

При проведении психологической аутопсии важно учитывать особенности мортальной ситуации. Так, если смерть наступила от огнестрельного оружия, то необходимо выяснить, каким способом был обеспечен доступ к чужому оружию, имел ли таковое оружие в правомерном или незаконном владении, располагал ли знаниями и навыками обращения с оружием, не случались ли у него ранее какие-либо неприятности по поводу хранения, сбыта, применения оружия и другие вопросы того же порядка.

В случае наступления смерти от передозировки лекарств, наркотиков, необходимо выяснить, имел ли покойный представление о потенциальной опасности употребляемых препаратов; как он их приобрел (по рецепту, купил с рук, заранее собирал и накапливал); имелись ли раньше случаи передозировок и какие меры лечения применялись; соблюдались ли неукоснительно предписания и меры предосторожности при употреблении лекарств.

Смерть обследуемого лица может быть связана с асфиксией. В такой ситуации целесообразно обращать внимание на то, был ли покойный одет или раздет, не имелось ли в окружающей его обстановке порнографического, иного сексуального либо алкогольного или наркотического оснащения. Для правильной оценки ситуации могут потребоваться сведения о сексуальной активности, сексуальных отклонениях покойного, его возможном интересе к орудиям и способам физического лишения жизни, умении обращаться с веревкой, другими необходимыми для самоудушения аксессуарами.

Собранные и проанализированные данные психолог представляет в виде письменного заключения. Стандартной формы этого документа не существует, возможны вариации. Вместе с тем желательно, чтобы в заключении психолога наличествовали следующие разделы.

Введение. В нем указываются сведения об инициаторе исследования и о психологе, проводившем его, описывается технология производства экспертизы, источники и методы собирания и анализа информации. Отмечается были ли использованы тесты, выполнявшиеся третьими лицами, наблюдавшими поведение исследуемого лица. И наконец, во введении обязательно следует оговорить, что выводы психолога-эксперта носят вероятностный характер и не имеют стопроцентной достоверности.

Исследовательская часть. Состоит из нескольких подразделов. Сначала приводятся данные о личности: имени, фамилии покойного, его возрасте, семейном положении, религиозной принадлежности (вероисповедании), профессии, образовании и иных идентификационных признаках. Затем следует подраздел, который можно назвать как *представление проблемы.* В нем должны найти отражение обстоятельства смерти (в их хронологической последовательности) и подтверждающие факты: место обнаружения трупа, заключение следователя, предшествующие смерти события, а также хронология событий, предшествовавших смерти от 4 часов и до 12 месяцев. Эти сведения психолог получает из интервью с сослуживцами, друзьями, близкими покойного, а также людьми, с которыми он имел последний прижизненный контакт. Далее идет описание истории жизни исследуемого. В этом подразделе излагаются сведения о формировании его личности, семье, учебе, работе, здоровье (возможно подробное описание историй болезней, прежней попытки суицида,

психотерапии и т.п.), об истории жизни и смерти членов семьи, родственников.

Следующая часть заключения – виктимология. Здесь отражаются личные особенности обследуемого, его типичные реакции на стресс, периоды "разлада" в межличностных взаимоотношениях, стиль совладания (тактика поведения в трудных ситуациях), увлечения, интересы, перверзии (извращения), употребление (или злоупотребление) алкоголя, наркотиков, а также мечты, фантазии, отношение к смерти и самоубийству.

Завершается заключение выводами эксперта. Здесь анализируются исследованные факты, рассматриваются все аргументы "за" и "против" гипотезы психолога и на этой базе констатируется, какому варианту модели случившегося (убийство, самоубийство, несчастный случай) отдает предпочтение специалист.

7.3. Редкий случай псевдоубийства

Породившая бурный всплеск эмоций, недоумений и пересудов, трагическая история, о которой пойдет речь, по ряду своих черт не имеет аналогов в следственной практике. Она произошла в начале 80-х годов двадцатого столетия на окраине Алма-Аты в обычном доме сельского типа, принадлежавшем семье Анютиных. Их было трое: Анатолий Анютин, двадцатидвухлетний молодой человек, недавно отбывший воинскую повинность и вернувшийся под родительский кров, его мать – домохозяйка и отец – рабочий одного из заводов.

Накануне трагедии Анатолий приехал домой с работы часа за полтора до окончания вечерней смены. Он плохо себя чувствовал и отпросился у начальства. Родители были дома. Анатолий ушел в свою комнату и лег спать. Утром, когда он еще спал (так показали родители), его отец ушел на работу, а мать – в поликлинику. Спустя несколько часов последняя вернулась, но в дом попасть не смогла. Дверь на террасу была закрыта изнутри на крючок.

На стук в дверь и окна никто не отреагировал. Тогда она попросила соседа принести лестницу и с ее помощью проникнуть через форточку в комнату сына. Сделав то, о чем его просила .Анютина, сосед обнаружил Анатолия мертвым. Вызвали работников милиции. Оперативно-следственная группа, прибывшая на место происшествия, была поражена необычностью представшей картины.

Одетый в рубашку, брюки и носки труп Анатолия лежал на полу возле дивана, на котором тот обычно спал. Тело погибшего находилось в положении лежа на спине. Поверх одежды оно было плотно обмотано простыней, скатертью и перевязано веревками и марлевыми бинтами. Участники осмотра никак не могли понять, для чего так крепко была привязана обрезком каната доска, расположенная вдоль туловища, начиная от подбородка и простираясь до нижней части ног потерпевшего.

Не менее странно выглядело и то, что его голова была многократно плотно обмотана со всех сторон марлевыми бинтами таким образом, что открытыми оставались лишь область носа и глаз. Дополнялась вся эта загадочная картина заведенными за спину руками, кисти которых, связанные между собой, как и голова, были плотно обмотаны бинтами и по форме напоминали боксерские перчатки. Отсутствие телесных повреждений на трупе позволило предположить, что смерть Анатолия наступила в результате асфиксии, развившейся от перекрытия дыхательных путей марлевым кляпом, извлеченным из полости рта.

Все эти обстоятельства были расценены как признаки умышленного убийства. Возбудили уголовное дело и вскоре по подозрению в совершении преступления арестовали мать потерпевшего. Ее, правда, спустя два месяца выпустили из тюрьмы, но не реабилитировали. Следователь, расследовавший преступление, вскоре был уволен за пьяный дебош со стрельбой в ресторане. Дело пошло по рукам, его передавали от одного следователя к другому. "Следаки" не очень старались найти истину, "копали" формально и не глубоко. Многолетняя волокита завершилась тем, что вмешалась Прокуратура Союза ССР.

Истребованное в порядке надзора, уголовное дело перекочевало в Москву. Руководство Главного Следственного Управления Прокуратуры СССР приняло решение о проведении комплексного психолого-криминалистического анализа обстоятельств смерти Анютина. Материалы дела были направлены специалистам одного из научных учреждений Москвы. На

выполнение задания Прокуратуры специалисты потратили несколько недель. Изучив пять томов уголовного дела и наблюдательное производство, заведенное зональным прокурором, комиссия, в которую был включен один из авторов этой книги, составила обстоятельное заключение. В авторском пересказе оно может быть изложено в следующем виде.

Как отмечалось в заключении, основная версия начального этапа расследования – преднамеренное убийство с особой жестокостью совершено матерью потерпевшего по неизвестным следствию мотивам. В дальнейшем эта версия изменилась и приобрела следующий вид: преднамеренное убийство совершено на религиозной основе в порядке жертвоприношения матерью и отцом Анютина, принадлежащих к нелегальной секте Свидетелей Иеговы.

В целях объективности исследование проводилось с точки зрения двух предположений:

• Анютин стал жертвой убийства (преднамеренного или неосторожного);

• Смерть Анютина является следствием действий не криминального характера.

Были построены предварительные мысленные модели различных вариантов того и другого события (убийства и не убийства), еще раз проанализированы материалы дела с точки зрения построенных моделей, в содержание которых вносились определенные коррективы по мере развития и уточнения данных, изученных в той последовательности, которая имела место в процессе их собирания по ходу расследования.

В результате проделанного анализа эксперты пришли к выводу, во-первых, о нереальности первоначальной версии об убийстве Анютина в порядке жертвоприношения; во-вторых, о непричастности супругов Анютиных к убийству сына, если допустить, что оно имело место.

Основная причина того, что несмотря на 8-летнее расследование следствие зашло в тупик, состояла, по их мнению, в том, что с первых до последних дней следствием давалась односторонняя оценка случившемуся, полагая, что в данном случае имело место умышленное убийство, только убийство и ничего более. Но доказательств, подтверждающих эту версию, добыто не было.

Следствием не установлено, что потерпевший имел врагов, недоброжелателей, иных лиц, в интересах которых могло быть совершено столь тяжкое преступление. Это был обычный, ничем особо не выделяющийся человек, намерения и действия которого не несли опасности для окружающих. Небезынтересно, что обстановка на месте происшествия исключает возможность совершения убийства на корыстной основе.

Не содержится в деле и данных, которые могли бы указать на возможность совершения преступления на иной основе. Что же касается версии о религиозных мотивах преступления, то она никак не вписывается в логику и механизм совершенного деяния и не опирается на фактические данные. Отдельные слова из лексикона матери потерпевшего после убийства, содержащие упоминание о Боге, а так же то, что она носит обвязанную вокруг головы косынку, как и некоторые другие мелкие элементы ее поведения равным счетом ничего не значат, поскольку могут являться обычной атрибутикой не очень образованной, не очень молодой и не очень интеллигентной женщины, тем более потрясенной странной загадочной смертью близкого человека, обсуждающей догадки, слухи, мнения с досужими кумушками. Листок с рукописью молитвенного текста, обнаруженный в квартире Анютиных (утерянный следствием), также нельзя рассматривать как аргумент в пользу определяющей версии. У каких пожилых женщин из рабочей среды нет таких листков и еще более весомых свидетельств того, что они иногда ходят в церковь и часто не из глубоких убеждений, а по заведенной привычке, чтобы не очень выделяться, по примеру других, всуе упоминающих Бога. Более того, есть прямые доказательства, что в семье Анютиных богомольцев не было и никаких ритуалов церковного характера они не придерживались. Наоборот, могли и выпить, и погулять. Потерпевший иногда выпивал, курил. То же самое можно сказать и о его родителях, в частности, о матери, замеченной отцом несколько лет назад в супружеской неверности. Таким образом, следствие опиралось лишь на догадки, намеки, подогретые предположительными суждениями, содержащимися в так называемой сектантоведческой экспертизе. Между тем это эссе научного сотрудника института философии и права Академии наук КазССР вряд ли можно признать экспертизой. Оно являлось не результатом глубокого анализа рассматриваемых

вопросов, а представляло собой плод поверхностных рассуждений на тему вокруг убийства, Бога, религиозных течений и отдельных случаев из духовной и мирской практики. Все выводы, суждения и предположения этой псевдоэкспертизы носят легковесный, предположительный характер, научно не обоснованы и по существу ни на что не опираются (разве что на толкование отдельных библейских положений). Как доказательство такое заключение (а точнее облеченное в форму экспертизы субъективное мнение) принято быть не может. Других доказательств религиозной основы в деле нет. Тем самым ответ на вопрос о мотиве преступления повисает в воздухе. Доказательства убийства Анютина его матерью, а тем более отцом, как уже говорилось, в деле отсутствуют.

Лишь с известной долей натяжки можно говорить о доказательственном значении рада противоречий, имеющихся между отдельными моментами показаний Анютиной и другими материалами дела. (Например, данными следственного эксперимента, которыми установлено, что труп через окно без помощи лестницы Анютина увидеть не могла.) Относительно последнего обстоятельства можно сказать следующее. С одной стороны, оно может быть истолковано как то, что о смерти своего сына Анютина знала еще до того, как об этом стало известно соседям. В этом случае она может быть причастна к лишению жизни своего сына. Но можно допустить и другое. Анютина не виновна. И мнение об убийстве сына у нее возникло при тех обстоятельствах, о которых она говорит. При этом нельзя не учитывать того, что эксперимент производился в спокойной обстановке и посторонними лицами. Мать есть мать. Она обладает повышенным восприятием того, что связано с ребенком. Поэтому то, что не видит посторонний взгляд, для нее очевидно (известный медик С.Н. Федоров утверждает, что глаз человека видит объект на 10%. а мозг – на 90%). Здесь может решающую роль сыграть интуиция, чутье матери, в сознании которой целостный образ возникает даже при обнаружении малейшего признака, не замеченного иными лицами.

Следствие не опровергло показаний супругов Анютиных о событиях утра и первой половины 20 февраля, наоборот, оно собрало доказательства, подтверждающие их достоверность.

Если исходить из имеющихся в деле данных, а не гипотезы версии "мать-сыноубийца", не трудно заметить, что смерть Анютина А.А. могла наступить в промежуток с 6 часов 15 минут (ушел на работу отец) до 7 часов утра (мать пошла к соседке, вместе с которой поехала в поликлинику.) За 45 минут Анютина, если она причастна к гибели сына, должна была управиться с такими делами: привести, как отмечается в документах следователей, в беспомощное состояние своего сына путем введения в его организм "Бензонала", найти в надворных строениях доску и канат, приготовить иные средства упаковки (веревку, марлю, марлевые бинты), одеть на потерпевшего брюки, рубашку, носки, убрать его постель, приготовить и вставить в рот потерпевшего кляп, обвязать тело сына тканями и веревками, марлевыми жгутами, предварительно связав их между собой, написать для отвода глаз записку для сына, якобы сообщая ему, что поехала в поликлинику, собраться и выйти из дома, с помощью нитки или тонкой проволоки закрыть изнутри входную дверь (находясь на улице) на крючок и очевидно выполнить другие действия (например, могла нагреть и использовать в гигиенических целях воду, так как собиралась на обследование к гинекологу).

Между тем, как видно из заключения судебных медиков, действие "Бензонала" начинается лишь через 10 минут, а максимальный эффект наступает через 54–60 мин. Когда был введен в организм Анютина этот препарат, за один прием или частями, экспертиза не установила. Таким образом, в распоряжении Анютиной при самом благоприятном для нее стечении обстоятельств могло быть не более 35 минут. Дополнительная комиссионная судебно-медицинская экспертиза на основе выполненного ею эксперимента установила, что только на выполнение упаковочных действий в отношении покойного, если эти действия выполнены двумя лицами, необходимо потратить не менее 27 минут.

Эксперимента по упаковке одним человеком не производилось. Но совершенно очевидно, что одна Анютина за 35 минут подготовить совершение преступления, преодолеть сопротивление сына, осуществить манипуляции с трупом и т.д. не могла.

Как видно из заключения судебного медика, вскрывавшего труп Анютина, смерть последнего наступила в период от 5 до 7 часов утра.

Этот вывод не принят за истину второй СМЭ, проведенной по этому делу. Из ее заключения явствует, что смерть могла наступить в любой момент в период с 00 до 9 часов утра (т.5, стр. 30). И далее: "Исходя из того, что в органах трупа Анютина не обнаружено продуктов распада бензонала (фенобарбитала), можно предположить, что с момента последнего приема бензонала он должен был прожить не более 2-х часов" (т.5, стр.28,30). Последнее обстоятельство уточнено третьей СМЭ, проведенной позднее, которая указала: "В отмеченном случае смерти Анютина А.А. запредельное введение препарата "бензонала" возможно было за 1–1,5 часа до наступления смерти" (т.5, стр. 116).

Из этого видно, что заключение судебных медиков не только не опровергает показания супругов Анютиных о том, что когда они уходили из дома (соответственно в 6 часов 15 минут и 7 часов), их сын был жив, а, наоборот, подтверждает их, поскольку "Бензонал" в организм Анютина А.А., если следовать логике и фактам рассматриваемой версии, мог быть введен после 7 часов, а смерть наступила в период, не выходящий за пределы 9 часов утра.

Чрезвычайно важен вопрос о том, каким путем указанный препарат попал в организм покойного. На этот вопрос следствие не получило ответа. Никаких данных, свидетельствующих о насильственном пути попадания "Бензонала" в организм Анютина в деле нет. Более того, обстановка в комнате, в которой обнаружен его труп, и следы, а точнее отсутствие соответствующих следов на теле и одежде трупа, исключают такую возможность. Потерпевший имел прекрасные физические данные и разряд по борьбе. (В деле имеются показания о том, как двое приятелей вместе пытались побороть Анютина. Это им не удалось. Анютин повалил сразу обоих.) Исключается и иной путь попадания того же препарата в организм потерпевшего. В заключении СМЭ указано, что "Бензонал" имеет горький вкус, не растворяется в воде и в замаскированном состоянии мог быть употреблен в виде смеси порошка и пищевых продуктов, обладающих горьким вкусом". Однако, как показало вскрытие, какая-либо пища в желудке Анютина отсутствовала. Из этого следует, что за 1–1,5 часа до своей смерти Анютин добровольно принял препарат.

Если убийцами являются супруги Анютины, то трудно чем-либо объяснить полную алогичность действий этих двух психически здоровых (см. заключение судебно-психиатрической экспертизы) людей. Для каких целей они закрыли входную дверь на крючок, какой необходимостью вызывались продолжительные по времени, бессмысленные по сути и иррациональные по содержанию (применительно к версии об умышленном убийстве) манипуляции по упаковке и обвязыванию рук, ног и туловища потерпевшего, создание своего рода "боксерских перчаток" на кистях рук потерпевшего (на одну руку ушло более, чем 8 метров марли), а также многослойного многоузлового сооружения на его голове. Получается, что разве лишь для того, чтобы убедить всех в том, что только они, а никто другой умертвили сына. Почему же ими не было инсценировано убийство с ограблением или, скажем, бесследное исчезновение сына (у них имелась личная автомашина, на которой можно было вывезти труп в любое место), либо что-нибудь иное, отводящее от них подозрение.

Анализ этих и других обстоятельств дела позволяет судить о том, что в данном случае смерть Анютина вряд ли связана с умыслом каких-либо лиц намеренно лишить его жизни.

Во всяком случае против супругов Анютиных по этому поводу нет никаких весомых улик. Что же касается посторонних лиц, то теоретически возможность убийства ими допустить можно, хотя данные об объективной стороне содеянного трудно увязываются с реальностью подобной версии. Она не дает ответа на вопросы, а лишь порождает их. Почему посторонний преступник, проникнув в чужой дом для убийства, оказывается без средств преступления, использует лишь то, что он взял в доме Анютиных? Почему он прибегнул к столь хитроумному, малоэффективному способу совершения преступления, требующему значительных ухищрений, большой затраты сил и времени? Почему он ничего не похитил в доме, даже не взял позолоченные наручные часы потерпевшего, лежавшие на полу рядом с трупом? Ради чего он подвергал себя огромному риску в связи с длительной "упаковкой" трупа, т.к. в любой момент мог быть застигнут с поличным (например, внезапно вернувшейся матерью потерпевшего)? Почему на его присутствие и действия в квартире не отреагировала собака Анютиных, находившаяся без привязи в соседней комнате? С какой целью он подвергал себя опасности быть замеченным соседями и прохожими, когда, находясь на улице, закрывал наружную дверь

на крючок?

Необычность обстоятельств гибели Анютина, отсутствие видимых причин для убийства, труднорасшифруемый мотивационный и физический механизм и уникальное своеобразие "упаковки" трупа обусловили необходимость глубокого изучения личности потерпевшего. Из-за серьезного дефицита информации по этому поводу (в деле имеется огромное количество упущений, пробелов и ошибок), полной и точной картины сформировать не удалось. Однако общее, хотя и фрагментарное впечатление сложилось.

Материалы дела дают основание полагать, что потерпевший имел какую-то психическую аномалию, внешне для постороннего глаза ярко не проявляемую, но о которой знали его родители, тщательно скрывавшие вместе с ним это обстоятельство от окружающих (например, для того, чтобы не возводить препятствий сыну для создания своей семьи).

Поэтому официально за медицинской помощью Анютин в медицинские учреждения не обращался, но, очевидно, через мать или сестру пользовался частными консультациями. Во время обострения заболевания Анютин мог пользоваться препаратом "Бензонал", избавляясь с его помощью от раздражительности, возможной агрессивности, неконтролируемости своих действий ("Бензонал" применяется в качестве успокаивающего средства, легкого снотворного, противосудорожного средства при заболевании эпилепсией, болезнью Меньера и как средство, способное вызвать иррадиацию тормозного процесса в коре головного мозга, понижение процессов возбуждения). Из неразвернутых показаний родителей и друзей Анютина видно, что в целом он обладал спокойным, уравновешенным характером, но в определенных ситуациях внезапно раздражался, вспыхивал. У него наблюдалось моментами что-то вроде сумеречного состояния. Порой он, как бы одурманенный чем-то, отрешенный от окружающего мира, уходил в себя, не объясняя истинных причин своего состояния. Один из сослуживцев Анютина во время прохождения им армейской службы видел, как Анатолий курил анашу. Возможное осознание своей психической неполноценности в последнее время было отягощено рядом обстоятельств, которые сами по себе могли ничего не значить для психически здорового человека, но могли в то же время глубоко ранить, задеть болезненное самолюбие углубленного в себя, неадекватно реагирующего на неблагоприятные явления человека. Речь идет о проблемах на личном "фронте". После армии Анютин встречался с девушкой, с которой он не по своей воле вынужден был расстаться, так как, по показаниям этой девушки, он хоть и был неплохим товарищем, как человек оказался неинтересным. Сам же Анютин полагал, что причиной разлада явились ухаживания за этой девушкой его более удачливого друга. Так к уязвленному самолюбию могли примешаться обида, горечь, ревность. Не увенчались успехом и попытки Анютина наладить контакт и найти утешение в общении с другой девушкой, с которой он в одной компании встречал Новый год. Не исключено, что его сознание было отягощено мнимой, кажущейся или реальной половой слабостью. В деле нет данных о том, что Анютин с кем-либо имел половые сношения. Правда, однажды он сказал своему товарищу, что у него была бурная ночь в постели на Новый год с молодой особой. Однако, как видно из показаний этой женщины, такая возможность у Анютина действительно имелась, но он не смог или не захотел ею воспользоваться. Родители Анатолия показали, что в последнюю перед смертью неделю их сын вел себя замкнуто, о чем-то переживал, но от объяснений причины своего состояния уклонялся. Незадолго до смерти он интересовался у отца о том, есть ли Бог и какой самый сильный яд. Почему эти обстоятельства его интересовали, не стал объяснять. Тому, что произошло в квартире Анютиных, могут быть даны такие объяснения.

Первый вариант модели механизма случившегося

Под влиянием неблагоприятных жизненных обстоятельств, тяжесть которых была субъективно преувеличенной, в силу болезненного состояния потерпевшего, Анютин Анатолий решил покончить жизнь самоубийством. В этих целях он приготовил заранее бинты. Свои решения задумал реализовать в своей квартире, но в отсутствие родителей. Зная о том, что в этот день отец работает в первую, а он – во вторую смену, Анатолий накануне, воспользовавшись жалобами матери на плохое самочувствие, настоятельно рекомендовал ей

сходить к врачу. В предшествующие дни время от времени употреблял таблетки "Бензонала", имеющего свойство накапливаться в организме, в целях нейтрализации ощущаемой угрозы аномалии своего поведения. В последнюю ночь ему не спалось. Посреди ночи мать заметила, что он не спит и стоит у шкафа. Утром, после того, как мать и отец ушли из дома, он встал, оделся и вышел во двор. Здесь возле бани и сарая взял обрезок доски, нашел обрывок каната и принес эти вещи домой, закрыв за собой наружную дверь на крючок. (В своих уточненных показаниях отец Анютина пояснил, что о месте нахождения каната было известно только ему и сыну.) Вооружившись марлевыми лоскутами и марлевым бинтом, он подошел к зеркалу и глядя в него вначале обмотал себе голову. (В протоколе осмотра не зафиксировано, имеется ли в квартире Анютиных зеркало. Однако наличие платяного шкафа в комнате Анатолия и трюмо в другой комнате дает основание предполагать, что зеркало имелось.) Скорее всего манипуляции по обматыванию головы производились в той комнате, на столе в которой при осмотре обнаружен кусок марли. Не исключено, что завершение "самоупаковки", а возможно, и весь этот процесс происходил в комнате Анютина. Это могло происходить в положении стоя с последующей сменой позы, например, путем присаживания на стул или диван.

Перед этим Анютин принял определенную дозу "Бензонала" (нельзя исключить, что всю ту целиком, что обнаружили медики в его органах). Марлевый тампон он ввел себе в полость рта либо в начале манипуляции, либо на какой-то иной стадии, но до того, как обмотал себе руки. Из-за недостатка информации, содержащейся в протоколе осмотра места происшествия, в акте судебно-медицинского вскрытия трупа, трудно дать точную картину механизма самообвязывания. Однако оно, хотя и осуществленное в весьма ухищренной манере, возможно. На это, например указывают слабая натяжка каната на спине и груди, а также сам по себе рисунок обматывания. Очевидно это делалось в одни моменты, с помощью соответствующих движений руки, а в другие – путем вращения тела вокруг своей оси и наматывания по принципу крутящегося барабана. Это хорошо видно на фотоснимках трупа. Бросается в глаза то, что верхняя часть туловища обмотана не так уверенно, ровно и плотно как нижняя, что может быть объяснено трудностями самообработки верхней части тела. Нижняя часть тела, судя по всему, обматывалась более уверенной рукой, что объясняется большой свободой рук и удобством позы. Можно допустить, что если бы тело Анютина обматывали посторонние руки, направления, характер обмотки, механизм связывания узлов, направленность и интенсивность действий выглядели бы иначе.

На возможность самосвязывания указывает и то, что нижний слой обвязки верхней части туловища наложен на рубашку, но без охвата рук, которые располагаются поверх шнура. Руки не привязаны к туловищу и канатом, который наложен поверх простыни и накидки. Это дает основание полагать, что руки потерпевшего в этот момент находились в свободном состоянии, к туловищу не фиксировались, что давало возможность потерпевшему, если в это время был жив, совершать активные целенаправленные действия.

Кроме того, вывод эксперта о том, что "Бензонал" введен в организм потерпевшего не менее, чем за час до его смерти, отсутствие следов распада препарата, можно расценивать как то, что в момент связывания физическая активность его не была полностью нейтрализована. Вряд ли в таком случае, потерпевший, не имея к тому желания, позволил бы другим лицам без оказания сопротивления связать себя.

Обрезок доски привязан к передней части тела. Это можно объяснить трудностями, которые неизбежны в случае, когда человек привязывает доску к себе со стороны спины. Кроме того, можно полагать, что потерпевший рассчитывал на то, что наличие привязанной доски лишит его возможности передвигаться и в то же время создаст видимость того, что он является жертвой действия других лиц. Мы склоны считать, если рассматриваемая модель верна, что потерпевший по каким-то соображениям не хотел, чтобы его действия были правильно поняты другими лицами. Известны случаи, когда самоубийцы не хотят выглядеть таковыми в глазах окружающих и инсценируют якобы учиненное над ними насилие. Могло быть такое и с Анютиным.

Как же наступила асфиксия?

Это крайне сложный и важный момент представляется в контексте рассмотренного варианта мысленной модели таким образом.

Введя себе в рот кляп, незадолго до того, как он завел обмотанные руки за спину, Анютин после завершения всей процедуры, очевидно, каким-то образом привел себя в то положение, в котором был обнаружен. Изменение положения и позы могло повлиять на то, что марлевый тампон, до этого позволяющий дышать через нос, перекрыл дыхательные пути. Не исключено, что последнее произошло в результате сознательного или несознательного заглатывания, самосмещения кляпа из-за пропитки бинта слюной, другими выделениями в области носоглотки (к этому времени "Бензонал" начинал действовать активно), а также в результате удара тела при падении на пол.

Рассматривая версию о самосвязывании, мы считаем, что к ее оценке нельзя подходить с обычными мерками, исходя из представления о том, что обычный человек не может совершить того, что произошло в квартире Анютиных. При этом необходимо учитывать особенности психического состояния покойного, его физические данные, а также наличие у него определенного опыта, навыков обращения с веревками и жгутами. Дело в том, что для поддержания физической формы Анатолий постоянно занимался дома физическими упражнениями. Его мать показала, что он "занимался бинтами". Об использовании сыном жгутов говорит и отец потерпевшего. Судя по всему, речь идет не просто о физзарядках, а о каких-то необычных телодвижениях Анатолия, возможно, из области самосвязывания и саморазвязывания узлов, обматывания тела и т.п. Не случайно, что Анна Анютина, увидев в комнате мертвого, обвязанного бинтами сына, в присутствии свидетелей произнесла: "Ой, ой, что ты наделал". Не исключено, что "самосвязывание" было осуществлено не в целях самоубийства, а с иными намерениями. (Например, для того, чтобы напугать родителей, насолить им, подтвердить что-либо сказанное ранее, в частности, в целях шантажа, изобразить из себя жертву чужой злой руки, привлечь к своей скромной личности внимание и вызвать чей-то интерес.) В таком случае летальный исход не планировался потерпевшим и наступил в силу непредвиденного им развития событий. Он, например, мог не учесть того, что бинт намокнет, сместится и перекроет дыхание при изменении позы, произойдет его самозаглатывание при наступлении явлений рвотного характера.

Изложенное указывает на то, что вопрос о возможности самосвязывания Анютиным нельзя снимать, как разрешенный. Следствие должно доказательственно установить, имело ли место самосвязывание, или категорически исключить данную версию. В этой связи заслуживает самого серьезного внимания случай, имевший место во время службы Анатолия в Советской армии. Однажды, как водитель грузовика машины, он был задействован с группой солдат для подготовки воинских учений на местности. Колонна с военнослужащими из двух машин, одной из которых управлял Анютин, выехала в сельскую местность под Ашхабадом. В пути у машины Анютина, как он объявил, перегрелся мотор и он один без сослуживцев остался на дороге. Спустя несколько часов, когда группа солдат вернулась за ним, они обнаружили машину в другом месте (в районе бахчи). Анютин находился в закрытой кабине в положении сидя. Верхняя часть туловища его была откинута на руль. Руки были заведены за спину, связаны и привязаны к сидению. Во рту имелся кляп. Веревка и кляп были взяты в машине (от тряпки, использованной в качестве кляпа, исходил запах бензина). Анютин находился в полуобморочном состоянии. Когда он пришел в себя, пояснил, что сам связался, но для чего объяснить не смог. На этот счет имеются различные показания. Одни сослуживцы объясняют, что после того, как они подняли его на смех, так как его слова показались им вымыслом, Анатолий изменил свой рассказ о случившемся и стал говорить, что его связали двое парней по его просьбе, ибо он хотел проверить, сможет ли борец сам высвободиться из обвязок. По другой версии, он якобы подъехал к бахче за арбузами. Двое незнакомых туркменов дали ему закурить. Он закурил и "выключился". Как он оказался в том месте, где его обнаружили сослуживцы, кто и для чего его связал, не знает. В связи с этим Анютина отправили в госпиталь, где он находился два месяца, после чего был снят с автомашины и дослуживал в хозяйственном взводе.

Данный инцидент, на наш взгляд, имеет несомненную связь с тем, что произошло впоследствии в то роковое утро. Эта связь прослеживается по линии аномалий психолого-психиатрической схожести ситуаций и явной неслучайности совпадений ряда прин1 ципиально важных моментов того и другого случаев (и там, и там функционирует кляп во рту, в

обоих случаях имели место связанные за спиной кисти рук, прикрепление туловища к предметам, странная на первый взгляд мотивация содеянного и т.п.).

Налицо, таким образом, все основания полагать, что указанный армейский эпизод содержит ключ к разгадке тайны гибели Анатолия Анютина. Он как бы проливает свет на то, что произошло с ним в его собственном доме, на то., что при привычном, традиционном криминалистическом подходе представляется необъяснимым и подозрительным.

Второй вариант модели механизма случившегося

В соответствии с этой моделью механизм содеянного представляется следующим образом. Анатолий Анютин страдал определенной формой заболевания эпилептического характера (или другого похожего заболевания). Время от времени, но не часто, у него случались припадки или иные острые проявления, о существовании которых был информирован лишь весьма ограниченный круг его близких родственников. Ото всех остальных эти обстоятельства тщательно скрывались. Неблагоприятная жизненная ситуация, обусловленная неудачами на так называемом личном фронте (поэтому в последние дни жизни он был замкнутым, о чем-то переживал, сжигал фотокарточки), способствовала развитию и обострению болезненного процесса. Не исключено, что возвращение Анатолия домой раньше обычного накануне гибели было вызвано ухудшением этого состояния. Пик проявлений заболевания пришелся на ближайшую ночь. Где-то под утро он уже мог спать. Мать Анатолия, проведшая ночь в тревожных ожиданиях, обнаружила это обстоятельство. Уснуть после того, как она увидела, что сын стоит у шкафа и роется в нем, она, конечно, не смогла, и о том, что якобы уснула, она, судя по всему, говорит неискренне. По просьбе матери, а возможно, и отца, тоже разбуженного, либо по своей инициативе Анатолий принимает повышенную дозу "Бензонала", чтобы нейтрализовать болезненное состояние и неприятные проявления заболевания (отсутствие в его организме продуктов распада препарата скорее всего свидетельствует об одновременном принятии всей дозы). В качестве дополнительного средства предотвращения возможных последствий действия больного в припадочном состоянии, было принято решение еще до того, как "Бензонал" начал оказывать воздействие, связать Анатолия. Только в этом случае, как представлялось членам семьи, можно было гарантировать, что он, когда начнет биться в припадке, совершать иные акты, не причинит себе повреждений, увечий и т.д. Недостаток информации не позволяет утверждать, что связывание Анатолия осуществляла и мать, и отец потерпевшего вместе. Решение об этом могло быть принято в то время, когда отец еще не ушел на работу. В этом случае без его помощи обойтись вряд ли было возможно. Но нельзя исключать и того, что главные события развернулись после 6 часов 15 минут утра, когда в доме остались только Анатолий и его мать. Как бы то ни было, связывание было прижизненным, и в рамках данной модели оно не могло обойтись без участия Анны Анютиной. Процесс связывания был по времени сравнительно небольшим, так как Анатолий не только не препятствовал ему, но, наоборот, мог своими действиями ускорить его. Для этих целей диван, после того как Анатолий встал с него, был разложен, а постель убрана. Одевшись, Анатолий снова лег на диван, где и происходило его связывание. После завершения этой операции, он был положен на пол, чтобы предотвратить возможное падение тела с дивана во время ожидаемых конвульсивных движений, характерных для припадка (или явлений другого порядка). В свете рассматриваемой концепции упаковки тела не трудно объяснить мотивы, которыми руководствовались его участники, совершая вроде бы нерациональные и странные манипуляции (при иных объяснениях случившегося). Обнаруженная в комнате Анатолия кроличья шапка была принесена для того, чтобы надеть ее на голову больного и тем самым предохранить голову от повреждений, которые могли возникнуть при ее ударе о пол и другие твердые предметы во время припадка. Позднее участникам связывания от этой мысли пришлось отказаться, так как шапка не налезала на обмотанную голову. Если же вначале ее предполагалось использовать в качестве единственного средства предохранения головы от ушибов, то от этого замысла позже отказались из опасения, что во время припадка из-за неплотного охвата головы она может соскочить, сместиться, исключив, таким образом,

ожидаемый результат.

Толстый марлевый "шлем", сооруженный на голове, был достаточным для этой цели. Чтобы предотвратить или снизить амплитуду изгибания тела во время припадка вверх и в стороны, к туловищу привязывали доску. Она же выполняла и функцию сдерживания возможных движений ног и исключения возможности освободиться от обвязок нижних конечностей. Чтобы помешать свободному движению рук во время припадка, их завели за спину и связали. Вес тела в положении на спине (в таковом положении и обнаружен труп Анютина) играл роль дополнительного фактора, нейтрализующего движение рук и возможность их освобождения от пут. Для того, чтобы под тяжестью тела кистям рук было не больно, и в целях дополнительного средства их удержания в зафиксированном положении, кисти рук были обмотаны толстым слоем марли. Поскольку у Анатолия были сильные руки и он, несмотря на принятые меры безопасности, мог все же выдернуть их из-за спины со всеми нежелательными для этого последствиями, которые могли наступить во время припадка человека с "отключенным" сознанием, ему предложили зажать в ладони небольшие бобины с нитками (их выбор был произвольным по принципу – беру то, что попало под руку). Сжатый таким образом кулак, соответствующим образом обмотанный, высвободить значительно труднее. Простыня, накидка, обмотанные вокруг тела, обтягивающий их сверху канат также выполняли роль средств, которые должны были если не исключить полностью, то хотя бы существенно снизить отрицательный эффект конвульсий от ударов головы и туловища. Все упаковочные средства были взяты в доме Анютиных и в надворных строениях. "Бензонал" мог быть куплен матерью по рецепту знакомого врача или другим лицом из их узкого круга (например, сестрой Анатолия, употреблявшей снотворное).

Самый сложный вопрос, который в связи с изложенным необходимо разрешить, это вопрос о кляпе и механизме наступления асфиксии. Спорность возможности использования марлевого кляпа как орудия преднамеренного убийства снимается, если исходить из вывода о некриминальной природе действий по связыванию Анатолия.

Клиническая практика свидетельствует, что эпилептики во время припадка могут искусать себе губы, прикусить язык и нанести себе более худшие повреждения зубами.

Для предотвращения этого рекомендуется вставлять и удерживать в полости рта между верхней и нижней челюстью твердое тело (карандаш, кусок палки и т.п.). Очевидно его роль, по мнению Анютиных, должен был сыграть свернутый из марли жгут-тампон, вложенный в рот Анатолия. Для того, чтобы он во время припадка не выплюнул его, не вытолкнул изо рта сознательно или непроизвольно с помощью движений челюсти и языка, "шлем" на его голове был исполнен таким образом, что его нижняя часть туго охватывала скулы, челюсти и подбородок, закрывала полость рта, оставляя открытым лишь нос, носовые отверстия для дыхания и область глаз. Именно это роковое обстоятельство и сыграло свою роковую роль, не предвиденную обвязывающими, действующими из естественного желания помочь близкому человеку, оказавшемуся в трудном положении. Во время припадка Анатолий мог совершить заглатывающие движения намокшего от пены и слюны марлевого тампона, который перекрыл дыхательные пути и вызвал его смерть. (В акте вскрытия трупа отмечается наличие слизи на передней части гортани покойного).

Тому, как развивались финальные события можно дать двоякое толкование. Первое – смерть Анатолия наступила после ухода его отца и матери из дома. В этом случае показания последних о том, что факт смерти был выявлен так, как они показали, соответствуют действительности.

Второе – смерть Анатолия наступила в то время, когда его родители (по крайней мере, мать) находились дома. Напуганные непредвиденной смертью сына, его родители оказались в сложном психологическом положении. Находясь в нем, они должны были принять одно из двух возможных вариантов решения: 1) заявить о случившемся и рассказать всю правду, рискуя быть непонятыми и необоснованно обвиненными в преднамеренном групповом убийстве сына; 2) скрыть на время факт содеянного и представить дело таким образом, что они никакого отношения к случившемуся не имеют, что все произошло в их отсутствие, без их ведома и открывшись, явилось полнейшей для них неожиданностью. Был избран последний вариант поведения. Все свои последующие действия они совершили в соответствии с этим вариантом.

Однако четко сыграть свою роль Анютина Анна, на которую выпала наиболее трудная миссия – ввести общественности в заблуждение, во всех деталях не сумела, да и вряд ли в силу своего развития, знаний и навыков могла. Отсюда появились определенные "проколы", сомнительные моменты в ее посткриминальном поведении (она, например, не учла, что следственным экспериментом будет доказана возможность человека, находящегося на улице, закрыть входную дверь на крючок изнутри). Можно, конечно, говорить о возможности более целесообразного и убедительного, с их точки зрения, поведения Анютиных в ответ на внезапную смерть сына. Они, в частности, теоретически имели возможность сделать более убедительной внешне версию об убийстве, совершенном якобы посторонним лицом. Но для этого им необходимо было бы реализовать ряд непростых в данной ситуации мер по изменению обстановки на месте происшествия в сторону создания видимости мнимой корыстной или иной направленности преступления.

Ничего подобного они сделать не смогли из-за отсутствия необходимого запаса физических и психических сил, резко уменьшившихся в условиях шока, потрясения, возникшего от нежелаемого неожиданного и страшного итога своих гуманных действий.

Они вместе (или только Анютина Анна) в этом предприняли малое – написание записки о том, что последняя поехала в поликлинику, провели несложную операцию по закрытию входной двери на крючок изнутри. Сделано это было для того, чтобы показать, что во время преступления они не могли находиться дома.

В случае соответствия последнего варианта модели фактическому положению дел неизбежен вопрос о наличии состава преступления в действиях супругов Анютиных.

На наш взгляд, признак криминального характера в их действиях имеется только один – введение марлевого тампона в полость рта сына. Эти действия, на первый взгляд, содержат признаки неосторожного убийства. Однако состав преступления может иметь место только в том случае, когда субъекты не предвидели, не должны были предвидеть возможные тяжкие последствия своего действия. Если бы на месте супругов Анютиных оказался специалист-медик, то в его действиях, безусловно, был бы состав преступления. Но Анютины – простые люди, имеющие явно недостаточное для нынешнего времени образование. (Анютина Анна закончила всего 4 класса общеобразовательной школы), не обладали специальными познаниями в медицине и психиатрии, и с медицинской практикой по работе не сталкивались. По этой причине не видится основания для утверждения, что они могли и должны были предвидеть, что от введения марлевого тампона их сын задохнется. (Не исключено, что они и ранее осуществляли подобные действия с сыном, которые заканчивались благополучно). Изложенное позволяет квалифицировать случившееся в доме Анютиных как казус, уголовная ответственность за который не наступает.

Мнение и рекомендации специалистов были учтены следствием при составлении плана дополнительного расследования. Его главный итог – признание несостоятельности версии об убийстве. Дело было прекращено. Собранные доказательства подтвердили правильность одной из моделей механизма развития события, связанного со смертью Анатолия Анютина, предложенной комиссией специалистов. Но какой: первой или второй? Этот вопрос мы специально оставляем открытым, передав его на усмотрение пытливому читателю. Думается, что для разгадки тайны, определения того, насколько правильными или ошибочными были оценки случившегося участниками рассмотренного психолого-криминалистического исследования, ему будет полезно ознакомиться с материалами, которые предлагаются в следующих параграфах главы.

7.4. Аутоэротические фатальности: понятие, особенности, практика

В этом параграфе приводятся данные, изложенные в статье Роберта Хейзелвуда, Парка Диетца и Анн Баржесс[45], опубликованной в «Журнале полицейской науки и администрации»

---

[45] *Роберт Хейзелвуд* – специальный агент, преподаватель Академии ФБР (Отдел поведенческих наук Академии ФБР) в Куантико. Сейчас он на пенсии, но работает экспертом, преподавателем, консультантом. Ученый с мировым именем. Специалист по психологическому профилингу.

(содержание этой статьи предлагается с ее незначительными изменениями и сокращениями).

Первым профессиональным следователем, который сталкивается с аутоэротической[46] фатальностью (несчастный случай вследствие аутоэротической практики), обычно бывает офицер правоохранительных органов. Перед ним предстает сложная, причудливая картина места смерти, в интерпретации причин которой легко ошибиться. В этой статье описаны признаки аутоэротиче-ских фатальностей, которые Могуг помочь следователю распознать и описать такие случаи даже тогда, когда кто-то пытается «замаскировать» обстоятельства смерти.

Аутоэротическая фатальность – это смерть, случившаяся во время мастурбации. Хотя при мануальной мастурбации смерть возникает от естественных причин, «в фокусе» настоящей статьи будут аутоэротические фатальности при пользовании потенциально вредоносными средствами. Обстоятельства и признаки таких смертей известны узкому кругу специалистов, поэтому в практике расследования очень часто неправильно интерпретируются. В подавляющем большинстве аутоэротические фатальности с использованием неисправных средств являются несчастными случаями (во всяком случае должны быть квалифицированы как смерть, наступившая в результате несчастного случая). Однако их признаки часто создают ошибочное впечатление суицида или гомицида (убийства). Многие аутоэротические фатальности имеют некоторые общие признаки с суицидом: жертва выбирает уединенное место, жертва обнаружена повешенной. Поэтому многие следователи поначалу квалифицируют аутоэротическую смерть как суицид. В то же время ряд других признаков (завязанные глаза, кляп во рту), физические ограничения (тело связано) позволяет заподозрить убийство.

Сцена аутоэротической смерти

Здесь возможны существенные вариации, определяемые возрастом жертвы, "ресурсами" и сексуальными пристрастиями. Не все рассматриваемые далее признаки будут "присутствовать" обязательно в каждом конкретном случае. Однако следователь должен о них знать, иметь в виду и, если какие-то из этих признаков будут обнаружены, обязательно их задокументировать. Чаще всего следователь прибывает на место происшествия спустя несколько часов после обнаружения трупа (труп обнаруживается кем-то другим) и поэтому у него нет уверенности, что на "сцене" не произошло каких-то изменений. Первая задача следователя – постараться "восстановить" картину случившегося события.

Место происшествия

Как нередко бывает при суицидах, жертва аутоэротической смерти выбирает уединенное, безлюдное место, где можно без помех предаваться сексуальным фантазиям. В изучавшихся 125 случаях это были: запертая изнутри комната, изолированные места в собственном доме – подвал, чердак, гараж, мастерская; комната в мотеле; служебное помещение в нерабочие часы; летняя дача, лесной массив. Решающим фактором при выборе места является желание уединения и одиночества, так как аутоэротическая практика требует концентрации на фантастическом сценарии. В зависимости от используемых при этом "средств поддержки", иногда требуется значительное время на подготовку "к операции". Поэтому нужно позаботиться о том, чтобы не помешали. Следователю нужно иметь в виду, что в фантазиях жертвы именно месту действия отводится немаловажная роль.

Пример из практики. Жертва – служащий телефонной компании 28 лет. Труп был

Парк Диетц – психиатр, эксперт со стороны обвинения. Выступал в качестве эксперта по многим громким делам, в том числе – по серийным убийствам. Жив и активно трудится.

Анн Баржесс – психиатр, профессор, директор исследовательского центра при университете г. Бостона. Специалист по виктимологии, изнасилованиям, сексуальным отклонениям.

(Robert Hazelwood, Park Elliot Dietz and *Ann Wolbert Burgess.* The Investigation of Autoerotic Fatalities Journals of Police Science and Administration, 1981, Vol 9 №4, P. 404–411.)

[46] *Аутоэротизм* – получение сексуального удовлетворения без партнера, своеобразная форма извращенного сексуального самообслуживания.

обнаружен сослуживцами. С. (жертва) не вернулся на работу после выполнения заказа по ремонту. Его грузовик (ремонтная машина) был обнаружен на сельской дороге приблизительно в двух милях от места его последнего вызова. Труп находился в густом лесу, в 250 футах от дороги. Жертва лежала лицом вниз, верхняя часть тела – на предплечьях. Вокруг шеи была повязана 3/8-дюймовая веревка, закрепленная скользящим узлом. Веревка была протянута к суку дерева, находящемуся на высоте 6 футов. Слева перед жертвой находились 4 журнала с изображением голых женщин. Брюки были расстегнуты, нижнее белье приспущено, обнажая пенис и мошонку. Медицинская экспертиза установила причину смерти: асфиксия, вызванная сжатием (сдавливанием) каротидных артерий.

Поза тела жертвы

Обычно тело жертвы частично поддерживается (почва, пол, какая-либо другая поверхность). Иногда жертва бывает подвешена полностью. Наиболее распространенной в нашей серии случаев была поза, при которой умерший был подвешен вертикально, только одна нога касалась поверхности (поддерживающей). Часто в таких случаях вокруг шеи жертвы имеется какая-либо "перевязка", прикрепленная к "точке подвешивания", находящейся в пределах досягаемости жертвы. Решая вопрос о причине смерти, следователь не должен спешить с выводами (убийство или несчастный случай), хотя положение тела жертвы и наводит на мысль об "участии другой стороны". Жертв случайных смертей при аутоэротической практике находили в самых различных положениях: сидящими, стоящими на коленях, лежащими вниз лицом, лежащими вверх лицом, подвешенными за руки.

Вредоносный, опасный агент

На "сцене" следователю надлежит собрать информацию, позволяющую ответить на вопрос: результатом какого действия (или бездействия) явилась смерть жертвы. Поэтому "вредоносный агент" должен быть исследован самым тщательным образом, чтобы выявить возможные неисправности функционирования. В 125 изученных случаях вредоносным агентом чаще всего служила "удавка" на шее. Другими вредоносными агентами являлись устройства для пропускания через тело электротока; "сдерживающие" приспособления; "кляпы", мешающие дыханию; ингаляция токсичных газов или химических веществ через маски, рукава, пластиковые пакеты.

Создатель и пользователь подобных устройств рискует ошибиться в расчетах: неправильно оценить время, вещество, давление или силу тока. Вне зависимости от того, какой вредоносный агент использовался жертвой для аутоэротической практики, задача следователя – выяснить, был ли этот он в исправном состоянии. Проиллюстрируем сказанное примером.

Жертва – 19-летний молодой человек восточного происхождения. Друзья нашли его мертвым в комнате. Он лежал навзничь, его левое плечо и верхняя часть левой руки прикасались к металлической батарее парового отопления. Он был в нижней рубашке, обрезанных шортах и в носках. Часть тела жертвы располагалась на согнутом стеганом одеяле, подушке и холстяной простыне; между ног находился электрический амортизатор для пола. Электрическая вилка амортизатора была трехпозиционной, однако зубец, соответствующий положению "земля", был удален. С помощью куска электрического провода выключатель был поставлен в положение "включено". На внутренней стороне бедер и на левом плече жертвы были сильные ожоги. Следствием было установлено, что когда тело обнаружили, амортизатор между бедрами жертвы медленно вращался. При последующем изучении амортизатора была обнаружена неисправность, вследствие которой электрический ток проходил через бедра, левое плечо жертвы и металлическую батарею.

Механизм самосохранения

Под ним понимаются любые меры, принимаемые для уменьшения или устранения негативных эффектов вредоносных агентов. Такими мерами, с одной стороны, обеспечивается способность оставаться в вертикальном положении, уменьшая тем самым давление "повязки" на шею. С другой стороны, это могут быть и перетяжки между повязками на конечностях и повязкой на шее, позволяющие контролировать давление на шею при помощи определенных

телодвижений или натяжения "ключевых точек". Диапазон возможных действий, относимых к данной категории, весьма широк. Так, например, если вредоносным агентом является повязка, может использоваться нож или скользящий узел в качестве средства самосохранения; если жертва пользовалась замками, надо искать ключ; если применялись цепи, то поблизости может находиться пара плоскогубцев и т.д. Уже говорилось о том, что должна быть проверена исправность функционирования вредоносного агента. Точно так же необходимо убедиться в исправности средств, используемых для самосохранения при занятиях аутоэротическими упражнениями. Приведенный ниже пример подтверждает такую необходимость.

Белая женщина в возрасте 23 лет была найдена мертвой. Смерть наступила из-за сдавления шеи во время опасных аутоэротических "занятий". Чтобы подтянуть лодыжки к шее, женщина воспользовалась длинной веревкой, а в качестве средства самосохранения – скользящим узлом. Завязывая узел, женщина не заметила, что в него попали ее волосы, вследствие чего узел "не смог нормально функционировать" в качестве средства самосохранения.

Ограничение свободы движений (связывание, стягивание)

Выражение "подчинение и господство" используется для описания разновидностей сексуального поведения, тесно связанных с признаками, обычно присущими аутоэротической смерти. Сексуально значимые для данного индивида материалы и приспособления используются в качестве "ограничителей физической свободы". Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение для расследования, так как может стать причиной неправильной интерпретации: аутоэротический несчастный случай может быть квалифицирован как убийство. Тот факт, что жертва была связана, затрудняет определение способа смерти и наводит на мысль о присутствии кого-то, кто помог жертве умереть. Каждый такой случай требует индивидуального анализа, универсальных рекомендаций дать невозможно.

В исследовании, о котором идет речь, в качестве физических ограничителей использовались веревки, цепи, наручники и иные аналогичные средства, позволяющие ограничить свободу движений жертвы и(или) ее конечностей. Даже в очевидных случаях следователю бывает непросто объяснить, как это жертве удалось такое с собой сделать. Не следует спешить со снятием оков и перерезанием узлов: прежде они должны быть тщательно изучены, возможно, они даже должны быть скопированы. В противном случае могут возникнуть проблемы с родными жертвы, которых нелегко будет убедить в том, как все на самом деле происходило. Даже при идеально проведенном и документированном расследовании проблемы с родственниками вполне возможны. Об этом свидетельствует такой пример.

Жертва – 18-летний мужчина – был обнаружен в своем домашнем гараже. Покойный находился в большом ящике для мусора, сверху торчала только голова. Он был в сидячем положении, колени плотно прижаты к груди, одна нога стояла на дне ящика. Руки прижаты к бокам и помещены между икрами и бедрами. Запястья свободно связаны ремешками от роликовых коньков. Полиции пришлось пользоваться зубилом, чтобы разбить ящик и извлечь из него жертву. После этого обнаружили, что протянуты связки проволоки; кожа на локтях и коленях жертвы была стерта, вокруг рта – следы царапин. При обыске в комнате жертвы были обнаружены многочисленные обрывки веревок и ремней, завязанных узлами. Токсикологический анализ не обнаружил следов алкоголя и наркотиков; вскрытие не выявило никаких внутренних повреждений. Следствие пришло к выводу, что смерть наступила в результате аутоэротизма. Родители жертвы были с этим выводом категорически не согласны и стали проводить собственное расследование. В конце концов дело было доведено до суда, но родители так никогда и не поверили в то, что смерть их сына объясняется его "сексуальными склонностями".

При расследовании аутоэротических смертей встречаются и более "тонкие" (изощренные, замаскированные) формы связывания. Они часто остаются незамеченными, что, в свою очередь, ведет к неправильной интерпретации причин смерти. В изученной авторами выборке встречались такие "физические ограничители" как завязывание глаз, капюшоны, кляпы, декоративные цепи, эластичные и стягивающие предметы одежды, стягивающие бинты.

Своевременное распознавание таких замаскированных форм связывания необходимо для правильной интерпретации причины смерти.

Мазохизм

Иногда при расследовании обнаруживается, что перед смертью жертва испытывала боль в области гениталий, сосков груди или в иных частях тела. Кроме того, болевые ощущения могут вызываться использованием стягивающих и сдавливающих материалов. Боль также может быть вызвана механическими и электрическими средствами, самоожогами и самокалеченьем. В изученных случаях это были затянутый вокруг мошонки пояс, зажимки для белья на сосках груди, электрические провода, вставленные в пенис и анус, электрофицированный лифчик, прижигание мошонки сигаретой. Термином *инфибуляция* обозначается феномен «вживления» (пропускания) иголок или булавок в тело, чаще всего в пенис, мошонку, соски груди, иногда – в мочки ушей или в нос. В одном из изученных случаев иголки были вживлены в оба соска груди жертвы. Самокалеченье может принимать крайние формы, как, например, в этом случае.

Мужчина в возрасте 31 года был обнаружен висящим на балке, веревка вокруг шеи была завязана "петлей палача". Одна нога касалась пола. Мужчина был совершенно голым, если не считать черного кожаного пояса на талии. Его руки спереди на запястьях были скреплены наручниками. На полу со стороны правой руки был найден ключ от наручников. На пенисе был обнаружен надрез, подобный хирургическому. В надрез была вставлена и к нему привязана металлическая прокладка. Наружный край прокладки был привязан к пенису.

Наряд

Часто в одежде жертвы мужского пола может быть обнаружен один или несколько предметов женского туалета (особенно из нижнего белья). Нейлон, кружева, кожа, ленты и другие материалы, имеющие для жертвы "сексуальную окраску", как правило, присутствуют в этом наряде. Следователю нужно иметь в виду, что к прибытию полиции что-то в одежде жертвы может быть подправлено или полностью изменено родными и близкими. Такое обстоятельство создаст дополнительные трудности в расследовании. В исследовании, о котором идет речь, когда такие изменения имели место, они делались членами семьи жертвы. Делалось это импульсивно или из чувства смущения и стыда. Рассмотрим в этой связи такой пример.

Отец нашел своего 16-летнего сына в его комнате мертвым. Прибывшая полиция увидела жертву лежащей на спине, одетой в голубые джинсы, рубашку, жокейские трусики и шерстяные носки. Ремень, расстегнутый с одной стороны, находился рядом с головой жертвы, тут же были ее очки. Отец сообщил полицейским, что когда он обнаружил сына, на нем были лишь носки и рубашка. Нижнее белье и брюки лежали на полу в конце кровати. Отец сказал, что он одел своего сына, не думая и не зная, почему тот был раздетым, когда его нашли мертвым.

Этот случай показывает, что если бы изменения в одежде остались незамеченными, смерть могла быть квалифицирована как суицид. Если при внимательном рассмотрении может оказаться, что какие-то детали одежды и "эротическое оснащение" были частично или полностью изменены, для правильного вывода необходимо восстановление первоначальной картины обнаружения трупа.

Сексуальные принадлежности

Во многих делах, которые были изучены, поблизости от жертвы были найдены те или иные сексуальные принадлежности. К их числу относятся вибраторы, фотографии (как мужские, так и женские, т.е. одного пола с жертвой или противоположного пола), сексуальная литература, эскизы (зарисовки) и предметы – фетиши (женское нижнее белье, пояса и резинки). Случается, что такие объекты оставляются следователем без внимания, потому что для него лично эти предметы не имеют "сексуальной окрашенности", а это в свою очередь чревато ошибками в выводах.

Все предметы на "месте действия" и поблизости от тела жертвы должны быть перечислены и сфотографированы в оригинальных позициях для последующей интерпретации.

Если этого не сделать, некоторые важные "наводки" могут быть утрачены. В приводимом ниже примере такие сексуальные принадлежности, к счастью, были задокументированы (записаны и сфотографированы).

Жертва (17-летний молодой человек, белый) была обнаружена подвешенной за шею (нога касается пола) с помощью веревки, привязанной к трубе, проходящей через отверстие чердака. Жертва была голой, руки крепко связаны за спиной. Полиция обыскала комнату, в которой был обнаружен труп, и нашла кинокамеру с катушкой недоснятого фильма. На этом фильме жертва была изображена в нескольких сексуальных позах. Полиция обнаружила также эскиз, на котором были изображены женщины, их позы были очень похожи на позу мертвой жертвы и вырванную из журнала фотографию. Обыскали чердак над комнатой жертвы и вот, что нашли: шесть разрезанных носков, несколько отрезков веревки с завязанными на них петлями, велосипедную трубку с завязанным на ней носком, пару черных резиновых перчаток, несколько обрывков черных внутренних трубок от велосипеда, пару голубых наколенников, пару нижнего белья, прикрепленного к рубашке с помощью обрывка серебряной тесьмы, отрезанной от ворота рубашки и отрезком электрического провода длинной в 1 дюйм, согнутым по середине.

Многие из этих предметов неопытным следователем были расценены как не имеющие сексуального значения. Важно также отметить, что сексуальные принадлежности (дневники, надписи на предметах и т.д.) не обязательно следует искать рядом с трупом жертвы. Как видно из данного примера, они могут находиться в других местах. Насколько широк диапазон сексуальных принадлежностей, можно судить по приведенному ниже случаю из практики канадской полиции.

Жертва – одинокий мужчина, возраст – 51 год. Был найден подвешенным на веревке, обвитой вокруг шеи; веревка была привязана к суку дерева. Нога жертвы касалась земли. Одет мужчина был как обычно (т.е. ничего примечательного), если не считать двух кожаных курток, одна из которых принадлежала соседскому подростку. Как показало последующее расследование, мужчина был гомосексуалистом и пытался склонить соседского мальчика к сексу, но получил решительный отпор. Примечательно, что это было как раз в день смерти. Однако накануне ему все-таки удалось выпросить у мальчика его куртку.

При обыске в жилище у жертвы были найдены: множество фотографий сексуального содержания, фетишные предметы, материалы для самосвязывания. В описи указывалось более 50 наименований: кожаные куртки, пиджаки, веревки, цепи, наручники, железные наколенники, зажим для пениса, подвеска (груз) для мошонки, электрошокеры, набор различных кожаных масок, 107 пар кожаных перчаток, в 29 из них внутри были капли спермы, прутья, деревянный молоток с цепочкой и зазубринами, хлысты и набор висячих замков. Специалист, производивший обыск, сделал видеозапись всех этих предметов.

Мастурбационная активность

Очень важно иметь в виду, что при фатальной аутоэротической практике мануальная мастурбация может быть, а может и не быть. Наличие семяизвержения не является полезным признаком для вывода о том, что смерть стала результатом неудачной сексуальной практики. При смерти часто бывает семяизвержение независимо от того, была ли смерть случайной (несчастный случай), от естественных причин, результатом убийства или результатом суицида.

Нередки случаи, когда, основываясь только на этом одиночном признаке (семяизвержении), следователи делают вывод об аутоэротической смерти. Для полноты расследования пятна спермы на теле жертвы или близлежащих поверхностях должны быть зафиксированы в протоколе, сфотографированы и собраны для возможного определения типа крови жертвы. Однако простое наличие остатков спермы само по себе не является доказательством сексуальной активности.

Наличие мануальной мастурбации может быть подтверждено тем, что руки жертвы были зафиксированы как находящиеся на ее гениталиях или вблизи них. К числу других индикаторов сексуальной активности можно отнести такие, как вибратор, найденный рядом с телом жертвы, жертва одета, а ее гениталии обнажены, пенис обернут тканью, чтобы предупредить попадание спермы на одежду. В изученных авторами случаях часто прямых свидетельств мануальной мастурбации не было, а без таких свидетельств трудно прийти к определенному выводу. Хотя

иногда утверждают, что жертвы суицида избегают наготы, пока не доказано, что полная или частичная нагота жертвы является достаточным основанием для отграничения аутоэротической смерти от суицида.

Защитные прокладки

Часто жертва использует какой-либо мягкий материал – прокладку – между перевязкой (узлом) и прилегающей частью тела. Цель такой защитной прокладки – предотвратить ссадины или изменение цвета кожи, что могло бы вызвать вопросы друзей или родных. В описанном выше случае родители юноши и не предполагали, что их сын "вовлечен в такие опасные занятия". Мать, однако, припомнила, что за несколько месяцев до смерти сына она заметила следы ожогов у него на шее. На ее вопрос сын ответил, что это он "натер шерстяным свитером", когда играл в футбол. В день смерти у жертвы никаких защитных прокладок обнаружено не было.

У более опытных и умелых жертв вероятность обнаружения защитных прокладок выше, чем у жертв молодых, занимающихся аутоэротической практикой недавно. Коммерчески доступное "снаряжение" для связывания состоит из кожаных и атласно-подобных держателей, присоединенных к каким-либо мягким материалам (мех, шерсть). У жертв аутоэротической смерти подобные приспособления нередко можно найти. В изучавшихся авторами случаях встречались очень хитроумные защитные прокладки.

Так, в своем жилище был найден мертвым пожилой белый мужчина. Его шея и ступня ноги были соединены веревкой и ремнями, которые в свою очередь были присоединены к крюку, прибитому ко внутренней стене чулана. С помощью взаимосвязанных "перевязок" его тело было присоединено к своду (арке). Намыленная изоляционная лента соединялась с повязкой вокруг шеи.

Информация от родственников и знакомых

Чтобы разобраться в каждом конкретном деле, очень важно знать, занималась ли жертва раньше (если да, то как долго) той деятельностью, которая стала причиной ее смерти. При всей важности этого момента вызывает удивление то, что в обычных медицинских или полицейских отчетах очень редко встречается упоминание о прошлом опыте. Авторы настоящего исследования выявили 5 типов информации, полезной для определения наличия прошлого опыта жертвы.

Свидетельство прошлого опыта в области аутоэротических практик

Хотя члены семьи, сексуальные партнеры,друзья иногда не подозревают об опасных аутоэротических занятиях жертвы, они могут замечать какие-то особенности поведения, которые в ретроспективе будут иметь криминалистическое значение.

Так, один отец заметил, что его сын всегда связан узлами. Другой отец знал, что его сын время от времени набрасывает на шею пояс и стягивает его до тех пор, пока не ослабеет. В другом случае родители 30-летнего мужчины заметили, что каждую ночь, перед ужином, тот запирается в своей комнате и оттуда слышится странное гудение. Как оказалось, он пользовался для своей аутоэротической практики электрическим прибором, от неисправности которого впоследствии и погиб.

В других случаях родственник или знакомый может что-то знать о прежних занятиях жертвы. Жена 26-летней жертвы обнаружила, что до эпизода со смертельным исходом ее супруг дважды "подвешивался" на брусьях. Другая жена сообщила, что ее муж имел привычку накидывать на шею полотенце, привязывать его к ручке двери спальни и "оттягиваться" от двери, когда занимался мастурбацией.

Постоянно закрепленные защитные прокладки

Как уже отмечалось, следователь должен обращать внимание на защитную прокладку и ее размещение. Одним из значимых индикаторов прошлой аутоэротической практики является фиксация таких прокладок на повязках или иных приспособлениях, используемых для аутоэротической практики. Это показатель того, что жертва либо раньше пользовалась

приспособлением, либо собиралась его использовать в будущем. В любом случае наличие прокладок свидетельствует о желании жертвы избежать появления каких-либо "наводящих" следов на своем теле.

Снашивание (истирание) точки подвешивания

Если жертва использовала подвязки, прикрепленные к каким-то точкам (предметам), то следователь должен внимательно рассмотреть эти предметы с целью обнаружения царапин или желобков, указывающих на использование этих предметов в прошлом.

Следы данного рода были обнаружены при осмотре места смерти одного молодого человека. Он был подвешен с помощью плетеного кожаного кнута, обвитого вокруг шеи и наброшенного на верхнюю часть двери туалета. На кнуте имелось колесико, которое крепилось к двери. Руки жертвы были свободны, однако лодыжки плотно связаны кожаными ремнями. Наверху двери обнаружили несколько царапин и стертостей, оставленных прежними упражнениями жертвы.

Сложность вредоносного агента (предмета, средства)

Когда вредоносный агент очень сложен, можно сделать вывод, что "аппаратура" усложнялась и совершенствовалась в ходе длительного ее использования. Вот как это происходило в данном случае. Жертва – 26-летний белый мужчина. Смерть наступила в результате подвешивания через кожаные браслеты, закрепленные на потолочном крюке. Когда труп нашли, на его лице имелась маска, во рту – удила. Длинная веревка одним концом была привязана к удилам, переброшена через плечи, пропущена через петлю на конце специально сконструированного пояса, который был надет на жертву. Куски веревки, протянутые через петли по одну сторону тела, соединялись деревянными шпонками, расположенными по всей длине его ног. Веревки были присоединены к двум пластиковым бутылкам для воды, одна бутылка на каждой лодыжке. Бутылки были наполнены водой (каждая весом 7 фунтов). На лодыжках имелись кожаные поддерживатели (ограничители). К каждому соску на груди были прикреплены зажимки. На брючном ремне имелось сделанное из кожи приспособление, которое проходило между ягодицами и присоединялось к передней и задней частям ремня. На этом приспособлении имелась деталь, вставленная в анус, и отверстие, через которое был просунут пенис. Пенис был помещен в цилиндр из туалетной бумаги. В основании пениса имелся бантик из красной ленты.

Собранные материалы

Тип, качество, сложность и цена собранных жертвой сексуальных материалов могут являться косвенным подтверждением продолжительности ее "занятий".

7.5. Загадочная смерть "медицинской сестры"

В одном из номеров Интерполовского журнала была опубликована статья под названием "Странный случай сексуальных аномалий", написанная шефом полиции городка Апельдорн (Голландия). В ней описывался случай одной весьма загадочной смерти и результаты ее психолого-полицейского расследования. Фабула дела такова.

В один из теплых летних дней в полицейский участок обратилась госпожа С. и сообщила, что у нее пропал муж. За день до этого ее муж уехал из города на своем мотороллере и не вернулся.

Она, естественно, беспокоится, не случилось ли чего (о самоубийстве речи не было).

Он уехал, как обычно, утром, сказав своей тринадцатилетней дочери, чтобы к обеду его ждали.

На вопрос о семейной жизни С. ответила, *что* одно время у них был трудный период, но сейчас все нормально. Финансовых затруднений семья не испытывает. Больше С. ничего не сказала. Примечательным было то, что госпожа С. настоятельно просила, чтобы информация об исчезновении ее супруга не попала в газеты или на радио.

Вскоре после этого на дороге, ведущей в Апельдорнский лес, был найден мотороллер

(запертый на замок, чтобы не украли). Как оказалось, это был мотороллер пропавшего господина С. Начатый в окрестностях поиск с полицейской собакой ничего не дал. На следующий день полицейские "прочесывали" местность уже с четырьмя собаками и вновь безрезультатно.

Коллеги господина С. по работе не высказывали никаких предположений о том, где бы он мог находиться.

Госпожа С. вдруг сообщила, что месяцев 6 тому назад она сделала чрезвычайно поразившее ее "открытие": ее супруг любил переодеваться женщиной и в таком виде сам себя фотографировал. Из-за этого супруги поссорились и дело чуть было не дошло до развода. Однако доктор, к которому они обратились за консультацией, сказал, что это пройдет. Супруги остались вместе. Позднее, когда доктор узнал об исчезновении господина С., он высказал предположение, что тот мог "замаскироваться" под женщину и не исключено, что работает сиделкой в какой-нибудь больнице.

Прошло десять дней, а расследование вперед не продвинулось. Госпожа С. дала согласие, чтобы сообщение было сделано по радио, но это также не дало результатов.

18 июля полицейские Апельдорна и 300 конных констеблей из соседнего города под командованием офицера полиции начали интенсивные поиски пропавшего.

На этот раз он (вернее, его труп) был найден в Апельдорнском лесу. Он лежал на середине дубового пня, замотанный в простыню и стянутый кожаным ремнем от мотоциклетной куртки. Поверх простыни были только его руки. Под простыней, колени были обмотаны кожаным поясом, привязанным куском веревки к маленькому деревянному бруску. Куртка, вельветовые брюки, шерстяной джемпер и нижнее белье господина С. были найдены недалеко от трупа. Здесь же обнаружили небольшой чемоданчик, домашнюю аптечку с именем и адресом владельца (внутри аптечки) и почти пустую бутылку голландского джина, из чего можно было заключить, что до того, как раздеться, С. порядочно выпил.

Как известно, "переваривание" алкоголя требует большого количества кислорода, а тело С. было не только обмотано простыней, но еще и связано, тем самым доступ воздуха был ограничен. Причину смерти можно было объяснить недостатком кислорода. Однако полиция не исключала и других возможностей: убийство и суицид.

Место обнаружения трупа тщательно обследовали, а сам труп для вскрытия отправили в городскую больницу.

Как выяснилось позднее, когда сняли простыню, С. был одет как женщина. На нем был надет голубой пластиковый непромокаемый плащ с капюшоном, под ним находился еще один капюшон – коричневый, завязанный сбоку на шее узлом. Как уже говорилось, колени были обмотаны кожаным поясом, а лодыжки были стянуты вместе резиновым жгутом. Под всеми этими одеждами на С. была еще блуза медицинской сестры и шарф на шее. Под блузой также обнаружили одежду медсестры, а под ней – другую блузу с застежкой молнией. Завершал этот наряд бюстгальтер, в котором помещались две каучуковые груди, и корсет, поддерживающий чулки цвета морской волны.

Следов насилия на теле не имелось.

Внутренности и часть мозга были отправлены в судебно-медицинскую лабораторию Министерства юстиции в Гааге. Был также сделан анализ оставшейся в бутылке из-под джина жидкости. Ни одного из известных разновидностей ядов минерального или растительного происхождения обнаружено не было.

Анализ крови подтвердил, что С. принимал алкоголь незадолго до смерти. Тест Видмарка дал цифру четыре части алкоголя в одной тысяче, тогда как метод А.Н. дал три части на тысячу. Последняя цифра более верна, так как соответствует примерно пол-литру алкоголя. Такого количества выпитого вполне достаточно для серьезной интоксикации, а в некоторых ситуациях – и для фатального исхода.

Нельзя таким образом исключить, что воздействие алкоголя плюс столь причудливое одеяние да еще и связывание тела, – все это в совокупности могло привести к смерти.

После обнаружения трупа госпожа С. вновь была допрошена. Она сказала, что у ее мужа имелась белая блуза, голубое одеяние медсестры и большой рулон белой хлопчатобумажной материи. Кроме этого у него была блузка с цветочками и корсет. Госпожа С. сказала также, что

иногда она обнаруживала, что ее муж одет как артист варьете. Во всем остальном это был примерный супруг, добрый и ласковый. Он не раз давал ей клятвенные обещания, что больше не будет одеваться как женщина.

В комнате покойного полиция нашла копию журнала "Шпигель", в котором была напечатана иллюстрированная статья о медсестрах. Часть этой статьи была вырезана (вероятно, та, где были фотографии).

Привлеченные к расследованию психологи, проанализировав материалы дела, пришли к выводу, что господин С., время от времени исчезал из дома, и уединившись где-либо, совершал аутоэротические действия (мастурбацию). В последний раз он попытался усилить эффект проводимого сеанса выпивкой. Как это нередко случается, данный сеанс суррогата сексуального удовлетворения закончился трагично.

Глава 8
Криминалистическая полиграфология

8.1. Детектор лжи? Нет – полиграф

Полиграф. За и против

Начнем с цитат. Авторы цитируемых текстов занимают диаметрально противоположные позиции по обсуждаемому вопросу. Первая цитата принадлежит Александру Михайловичу Ларину – доктору юридических наук, профессору:

«Сегодня же игры вокруг полиграфа поощряют недальновидные, невежественные руководители прокуратуры и МВД… Эти шустрые господа, которые не склонны день и ночь, в жару и в холод преследовать преступников, по крохам в пыли и мусоре собирать доказательства, а предпочитают в комфортных кабинетах испытывать полиграфом подозреваемого и обвиняемого, трактуя вкривь и вкось графики на бумажных лентах, ни за что не отвечая и пользуясь при этом всеми благами и преимуществами сотрудников милиции или службы безопасности»[47].

Слова и мысли, взятые в кавычки, оригинальными назвать нельзя. В том же духе А.М..Ларин высказывался и раньше, идя по стопам своего учителя профессора Строговича М.С., задолго до него утверждавшего, что полиграф "уже давно скомпрометировал себя как лженаучный метод" и в силу этого он "должен быть отвергнут решительно и безоговорочно".

Спустя год после опубликования приведенного "разоблачительного материала" А.М. Ларина из печати вышла книга, один из разделов которой посвящен проблеме полиграфа. Написал ее ведущий российский криминалист, долгие годы верой и правдой служивший своей любимой науке. Зовут его Рафаил Самуилович Белкин – тоже доктор юридических наук, профессор, к тому же заслуженный деятель науки и генерал-майор МВД России.

Давая оценку суждениям А.М. Ларина, Р.С. Белкин свое отношение к ним выразил следующим образом: "Не находя веских аргументов против использования полиграфа, он (Ларин А.М. – *В. А., С. Б.)* пошел по более привычному для него пути очернения сторонников, их прямого оскорбления… Слов нет – прекрасный образец утонченной, изысканной научной полемики."[48]

Имеет ли А.М. Ларин сторонников своей точки зрения? Да, имеет. Но немного. В этом отношении Р.С. Белкин находится в более выгодном положении. Армия его сторонников многочисленна и неуклонно растет.

---

[47] *Ларин А.М.* Криминалистика и паракриминалистика. – М, 1996. – С. 148.

[48] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Том 3. – М., 1997. – С. 43–44.

Так, кто же прав?

Разоблачению знаменитого советского разведчика Рудольфа Абеля в 60-е годы способствовало использование необычной, мало кому известной аппаратуры. Характерно, что при этом Абель не произнес ни одного слова. (Он отказывался давать показания, и американская контрразведка, арестовав его, даже не знала, в интересах какой страны он шпионил.) Впрочем, вопросов ему не задавали. Разведчика оставили в одиночестве в зашторенной комнате с несколькими прикрепленными к телу датчиками и демонстрировали ему на экране бегущие… цветные слайды. Скорее всего Абель даже не понял, зачем устроена вся эта комедия. Вначале ему показывали географические изображения Японии, Нигерии, Израиля, СССР… В тот момент, когда разведчик увидел контуры Советского Союза, у него повысилось кровяное давление и участилось дыхание. Затем на экране замелькали картинки американских штатов. Сам того не подозревая, он реагировал, а датчики успешно фиксировали изменения только на те географические точки, в которых у него были тайники и явки. Тем же самым физиологическим образом Абель "выдал" врагам улицу, дом, квартиру и сам тайник. После провала Абеля КГБ спешно приняло полиграф на вооружение.

Полиграф – регистратор физиологических функций человека

«Полиграф» в переводе с греческого языка означает «множество записей». Полиграфное устройство (еще его называют *детектором лжи*) представляет собой многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких (от 4 до 16) физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций: дыхания, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т.п.). Приборы этого вида широко используются в клинической медицине (особенно в реанимационных целях), в медико-биологических и психологических исследованиях, в прикладной психофизиологии, одним из частных разделов которой является детекция лжи. Специальное психофизиологическое исследование – это сложная многоэтапная процедура, в ходе которой полиграф выполняет единственную функцию – регистрирует быстротекущие реакции организма человека в ответ на передаваемую ему информацию.

Приборы этого класса не оказывают на испытуемого (тестируемого) человека никакого влияния, полностью отвечая требованиям безвредности. Полиграф стоит в том же ряду, что и другие широко распространенные технические средства исследования объектов реального мира, изобретенные, принятые человеческим сообществом и служащие его благу. Хулить полиграф, отвергать его полезность и нужность так же нелепо как клеймить позором и подвергать сомнениям полезность и нужность таких, например, устройств, как барометр или градусник.

Кроме психофизиологических реакций испытуемого, полиграф ничего не регистрирует и никакую ложь или правду сам по себе выявить не может. Такого прибора, как детектор лжи, просто-напросто не существует.

Психофизиологический способ получения информации от конкретного человека в результате оценки его отношения к сообщаемым ему фактам (либо к предъявляемым ему предметами или лицам) базируется на объективно существующей связи между открыто протекающими процессами в психике данного человека и аппаратурно наблюдаемыми извне физиологическими проявлениями жизнедеятельности его организма. При этом внешний стимул (предмет или заданный вопрос), несущий человеку информацию о запечатленном в его памяти событии, устойчиво вызывает психологическую реакцию, превышающую реакции на аналогичные стимулы, которые ему предъявляют в тех же условиях, но не увязываемые с упомянутым событием.[49]

Иначе говоря, в ходе испытаний на полиграфе в ответ на задаваемые вопросы, иные

---

[49] *Митричев В., Холодный Ю.* Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. – Вып. 1. – М., 1993. – С. 178.

стимуляторы активности у испытуемого возникают различные реакции, которые проявляются в виде изменений ритмики, амплитуды дыхания, урежения или учащения пульса, колебания артериального давления и электрического сопротивления кожи.

Появление ярко выраженных, интенсивных реакций на те или иные вопросы свидетельствует о том, что эти вопросы (в силу каких-то субъективных для опрашиваемого причин) являются для него более значимыми, чем остальные. При этом запись реакций осуществляется таким образом, что оператор отчетливо видит, какой именно вопрос вызвал соответствующую эмоциональную реакцию испытуемого.

Сопоставляя выраженность и устойчивость реакций на задававшиеся вопросы из различных вопросников, оператор полиграфа выносит суждение о субъективной значимости для данного человека этих вопросов в условиях проводимой проверки.

Изложенное показывает, что полиграф – это регистратор физиологических реакций человека, но никак не детектор лжи. Вместе с тем, применяя в процессе строгого формализованного общения с опрашиваемым лицом специально отработанные, сформулированные и сгруппированные вопросы и контролируя при этом с помощью полиграфа возникающие в ответ на них реакции, оператор способен достаточно успешно обнаружить устойчивую ситуационную значимость для опрашиваемого отдельных вопросов. Пользуясь выработанными практикологическими правилами, оператор приходит к выводу о возможности утаивания опрашиваемым той или иной информации. Иными словами, не будучи детектором лжи, полиграф тем не менее является инструментом, позволяющим обнаружить ложь как осознанный продукт речевой деятельности, имеющий своей целью ввести в заблуждение собеседника.

Таким образом, прикладная значимость испытаний на полиграфе определяется не столько самим прибором, сколько способами (методиками) его применения при контроле и оценке реакций человека в условиях специально организованной процедуры. Данные, полученные с помощью полиграфа, создают основу для последующего криминалистического анализа. При его осуществлении учитывается, что по действующему в России процессуальному законодательству (за рубежом этот вопрос решается по-разному) полученная с помощью полиграфологического обследования информация доказательственного значения не имеет. В основу правовых решений она положена быть не может. Полиграф является средством собирания ориентирующих данных (информации к размышлению), которые могут использоваться при построении версий (о возможном утаивании испытуемым известных ему сведений, о виновной или невиновной прикосновенности к исследуемому по уголовному делу событию и т.д.). Как и все прочие, эта версия требуют объективной проверки, результаты которой могут иметь доказательственное значение, а могут и не иметь.

История полиграфа

Первый полиграф был сконструирован в 1921 году американцем Дж. А. Ларсоном, студентом медицинского факультета, сочетавшим учебу с работой в полиции г. Беркли (Калифорния). Его прибор сначала фиксировал только две функции – дыхание и давление крови, а после усовершенствования – три: дыхание, пульс и давление крови.

В 1926 году Л. Килер, ученик и сотрудник Дж. А. Ларсона, модифицировал прибор. Он соединил отдельные устройства, регистрирующие кривые давления крови и пульса, дыхания и кожно-гальванической реакции, в один портативный переносной аппарат. Прошло двадцать лет. В 1945 году Дж. Э. Рид сконструировал прибор, который дополнил полиграф Килера регистрацией незаметных движений предплечья, бедер и ног. Как отмечает в своем фундаментальном исследовании эстонец П. Прукс[50], с тех пор диагностическая аппаратура принципиально не изменилась: конструируются электронные приборы, отличающиеся между собой лишь технически.

---

[50] *Прукс П.* Уголовный процесс: «научная детекция лжи». – Тарту, 1992. – С. 51.

В России аналогичные опыты были начаты примерно в те же годы А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьевым. Они изучали эмоциональное напряжение и провели ряд исследований объективных симптомов аффектных реакций, разработав так называемую *сопряженную моторную методику.* Моторные реакции, соответствующие аффектным раздражителям, резко отличаются от нормальных: отмечается общее нарушение движений, наличие массы «лишних движений» и «лишних реакций». Позднее А.Р. Лурия перешел к опытам в реальной жизненной обстановке. В 1927 г. при Московской губернской прокуратуре была создана лаборатория экспериментальной психологии. В ней в течение пяти лет Лурия провел ряд опытов с целью выяснить, действительно ли можно объективным путем установить наличие оставшихся от преступления в психике преступника аффектных следов и отличить причастного к преступлению человека от непричастного. Экспериментальные данные по пятидесяти с лишним испытуемым, большинство из которых были действительно убийцами или подозреваемыми в убийстве, подтвердили правильность исходной гипотезы[51].

С конца 30-х годов полиграф стал постепенно применяться в правоприменительной практике ряда зарубежных стран.

Полиграф шагает по планете

Вторая половина XX века ознаменована триумфальным шествием полиграфа по планете, завоевывающим все новые и новые умы, страны и континенты. В настоящее время в круг его пользователей входят 57 государств. (Многовато становится оппонентов у хулителей полиграфа.) Общепризнанным лидером в этой области являются США.

В этой стране данный метод на протяжении многих лет применяют как минимум четырнадцать федеральных ведомств – Армия, ВВС, ВМС и Корпус морской пехоты США, Федеральное бюро расследований, Центральное разведывательное управление, Агентство национальной безопасности, Секретная, Почтовая и Таможенная службы, Управление по борьбе с наркотиками.

В 1985 г. в США был принят закон, который предоставил министерству обороны широкие полномочия на применение полиграфа для проверки более четырех миллионов военных и гражданских служащих, имеющих доступ к секретной информации этого министерства.

Спустя три года, решительно ограничив применение полиграфа в сфере бизнеса, Конгресс США столь же решительно санкционировал расширение таких проверок в федеральном секторе – как в правоохранительных, так и в специальных службах.

Теперь в США ежегодно производится около 1 миллиона полиграфологических испытаний. Однако в разных штатах их результатам придается разное процессуальное значение: в некоторых они принимаются в качестве доказательств, в других – как ориентирующая информация.

Исследования, которые провела Американская Ассоциация операторов полиграфа, показывают, что в 87–96% случае имел место положительный для расследования эффект.

Принцип добровольности испытаний на полиграфе имеет четкое юридическое закрепление. В США права испытуемого на полиграфе гарантируются Правилом Миранды. Субъекту объясняют, что это добровольная процедура, просят дать письменное согласие по установленной форме.

Мотивы добровольного согласия могут быть самыми различными. По оценкам канадских операторов, правдивые лица более охотно соглашаются на проверку на полиграфе, чем лгущие.

Американские специалисты констатируют: вера в эффективность полиграфа в ходе расследования настолько велика, что подозреваемые или их адвокаты часто запрашивают проведение этой процедуры в оправдательных целях. По данным министерства обороны США, такие проверки составляют более 15% от общего числа испытаний на полиграфе, проводимых при расследовании уголовных преступлений в вооруженных силах, и исчисляются они

---

[51] *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. – М., 1982.

ежегодно тысячами.

Отказ человека от испытания не квалифицируется как признак его вины и не влечет для него каких-либо неблагоприятных последствий.

Наряду с США испытания на полиграфе широко практикуются в Канаде. Этот метод здесь признан весьма эффективным следственным инструментом и активно используется в ходе расследования по уголовным делам.

Япония по количеству операторов полиграфа занимает третье место в мире: полиция страны восходящего солнца более полувека тому назад взяла на вооружение проверки на полиграфе. С 1995 г. результаты таких проверок в Японии принимаются в качестве доказательств в судах низшей инстанции, а к началу 70-х годов стали приниматься Верховным Судом по усмотрению судьи. Характерно, что Национальный институт полицейских наук в Токио осуществляет больше исследований в области детекции лжи, чем любая иная лаборатория в мире.

Внедрение испытаний на полиграфе в Израиле было начато в середине 50-х годов. Спустя четверть века этот метод стал широко применяться региональной и военной полицией, а также спецслужбами страны. Результаты испытаний на полиграфе в Израиле не признаются в качестве доказательств. Они служат лишь ориентирующим средством для проведения оперативно-разыскной деятельности. Израиль является четвертой страной, осуществляющей систематическую подготовку операторов полиграфа как для своих нужд, так и для других стран-пользователей.

В Индии впервые полиграф привлек к себе внимание в 1948 году. В связи с убийством Махатмы Ганди индийское правительство направило в США одного из офицеров полиции для подготовки его в школе операторов полиграфа. В 1969 году при Центральной криминалистической лаборатории Центрального бюро расследований решением правительства Индии был создан Отдел полиграфа. После проведенных предварительных исследований этот метод с 1974 г. постепенно начал внедряться в практику. Со временем полиграф получил признание в правоохранительных органах страны. Выступая в 1985 г. на 6-ой Всеиндийской криминалистической конференции, генеральный директор Управления развития полиции МВД Индии призвал шире использовать эту научно обоснованную методику допроса.

Среди стран Восточной Европы первым пользователем полиграфа стала Польша. Применение полиграфа для расследования уголовных дел и оценки результатов следствия в ней началось в 1963 году. Это направление исследований было подкреплено специальным решением Верховного Суда страны. На протяжении десятилетий польский журнал, освещающий проблемы криминалистики, публикует статьи по теоретическим, прикладным и правовым аспектам испытаний на полиграфе. В последние годы центром исследовательских работ по тематике проверок на полиграфе является Краковский университет.

К началу 70-х гг. полиграф стал использоваться в Мексике, Бразилии, Аргентине, Пуэрто-Рико, Иране, в Таиланде, на Тайване и Филиппинах. Несколькими годами позднее в литературе появились сообщения, что результаты испытаний на полиграфе принимаются судами в Югославии и Швейцарии, но только в совокупности с другими доказательствами. Проверки с помощью этого прибора находят применение в Южной Корее, которая готовит своих операторов в США или Японии. Активно внедряются проверки на полиграфе в Турции. До 1948 года этот метод там не использовался. Но уже к началу 90-х гг. в стране насчитывалось более полусотни операторов полиграфа. Наряду с этим специальную подготовку у американских операторов полиграфа проходили сотрудники Национальной гвардии Саудовской Аравии и полиции Сингапура.

Интерес к методу испытаний на полиграфе проявлен и в некоторых странах СНГ. В Эстонии, начиная с 90-х годов (в Тартуском университете), проводятся целенаправленные исследования в этой области. Результатом исследований явилось изготовление компьютерной модификации полиграфа.

В 1995 г. начато внедрение этого метода в деятельность Департамента уголовных расследований Королевской полиции Малайзии.

В той или иной мере проверки на полиграфе осуществляются также в Австрии, Боливии, КНР, Колумбии, Франции, Германии, Великобритании, Гватемале, Гайане, Гондурасе, Венгрии,

Индонезии, Италии, Ямайке, Иордании, Кении, Кувейте, Ливане, Молдове, Марокко, Нигерии, Пакистане, Панаме, Испании.

Было бы неверно, однако, думать, что проверки на полиграфе единодушно приняты во всех странах. Есть страны (например, Англия), в которых к полиграфологическим исследованиям относятся прохладно. Так, в ФРГ применение полиграфа не практикуется. Однако решение Федерального конституционного суда ФРГ от 18 августа 1981 г. о запрете применения полиграфа активно оспаривается учеными, считающими, что запрет полиграфа ограничивает права обвиняемого на защиту.

Использование либо не использование проверок на полиграфе в той или иной стране определяется прежде всего сложившимися правовыми принципами и национально-культурными традициями. Решение вопроса практически не зависит от природы самого метода[52].

Методика испытаний на полиграфе

Накопленный в течение десятилетий зарубежный опыт применения полиграфа в целях обнаружения у человека скрываемой информации привел к формированию системы принципов организации процедуры тестирования с помощью этого прибора. Испытания на полиграфе складываются из трех этапов:

1) предтестовой беседы;

2) непосредственного тестирования с помощью полиграфа;

3) послетестового собеседования (или допроса). По мнению специалистов, предтестовая беседа является строго обязательной. При выполнении испытаний на полиграфе в интересах расследования одна из первейших задач предтестовой беседы – ознакомить проверяемого с его правами в ходе предстоящей процедуры проверки.

Кроме подтверждения добровольного согласия проверяемого на испытание и общего ознакомления его с предстоящей процедурой, важной задачей предтестовой беседы является необходимость убедить в том, что проверка производится профессионально и что любая ложь является очевидной для оператора. Тем самым удается снять напряжение с добропорядочных лиц и повысить тревогу у тех, кто намеревается давать Ложные ответы.

После завершения предтестовой беседы проводится непосредственно сама проверка на полиграфе, которая длится, в зависимости от количества решаемых задач и психофизиологических особенностей опрашиваемого, от одного до нескольких часов. (При необходимости, в особо сложных случаях, она может растянуться на два-три дня.)

В ходе проверки оператор спокойным голосом задает опрашиваемому заранее сформулированные вопросы. Причем они формулируются таким образом, что на них потребуются только односложные ответы ("да" или "нет"). Между вопросами делают паузы в 10–15 секунд. Они необходимы для исчезновения реакций на предыдущие вопросы и восстановления уровня психофизиологической активности. Оператор задает вопросы группами (вопросниками), каждый из которых повторяется в ходе специального психофизиологического исследования не менее двух раз.

Характерно, что регистрируемые с помощью полиграфа реакции не обладают специфичностью. Они не содержат каких-либо особых признаков, которые бы однозначно указывали на ложность или правдивость ответов опрашиваемого человека. Поэтому в ходе испытаний на полиграфе недостаточно ограничиться только проверочными вопросами. Современная методология предполагает также использование двух типов вопросов – контрольных и нейтральных. Контрольные вопросы касаются тех фактов или событий, на которые опрашиваемый будет, как предполагается, давать заведомо ложные ответы (скрывая какую-либо информацию вне проверяемой темы). Реакции на последние вопросы используются

---

[52] *Записки криминалистов.* – Вып. 1. – М., 1993; Системы безопасности связи и телекоммуникаций. – № 3. – М., 1996.

для сравнения с реакциями на проверочные вопросы. Нейтральные вопросы подбираются таким образом, чтобы они не вызвали (либо вызвали очень слабые) реакции и являлись своеобразным индикатором нормального фонового уровня психофизиологической активности проверяемого на полиграфе человека.

В основе контрольных вопросов лежит эмпирически установленное положение, что правдивый, невиновный человек будет более обеспокоен контрольными вопросами, не касающимися предмета расследования, чем проверочными, на которые его ответы будут искренними. Напротив, обманывающий человек, тот, которому есть что скрывать, будет более обеспокоен проверочными вопросами (а не контрольными) из-за тех неблагожелательных для него последствий, которые могут произойти, если его ложь будет выявлена.

Исследуя различия между реакциями на контрольные и проверочные вопросы, оператор полиграфа выносит суждение о ложности или правдивости ответов человека, подвергаемого испытанию.

Другой методикой, применяемой в зарубежной оперативно-разыскной и следственной практике является методика выявления скрываемой информации. Суть ее состоит в том, что она нацелена на обнаружение у проверяемого человека информации, которая может быть известна только лицу, вовлеченному в орбиту преступления (один из тестов этой методики именуется как "тест на знания виновного"). Такая информация может включать в себя какие-либо отдельные детали или целостные обстоятельства содеянного (вид украденного объекта, орудие преступления, время или место события и т.д.). При этом исходят из предположения, что в ходе проверки на полиграфе лица, совершившие преступления или иным образом причастные к нему, дадут более выраженные реакции на истинные детали преступления, чем на вымышленные, в то время как для невиновных лиц, не имеющих отношения к преступлению, все вопросы будут нейтральными.

Достоинством тестов этой методики, по мнению специалистов, является то, что они служат надежной гарантией против ошибочных обвинений в отношении проверяемого: невиновный не знает, какой из вопросов теста является критическим и, таким образом, не может устойчиво на него реагировать, каким бы взволнованным или даже напуганным он не был.

По способу получения информации с помощью полиграфа можно выделить два основных направления:

• традиционное, контактное обследование с помощью датчиков, закрепленных на теле обследуемого;

• бесконтактное исследование некоторых характеристик речи или изменения физических полей обследуемого (анализаторы психологического стресса, стрессометры и т.д.).

Практическая реализация этих подходов и их комплексное применение позволяют использовать объективно регистрируемые психофизиологические реакции человека для решения задач:

• выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

• сбора и обработки информации, используемой в процессе организации розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда;

• подготовки и осуществления оперативно-разыскных мероприятий в целях сбора, обработки и фиксации данных, имеющих значение в процессе доказывания;

• проведения отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы и решения других кадровых задач.

Многолетний зарубежный опыт использования полиграфа в следственной практике показал, что такому исследованию могут подвергаться только лица, которые в физическом, психическом и эмоциональном состоянии пригодны для этого.

8.2. Российская практика применения полиграфа по уголовным делам

Как принято считать, практика, а не мнения отдельных людей, даже если они являются учеными или генералами, выступает в качестве объективного критерия истины. Зарубежный

опыт, с которым мы соприкоснулись, интересен и поучителен. А как обстоят дела в России на ниве криминалистической полиграфологии?

В нашей стране полиграф пробивает себе дорогу, несмотря на активное противодействие сторонников архаичных доктрин и ревнивых сберегателей чистоты юридических догматов.

Теперь уже нет сомнений в том, что все, что связано с надлежащим использованием полиграфа в уголовном процессе является благом как с точки зрения достижения целей указанного процесса, так и обеспечения прав и свобод его участников.

Из материалов уголовного дела

В 1992 г. в Москве в своей квартире были обнаружены трупы женщины и двух ее детей – сына 16 лет и дочери 6 лет. Убитые являлись членами семьи российского дипломата, работавшего в одной из стран Востока. Осмотр показал, что у потерпевших имеются огнестрельные ранения в голову из малокалиберного ор>ужия. На стене в кухне шариковой ручкой был нарисован полумесяц и сделана надпись славянским шрифтом с использованием азербайджанских и турецких символов. Дословный перевод этой надписи гласил: "Кто имеет ко мне вопросы, обращаться по телефону" (указывался номер телефона). Аналогичный знак, исполненный карандашом, имелся в холле. Было установлено, что телефон принадлежит издательству газеты "Комсомольская правда", ведущей с 15 августа рубрику "Если вы потерялись на Земле, встречайтесь у "КП", телефон (его номер) невероятных встреч". Из квартиры исчезла радио– и видеотехника, аудио– и видеокассеты, парфюмерия. На полу одной из комнат обнаружили обгоревший линолеум. Отпечатков следов рук преступник не оставил.

В процессе розыска подозрение пало на одного из знакомых убитой Д. Он был должен потерпевшей 100 долл. (его расписки были найдены на месте происшествия). Выяснилось, что по поводу долга между убитой и заподозренным постоянно возникали конфликты. Д. был допрошен. Он не отрицал, что находился в неприязненных отношениях с потерпевшей, но полностью отрицал свою причастность к убийству. Следователем прокуратуры было принято решение задержать Д.

Полиграф в помощь следствию

Руководство ГУУР МВД России решило использовать возможность проверки его на полиграфном устройстве. В связи с этим подозреваемому было предложено пройти такую проверку, на что он дал добровольное согласие. Для исследования был использован полиграф фирмы "Лафайет" (США), который измеряет и фиксирует:

- дыхание (с помощью двух каналов);
- электрическое сопротивление кожи;
- кровяное давление и пульс.

Испытуемый (27 лет, образование высшее, военнослужащий) проверялся по следующим параметрам: дыхание (верхнее и нижнее) и электрическое сопротивление кожи. Исследование проводилось спустя 1,5 месяца после убийства. Перед проведением проверки Д. был опрошен. Цель опроса заключалась в том, чтобы довести до сведения обследуемого, как будет осуществляться проверка, его права и обязанности, а также выяснить путем наблюдения внешние признаки его эмоционального возбуждения и его осведомленности в совершенном преступлении. Он заявил, что невиновен и у него не было намерения совершить убийство. В частности, из газеты "Московский комсомолец" ему стало известно, что потерпевшие убиты из огнестрельного оружия, похищены радио– и видеоаппаратура. После опроса от Д. было получено заявление, в котором он указывал, что добровольно желает пройти проверку на полиграфе.

При проверке Д. были применены два теста. Первый тест проводился по так называемому прямому методу и включал в себя три группы вопросов: нейтральные, не имеющие отношения к делу (1,2,3,8,10); критические, касающиеся непосредственно выяснения обстоятельств

преступления (7,9,11,13) и контрольные вопросы, не имеющие отношения к расследуемому преступлению, однако носящие в себе "обвинительное содержание" (4,5,6,12).

Второй тест представляет собой так называемый тест "пикового напряжения" (непрямой метод). Он касался знания рисунка полумесяца и фразы на азербайджанском языке, оставленных преступником на месте происшествия.

Оценка результатов проведенного исследования показала, что Д. не причастен к убийству семьи. Из записи полиграммы первого теста было видно, что реакция на такие критические вопросы как "Это вы убили С.?" (Ч 1), близки к реакции на нейтральные вопросы, тогда как контрольные вопросы типа "Вы убили сотрудника ГАИ на Дмитровском шоссе?" (15), "Вы занимались спекуляцией?" С112) вызвали значительные изменения КГР и пневмограммы. Испытуемый не обнаружил и так называемой "виновной осведомленности", заложенной во втором тесте. Вместе с тем после постановки критического вопроса "Брат вашей жены X. причастен к убийству семьи С.?" *(19)* у обследуемого наступили резкие изменения дыхания и электрического сопротивления кожи.

Сразу же после обследования на полиграфе Д. был опрошен по поводу его реакции на поставленный выше вопрос. Он пояснил, что если он раньше не говорил о возможной причастности к преступлению брата его жены X., то теперь больше не хочет этого скрывать. Д. сообщил следующее. X. проживает в Волгоградской области, часто приезжает в Москву по коммерческим делам. Где-то в середине сентября 1992 г. он приехал к Д. домой, у них состоялся разговор. Гость сообщил, что он якобы связался с лицами, которые могут совершить любое преступление. В связи с этим он вспомнил о семье дипломата, о ее материальном положении. Так у Д. сложилось убеждение, что X. так или иначе связан с убийством. После ознакомления с результатами исследования на полиграфе Д. был допрошен следователем, а X. задержан. Последний признался в убийстве членов семьи дипломата. Мысль совершить убийство у него возникла после одного из разговоров с потерпевшей, при котором она угрожала ему расправой, если не вернут долг. Таких денег X. найти не смог. Имея при себе самодельное малокалиберное оружие, он выехал из Волгоградской области в Москву, зашел предварительно на рынок, где попросил одного азербайджанца написать на бумаге текст "Кто имеет ко мне вопросы, обращаться по телефону…" славянским шрифтом, но на азербайджанском языке, что и было выполнено. Приехав утром в Москву, он пришел к потерпевшей с целью договориться с ней о долге, но ничего не достиг. Выбрав момент, он выстрелил ей в голову, затем то же самое сделал со спящей девочкой. После этого стал ждать сына потерпевшей, который должен был прийти из школы. Чтобы запутать следствие, он написал на стене в кухне с бумаги текст, который ранее ему составил азербайджанец, и нарисовал полумесяц. Затем на полу, покрытом линолеумом, сжег эту бумагу. Дождался сына, убил его выстрелом в голову, забрал видео– и радиотехнику, парфюмерию и скрылся. На вопрос, догадывался ли Д. о том, что он причастен к убийству, преступник ответил утвердительно.

Таким образом, благодаря проверке подозреваемого на полиграфе было в конечном счете раскрыто преступление.

В России научные исследования возможностей использования полиграфа в уголовном процессе проводятся с 1992 г. (в ФСБ они начались ранее).

В этих целях во ВНИИ МВД создан специальный отдел, укомплектованный юристами, психологами, биологами. Приоритетным направлением в его работе является изучение возможности и эффективности использования полиграфа в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Общую правовую основу тестирования с помощью полиграфа в РФ создают нормы УПК об участии специалиста в следственных действиях и о возможности применения технических средств для собирания, фиксации и использования информации, а также Закон РФ "Об оперативно-разыскной деятельности".

В настоящее время действует также Инструкция "О порядке применения полиграфа при опросе граждан" (утверждена Генеральной прокуратурой, ФСБ РФ), зарегистрированная в Минюсте России 28 декабря 1994 г.

После принятия данных нормативных актов испытания на полиграфе приобрели

правомочность и стали широко и продуктивно применяться по уголовным делам о тяжких преступлениях. Практические работники наглядно убедились в том, что полиграф является важным и надежным инструментом, способствующим, с одной стороны, эффективному выявлению и изобличению виновных, а с другой стороны – снятию подозрений с ошибочно заподозренных и их реабилитации. В зависимости от обстоятельств, применяется различная тактика реализации полученной таким образом ориентирующей информации. В одних случаях она используется незамедлительно при подготовке и производстве допроса лица, подвергшегося опросу при его тестировании оператором полиграфа.

Наряду с подобным способом экстренной реализации полиграфологической информации по типу "с места в карьер" существует и другой продуктивный путь. Он предполагает следующее. Проанализировав полиграфологическую информацию, следователь на какое-то время откладывает допрос и организует экстренную проверку полученной информации по поводу обстоятельств содеянного, сведения о которых почерпнуты в ходе проведения тестирования подозреваемого либо обвиняемого. Они могут касаться тех или иных обстоятельств дела, личности соучастника (соучастников), мест нахождения похищенного, мест сокрытия трупов потерпевших, посткриминального движения орудий преступления и многого другого, имеющего значение для дела. Построенные версии по поводу интересующих следствие обстоятельств надлежащим образом проверяются на основе производства следственных осмотров, обысков, допроса связей преступника и иными процессуальными способами. После этого, с учетом результатов, объективно подтверждающих ориентирующую информацию, полученную при испытании на полиграфе, следователь, будучи "вооруженным" добытыми доказательствами, определяет тактическую линию поведения и реализует ее при производстве допроса подозреваемого (обвиняемого).

По данным Ю.И. Холодного, одним из первых в российской процессуальной практике случаев применения полиграфа является проверка с помощью этого прибора В.Н. Синцова (одного из директоров АО "Специальное машиностроение и металлургия"), арестованного в январе 1994 г. по подозрению в измене Родине в форме шпионажа и выдаче государственной тайны иностранному государству и неоднократном получении взяток. Следствие по делу Синцова В.Н. вела Главная военная прокуратура (ГВП) РФ.

Решение следствия о применении полиграфа в отношении Синцова возникло на этапе, когда уже частично были собраны фактические доказательства о преступной деятельности обвиняемого и требовалось установить некоторые обстоятельства его противоправной деятельности в период 1992–1993 гг.

На предложение следователя подвергнуться процедуре допроса с использованием полиграфа обвиняемый ответил согласием.

Выполнение ОИП Синцова осуществлялось при строгом соблюдении процессуальных норм. В частности:

а) перед началом проведения ОИП от обвиняемого было получено в письменном виде по установленной форме его добровольное согласие на проведение данного исследования;

б) обвиняемый не выразил отвода специалистам, которым предстояло выполнить ОИП;

в) обвиняемому была изложена сущность и цели предстоящего ОИП, объяснены его права, дан инструктаж относительно его поведения и порядка ответов на задаваемые в ходе ОИП вопросы;

г) специалисты были предупреждены об ответственности за уклонение от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения;

д) весь процесс ОИП сопровождался видеозаписью, которую обвиняемый, сразу после ее завершения, просмотрел и удостоверил в установленном порядке.

Результаты ОИП (т.е. выводы, сделанные по итогам анализа полиграмм, а также некоторые заявления Синцова в ходе ОИП) были представлены в ГВП в форме заключения специалистов, а котором, в частности, указывалось, что «результаты СПФИ носят вероятностный характер и не могут служить в качестве доказательств». Несмотря на сделанную оговорку, ГВП сочла возможным и правильным в обвинительном заключении трижды воспользоваться данными, полученными с помощью полиграфа, указав, что "помимо собственного признания в содеянном Синцов также изобличается… (среди прочего – *Ю. Х.)*

…заключениями специалистов… по результатам проведения специального психофизиологического исследования Синцова В.Н. с применением полиграфа (СФПИ)"[53].

Богатый и интересный опыт в этой связи накоплен сотрудниками органов внутренних дел Краснодарского края за несколько последних лет. К практической деятельности по использованию возможностей полиграфа по уголовным делам здесь приступили вскоре после издания приказа МВД РФ от 28 декабря 1994 г. "Об утверждении инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан".

На основе реализации полученной информации таким путем выявлено и раскрыто несколько сотен опасных преступлений против личности и имущества, включая те, что завуалированы тщательными инсценировками.

В 9 часов утра 13 августа 1996 г. в дежурную часть ОВД города Горячий ключ поступило сообщение от гражданина А. о том, что ночью из гаража, расположенного по ул. Ленина, был угнан автомобиль ВАЗ-2109 бежевого цвета. После выезда следственно-оперативной группы на место происшествия стало известно, что автомобиль угнан в промежуток времени с 20.00 до 8.00 ч. На воротах гаража отсутствовало два навесных замка. Полгаража засыпано щебнем, на полу с левой стороны по ходу машины обнаружены осколки бокового стекла. С места происшествия изъяли много обгоревших спичек. Другие следы отсутствовали. Из допроса потерпевшего стало известно, что машина в гараже стояла с закрытыми дверями и багажником. На крыше автомобиля имелась антенна на магните, в перчаточном ящике было множество аудиокассет. Под зеркалом заднего вида в салоне висел брелок в виде павлина желтого цвета. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий в тот же день была получена информация о том, что около гаража потерпевшего за день до угона в дневное время несколько раз видели гражданина Е. Он был задержан, но в предварительной беседе вину свою отрицал. Возникла необходимость его опроса с использованием полиграфа. Были разработаны 12 тестов для непрямого метода по количеству замков, способу проникновения в автомобиль (предположительно путем выбивания левого бокового стекла), по способу освещения (спички), описанию автомобиля (цвет, наличие антенны, кассет, брелка) и поисковые тесты по времени, количеству преступников, по совершенным ранее преступлениям. С гражданином Е. провели беседу. Подозреваемый написал заявление о добровольном согласии на опрос с использованием полиграфа. По результатам опроса прирост значений на значимые вопросы во всех тестах составлял от 40 до 100%, что позволило сделать вывод о том, что опрашиваемый владеет "виновной" информацией.

По ходу опроса составили дополнительный поисковый тест "Где отстаивается угнанная машина?" и получили результат: "В городе, в гараже".

В поисковых тестах были получены такие результаты: количество преступников – трое, время совершения преступления – с 10.00 до 2.00 ночи. При проверке этой информации оперативным путем были установлены личности соучастников Е. и место нахождения угнанной машины. Участников преступления задержали, машину обнаружили, осмотрели, изъяли. Допрошенные вслед за этим преступники сознались в содеянном.

Сходная схема была реализована и при раскрытии другого преступления. В 1996 г. в городе Тимашевске была совершена кража денег из квартиры одной семьи. Хозяева квартиры, муж и жена, по путевке уехали отдыхать в санаторий, оставив дома свою 16-летнюю дочь Наташу. По возвращении домой из санатория они обнаружили хищение 1000 долларов США купюрами по сто долларов и 500 долларов купюрами по пятьдесят долларов.

Было установлено, что у Наташи собирались знакомые ребята и подруги для просмотра видеофильмов, иногда у нее оставались переночевать трое подростков: девушка и двое молодых людей.

На полиграфном устройстве были обследованы Наташа и указанные ею знакомые. Им задавали такие вопросы:

Когда произошла кража денег?

---

[53] *Холодный Ю.И.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений // Мир безопасности. – М, 1999. – С. 109.

Где лежали деньги?

Какую сумму похитили?

Какими купюрами были деньги?

Во что были завернуты 100-долларовые купюры?

Где лежали 50-долларовые купюры?

Кто совершил кражу?

Где сейчас находятся деньги?

Испытания на полиграфе позволили заподозрить в совершении кражи подругу Наташи, поскольку из ее реакции стало ясно, что похищенные деньги находятся на квартире ее деда. Последний был допрошен. В его квартире произвели обыск и обнаружили там 1000 долл. купюрами по 100 долл., полученные от внучки. Собранные доказательства предъявили на допросе подозреваемой. После этого она призналась в совершении кражи и пояснила, что часть похищенных ею денег потратила на покупку дефицитных личных вещей.

Полиграфологическое обследование порой представляет сложную, важную в практическом отношении многоходовую тактическую операцию (своего рода полиграфологическое расследование внутри процессуального расследования), дающую следователю исключительно полезную ориентирующую информацию по ключевым для раскрытия преступления вопросам, помогающую с честью выйти, казалось бы, из самых тупиковых ситуаций. В этом плане особый интерес представляет следующий случай из практики.

В поселке сельского типа в ночь с пятницы на субботу ушел и не вернулся домой местный житель П., девятнадцати лет, работающий в колхозе. Опрос односельчан показал, что его последний раз видели в субботу около 10 часов вечера на окраине поселка с двумя его приятелями, распивающими спиртные напитки. Неоднократные допросы последних не дали положительных результатов. Они утверждали, что пили с без вести пропавшим водку часов до 23.00–23.30, а после разошлись по домам. При опросе родственники подозреваемых подтвердили, что они действительно около 12 часов ночи были дома. Спустя шесть месяцев после исчезновения П. было проведено полиграфологическое обследование заподозренных. Так как у специалиста не было сомнений, что П. нет в живых, первый поисковый тест был составлен в следующей форме. (Следует заметить, что на все вопросы поисковых тестов, опрашиваемые отвечали отрицательно.)

Тест 1.1 . «Как вы считаете, что сделали с трупом П. после убийства?»

Оставили на месте убийства?

Сожгли?

Утопили?

Сбросили в силосную яму?

Закопали в землю?

Достоверная положительная реакция была зафиксирована полиграфом на третий и пятый вопросы, т.е. утоплен и закопан в землю.

Специалисты долго ломали головы над странной загадкой, ибо казалось невероятным одновременное утопление и закапывание в землю. Было известно, что в трехстах метрах от поселка протекала быстрая глубокая река, вырыть на дне которой яму и зарыть труп даже при наличии акваланга было невозможно. В 100 метрах от места совместного распития водки находились рисовые поля, но и там это сделать, не нарушив "картину" посевов риса, также не представлялось возможным. Для уточнения полученной информации было проведено обследование по двум уточняющим тестам, связанным с "водой" и "землей".

Тест 1.2. «Как вы считаете, где был утоплен гражданин П.?»

В море?

В озере?

На рисовом поле?

В реке?

В колодце?

Достоверная положительная реакция на третий вопрос – на рисовом поле.

***Тест* 1.3.** «Как вы считаете, где закопан труп П.?»

На берегу моря? (Расстояние от места выпивки около 50 км.)

На лесопилке?

В районе рисовых полей?

В горах?

В огороде около дома?

Положительная реакция, полученная на полиграфе, – в районе рисовых полей. Таким образом, полиграфные обследования показали, что труп закопан и утоплен. По логике вещей, если сначала труп был закопан, то откапывать его для того, чтобы спрятать, утопив в поле, – действие абсурдное, так как нахождение трупа на рисовом поле могло привести к быстрому его обнаружению (прополка риса, спуск воды перед уборкой урожая и т.п.). В связи с этим возникла гипотеза, что сначала труп утопили, а потом выташили и закопали в землю. Для подтверждения этой гипотезы был составлен четвертый поисковый тест.

Тест 1.4. «Как вы считаете, почему труп сначала утопили, а потом извлекли из воды и закопали в землю?»

Просто так.

Хотели тело предать земле.

Труп всплыл.

Боялись загрязнить поле трупным ядом.

Хотели посмотреть, насколько он изменился.

Положительный ответ получен на третий вопрос – "труп всплыл". Убедившись в правильности своей версии, оператор реализовал "прямой тест" ("комплекса виновности").

Тест 1.5 (н – нейтральные, з – значимые, к – контрольные вопросы).

Вы работаете в колхозе? (н)

Вам 25 лет? (н)

Вы знаете, кто убил П.? (з)

Сейчас август месяц? (н)

Вы знаете кто убил женщину с грудным ребенком на берегу речки и сжег трупы? (к)

Вы находились в поселке Осташкове? (н)

Вы принимали участие в убийстве П.? (з)

Ваша фамилия …? (н)

Вы принимали участие в убийстве женщины с ребенком? (к)

Ваше имя …? (н)

Вы убили П.? (з)

Вы служили в армии? (н)

Вы убили женщину с ребенком? (к)

Положительные реакции были получены во всех случаях с различной степенью достоверности. По инициативе следователя, ведущего расследование, специалист предъявил подозреваемым результаты тестирования на полиграфе, продемонстрировав возможный вариант развития этапов совершения преступления. После этой послетестовой беседы один из подозреваемых сознался в совершенном преступлении, второй это сделал на следующий день после очной ставки.

Обвиняемый показал место сокрытия трупа. Во время следственного эксперимента с участием обвиняемого труп был обнаружен.

Таким образом, специалист, имея минимум информации, помог раскрыть преступление, правильно выбрав стратегию исследования. Сначала он определил место нахождения трупа, а когда получил два взаимоисключающих ответа ("закопан" и "утоплен"), провел уточняющее расследование по двум направлениям. После этого сформулировал окончательную версию совершения преступления и провел уточняющий тест на выяснение причин извлечения трупа с рисового поля. Если бы не было получено признание участников в совершенном ими убийстве, следующий уточняющий тест был бы направлен на выяснение места, где был закопан труп. Около поселка находилось 8 рисовых полей. Вопросы могли задаваться с использованием схем. Для этого необходимо было нарисовать схемы расположения рисовых полей, дать их для подробного ознакомления подозреваемому, а потом, указывая на рисунки, спрашивать: "Труп закопан в районе этого поля, … этого…" и т.д. Чтобы снизить стресс ожидания у обследуемого,

схемы следовало бы предъявлять не по порядку, а вразнобой.

В дальнейшем, когда было бы установлено поле, около которого закопали труп, таким же методом, разбив окружающее рисовое поле на квадраты, нетрудно было бы установить, в каком квадрате находится труп.

В ходе дискуссий на научно-практической конференции по обсуждению опыта практического применения полиграфа в системе органов внутренних дел Краснодарского края (1996 г.) высказан ряд важных рекомендаций по оптимизации процесса применения анализируемого метода.

Отмечая, что применение полиграфа дает следователям весьма ценную информацию, которую иным путем получить невозможно, констатировалось, что эта информация позволяет:

• определить вероятную виновную прикосновенность проверяемого лица к преступлению (к его планированию, совершению, сокрытию и т.д.);

• дать правильную оценку достоверности сообщаемой проверяемым лицом информации и на этой основе сформулировать состоятельность версии;

• осуществить целенаправленную проверку выдвинутых версий и найти объективные им подтверждения;

• создать условия для дачи проверяемым лицом правдивых показаний.

Высказано мнение, что повышению эффективности применения полиграфа способствует:

• получение специалистами при подготовке испытания максимально возможного объема детальной информации относительно исследуемых по делу обстоятельств и разработка с учетом ее особенностей значительного количества непрямых тестов (это позволяет приблизить вероятность дачи надлежащего заключения по различным тестам почти к 100% и практически исключить ошибки при интерпретации речевых и неречевых реакций проверяемого лица);

• полиграфологический опрос лиц, заподозренных в совершении преступления, должен проводиться как первоначальное гласное действие, предшествующее другим действиям и мероприятиям с участием указанных лиц (это позволяет исключить возможность восприятия заподозренным информации об обстоятельствах преступления в ходе работы с ним, которая может повлиять на изменение обычного состояния реагирования на предъявляемую информацию, заложенную в тестовый материал);

• в случае выявления у испытуемого лица скрываемой им информации, указывающей на его виновную прикосновенность к содеянному, дальнейшие мероприятия (допрос и т.д.) необходимо производить с учетом психоэмоционального статуса указанного лица (неотложный допрос сразу после завершения испытаний на полиграфе целесообразен лишь при низких волевых характеристиках, сочетающихся с эмоциональным "хаосом" заподозренного).

Наряду с выводами, которые могут быть положены в основу общих положений технологии применения полиграфа по различным уголовным делам, на конференции в ГУВД Краснодарского края рассматривались рекомендации, базирующиеся на выявленных практическим путем закономерностях реализации анализируемого средства по отдельным категориям дел. В частности, отмечалось, что все убийства характеризуются тремя общими моментами, несущими значительный объем криминалистически значимой информации, выявляемой при полиграфологическом обследовании подозреваемых. Имеются в виду такие обстоятельства, как орудие преступления, часть тела потерпевшего, в которую нанесены смертельные ранения, и место убийства.

Характерно, что в случае совершения запланированных, заранее готовящихся убийств, указанный перечень обстоятельств дополняется следующими весьма информативными компонентами: местом засады, временем исполнения акта убийства, телосложением, цветом волос, наличием особых примет на лице убитого.

Определенным своеобразием характеризуется подход к разработке тестов в случае расследования заказных убийств. Это обусловлено прежде всего тем, кто обследуется – подозреваемый в исполнении или в заказе убийства. Как правило, последний не знает не только места засады, вид оружия, время исполнения заказа, но и личность убийцы. Отсюда и различные тесты. При их разработке учитывается также такое, позволяющее отличить заказчика от исполнителя, обстоятельство, как информация о временном промежутке между

моментом принятия решения об убийстве и самим убийством[54].

Честному человеку полиграф не опасен

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд важных в научном и практическом отношении выводов.

Вывод 1. В последние годы в России после десятилетий огульного охаивания, обвинений в безнравственности и лженаучности испытания на полиграфе подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений наконец-то вошли в сферу решения практических задач и все активней, уверенней занимают подобающее им место в арсенале эффективных, допустимых отечественных криминалистических средств.

Вывод 2. Опыт практического применения полиграфа убедительно свидетельствует в пользу того, что указанные испытания не являются какой-то одномоментной разовой акцией, чреватой диагностическими ошибками. Полиграфологическое сопровождение расследования обычно представляет собой сложную, многоэтапную, многотестовую процедуру, в которой исходные данные, полученные на начальном этапе испытания (обследования) не берутся на веру. Они, во-первых, анализируются в комплексе с информацией, полученной из других источников; во-вторых, проверяются иными оперативно-разыскными и процессуально-следственными мерами; в-третьих, конкретизируются, контролируются и корректируются в ходе дальнейших этапов испытания, представляющего собой ситуационно обусловленную целостную систему развивающегося знания.

Вывод 3. Практика, творческие начала, лежащие в основе реализации данного метода, возможность разносторонней проверки и объективного подтверждения версий, строящихся на базе полиграфологической информации, служат убедительным доказательством несостоятельности взглядов скептиков, которые лишь на эмоционально-рассудочном уровне ставят под сомнение саму возможность применения полиграфа в уголовном процессе, риторически отрицая его богатый тактический потенциал и перспективность.

Вывод 4. Российская практика испытаний на полиграфе четко и однозначно исходит из принципа добровольного письменного согласия гражданина на его полиграфологическое обследование после соответствующей предтестовой беседы.

Кроме того, для подобных исследований необходимо специальное разрешение начальника ГУВД. Выдается оно исключительно в тех случаях, когда человека или группу лиц подозревают в совершении преступлений. При этом оперативный работник должен доказать в служебной записке начальнику ГУВД, что подобный эксперимент просто необходим. Лишь после этого проверяемый должен дать письменное согласие на испытания. Затем составляется специальный опросник. (За рубежом эта процедура намного проще. В США, например, в случае обвинения в сексуальном правонарушении испытание полиграфом в обязательном порядке проходят как ответчик, так и истец.)

Не менее важно и то, что результаты испытания на полиграфе не признаются доказательствами. Недалеко, видимо, то время, когда опрос на фоне полиграфа прочно войдет в круг установленных законом процессуальных действий, и данные, полученные таким способом, приобретут статус доказательств. Но для этого необходимо соответствующее законодательное решение.

В литературе предложен ряд вариантов будущей уголовно-процессуальной модели использования полиграфа при допросе. По мнению В.И. Комиссарова, в случае принятия решения (по своей инициативе или по просьбе допрашиваемого) о применении полиграфа следователь должен будет:

• пригласить защитника (если предполагается допросить подозреваемого или обвиняемого), педагога (при допросе несовершеннолетнего), переводчика (при допросе

---

[54] Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений в ГУВД Краснодарского края (1-я научно-практическая конференция). – Краснодар, 1997.

глухонемого и др.);

• установить психологический контакт со всеми участниками допроса;

• разъяснить всем им содержание, условия, порядок производства следственного действия и особенности использования информации, получаемой при тестировании;

• удостовериться, что испытуемый понял следователя, и разъяснить допрашиваемому его право отказаться от тестирования;

• получить в письменной форме согласие пройти "испытание" на полиграфе;

• разъяснить права и обязанности всем участникам следственного действия, о чем делается отметка в протоколе допроса;

• предупредить оператора об уголовной ответственности за заведомо ложную расшифровку полиграммы и разглашение тайны предварительного следствия;

• занести в протокол замечания и заявления участников процесса.

Лишь после этого можно приступать к тестированию.

Программу тестирования и расшифрованную оператором полиграмму, как полагает В.И. Комиссаров, необходимо прилагать к протоколу допроса, который подписывается всеми участниками следственного действия[55].

Данный проект представляет определенный интерес с точки зрения совершенствования процедуры испытания на полиграфе. Однако причем здесь допрос, как детально урегулированное процессуальное действие?

Допрос, конечно, не при чем. Полиграфологическое обследование – это не допрос. Следственный допрос производится следователем, а не специалистом в области психологии. Подмена следователя специалистом недопустима. В данном случае полиграфолог производит не допрос, а опрос, по сути своей представляющий психологический эксперимент по проверке версии о возможности лжи со стороны испытуемого, предположений о степени его искренности, вероятности утаивания каких-либо знаний путем выявления невидимых невооруженным глазом психофизиологических реакций, фиксируемых с помощью полиграфа. Специалист изучает эти реакции по полиграмме опроса (тестирования) и дает им оценку в виде мнения. Поэтому применительно к полиграфу речь может идти не об изменении законодательства, регламентирующего следственный допрос, а об установлении четкого правового механизма, условий и порядка привлечения специалистов к проведению указанного эксперимента по инициативе правоохранительных и судебных органов и вовлечения полученных результатов в уголовный процесс.

Итак, добровольное испытание на полиграфе сегодня – всего лишь одно из возможных средств подготовки к допросу и производству других процессуальных действий, итогом которых и могут стать судебные доказательства.

Честному человеку полиграф не опасен. Более того, если он необоснованно заподозрен во лжи, в совершении преступления, к которому не причастен, в целях установления истины и снятия наветов следует потребовать испытания на полиграфе. Полиграф поможет заблуждающимся признать свою ошибку и снять подозрение.

О том, что полиграф при умелом, тактически грамотном применении выступает в качестве важного средства объективизации расследования уголовных дел свидетельствуют статистические данные. На упомянутой выше конференции в Краснодарском крае приведены следующие красноречивые цифры: полиграфные проверки, проведенные в отношении 1226 подозреваемых в совершении тяжких преступлений показали, что 702 проверяемых оказались непричастными к инкриминируемым им деяниям. Решения о снятии с них подозрений были приняты весьма оперативно. Свое решающее значение при этом имела информация, предоставленная специалистами, проводившими испытания ошибочно заподозренных на полиграфе.

Глава 9

[55] *Законность.* – 1995. – №11. – С. 43–47.

Криминалистическая гипнология

Гипноз как психологическое явление и инструмент коммуникативного взаимодействия может быть использован и в противоправных, и в конструктивных, гуманных целях.

Леонид Гримак

9.1. Общая характеристика криминального и криминалистического применения гипноза

Под гипнозом понимается состояние специфического сна или же зауженного осознания реальности с так называемым отключением критического восприятия и повышенной чувствительностью к внешнему внушению.

Техника гипноза может быть использована для получения информации (гипноопрос, гипнодопрос), секретной пересылки сообщений, забрасывания дезинформации в какие-либо социальные среды, для запрограммирована загипнотизированного на определенный вид поведения и других целей.

Известны три стадии гипноза:

• легкая (сонливость);

• средняя (полная расслабленность при сохранении уверенности в том, что имеется возможность побороть сонливость, но делать этого не хочется);

• глубокая (нереагирование ни на какие раздражители и поддержание речевого контакта только с гипнотизером либо иным ведущим).

Психические явления, объединяемые в настоящее время термином "гипноз", уходят своими корнями в глубокую древность. Характерно, что в давние времена гипнотические явления связывались с религиозно-мистическим и метафизическим мировоззрением и считались бесспорным свидетельством раздельного существования духа и тела и безусловного господства первого над вторым. Загипнотизированный человек вызывал замешательство и настороженность у присутствующих своим необычным видом и поведением, будучи нечувствительным к болевым и другим сильным воздействиям, легко перенося неожиданно большие физические нагрузки. Нередко при этом больные, ранее страдавшие тем или иным недугом, после выведения из гипноза оказывались совершенно выздоровевшими. Загадочное тяготеет к чудесному, мистике. Неслучайно гипнотические явления использовались религиями всех времен как доказательство силы божественного духа и его власти над бренными телами верующих.

Однако научно обоснованное использование гипноза берет начало в медицине, где, как ни в какой другой области, необходим скрупулезно точный подход ко всем возможным воздействиям на физиологию человека.

Началом научного подхода к исследованиям явлений гипноза принято считать работы английского хирурга Брейда и португальского аббата Фариа. Сам термин "гипноз" (от греч. "гипнос" – сон) был введен в употребление Брейдом, который считал, что гипнотическое состояние сходно с естественным сном и может быть вызвано различными физическими и словесными воздействиями. Аббат Фариа, изучавший гипноз в Индии, также утверждал, что гипноз не имеет отношения ни к каким сверхестественным силам и что причина связанных с ним явлений кроется в самой психике человека.

Однако многовековая связь гипноза с религией и мистикой не могла быть преодолена в сознании людей в короткий срок. Настороженное и даже отрицательное отношение к гипнозу поддерживалось и высказываниями некоторых исследователей, утверждавших, что гипнотическое состояние по своей сути является патологическим и может быть достигнуто только у людей, страдающих неврозами. Этой сомнительной репутацией гипноз обязан прежде всего парижской школе гипнологов, возглавлявшейся Ж. Шарко. Резко отрицательным отношением к гипнозу характеризовались и взгляды некоторых крупнейших медицинских специалистов. Так, например, Дюбуа-Реймон считал внушенное гипнотическое состояние близким к помешательству, а Гельм-гольц рассматривал его как "фокус", не имеющий никакого

отношения к медицине. Аналогичное, явно недоброжелательное отношение к применению гипноза также встречалось и в более поздние времена. В отечественной юриспруденции гипноз не признавался до самого последнего времени. Его относили к числу антинаучных, недопустимых методов, якобы незаконно и безнравственно используемых в зарубежной полицейской и судебной практике. В литературе зачастую приводился такой критерий недопустимости гипноза в советском уголовном процессе, как негативные последствия его применения для организма человека. Между тем, многолетней практикой, всесторонними и тщательными исследованиями гипнотических явлений зарубежными, русскими и советскими учеными не только доказана полная их безвредность для организма человека, но и вскрыты многочисленные положительные стороны гипнотических воздействий, мобилизующих физические и психические резервы организма.

Наш современник, видный российский психофизиолог и гипнолог профессор Леонид Павлович Гримак подчеркивает, что мировая и отечественная практика следственного гипноза, опыт медицинской суггестии (использование гипноза в лечебных целях) не знают ни одного случая осложнений, если сеанс гипноза проводится квалифицированным специалистом[56].

Однако прошло немало времени, пока гипноз признали и поставили на службу человечества. Теперь он широко и продуктивно используется в лечебных целях, при осуществлении концертно-эстрадных мероприятий, в розыске пропавших без вести, в борьбе с преступностью и в других областях.

Криминальное и криминалистическое применение гипноза

В зарубежной литературе конца XIX – начала XX вв. описаны многочисленные случаи использования гипноза в преступных целях. Выявились две типичные ситуации, обусловленные криминальной активностью "новаторов":

• загипнотизированное лицо подвергается физическому насилию вплоть до смертельного исхода или ему причиняется имущественный ущерб;

• в результате преступного гипнотического воздействия жертва совершает преступные действия в состоянии гипноза (сна) либо в постгипнотическом состоянии.

Познания в области гипноза использовались для изнасилования женщин, для управления загипнотизированным лицом в целях причинения им не только физического вреда самому себе и даже совершения самоубийства, но и для нанесения себе имущественного ущерба путем составления подложного векселя, фиктивного договора продажи или дарения, мнимой долговой расписки и т.п.

Лжесвидетельство, подлог документов – все это может быть выполнено в результате гипнотических внушений.

Жертвы криминального гипноза при этом искренне верят, что говорят чистую правду, поступают справедливо, по закону, что никакого дурного влияния на них никто не оказывает.

С годами криминальный гипноз не исчез. Более того – он вышел на качественно новый уровень.

На Всероссийском совещании по проблемам борьбы с организованной преступностью, проходившем в Москве 12–13 февраля 1993 г., отмечалось, что криминальные структуры проявляют интерес к технике гипноза, долговременному программированию человеческой психики.

В современной литературе высказано мнение о том, что в различные секретные организации можно внедрить человека, в личности которого будет запрограммировано и содержаться множество ролей. В каждой из этих ролей субъект ведет себя как самостоятельная личность. В одной роли он может выступать как полицейский, в другой – как член преступной группы. Такие личности теоретически не могут быть разоблачены даже такими методами, как полиграфологический анализ или допрос с применением наркотических веществ.

---

[56] *Гримак Л.П.* Гипноз и преступность. – М, 1997. – С. 197.

Не стояла на месте и криминалистическая гипнология

За рубежом формировалась практика, накапливался опыт применения гипноза в качестве метода собирания доказательств. В мировой практике появилось немало примеров успешного раскрытия изнасилований, совершенных в состоянии гипноза, путем повторного гипнотического сеанса, в котором потерпевшее лицо вспоминало все обстоятельства совершения преступления, в то время как в обычном состоянии наблюдалась амнезия по поводу криминальной ситуации.

И все же движение в этом направлении по большей части долго носило однорядовый характер: гипноз главным образом рассматривался лишь как метод допроса обвиняемого или подсудимого. Только в 60-е годы XX столетия полиция ряда стран приступила к практическому применению гипноза для получения дополнительной информации у свидетелей и потерпевших. Это случилось в окрестностях Сан-Франциско.

Две девочки, 7 и 16 лет, были похищены человеком, представившимся членом Армии Освобождения. Похититель хвастливо заявил своим жертвам, что двери его машины соединены со взрывным устройством, которое немедленно сработает, если машина будет остановлена полицией. Похищенных преступник доставил в Мехико через Сан-Диего, где в комнате пограничного мотеля старшая девочка была изнасилована и подвергнута надругательствам. Через несколько дней девочки были освобождены с предупреждением, что если расскажут о случившемся, то их родители немедленно погибнут от рук Армии Освобождения.

При обычном допросе девочки с трудом могли восстановить хронологию и вспомнить кое-что из обстоятельств потрясших их событий. Старшей из них лишь удалось описать комнату мотеля, в котором подозреваемый зарегистрировался под вымышленным именем. Больше ничего, что могло бы представлять интерес для следствия, выяснить не удалось.

Тогда, чтобы активизировать память, решили прибегнуть к гипнозу. Старшая девочка и ее мать дали согласие на эту процедуру (мать присутствовала от начала и до конца). С помощью специальных приемов девочка была приведена в такое состояние, в котором она смогла как бы наяву вновь погрузиться в события последних дней со всеми их "живыми деталями". При этом ей внушили, что она не должна ничего бояться, все будет "как в кино". Находясь в состоянии гипноза, девочка вспомнила необычайно ржавые пятна на кузове машины. Она так же, как на телеэкране, "увидела" некоторые вещи, находящиеся внутри машины, и описала их признаки: специфический цвет и фабричные марки матерчатой сумки, печенье с арахисовым маслом на заднем сиденье. Затем она акцентировала внимание на том, что рычаг переключения скоростей машины похитителя был закреплен бумажным вкладышем, а правое стекло перед пассажиром при передвижении его на последние несколько дюймов издавало характерный шум (при первичном допросе без гипноза удалось получить информацию лишь о цвете и общем виде машины). И, наконец, самое удивительное: девочка почти полностью воспроизвела разговор водителя с рабочим заправочной станции, находящейся на вершине холма, произнеся при этом неизвестное ей слово "фреон" ("Вам нужен фреон."). Ремонтная мастерская располагалась неподалеку от заправки. Девочка вспомнила характер неполадок, которые были названы в разговоре, и тот факт, что плата за услуги по ремонту осуществлялась с помощью кредитной карты с полосами красного, белого и голубого цветов.

Агенты ФБР быстро нашли заправочную станцию и ремонтного рабочего, о котором рассказывала девочка. Кредитная карта была легко идентифицирована. Преступника арестовали в собственном доме в Северной Калифорнии. Он оказался священником, имел жену, детей. При изучении его кредитной карты подтвердились все особенности, названные девочкой под гипнозом.

После сообщения в средствах массовой информации об аресте подозреваемого он был опознан по фотографии другими девушками, также подвергшимися сексуальным посягательствам.

После нашумевшего дела о киднэппинге, блестяще расследованном ФБР в 1977 году, гипноз в США становится популярным. Ряд департаментов полиции создает пилотные

программы и обучает своих сотрудников технике гипноза.

Специализированное подразделение ФБР, занимающееся расследованием особо важных дел, обращается к гипнозу в тех случаях, когда материал по делу недостаточен для выдвижения следственных версий. Гипноз рассматривается как исключительная мера, требующая специалистов высочайшей квалификации и сложных исследовательских процедур. Обычно гипноз применяется по делам об ограблении банков (с применением вооруженной силы или при больших размерах похищенного), о киднэппинге, вымогательстве, насильственных преступлениях, входящих в юрисдикцию ФБР, а также некоторым делам по "беловоротничковой" преступности.

Гипноз применяется в основном при допросе свидетелей и потерпевших, давших добровольное согласие на применение этой процедуры и горячо заинтересованных в расследовании преступления. Гипноз, как правило, не используется при допросе подозреваемых и обвиняемых. Показания указанных лиц (в том числе и признания) не имеют силы согласно Пятой и Четырнадцатой Поправкам Конституции Соединенных Штатов Америки.

Для проведения допроса с использованием гипноза в США необходимы:

а) письменное согласие лица, подвергающегося гипнозу (такое согласие должно быть получено после проведения подробного инструктажа, в котором объясняются цели и задачи процедуры, ее безвредность для здоровья допрашиваемого, даются гарантии соблюдения конфиденциальности и использования полученных в ходе допроса данных исключительно по их прямому назначению);

б) письменное разрешение Главного управления ФБР;

в) письменное разрешение Генеральной прокуратуры (подписанное помощником Генерального прокурора по уголовным делам).

Число лиц, присутствующих при допросе, должно быть минимальным. Гипнотизер (врач, психолог, психиатр) обязательно должен иметь медицинскую лицензию. Как правило, это специальные консультанты ФБР, привлекаемые по соглашению. Специальный агент-интервьюер – штатный сотрудник ФБР. Обычно это дипломированный психолог (часто имеющий ученую степень), прошедший специальную подготовку по праву, технике интервьюирования, расследованию и судебному гипнозу. В случае, если допрашиваемый является несовершеннолетним (гипноз применяется в отношении лиц от 7 лет и старше), допускается присутствие кого-либо из родителей или родственников. *Присутствие следователя, ведущего дело, не допускается.* Гипнотизер осуществляет гипнотическую индукцию (вводит допрашиваемого в состояние гипноза), контролирует состояние допрашиваемого в период интервьюирования и по окончании последнего осуществляет вывод из состояния гипноза. Агент-интервьюер проводит допрос. Очень важно, чтобы он ничего не знал об обстоятельствах дела, за исключением того, что содержится в ориентировке, подготовленной следователем, ведущим дело. Письменная ориентировка, зарегистрированная и подписанная соответствующим руководителем, фигурирует впоследствии в суде, будучи приобщенной к материалам дела. Делается это для того, чтобы интервьюер вольно или невольно не «подсказал» допрашиваемому что-либо.

На протяжении всей процедуры допроса ведется (из соседней комнаты, чтобы не отвлекать допрашиваемого) аудио– и видеозапись, которая также приобщается к делу и впоследствии демонстрируется в суде, чтобы показать, какие новые, неизвестные ранее свидетельства были получены в результате гипнотической индукции. Обязательное условие – чтобы быть признанными в суде, свидетельства, полученные под гипнозом, непременно должны подтверждаться другими доказательствами. Видеозапись позволяет экспертам и судьям оценить вербальное и невербальное поведение допрашиваемого, соблюдение процедурных требований. В протоколе фиксируются цель, дата, квалификация специалистов, проводящих допрос, согласие свидетеля (потерпевшего).

В руководстве по применению следственного гипноза, изданном в США, обобщены результаты трехгодичной работы гипнотизеров по 350 делам, которые расследовались полицией Лос-Анджелеса. Обобщение показало, что почти в 80% случаев с помощью гипноза была получена дополнительная ранее неизвестная информация, имеющая важное значение для

раскрытия преступлений[57]. Аналогичные обобщения проводились и в Израиле. Данные анализа –эффективности следственного гипноза, полученные при изучении 40 уголовных дел, незначительно отличаются от данных американских исследователей[58].

Опыт зарубежной полиции показывает: гипноз – это безопасный, быстроокупаемый и общественно полезный метод, который способствует быстрому выявлению, разоблачению преступников, установлению полноценной картины содеянного, позволяет экономить время и деньги, необходимые для расследования.

А как же в современных условиях обстоит дело с гипнозом в целях правосудия в нашем отечестве?

Проблема использования гипноза в деле борьбы с преступностью пока находится в эмбриональном состоянии, однако имеются основания надеяться на то, что в недалеком будущем в российской криминалистике сложится новое полнокровное направление – криминалистическая гипнология, способное существенно улучшить тактическое оснащение следственной практики.

В каких же случаях, для достижения каких целей могут быть использованы наработки в этой области? По нашему мнению, тактическая ситуация, связанная с возможностью применения гипноза, возникает прежде всего в случае обоснованного подозрения, что носитель информации сообщил на допросе заведомо ложные либо сознательно утаил от следствия известные ему сведения.

Объектами тактико-гипнотического воздействия при наличии к тому оснований могут быть потерпевшие, свидетели, а также в некоторых случаях подозреваемые и обвиняемые. Основная задача применения гипноза – получение достоверной ориентирующей информации, ранее не сообщенной ее носителем. Эта информация выступает в качестве средства, способствующего решению вопроса о совершении данным или иным лицом преступления, о прикосновенности определенного лица к преступлению, виновной осведомленности о содеянном. Большое значение имеет метод и для выяснения отдельных обстоятельств, исследуемых по делу событий, определения круга и роли их участников.

Не менее значимо и другое. Применение метода гипнотического воздействия в ходе допроса имеет важное значение также с точки зрения продуктивной актуализации воспоминаний, восстановления "стершихся" следов памяти добросовестных носителей собираемой информации, желающих передать ее следователю, но по объективным причинам (в силу возрастных факторов, перенесенных заболеваний, полученных травм и т.д.) не могущих это сделать в обычном своем состоянии. Тем самым создается возможность восполнить пробелы в ранее данных показаниях, устранить имеющиеся в них противоречия, неточности, связанные с добросовестным заблуждением, невольными ошибками восприятия, воссоздания, описания мысленных образов, передачи информации.

Глубоко изучив зарубежную и российскую практику криминалистического гипноза, Л.П. Гримак пришел к выводу, что данный вид гипноза имеет мало общего с психотерапевтической техникой внушения. Он является в основном своеобразным инструментом гипермнезии, связанной со стимулирующим воздействием на сферу вербальной и образной памяти. Для целей следственной практики наряду с ним целесообразно применение еще одного вида гипноза, способного купировать, снять стрессовые и психотравматические последствия криминальных инцидентов[59].

Полученные с помощью указанного метода сведения могут оказаться полезными не только с точки зрения реализации функции выявления и уголовного преследования виновных лиц, но и для снятия подозрений в отношении невиновных лиц, их реабилитации.

---

[57] *Reiser M.* Handbook of Investigative Hypnosis. Los-Angeles, 1980.

[58] *Kleinhaz M., Hosovitz U.* The use hypnosis in police investigation: a preliminary report. Journal of forensic sciences society, 1977, 17 (77). P. 77–80.

[59] *Гримак Л. П.* Гипноз и преступность. – С. 7, 194, 196.

Методическая схема использования информации на основе применения гипноза предполагает:

• сопоставление ее с данными, вытекающими из предыдущих показаний допрошенного лица, а также с иной, имеющейся в распоряжении следствия к этому моменту информацией;

• проверку на основе процессуального доказывания сведений, сообщенных носителем информации в состоянии гипноза;

• анализ и оценку собранных при проверке данных;

• формирование вывода об истинности, ложности, степени полноты и т.д. проверяемых сведений и принятие соответствующего процессуального решения.

Профессором Л.П. Гримаком сформулированы условия, которые должны соблюдаться в случае применения гипноза в российском уголовном процессе. Их четыре:

• испытуемый должен быть настроен безусловно положительно к сотрудничеству с органами расследования и к факту его гипнотизирования, в частности;

• во всех случаях необходимо быть уверенным в психологическом благополучии допрашиваемого под гипнозом;

• сеансы следственного гипноза должны проводиться опытными психиатрами или психологами, имеющими специальную подготовку в практическом осуществлении гипнорепродукции;

• специалист, который выполняет гипнологическую операцию, должен занимать и сохранять бесстрастную позицию в отношении получаемой им информации от загипнотизированного.

По мнению указанного ученого и практика, гипноз может быть применен лишь в отношении свидетелей и потерпевших. Единственным исключением из этого правила может быть применение гипноза по просьбе самого подозреваемого (обвиняемого) и по возможности в присутствии своего защитника. Для проведения сеанса гипнорепродукции целесообразно подобрать подходящую комнату с хорошей звукоизоляцией, должны быть исключены телефонные звонки и другие раздражители. Освещение в помещении должно быть мягким, исключающим попадание прямого света на лицо гипнотизируемого, а температурный режим – оптимальным. Чтобы гипнотизируемый мог достаточно полно расслабиться, его лучше всего усадить в удобное кресло с регулируемым положением спинки. Мягкая мелодичная музыка может служить хорошим фоном для гипнотической релаксации. Весь ход данного сеанса должен записываться на магнитофон, но лучше, если он сопровождается видеозаписью. Магнитофоном следует пользоваться открыто. Очень удобно проводить гипноз в паре с другим специалистом, так как это позволяет разделить рабочие акции и консультироваться по ходу сеанса, подсказывая друг другу полезные действия. Присутствие родственников и близких на сеансе допустимо лишь в случае работы с пострадавшими детьми и малолетними свидетелями. В том случае, когда следователь работает совместно со специалистом-гипнологом, он не должен пытаться заводить с загипнотизированным разговор напрямую. Вопросы он может задавать через гипнолога в письменном виде. Подача каких-либо реплик, обсуждение хода сеанса во время его проведения категорически запрещаются. Подготовку и производство сеанса нельзя форсировать. Все следует делать спокойно и неторопливо. В случае необходимости может быть проведен повторный сеанс, а то и несколько[60].

То, что разрешено в связи с использованием криминалистического гипноза за рубежом, не разрешается российским законодательством. Допрос человека, находящегося в состоянии гипноза, запрещается. И, как уже говорилось, доказательственного значения такое действие не имеет. Поэтому возможности специалистов в области криминалистической гипнологии и оказанные ими следствию услуги могут представлять интерес лишь с точки зрения одного из мероприятий, проводимых в порядке подготовки к допросу и производству других следственных действий. Переданная испытуемым в ходе сеанса гипноза информация юридического значения не имеет и выступает в качестве данных ориентирующего характера.

Нетрудно представить, какая большая работа должна быть проделана для того, чтобы

---

[60] *Гримак Л.П.* Гипноз и преступность. – С. 199–200, 203.

рассматриваемый метод приобрел свой официальный статус, стал легитимным и эффективным средством тактического арсенала следователей. В круг первоочередных задач, связанных с разрешением этой проблемы, очевидно, в первую очередь следует включить обеспечение (на законодательном уровне) соответствующей правовой базы, а также создание прочных научных основ (условий, принципов, критериев и т.д.) и научно обоснованных методик применения гипноза в уголовном процессе.

Специфика этого метода такова, что без использования специальных познаний он не может быть реализован. Отсюда задача подбора специалистов соответствующего профиля, обучения их минимуму криминалистических и правовых знаний, позволяющих им надлежащим образом действовать в уголовно-процессуальных условиях. Специальная подготовка, видимо, потребуется и следователям для эффективного взаимодействия со специалистом и управления нетипичной ситуацией опроса с помощью гипноза.

В этом деле несомненную пользу может принести изучение практического опыта, накопленного зарубежными юристами в области криминалистической гипнологии. Не стоит уклоняться и от изучения собственного опыта. Пусть сравнительно небольшой, он все же имеется.

9.2. США. Федеральная модель подготовки и проведения следственного опроса под гипнозом

Целесообразность (нецелесообразность) опроса под гипнозом

Все начинается с анализа обстоятельств расследуемого дела. Отвлечемся пока от гипноза и попробуем ответить на некоторые предварительные вопросы. Какую ценность для расследования может представлять информация, полученная от свидетеля, воспринимавшего события в специфических условиях места, времени, окружающей обстановки и т.п.? Логично ли ожидать, что свидетель или жертва[61] могли в таких условиях четко воспринимать что-то криминалистически значимое? Если ответы на эти вопросы будут отрицательными, к гипнозу обращаться не следует. (Так, по делу о поджоге с многомиллионным ущербом от гипноза отказались потому, что было маловероятно, чтобы единственный свидетель смог разглядеть в темноте на расстоянии 100 ярдов убегавшего человека.)

Информация, полученная под гипнозом, должна быть подтверждена другими, независимыми доказательствами (дактилоскопическими, баллистическими, генетическими и т.п.), и только в этом случае она будет признана судом. Поэтому решать вопрос об использовании гипноза нужно после того, как использованы все традиционные методы исследования. Если начинать с традиционных методов, может оказаться, что гипноз и не понадобится: преступление будет раскрыто и без гипноза. Неслучайно на практике, когда разрешение на использование гипноза запрашивается на начальной стадии расследования, выдача такого разрешения откладывается до тех пор, пока не будут выполнены все рутинные следственные действия. Однако в редких случаях гипноз может быть использован и в самом начале расследования (например, в случае киднеппинга, когда речь идет о спасении чьей-то жизни). В таких случаях допустимо "пожертвовать процедурными тонкостями".

Имеются и противопоказания к использованию гипноза. Память может быть "искажена" под воздействием многих факторов. Некоторые из них имеют естественное происхождение, другие – могут быть невольными артефактами следственной деятельности или чьих-то добрых намерений. Поэтому в ходе анализа дела (предваряющего решение об использовании гипноза) нужно подумать о том, какие вопросы будут задаваться потенциальному опрашиваемому, с кем он (опрашиваемый) говорил о деле и как эти разговоры могли повлиять на понимание случившегося. Принимая во внимание особенности свидетельствования под гипнозом, нужно

---

[61] Далее для краткости везде вместо слов "свидетель", "жертва" будет использоваться один термин – "свидетель".

стремиться к соблюдению следующих условий: постараться изолировать свидетеля, не знакомить его с обстоятельствами дела, не "давить" на него, побуждая помогать расследованию. Полезно также поинтересоваться, что именно и из каких источников известно свидетелю о деле. Газеты, радио, телевидение, разговоры с друзьями и близкими – все это мощные источники влияния на свидетеля. Вот один из примеров потенциального "заражения" свидетеля: в полиции ему показывают фотографию подозреваемого с таким, примерно, комментарием: "Есть основания считать, что этот тип связан с преступлением".

Еще одна сложность, связанная с использованием гипноза при расследовании, состоит в том, что известны случаи, когда свидетель, активно стремящийся "помогать", сам является подозреваемым. Он, например, заявляет, что мог бы сообщить нечто очень важное, "если бы только мог припомнить детали". Как свидетельствует практика федеральных агентств, мотивацию таких "помощников" нетрудно выявить с помощью полиграфа. Известен случай, когда чересчур активный свидетель, вызвавшийся помогать следствию, оказался убийцей.

Независимо от степени важности расследуемого дела к гипнозу целесообразно прибегать только при отсутствии противопоказаний. Стремление раскрыть преступление не должно перевешивать логику и здравый смысл. Неосторожное обращение с таким "оружием", как гипноз, привлечет повышенное внимание к некорректному использованию метода и может способствовать развалу дела в суде. В идеале, решение об использовании гипноза должно приниматься руководителем агентства с учетом обстоятельств дела, правовых соображений и консультаций со специалистом по гипнозу (но не с тем, который будет потом проводить опрос по данному делу).

Специалисты по гипнозу, непосредственно помогающие следователю, не должны участвовать в обсуждении вопросов, от решения которых зависит востребованность их услуг. Например, к ним не следует обращаться за советом, стоит ли по данному делу использовать гипноз. Кроме того, знание дела может впоследствии неблагоприятно повлиять на результаты гипнотического опроса посредством непреднамеренного внушения и склонения интервьюируемого к предвзятым выводам.

Подготовка к опросу

У лиц, которым предстоит опрос под гипнозом, могут возникнуть некоторые вопросы: о сути процедуры, технике ее проведения, об использовании информации, полученной в ходе гипнотического интервью. Ответ на эти вопросы важен для правильного проведения интервью.

Весьма желательно, чтобы опрашиваемый ни с кем не обсуждал предмет расследования, не получал информацию о ходе расследования (например, из СМИ). Эти необходимые меры предосторожности надлежит соблюдать при расследовании любого дела.

Наряду с мерами предосторожности против непреднамеренного "заражения", необходимо также сформировать у опрашиваемого соответствующие ожидания. Так, очень важно, чтобы он знал, что процедура будет проводиться лицензированным специалистом, что весь сеанс будет записан на видео (как вербальное, так и невербальное поведение всех участников). Опрашиваемому будет также полезно знать, что процедура займет несколько часов, но время пролетит быстро. Короче говоря, следователю нужно быть готовым ответить на любые вопросы, которые могут возникнуть у интервьюируемого по поводу процедуры вообще и самого гипноза, в частности.

Опасен ли гипноз? Какие риски связаны с гипнозом?

Сам по себе гипноз не связан ни с какими рисками, не опасен. Если для кого-то "возврат к случившемуся" будет связан с чересчур тяжелыми переживаниями, специалист может решить вопрос о целесообразности (нецелесообразности) опроса под гипнозом.

Что чувствует человек под гипнозом!

Для ответа на этот вопрос можно воспользоваться самыми разными описаниями типа: почти также, как и без гипноза, чувствует себя очень сонным, чувствует себя очень легко, очень комфортно, даже спокойно. Что меняется, так это способность сконцентрировать внимание на деталях, на интересующей проблеме, "отключившись" от всего постороннего. Однако даже в

самом глубоком трансе опрашиваемый контролирует свои действия (например, он может решить не отвечать на вопрос, попросить перерыв и даже самостоятельно выйти из состояния транса).

Если связанные с преступлением переживания невыносимы и интервьюируемый противится повторению этого кошмара, то как должен поступить интервьюер?

Это одна из причин, почему для проведения опроса под гипнозом привлекается "специалист по психическому здоровью" – психиатр или психолог. По роду деятельности они умеют обращаться с эмоционально-возбудимыми, беспокойными, психически травмированными людьми. Гипноз является одним из методов терапии в таких случаях. Использование гипноза в расследовании основывается как раз на транквилизирующем (успокаивающем) воздействии этой процедуры. Она оказывает терапевтическое воздействие даже в тех случаях, когда не направлена на психотерапию.

Вспомнит ли что-нибудь интервьюируемый и будут ли его воспоминания правильными?

Ожидания должны быть самыми скромными. Проведем аналогию с экспериментом: он может быть полезным, а может и не быть. Так и интервью под гипнозом. Не исключено, что опрашиваемый воспроизведет уже известную информацию или скажет что-то совершенно новое и возможно противоречащее прежним показаниям. Интервью под гипнозом не нацелено на проверку истинности показаний: любое воспоминание, как полученное под гипнозом, так и без него, может быть неточным.

Как будет использована полученная информация?

Все припоминания, представляющие интерес для следствия, передаются заинтересованной стороне. Они используются и перепроверяются в последующем расследовании. Для того, чтобы полученные под гипнозом данные приобрели доказательственное значение, они должны быть подтверждены.

Помещение для проведения интервью (опроса) должно обладать хорошей звукоизоляцией и быть достаточно просторным, позволяющим вести видеозапись всех участников процедуры. Оборудование должно быть пригодным для проведения по крайней мере 2-часовой непрерывной записи. В идеале, на каждом записанном изображении должна быть отметка времени, позволяющая проверить полноту записи и локализовать сегменты интервью.

Качество звукозаписи не менее важно, чем качество видеозаписи. Необходимо, чтобы микрофон был отделен от камеры.

Встроенные микрофоны не обеспечивают четкой записи. Наилучшее решение – чтобы каждый участник интервью имел свой микрофон. Если нет возможности обеспечить всех микрофонами, то достаточно, чтобы микрофон был у интервьюируемого и чтобы ничего не было пропущено из того, что он говорит.

Итак, помещение, в котором будет проводиться интервью, должно быть оборудовано таким образом, чтобы в нем спокойно и комфортно себя чувствовали и специалист по гипнозу, и следователи, и сам интервьюируемый; это помещение должно быть снабжено видеокамерой и микрофонами.

Проведение интервью

Федеральная модель следственного гипноза предусматривает работу в команде, состоящей из специалистов разного профиля. Поэтому в ней четко регламентированы все этапы процедуры и функции каждого члена команды. В команду входят: лицензированный специалист по гипнозу (как правило, психиатр), прошедший специальную подготовку следователь – специальный агент-координатор по гипнозу, полицейский художник, технический персонал, обеспечивающий аудио– и видеозапись.

Если непосредственно расследующий дело следователь присутствует при проведении интервью, то любые его замечания или пожелания должны быть записаны и в письменном виде переданы координатору. Координатор, получив записку, решает, задавать ли поставленный следователем вопрос, как его сформулировать, в какой момент задать. Агент-координатор сохраняет записку, делает у себя пометку о времени ее получения и о своих действиях в ответ

на эту записку. Все записи сохраняются, ведется видеозапись всего происходящего.

Этап 1. Подготовка к интервью

Специальный агент (координатор по гипнозу):

• объявляет место проведения интервью, день, час, всех участников поименно (начиная с себя);

• просит у интервьюируемого согласие на запись (аудио– или видео);

• ставит цель (вопросы, которые будут обсуждаться в ходе интервью, тему интервью, зафиксированную в формуляре согласия);

• "переводит стрелку" (переключает внимание интервьюируемого) на профессионала по психическому здоровью, то есть гипнотизера (обычно это психолог, психиатр, врач, имеющий лицензию на проведение клинического гипноза).

Гипнотизер:

• объясняет, что такое гипноз. Можно, например, спросить, что интервьюируемый знает о гипнозе, приходилось ли ему когда-нибудь подвергаться гипнозу. Разъясняет суть гипноза, особенности состояния транса, развеивает расхожие предубеждения против гипноза (говорит о безвредности для здоровья);

• объясняет, какие процедуры будут использованы: транс-индукция (введение в состояние транса), углубление транса, регрессия к событию (интересующему следствие), приемы получения информации (например, телевизионные эффекты, идеомоторная сигнализация, автоматическое письмо, постгипнотическое внушение и т.д.);

• объясняет потенциальные риски (например, повторение неприятных переживаний, возникших в момент совершения преступления). Гипнотизер предупреждает интервьюируемого, что если в какой-то момент тот почувствует себя плохо, пусть попросит о помощи;

• напоминает, что специальный агент (координатор) также будет задавать вопросы и следить за ходом процедуры;

• "переводит стрелки" на специального агента (координатора).

Этап 2. Опрос без гипноза

Специальный агент (координатор по гипнозу):

• предлагает интервьюируемому прочесть и, если он согласен на проведение опроса под гипнозом, подписать «форму согласия». Эту же форму подписывает гипнотизер, подтверждая, что интервьюируемый проинформирован о предстоящей процедуре и связанных с ней возможных рисках;

• инструктирует интервьюируемого, говоря, что сейчас, пока без гипноза, ему нужно в хронологической последовательности описать все, что случилось, и что потом, уже под гипнозом, он снова будет описывать случившееся. Поэтому ему придется повторять вновь и вновь последовательность событий, чего не надо бояться. Затем координатор просит интервьюируемого описать событие так, как оно сейчас ему представляется, не обращая внимания на то, что он говорил об этом раньше. Описывать событие нужно с его начала. (Вопросов нужно задавать как можно меньше. Они должны иметь открытую форму (например, "Как Вы сейчас могли бы описать то, что произошло?", "Что Вы могли бы об этом рассказать?", "Как это случилось?"). Координатор умело использует молчание, не подгоняет, не подталкивает рассказчика, использует минимум необходимых реплик, чтобы рассказчик продолжал (например, "да-да", "я Вас слушаю", "я Вас понимаю", "продолжайте"). Затем координатор просит интервьюируемого вновь вернуться к описываемому событию и задает вопросы в контексте тех описаний, которые были даны интервьюируемым. Уточняющие и детализирующие вопросы задаются до тех пор, пока нет полной уверенности в том, что "вычерпана" вся информация);

• координатор "переводит стрелки" на профессионала по психическому здоровью – гипнотизера.

Гипнотизер:

• готовит интервьюируемого, устанавливая с ним психологический контакт. В качестве

одного из вариантов такой подготовки можно, например, продемонстрировать феномен транса, чтобы интервьюируемый привык к процедуре и чувствовал себя комфортно;

• индуцирование транса (введение интервьюируемого в состояние транса);

• введение регрессии возраста и времени для возобновления переживания события. (Управление трансом – обязанность гипнотизера. Во время гипноза он следит за состоянием интервьюируемого, может прервать сеанс, если заметит признаки дискомфорта, чрезмерного волнения. Гипнотизер также отвечает на вопросы интервьюируемого, если таковые возникают.);

• "переводит стрелки" (переключает внимание интервьюируемого) на координатора, который будет проводить опрос.

Этап 3. Опрос под гипнозом

Координатор:

• проводит опрос, используя тот же самый хронологический формат, как и при опросе без гипноза. По ходу опроса "вклинивает" поступившие от следователя, ведущего дело, вопросы. Формулируются вопросы в открытой форме и включаются в контекст повествования. Координатор работает "в связке" с гипнотизером. По мере того, как истощается простое припоминание, гипнотизер применяет новые приемы, например, такие, как идеомоторная сигнализация, автоматическое письмо и постгипнотическое внушение для работы с полицейским художником, а позже – и для спонтанного припоминания. Гипнотизер также прерывает (заканчивает) транс для того, чтобы сменить видеокассеты, сделать перерыв на еду, отдых, другие моменты. Перед перерывом (период, когда интервьюируемый находится вне фиксации видеокамерой) координатор предупреждает, чтобы никто не говорил о расследуемом деле и отмечает время начала перерыва. По окончании перерыва координатор отмечает время начала записи и спрашивает интервьюируемого, не говорил ли он с кем-нибудь о деле (такого не должно быть, но если уж это случилось, координатору должны быть известны все детали разговора);

• если интервьюируемый начинает обвинять в преступлении самого себя, координатор просит гипнотизера прекратить гипноз и интервью. Координатор должен уведомить интервьюируемого о его правах и получить правовую консультацию у руководства стороны обвинения прежде, чем продолжить проведение опроса под гипнозом.

Гипнотизер:

• заканчивает транс;

• спрашивает интервьюируемого о самочувствии (прежде, чем расстаться с интервьюируемым, гипнотизер должен убедиться, что у того все в порядке).

Как явствует из вышесказанного, опрос под гипнозом имеет целью как можно лучше понять случившееся и "выжать" из памяти максимум возможного. Мультидисциплинарный подход способствует осуществлению этой цели, позволяя специалистам разных профилей – детективу и гипнотизеру – использовать свои профессиональные навыки.

Особо нужно отметить роль полицейского художника. Зарисовки, которые он делает на основании показаний опрашиваемых под гипнозом, бывают очень ценными для расследования. Некоторые дела ФБР удалось раскрыть лишь благодаря тому, что присутствующий при опросе под гипнозом художник сделал очень точный композиционный портрет подозреваемого. Художник является полноправным членом мультидисциплинарной команды, проводящей опрос под гипнозом. Состоящие в штате Лс1боратории ФБР художники выезжают на место для работы вместе со свидетелями, координаторами и гипнотизерами для составления композиционных зарисовок подозреваемых. Эти художники знают технику следственного гипноза и все инструкции ФБР, касающиеся этой сферы.

9.3. Опыт применения гипноза по делу об убийстве

Несколько лет тому назад во дворе одного из приволжских городов ударом ножа в шею была убита молодая женщина.

Незадолго до происшедшего потерпевшую видели в компании с двумя парнями. Как показал свидетель Майкин (фамилии свидетеля и других участников дела изменены), одного из парней он знает в лицо, так как тот живет на соседней улице.

Личности заподозренных вскоре установили. Ими оказались два дружка – Гогин и Фаткулин.

Первый дал показания о том, что спонтанное убийство своей знакомой он совершил на почве возникшего между ними конфликта. Что касается Фаткулина, то, как следовало из показаний Гогина, он к преступлению непричастен. Аналогичные показания дал и Фаткулин, по словам которого, он оказался в роли случайного свидетеля незапланированного убийства, совершенного его приятелем. Гогина арестовали. На протяжении нескольких месяцев следствия он признавал себя виновным и давал показания, ничем не отличающиеся от тех, что были даны им на первом допросе, однако за несколько дней до завершения расследования неожиданно изменил позицию. В своем заявлении, направленном прокурору республики, он сообщил, что преступление совершил не он, а Фаткулин. Себе же Гогин отводил роль свидетеля обвинения. Эти утверждения он дублировал затем во время допросов. Следствие полагало, что изменение позиции обвиняемого произошло из-за его нежелания нести ответственность за содеянное. Судя по всему, для того, чтобы запутать расследование, Гогин установил нелегальную связь с "волей" и дал информацию Фаткулину, как ему следует вести себя на следствии, чтобы загнать его в тупик. На это прежде всего указывало то, что допрошенный вскоре после заявления Гогина прокурору свидетель Фаткулин синхронно изменил свои показания, подтвердив версию Гогина. Он также стал утверждать, что последний невиновен, поскольку является лишь очевидцем убийства, совершенного якобы им.

Результат, на который рассчитывали указанные лица, был ими достигнут. Дело вел неопытный следователь. Оказавшись в непростой ситуации, он растерялся, не зная, что предпринять. Вышестоящая прокуратура истребовала дело для изучения. Было принято решение поручить дальнейшее расследование Н. Савинову.

Предоставим ему слово и проследим, как развивались дальнейшие события.

"Анализ материалов уголовного дела свидетельствовал, что следствие по делу было произведено некачественно. Осмотр места происшествия был сделан поверхностно, по ряду изъятых вещей с места происшествия с помарками и пятнами бурого цвета судебно-биологической экспертизы не проводилось, поиск одежды обвиняемого Гогина организован не был, очные ставки между Гогиным и Фаткулиным в целях установления противоречий в их показаниях не'проводились. Из-за небрежности следователя некоторые вещественные доказательства были утеряны.

Мною была выполнена значительная работа по восполнению пробелов и устранению недостатков, допущенных предшественником. Все, вроде бы, как говорится, вставало на свои места, если бы не одно "но". Как я ни бился, убедительного ответа на вопрос о том, чьей же конкретно рукой – Гогина или Фаткулина – была нанесена смертельная рана потерпевшей, материалы дела не давали. Стало ясно, что без их правдивых показаний по этому поводу дело судебной перспективы не имеет. Однако и тот, и другой прочно стояли на позиции, занятой после кардинального изменения показаний. Методы убеждения, разъяснения, тактические приемы, которые обычно в таких случаях применяются, оказались неэффективными. И тогда я принял решение использовать по делу достижения в области гипнологии, с которыми к тому времени был неплохо знаком.

Дело в том, что в 1991 году, знакомясь с содержанием журнала "Советская милиция", я наткнулся на статью об американском ученом Харри Арсоне – авторе книги "Гипноз в уголовном расследовании". Заинтересовавшись материалом, я внимательно его изучил и узнал любопытные вещи, ранее мне неизвестные.

Как писал автор статьи об Арсоне, этот ученый много лет назад стал заниматься изучением возможности применения гипноза на предварительном следствии и добился на этом поприще крупных результатов. Реализуя свои разработки, он принял участие в расследовании многих тяжких преступлений и существенно помог в выявлении и разоблачении преступников. Эта статья глубоко запала мне в душу. Подумал, а почему бы в отечественной следственной практике не воспользоваться методом гипноза, если он так успешно применяется за рубежом. С

этого момента я принялся за активный поиск и изучение специальной литературы с тем, чтобы в деталях разобраться и в самом феномене гипноза, и в его возможностях.

"Перелопатив" труды В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, Зигмунда Фрейда, Л.П. Гримака, Е.В. Рожнова, В.Л. Райкова и других известных отечественных и зарубежных ученых, я открыл для себя потрясающую воображение область научных знаний, о которых раньше имел весьма смутное представление. Какие же истины открылись? Как я узнал, гипноз помогает проникнуть в подсознание человека, активизировать работу его памяти. С помощью гипноза моделируются различные эмоциональные состояния, изменение отдельных процессов – внимания, памяти, мышления и т.д.

В настоящее время в ученом мире гипноз рассматривается как особое психическое состояние, отличное по своим проявлениям как от бодрствования, так и от естественного сна.

Многие ученые, посвятившие свои работы этой проблеме, полагают, что в гипнотическом состоянии репродуцируются практически любая деятельность, любые психические состояния, как имевшие место в жизненном опыте субъекта, так и гипотетически возможные, моделируются самые разнообразные клинические состояния. Их можно вызвать как в сфере каждого отдельно взятого органа чувств, так и в любой их комбинации. Гипнотика можно "отправить в кинотеатр", где он будет "смотреть" кинокомедию и живо реагировать, смеяться. Можно создать любые жизненные коллизии с эмоционально адекватными формами реагирования, с проявлением активной жизненной позиции в различных моделируемых ситуациях.

Знания, почерпнутые при изучении специальных литературных источников нуждались в проверке на практике. И тогда созрело желание привлечь к намеченным опытам студентов-юристов. Этой идеей я поделился со специалистами в области гипнологии – врачом-психотерапевтом психиатрической больницы Л.Д. Дьячковым и гипнологом, членом Российского отделения международной ассоциации магнетизеров С.А. Волковым. Данная идея ими была поддержана, и совместными усилиями мы стали претворять ее в жизнь. В качестве испытуемых в психологическом эксперименте согласились участвовать студенты (все лица мужского пола) старших курсов юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. По причине отсутствия соответствующих криминалистических методик проведение экспериментов по опросу лиц в гипнотическом состоянии нами было задумано осуществить на основе приемов и методов гипноза, используемых врачами-психотерапевтами в нашей отечественной медицине и эстрадными гипнотизерами.

Эксперименты проводились в два этапа. Первоначально в бодрствующем состоянии со студентами проводилась свободная беседа, в которой выяснялось их отношение к своим родственникам, братьям, сестрам, товарищам, друзьям.

На основании этих сведений определялось лицо, значимое для них, которому они могли бы открыть свои тайны.

Затем каждому студенту предлагалось ответить на вопросник типа анкеты. В ней содержались вопросы как позитивного, так и негативного характера.

В их круг включили вопросы провоцирующего характера, на которые в обычном своем состоянии далеко не каждый может ответить откровенно (мочился ли в детстве или юношеском возрасте, занимался ли мастурбацией, совершал ли кражи, привлекался ли к уголовной ответственности и т.д.). На все вопросы студенты давали не разглашаемые нами письменные ответы.

На втором этапе испытуемым, находившимся в гипнотическом состоянии, каждому в отдельности, внушалась следующая установка: в комнате он находится наедине со своим родственником (либо другим близким ему человеком) и ему следует ответить на вопросы, от которых в дальнейшем зависит положение его дел, состояние его здоровья. Кроме того, студентам вновь предлагалось ответить на вопросы, на которые они давали ответы в письменной форме в бодрствующем состоянии. Потом был проведен сравнительный анализ ответов студентов в состоянии бодрствования и в состоянии гипноза. Оказалось, что они разительно отличаются друг от друга. Ответы в гипнотическом состоянии были более полными и искренними, чем в обычном состоянии.

Так, студент К. в гипнотическом состоянии признал, что в подростковом возрасте был

судим за грабеж. Данное обстоятельство от всех, включая товарищей и друзей, скрывал. Причина – являлся студентом юридического факультета и в будущем собирался работать за границей. Характерно, что в анкете, которую он заполнил ранее по нашему предложению, указал, что к уголовной ответственности не привлекался. Как видим, в гипнотическом состоянии он данный факт скрыть не смог.

Студент П. к уголовной ответственности не привлекался. Однако, находясь в гипнотическом состоянии, на вопрос, совершал ли он ранее кражи, ответил, что да, совершил ранее с друзьями кражу мотоцикла. Он также не смог скрыть данное обстоятельство в гипнотическом состоянии, что ему удалось при заполнении анкеты в обычном состоянии.

Эксперименты показали, что в гипнотическом состоянии студенты, отвечая на вопросы, не в полной мере контролировали свое сознание. Это обстоятельство затем подтвердили сами студенты после анализа проведенных с ними экспериментов: контроль за своим поведением в гипнотическом состоянии они утрачивали, и ответы ими давались искренне.

Опишу саму процедуру проведения экспериментов. Студент, приглашенный для опроса в гипнотическом состоянии, усаживался в кресло в удобном для него положении. Следующий шаг – применяя так называемый мягкий метод гипнотизации, гипнолог с использованием монотонной музыки, действующей расслабляюще на организм и вызывающей засыпание, вводил испытуемого в гипнотическое состояние. В состоянии гипноза студенту внушалось, что несмотря на то, что он спит, он может, не просыпаясь, говорить и отвечать на поставленные вопросы. Потом у студента путем внушения вызывались ассоциативные образы, ему внушали образ близкого человека, с которым он мог быть полностью откровенным. При возникновении данного образа студенту предлагали рассказать о нем, что он и делал. По ходу эксперимента ему также предлагалось ответить на вопросы анкеты. После завершения эксперимента испытуемые выводились из гипнотического состояния и совместно с ними проводился анализ результатов только что выполненного действия.

На базе теоретико-прикладной подготовки, лично убедившись в эффективности и безвредности для испытуемых сеансов гипноза, я почувствовал, что созрел для реализации идеи по делу об убийстве.

Обдумывая и реализуя на свой страх и риск этот замысел в тайне от коллег и начальства, я прекрасно понимал, что никакого доказательственного значения результаты мероприятия не имеют. Шел я на необычный психологический эксперимент сугубо из собственных прагматических соображений. Таким путем прежде всего рассчитывал убедиться в том, кто же в действительности – Гогин или Фаткулин – совершил убийство.

Уверенность в состоятельности своей версии, убежденность – важные, если не главные аргументы следователя в его полемике со лжецом. Невозможно убедить его дать правдивые показания, если сомневаешься, если не решил для себя вопрос, что преступление – дело только его рук и никого другого.

Кроме решения данной задачи я также надеялся на то, что если Фаткулин действительно исполнитель убийства, находясь в гипнотическом состоянии, он назовет какие-либо неизвестные до этого нам детали содеянного, которые потом можно будет установить процессуальным путем и тем самым найти объективное им подтверждение.

Но прежде чем приступить к эксперименту с участием Фаткулина, я решил проверить возможности метода на свидетеле Майкине. Дело в том, что косвенные данные указывали на то, что он рассказал не все, что ему было известно о событии, по поводу которого он был неоднократно допрошен.

В назначенное время Майкин прибыл в прокуратуру. Я объяснил ему суть вопроса, по поводу которого его пригласили (наличие сомнений в достоверности отдельных моментов в его показаниях) и поинтересовался, не желает ли он побеседовать с гипнологом. Майкин живо заинтересовался экспериментом (над ним довлели обычное человеческое любопытство и необычность не испытываемой прежде интригующей ситуации) и дал согласие на участие в нем. Методом мягкой гипнотизации, апробированным со студентами, Майкин был введен в гипнотическое состояние, при котором он мог "разговаривать" на фоне созданного образа жены, отвечать на "ее" вопросы. (Как было установлено заранее в предварительной беседе, ей Майкин доверял как никому другому.) В гипнотическом состоянии при мнимом общении с

женой он сообщил, что убийство совершил Гогин, ударив потерпевшую каким-то предметом. Он (Майкин) все это видел своими глазами, как и то, что потерпевшая упала и больше не поднималась. Фаткулин в это время находился неподалеку. После рассказа Майкина гипнолог вывел его из состояния гипноза. Испытуемому была дана установка, что все происходившее было только сном и сон был здоровым.

Вслед за этим принять участие в психологическом опыте было предложено и Фаткулину. Методом мягкой гипнотизации Фаткулина ввели в гипнотическое состояние, при котором он мог разговаривать и отвечать на вопросы якобы своего друга, в действительности ориентируясь на вызванный у него образ этого человека. Когда образ друга у Фаткулина был создан и он стал "общаться" с ним, ему предложили ответить на вопрос: "Кто убил женщину?" Испытуемый ответил, что убийство совершил Гогин. На повторно заданный вопрос, он кивком головы подтвердил сказанное до этого. Затем на вопрос, где находится нож, он ответил, что нож Гогин выбросил по дороге на Тамбов. Как и полагается, после эксперимента гипнолог дал установку Фаткулину на то, что у него был обычный сон со сновидениями, сон его был здоровым. Спустя несколько дней я допросил Фаткулина. На этот раз он вел себя не так, как на прежних допросах, проведенных мною до психологического опыта. Он заявил, что больше не намерен врать и заниматься самооговором ради спасения дружка. Свои показания, данные им на начальном этапе расследования, подтвердил. Они, по его словам, соответствуют действительности: убийство было совершено не им, а Гогиным.

На очной ставке обвиняемый Гогин вначале придерживался придуманной им легенды о совершении убийства Фаткулиным. Однако, услышав показания последнего, изменил свою позицию и признал, что преступление совершил он, а не Фаткулин. Последний привел ряд обстоятельств, о которых ранее не сообщил, подтверждающих его непричастность к убийству.

При проверке его показания подтвердились. Фаткулина реабилитировали. А его дружок предстал перед судом. Гогина признали виновным в убийстве и приговорили к 10 годам лишения свободы (максимальное наказание по статье 103 УК РФ).

Так завершилось это дело"[62].

Вот этим рассказом следователя мы и закончим данный раздел. Без комментариев.

Глава 10
Криминалистическая хронобиология (биоритмология)

10.1. Хронобиология и следственная практика

Практика показывает, что в одном психическом состоянии обвиняемый признает себя виновным после предъявления ему доказательств, а в другом состоянии оказывается совершенно невосприимчивым к предъявлению ему точно таких же доказательств. Почему так происходит?

Учеными установлено, что у человека имеется более ста биологических ритмов, отражающих различные биологические процессы. Это суточные ритмы сна и бодрствования, изменения температуры тела, работы сердечно-сосудистой системы и т.п. Существуют биоритмы, цикличность которых составляет месяцы и даже годы. Многие из них связаны с воздействием ритмически изменяющегося излучения Солнца, фазами Луны, колебаниями электромагнитного поля Земли. Так, исследователи в различных странах пришли к выводам, что при увеличении геомагнитной активности увеличивается число больных в психиатрических лечебницах, растет частота случаев самоубийств и некоторых видов преступлений. Отмечена зависимость между количеством умышленных убийств и фазами Луны.

Все эти факты свидетельствуют, что различные физиологические процессы и воздействия энергий, обладающих чрезвычайно слабой силой, способны тем не менее изменить ритм и

---

[62] *Записки криминалистов.* – Вып. 5. – М, 1995. – С. 233–250.

содержание человеческой деятельности в довольно значительной степени. Существенно и другое.

Исследования специалистов в области хронобиологии[63] показывают, что в определенные временные периоды увеличивается психическая уязвимость человека, снижаются его адаптационные и иммунные возможности, происходят изменения психофизиологических функций интересующих следствие лиц. Умение использовать эти сведения может оказаться полезным с точки зрения повышения продуктивности организации расследования и решения тактических задач в работе с носителями личностной информации. В первую очередь это относится к вопросу определения тактически наиболее благоприятного момента производства допроса потерпевшего, важного свидетеля, склонного ко лжи подозреваемого и обвиняемого, а также момента проведения очной ставки, ознакомления обвиняемого с заключением судебной экспертизы и другими материалами дела, предъявления ему вещественных доказательств. И в этом следователю могут помочь ученые. Они в состоянии выявить наиболее благоприятный период для контакта с правонарушителем, препятствующим установлению истины.

С 1984 г. в Иркутской областной прокуратуре осуществляется успешное применение достижений хронобиологии при допросах обвиняемых, создающих конфликтные ситуации. Как правило, к такой консультативной помощи приходится прибегать лишь тогда, когда традиционные приемы допроса не помогают. Квалифицированный специалист определяет временной интервал – месяц, какой-либо его период, наиболее благоприятный с точки зрения эффективности тактического воздействия на обвиняемого. В эти дни интенсивно проводятся следственные действия (в основном, допросы).

Универсальность данного метода заключается в том, что ни профессия, ни образование, ни прошлый преступный опыт не являются препятствием для получения объективной информации на допросе, проведенном в определенный день. Этому всегда предшествует тщательная подготовка, глубокое изучение особенностей личности допрашиваемого. Полученная на таком допросе информация после соответствующей проверки нередко становится основой обвинительного заключения, и следствие уже не зависит от позиции обвиняемого – признает он вину в дальнейшем или нет.

При проведении допросов лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, в 28 случаях из 36 (78%) были получены подробные показания о содеянном, хотя ранее допрашиваемые либо лгали, либо вообще отказывались от контакта со следователем. В 8 случаях (22%) обвиняемые позицию не изменили, но допустили ряд проговорок, свидетельствующих об их непосредственной причастности к преступлению. Эти проговорки, запечатленные на аудиограммах и видеозаписях, использовались следователем в дальнейшем для изобличения виновных.

По тактическим соображениям во всех случаях допрашиваемые не информировались, что момент интенсификации работы с ними приходился на рассчитанные специалистом дни. Присутствие адвоката на допросе не мешало получению подробных правдивых показаний от обвиняемого[64].

10.2. Следователь Китаев против бывшего врача "Скорой помощи"

О том, как был задержан иркутский насильник и убийца Василий Кулик, в прошлом врач, мы уже рассказывали. Но за рамками этого сюжета остались драматичные страницы многомесячной битвы следователей за информацию, за истину, за справедливое наказание

---

[63] *Хронобиология* – раздел биологии, изучающий биологические ритмы, т.е. упорядоченные во времени, предсказуемые изменения психофизиологических процессов. (См.: *Байкушев С.* Серьезно о сверхъестественном. – М, 1991. – С. 99.)

[64] *Шапошникова В., Китаев Н.* Значение хронобиологии для криминалистики// Законность. – 1997. – №11; *Монологи.* Криминалисты о своей науке. – Иркутск–Москва, 1999. – С. 272–279. *Записки криминалистов.* – Вып. 3. – М., 1994. – С. 287-293.

маньяка.

События развертывались следующим образом.

Спустя некоторое время после задержания и дачи показаний о совершенных им злодеяниях Кулик отказался от всего того, во что он посвятил следователей в своей "Явке с повинной" и на последующих допросах.

Обвиняемый сделал заявление о своей непричастности к тем преступлениям, которые ему инкриминировались, и сообщил, что оговорил себя. Несмотря на изменение им своей позиции, дело по его обвинению направили в суд. В судебном заседании Кулик подтвердил свое заявление о самооговоре. По его версии, на самооговор он пошел под воздействием группы шантажистов во главе с мужчиной по кличке Чибис, который, угрожая убийством его родных и близких, принудил дать такие показания, чтобы скрыть собственные преступления.

Эти и другие обстоятельства послужили основанием для возвращения судом дела на дополнительное расследование. Суд при этом принял во внимание, что следователи допустили ряд существенных ошибок при расследовании, утратили ряд важных вещественных доказательств, вели расследование поверхностно, фактические обстоятельства глубоко не проверяли.

Дополнительное расследование поручили вновь сформированной следственно-оперативной группе во главе с Китаевым.

Изучив дело и допросив Кулика, Китаев понял, что перед ним стоит очень трудная задача. Его обвиняемый – хитрый противник с большим интеллектуальным запасом, отлично знающий и умело использующий все промахи и ошибки предыдущих следователей. Он точно рассчитал все "за" и "против" и намеревался до конца бороться за свою жизнь. Никакой надежды вернуть его на путь истинный путем душеспасительных бесед не было. Предстояла многотрудная работа по его изобличению на основе скрупулезного исследования обстоятельств дела, восполнения пробелов и устранения ошибок первоначального следствия.

С чего же начать?

Китаев поставил перед собой и своими коллегами в качестве первоочередной задачи тщательную проверку первоначальных показаний обвиняемого об изнасиловании двух девочек, которые остались неподтвержденными, так как прежние следователи не смогли установить потерпевших.

С этой целью работники уголовного розыска тщательно изучили материалы уголовного и оперативно-поискового дел, касающиеся примет детей-потерпевших, названных Куликом на первоначальном этапе следствия, разработали обстоятельный план поиска этих детей. Грамотная оперативная работа офицера Пряхина, его ежедневный настойчивый поиск принесли плоды. Он установил Оксану С. и Светлану Т., которых Кулик осенью 1983 г. обманным путем заманил в подвал одного из зданий Иркутска и изнасиловал.

Так как с момента совершения этих преступлений прошло около четырех лет, возникало опасение, что потерпевшие через столь длительный период не смогут опознать Кулика по внешним приметам. Поэтому важно было выяснить у них, не запомнился ли им какой-нибудь характерный признак, ярко индивидуализирующий обвиняемого. И такой признак имелся. Он выражался в дефектном произношении Куликом звука "р".

Зная об этом, Китаев во время допросов у каждой потерпевшей спросил, не обратила ли она внимания на какую-либо особенность речи преступника. Допрашиваемые дали на это положительный ответ. По их словам, разговаривая с ними, преступник картавил.

С учетом этого обстоятельства опознание производилось и по признакам внешности, и по голосу (опознаваемые читали вслух предложенный им текст). Обе потерпевшие уверенно опознали Кулика.

Для предотвращения возможных попыток Кулика в будущем каким-либо образом обесценить результаты опознания Китаев закрепил их путем назначения судебно-логопедической экспертизы. Она была поручена специалистам из Иркутского педагогического института и производилась с участием обвиняемого. В распоряжение экспертов предоставили материалы дела и видеокассеты с записью допросов Кулика.

Эксперты установили, что речь обвиняемого содержит ряд специфических особенностей. Будучи стабильными, устойчивыми, они делают ее хорошо запоминающейся, позволяющей

отличить от речи других людей. Эксперты отметили, что Кулик обладает незаурядными способностями выбирать речевые приемы для воздействия на окружающих. Выводы специалиста объективно подтверждали следственные данные о том, что Кулик легко входит в контакт при знакомстве, умело, вводя в заблуждение малолетних детей и престарелых женщин в целях совершения преступлений.

Шли дни. Появлялись все новые и новые доказательства. Но Кулик по-прежнему стоял на своем. Он утверждал, что с учетом его исключительных интеллектуальных способностей всю информацию о преступлениях, которые ему навязывала "группа шантажистов во главе с Чибисом", он умудрился почерпнуть от последних за час времени. Чтобы опровергнуть эту версию, Китаев назначил судебно-психологическую экспертизу, поставив на ее разрешение вопрос: "Учитывая индивидуальные особенности памяти обвиняемого Кулика, мог ли он при названных обстоятельствах контактирования с "шантажистами" запомнить, а затем и воспроизвести на допросе тот объем информации, который он сообщал на следствии?"

После серии специальных экспериментов с участием обвиняемого эксперт констатировал: "Исключительная особенность Кулика воспринимать, удерживать и воспроизводить без искажений полученную через слуховой канал информацию не подтвердилась. Испытуемый обладает способностями запоминать и сохранять большой объем сведений только при условии, если запоминание опирается на зрительные образы, а он сам является активным участником действий".

Легенда Кулика о том, что он стал невинной жертвой заговора "шантажистов", стала разрушаться. Однако в свою очередь обвиняемый выдвигал все новые доводы в пользу своей мнимой непричастности к преступлениям.

Он заявил, что совершать преступные действия с детьми в темных помещениях не смог бы, даже если бы этого захотел, из-за сильной близорукости. Как показал Кулик, он носит очки и плохо видит в темноте. Проверяя это заявление, Китаев обратился за помощью к ведущим специалистам клиники глазных болезней Иркутского государственного медицинского института. Они произвели офтальмологическую экспертизу. Вот что написали эксперты в своем заключении: "По состоянию функций органов зрения Кулик может свободно ориентироваться в условиях различной степени освещенности, независимо от того, в очках он или нет".

Большую работу группа Китаева проделала, устраняя ошибки и грехи не только следователей, но и экспертов.

На начальной стадии расследования по эпизоду об убийстве и изнасиловании малолетней в г. Кировограде было произведено несколько судебно-медицинских экспертиз. Объектом их исследования являлся один и тот же предмет одежды. Однако заключения явно противоречили друг другу. Экспертом судебно-биологического отделения Кировоградского ОБСМЭ был выявлен на одежде потерпевшей антиген В, выделение которого организмом Кулика исключается. К иному выводу по тому же поводу пришли специалисты из бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Украины. Ими антиген В не был выявлен. Аналогичный результат был получен экспертами Главного бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения России. Однако от оценки достоверности выводов первичной и дополнительной экспертиз эксперты этой инстанции уклонились.

Будучи медиком по образованию, Кулик умело играл на противоречиях экспертных исследований, отрицая свою причастность к совершению данного преступления. Казалось, что все возможности для поиска истины по данному эпизоду исчерпаны, но Китаев и его команда нашли выход из трудного положения. Они изъяли все рабочие журналы экспертов, в которых производились подробные записи в процессе исследования одежды потерпевшей Л. Вместе с вещественными доказательствами, гистологическими пробами эти документы направили на комиссионную экспертизу во ВНИИ МВД и НИИ судебной экспертизы Минздрава страны. Авторитетные специалисты из Москвы обнаружили на платье девочки антиген А. Обвиняемый Кулик имел группу крови А. Это позволило экспертам констатировать реальную возможность происхождения спермы на исследуемой вещи от обвиняемого. Указав на ошибочность выводов своих украинских коллег, эксперты из Москвы отметили в своем заключении, что их предшественники не учли общего фона загрязненной одежды потерпевшей, что и сказалось на

результатах их исследования.

Удалось ликвидировать брак и другой экспертизы. Началось все с изучения трасологической экспертизы, проведенной в связи с убийством малолетнего Ф. Было обращено внимание на вероятные выводы трасологической экспертизы, проведенной экспертами Иркутской НИЛСЭ в связи с обнаружением на бедре трупа следа подошвы сапога-дутыша. Эксперты не смогли решить вопрос об индивидуальном тождестве и остановились только на том, что этот след мог быть оставлен сапогом обвиняемого Кулика. Изучая исследовательскую часть заключения, член следственной группы Китаева следователь Шапошников обнаружил, что эксперты при производстве данной экспертизы получили сравнительные образцы оттиска подошвы сапога на гладкой горизонтальной поверхности обыкновенного листа писчей бумаги. Между тем след сапога преступника был оставлен на бедре, т.е. на выпуклой эластичной поверхности. С учетом этого была назначена повторная экспертиза. Ее поручили произвести экспертам физико-технологического отдела Иркутского ОБСМЭ.

Проведя серию сравнительных исследований на биоматериале, максимально схожем с кожной поверхностью на бедре ребенка, эксперты на основании общих и частных признаков, образующих неповторимый комплекс, пришли к выводу о том, что след на правом бедре потерпевшего Фомина оставлен сапогом, принадлежащим обвиняемому Кулику.

Развивая успех, Китаев пошел дальше, не упуская из виду никаких мелочей. Его внимание привлекло такое обстоятельство. Свидетели и малолетние потерпевшие, оставшиеся в живых, отмечали, что преступник при ходьбе как бы "выбрасывал" одну ногу в сторону. Для выяснения, не характерна ли эта аномалия походке обвиняемого, Китаев привлек специалистов Иркутского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии. Им предложили провести биомеханическую экспертизу. Специалисты поначалу скептически отнеслись к данному предложению, объяснив это тем, что никогда не проводили подобных исследований и методик проведения их не имеется. Однако им пришлось согласиться с убедительной логикой доводов и аргументами Китаева. Так были проведены биомеханические исследования походки Кулика.

Полученные результаты подтвердили показания свидетелей и потерпевших. По выводам биомеханической экспертизы, походке Кулика была свойственна особенность, вызванная скованностью верхнего плечевого сустава, малоподвижностью верхних конечностей. Она проявлялась в ярко выраженном асимметричном выбросе вперед левой ноги после заднего толчка с отклонением голени и стопы наружу как в несколько укороченном, так и учащенном шаге.

Так по крупицам формировалась прочная доказательственная база, убедительно показывающая несостоятельность доводов Кулика о якобы имевшем место с его стороны самооговоре.

Подошло время допроса обвиняемого с предъявлением ему всего комплекса собранных доказательств. К этому допросу следователи готовились особенно тщательно. Достаточно сказать, только для того, чтобы определить наиболее оптимальное с тактической точки зрения время допроса, пришлось воспользоваться услугами известного биоритмолога Шапошниковой В.А. из Санкт-Петербурга.

Специалисту были предоставлены ксерокопии материалов дела, содержащие сведения о личности Кулика с момента его рождения. Используя эти сведения, научные расчеты и биокалькулятор японского ученого Татаи, Шапошникова определила биоритм Кулика на ближайшие три месяца.

Специалист высказал суждение, что наиболее плодотворным речевой контакт с Куликом может состояться в середине ближайшего июня.

С учетом этого Кулик был вызван на допрос в первой половине дня 15 июня 1987 г.

Результаты превзошли все ожидания. Кулик признал полностью свою вину в совершении инкриминируемых ему преступлений. Заявил, что при наличии такого комплекса убедительных доказательств ему нет смысла далее запираться и вводить в заблуждение следственные органы. Более того, он сообщил о совершении еще нескольких преступлений, о которых следователям не было известно (эта информация в ходе проверки подтвердилась).

Правдивые показания, которые дал Кулик 15 июня, он уже не изменял до конца

расследования. Подтвердил их и в ходе судебного заседания, полностью признав свою вину.

11 августа 1988 г. суд приговорил Кулика к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Глава 11
Криминалистический наркоанализ

Что такое наркоанализ

Знаете ли вы, читатель, что такое наркоанализ? Уверены, что точно не знаете, хотя, возможно, что-то об этом слышали или читали тексты, принадлежащие перу некоторых ретивых советских юристов. Нещадно критикуя этот метод, категорически выступая против возможности его применения, они, как водится, вешали на него ярлыки "реакционного", "буржуазного", "изуверского". Обращало, однако, внимание, что, отвергая его, авторы даже не пытались рассмотреть его природу, содержание, а также при соблюдении каких правовых и иных условий этот метод реализуется за рубежом. Видимо, это и для них самих было тайной.

Между тем, то, что на Западе называется наркоанализом, известно также и как "сыворотка правды". Последнее название, впрочем, весьма условно и лишь отдаленно отражает суть метода. По мнению зарубежных специалистов, наркоанализ так же как и гипноз, в полицейской и следственной практике в основном применяется тогда, когда допрашиваемый в силу тех или иных причин (например, вследствие перенесенного шока) не в состоянии в момент обычного допроса вспомнить интересующие следствие событие и его детали, существенные для расследования. История метода такова.

История метода

Мысль о возможности практического использования побочного эффекта наркоза возникла не у криминалистов, а у медиков. Применяя слабый наркоз для обезболивания родов, они заметили, что женщины рассказывают о себе и своих близких такое, чего никогда бы не сказали в обычном состоянии. В 1922 году врач из Техаса Роберт Эрнест Хауз, которого называют "отцом сыворотки правды", опубликовал в техасском медицинском журнале статью под названием "Использование скополамина в криминологии". (В 1931 году эта статья была перепечатана в английском Журнале полицейской науки.) Доктор Хауз провел многочисленные эксперименты, подбирая оптимальные дозировки препаратов и периодичность инъекций, и пришел к заключению, что при соблюдении необходимых условий его метод беспроигрышен.

В 1924 году, выступая перед офицерами полиции в Хьюстоне, он рассказал о том, что ему удалось создать метод, позволяющий, вопреки желанию субъекта, извлечь из его памяти информацию, "запрятанную" на подсознательном уровне психики. Это достигается путем инъекции в кровь некоторой дозы скополамина. Этот препарат, как убеждал своих слушателей доктор Хауз, вызывает либо глубокий сон, либо бодрствование при "выключенном сознании". В таком искусственно бессознательном состоянии человек может отвечать на вопросы подобно малому ребенку – честно, непосредственно, не пытаясь уйти от ответа, обмануть или схитрить. Позднее, проведя многочисленные эксперименты, доктор Хауз пришел к убеждению, что нет человека, который мог бы устоять перед действием скополамина, и что созданный им метод столь же надежен, как и дактилоскопическое исследование пальцев рук. После этого метод был взят на вооружение полицией.

Ни создатель "сыворотки правды", ни его многочисленные последователи не представляли, какой решительный отпор он встретит в судах. Первый инцидент произошел в штате Миссури, когда адвокат обвиняемого в изнасиловании попытался использовать в качестве доказательства невиновности своего подзащитного свидетельство врача-эксперта, проводившего допрос обвиняемого под наркозом. Суд счел пояснения эксперта неубедительными и несостоятельными с научной точки зрения. С тех пор как в Старом, так и в

Новом Свете суды на долгое время перестали учитывать показания, полученные под наркозом. Мотивировка – показания получены "в измененном состоянии сознания" и, следовательно, могут быть продуктом психологического давления. Кроме того, последующие эксперименты заставили более сдержанно относиться к надежности самого метода наркоанализа. Как оказалось, существуют лица, способные лгать даже под наркозом, а лица, дающие правдивые показания, путаться, находясь в этом состоянии. Жизнь, однако, показала, что отказ от метода наркоанализа преждевремен.

После Второй мировой войны наркоанализ стали применять для лечения военных психозов (наркоанализ называют иногда "быстрым психоанализом") и для лечения амнезии у лиц, перенесших контузию. Психиатры используют наркоанализ для распознавания симуляции при экспертизе вменяемости.

Что касается процесса расследования, то здесь наркоанализ стал применяться для того, чтобы помочь свидетелю или потерпевшему вспомнить обстоятельства, связанные с преступлением. В наши дни наркоанализ редко применяется при допросе подозреваемых и лишь в том случае, когда показания допрашиваемого расходятся с результатами проверки его на полиграфе. Характерно, что показания под наркозом не принимаются как доказательства. Они могут быть источником ценной ориентирующей информации и способствовать формированию у следователя внутренней убежденности в виновности или невиновности допрашиваемого. Располагая такой информацией, следователь также может сосредоточить усилия на конкретном направлении расследования и собрать необходимые доказательства.

Допрос подозреваемого под наркозом

Допрос подозреваемого под наркозом проводится в условиях медицинского стационара. После того как принято соответствующее решение, формируется рабочая группа, в которую могут включаться представители защиты, обвинения, судьи, психиатры, психологи, эксперты по иностранному языку, ученые-экспериментаторы, следователи. Подбор состава специалистов диктуется спецификой расследуемого деяния Обязательными условиями во всех случаях является научная объективность, полезность исследования, знание особенностей личности подозреваемого и деталей дела. В состав комиссии всегда входит анестезиолог, который и осуществляет инъекцию фармакологических препаратов в дозировке, необходимой для достижения требуемого для допроса состояния.

В беседе, предваряющей тестовую процедуру, допрашивающий устанавливает психологический контакт с подозреваемым, пытается завоевать его доверие, убеждая в объективности лиц, проводящих обследование, в том, что процедура безопасна для здоровья, а истина будет установлена непременно. Подозреваемому разъясняются его конституционные права, позволяющие ему отказаться от обследования. Он также предупреждается о том, что в случае его согласия результаты наркоанализа могут быть использованы в ходе дальнейшего расследования и судебном разбирательстве.

Сама процедура наркоанализа проводится в обычной операционной комнате. По возможности создается наиболее комфортная атмосфера. Все препараты (а они относятся к барбитуратовой группе) вводятся внутривенно (так быстрее достигается нужный эффект и легче контролировать действие препарата). При этом обычно используется скополамин, натрий-амитал или натрий-пентонал. При их введении возникает сумеречное, просоночное состояние сознания, так называемое "полусознание". В этом случае снимается "цензура сознания" и высвобождаются глубинные, истинные переживания и установки.

По мере того как осуществляется инъекция, с подозреваемым беседуют на темы, не относящиеся к преступлению. К концу первой стадии анестезии, когда допрашиваемый уже с трудом воспринимает вопросы и отвечает на них, разговор переводится в русло предмета допроса.

После того как допрашиваемый почувствует, что подозреваемый настроен на правдивый рассказ, последнего медленно выводят из состояния анестезии до тех пор, пока он не начнет говорить четко и внятно, чтобы все его показания можно было записать на магнитофон.

По окончании наркодопроса с подозреваемым проводится беседа, на которой присутствуют все члены комиссии. Подозреваемому предъявляется запись его показаний, данных под наркозом, нередко он бывает настолько удивлен, что дает подтверждение этих показаний уже в процессуально приемлемой форме.

Профессионально проведенный наркоанализ помогает получить информацию о виновности или невиновности подозреваемого. (В последнем случае подозрения с него снимаются.)

По сходной процедуре осуществляется подготовка и допрос потерпевших и свидетелей под наркозом.

Перспективы использования наркоанализа в России

Есть ли шансы на то, что наркоанализ сможет быть адаптирован к российской правовой среде? Исключать подобную перспективу вряд ли правильно. Но для того, чтобы этот метод привился и приносил пользу правосудию, необходимо пройти очень сложный путь. Он включает в себя ряд этапов, связанных с обеспечением необходимых правовых предпосылок, разработкой фундаментальных методических и дидактических проблем, локальной апробацией и уже затем возможной реализацией в особо значимых случаях. И чтобы осуществить это, нужно в первую очередь изменить правосознание слуг закона и населения, повысить общую и правовую культуру, добиться необходимого уровня благосостояния общества, не скупящегося на материальные затраты на «чистые», коммерчески невыгодные проекты. Но, судя по всему, это произойдет нескоро[65].

Библиографический список к разделу II

Андреев С.В., Образцов В.А. Документ как объект криминалистики и следственной практики // Уголовное право. – № 2. – М., 2000. – С. 79-82.

Байкушее С. Серьезно о сверхъестественном. – М., 1991.

Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том 3. – М., 1997.

Варламов В.Р. Детектор лжи. – Краснодар, 1998.

Записки криминалистов . – Вып. 1–5. – М., 1993–1995.

Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. – Волгоград, 1984.

Законность. – № 11. – 1995; №№ 8, 11. – 1997.

Гримак Л.П. Гипноз и преступность. – М., 1997.

Гримак Л.П., Скрыпников А.И. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших. – М., 1997.

Гримак Л.П. и др. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1999.

Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. – М., 1996.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. – М., 1982.

Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы. – М., 2000.

Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений //Тезисы научно-практического семинара. – М., 1994.

Новости разведки и контрразведки . – № 1–2 (151). – 2001. – С. 7-10.

Образцов В.А. К вопросу об интеграции и дифференциации знаний в криминалистике //Кримтехника. – М., 2000. – С. 270–273.

---

[65] Совсем недавно в газете "Новости разведки и контрразведки" (№1–2 (151), 2001, с. 7–10) опубликована глава "Секретная лаборатория "X" из книги А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова "КГБ. Спецоперации советской разведки". В ней сообщается, что в сталинские времена в недрах КГБ функционировала секретная лаборатория по исследованию применения отравляющих веществ в операциях, проводимых советскими спецслужбами. В той же лаборатории также осуществлялись разработки, касающиеся психотропных веществ, "развязывающих" язык.

Образцов В.А. Многострадальный полиграф: так ли невежественны генералы и мудры ученые? //Труды МГЮА. – № 4. – 1999. – С. 291-313.

Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений в ГУВД Краснодарского края . – Краснодар, 1997.

Протасевич А.А. и др. Монологи. Криминалисты о своей работе. – Иркутск–Москва, 1999.

Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». – Тарту, 1992.

Ситковская О.Д. и др. Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М., 2000.

Скрыпников А.И., Зубрилова И. С., Зерин С.Н. Методика и тактика применения полиграфа при раскрытии преступлений. – М., 1997.

Скрыпников А.И., Стрельченко А.Б. Использование экстраординарных способностей человека при раскрытии преступлений. – М., 1995.

Системы безопасности и телекоммуникаций . – № 3. – М., 1996.

Справочник следователя. Практическая криминалистика . – Вып. 3. – М., 1992.

Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений // Мир безопасности. – М., 1999.

Российский следователь . – № 1. – 2000.

Adams S. Statement analysis. What do suspect's words really reveal? FBI Law Enforcement Bulletin, 1996, Vol. 65, № 10, 12–20.

Annon J. The psychological autopsy. – American Journal of Forensic Psychology, 1995, Vol. 13 (2), 39-48.

Berman A. Forensic suicidology and the psychological autopsy. Jason Aronson, Inc: Northvale. – N. Y., 1993.

Berman A., Litman R. Psychological autopsy. – New York: Wiley, 1994.

Divry P., Bobon J. La narco-analyse au point de vue medico-legal. Acta Medicinae Legalis et Socialis (Bruxelles). Vol. I, n 2, 1947.

Gelles M. Psychological autopsy: An investigatives aid. In: Police Psychology into the 21 century. Lawrence Erlbaum Associates, Inc: NJ, 1995, 337-355.

Hanscom C. Modern interrogation techniques. – Polygraph, 1972, № I, 9-22.

Hazelwood R., Dietz P., Burgess A. The investigation of autoerotic fatalities. – Journal of Police Science and Administration, 1981. Vol. 9, № 4, 404-411.

Jobes D., Casey J., Berman A., Wright D. Empirical criteria for the determination of suicide manner of death. – Journal of Forensic Science, 1991, 36, 244-256.

McConkey K., Sheehan P. Hypnosis, memory and behavior in criminal investigation. Guilford clinical and experimental hypnosis series. – Guil-ford Press: New York, 1995.

Miron M., Douglas J. Threat analysis. The psycholinguistic approach. – FBI Law Enforcement Bulletin, September, 1979.

Moenssens A. Narcoanalysis in Law enforcement. – The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science, 1961, Vol. 52, № 4, 453-458.

Orne M., Dinges D., Orne E. The forensic use of hypnosis in National Institute of Justice, December, 1984.

Psychological methods for investigation and evidence . – New York: Springer, 1991.

Reiser M. Handbook of investigative hypnosis. – Los Angeles: LEHI, 1980.

Раздел III
Использование достижений криминалистической психологии при собирании, оценке, использовании личностной информации

Глава 12
Психолого-криминалистическая характеристика коммуникативной деятельности субъектов при выявлении и раскрытии преступлений

12.1. Общие положения информационного взаимодействия процессуальных коммуникаторов при выявлении и раскрытии преступлений

Деятельность следователя и оперативного сотрудника органа дознания представляет собой процесс постоянного многоканального информационного взаимодействия с коллегами, начальством, надзирающими прокурорами, сведущими лицами, понятыми, защитниками и другими участниками уголовного судопроизводства и физическими лицами.

В данном случае речь пойдет о коммуникациях с носителями личностной информации, имеющей значение для выявления и раскрытия преступлений, – потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми и обвиняемыми.

Любому, даже не посвященному в юридические тонкости человеку, абсолютно ясно, что ни одно производство уголовно-правового характера не может обойтись без информации, хранящейся в памяти участников и наблюдателей совершенных, готовящихся, совершаемых, скрываемых преступлений и других событий, связанных с ними. Выявлению и установлению событий, являющихся предметом уголовно-правового реагирования, также способствуют данные, сообщаемые иными лицами, в силу служебных, бытовых, иных отношений посвященных в обстоятельства, имеющие значение для досудебного и судебного уголовного процесса. Возможности использования правоохранительными органами, спецслужбами, судами поступающей к ним в официальном или конфиденциальном порядке информации, воистину безграничны.

С учетом данных, полученных от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, определяются подлежащие установлению обстоятельства исследуемых деяний, строятся оперативно-разыскные и следственные версии, разрабатываются и реализуются программы подготовки и производства отдельных действий, тактических комплексов действий и комбинаций в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного следствия. Сообщаемые ими сведения позволяют решать разыскные, распознавательные, идентификационные задачи, связанные с выявлением, изобличением и уголовным преследованием виновных.

Некоторая часть таких сведений оказывается в распоряжении следствия и суда по воле и инициативе самих носителей личностной информации. Например, сведения, отраженные в заявлениях граждан и обращениях должностных лиц в органы дознания, предварительного следствия, суд, могут стать поводом для запуска механизма уголовного реагирования на события с признаками преступлений. После принятия решения о возбуждении уголовного дела по показаниям допрошенных устанавливаются другие лица, также являющиеся потенциальными источниками информации, обнаруживаются документы, материально фиксированные следы, связанные с преступным поведением. И все же основной массив личностной (гомологической) информации, собираемой при производстве оперативных разработок, доследственных проверок, предварительного расследования, является плодом целенаправленных действий, следователей, оперативных сотрудников органов дознания, судебных экспертов. Зачастую ими затрачивается много сил и времени для поиска скрывшихся с места происшествия преступников, выявления свидетелей-очевидцев, а то и потерпевших, по тем или иным соображениям не желающих сообщать о случившихся с ними бедах. Лишь после того, как рассматриваемые носители информации обнаружены, создается возможность установления с ними речевого и неречевого коммуникативного взаимодействия в целях получения, осмысления, накопления, передачи и использования данных, которыми они располагают. В этом контексте носители личностной информации в теории и практике выявления и раскрытия преступлений рассматриваются вначале в качестве объектов поиска, а затем как объекты и средства познания. Источниками сведений, способствующих продуктивному поиску названных объектов, могут быть:

- знающие люди (специалисты, осведомители, соучастники, иные лица, контактировавшие, соприкасавшиеся с устанавливаемым человеком);
- предметы, материалы, вещества;
- материально фиксированные следы трасологической, биологической и иной природы;

• средства беспроволочной и проводной связи (телефоны, телефаксы, радиостанции и т.д.);

• всевозможные, так называемые отслеживающие факторы (поведение, разговоры, предметы, средства, результаты какой-либо деятельности).

Весьма информативными источниками собираемых сведений, используемых для выявления потерпевших, свидетелей, розыска преступников, зачастую являются различные виды документов. В их круг включаются:

• официальные документы (личные дела, медицинские карты, докладные, рапорта, справки и т.п.);

• деловые бумаги и архивы (договоры, отчеты, внутренние телефонные справочники и т.д.);

• носители машинной информации (банки данных, занесенные в ЭВМ);

• личные бумаги и архивы (записные книжки, дружеские и интимные письма, дневники и т.п.);

• так называемый "мусор" (выброшенные, разорванные черновики и машинные распечатки, бумажные обрывки с пометками, рисунками, текстами, отработанная копировальная бумага и т.д.);

• публикации и иные обнародованные факты (статьи в газетах, телесюжеты, лекционный материал и т.д.);

• подметные письма и самиздат (листовки, обращения и т.д.);

• звукозаписи телефонных квартирных разговоров, радиопереговоров, передач радиостанций, видеоматериалы;

• графическая и знаковая информация телеграфа, телетайпа, телефакса, выведенная на бумажные носители.

Информация, содержащаяся в приведенных источниках, может быть получена при производстве процессуальных и непроцессуальных следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, судебных экспертиз, прокурорских и иных проверок (ведомственных и межведомственных, производимых как по инициативе правоохранительных органов, спецслужб, суда, так и по собственной инициативе). После установления потерпевших, очевидцев содеянного, преступников, иных лиц, которым известны исследуемые в уголовном судопроизводстве обстоятельства, предпринимаются меры к тому, чтобы перевести носителей информации в иное качество – в источники информации. Процесс коммуникативного взаимодействия с ними ориентирован на получение фактических данных, во-первых, об обстоятельствах познаваемых событий; во-вторых, о других известных коммуникаторам носителях информации (живой и говорящей природы; живой, но не говорящей природы; материальных объектов неживой природы). Организуя этот процесс, управляя им, развивая его, субъекты поисково-познавательной деятельности (практического следоведения) в уголовном процессе исходят не только из необходимости решения поисковых и познавательных, но и других задач правового и тактического характера, обусловленных функциями уголовного преследования, предупреждения правонарушений, реабилитации невиновных, обеспечения, возмещения причиненного преступлением вреда и т.д. К числу таких задач, например, относится формирование у носителей личностной информации устойчивой социально полезной позиции, принятие мер, способствующих исключению, нейтрализации, уменьшению возможного в будущем противодействия с их стороны правоохранительным органам в деле установления истины и обеспечения правильного применения закона. Наиболее широкий диапазон вопросов, входящих в предмет информационного взаимодействия, о котором идет речь, исследуется с участием лиц, виновно прикосновенных к устанавливаемому деянию с признаками преступления. (Имеются в виду попустители, инициаторы, заказчики, организаторы, укрыватели преступления и преступников.)

Информация, поступающая от преступников, а также от потерпевших, свидетелей, классифицируется по различным основаниям. По способу представления выделяется информация, передаваемая вербальным путем, и информация, передаваемая невербальными способами; по виду носителя информации – информация преступников, информация потерпевших, информация свидетелей; по процессуальной значимости – доказательственная,

ориентирующая, вспомогательная.

По отношению информации к характеризуемым объектам она разделяется на следующие группы:

• информация о самом носителе информации;

• информация о других лицах как носителях информации;

• информация о материально фиксированных следах и других материальных носителях информации живой и неживой природы;

• информация о познаваемых событиях и обстоятельствах.

Типовая криминалистическая характеристика человека как носителя и источника значимой для уголовного производства информации ориентирует практиков на необходимость применения при его изучении системного подхода, комплексного анализа самых различных аспектов, сторон, признаков данного партнера по вербальной и невербальной коммуникации.

Поэтому криминалистическая гомология рекомендует следователям, другим субъектам поисково-познавательной деятельности рассматривать каждого человека, от которого могут быть получены полезные сведения, во-первых, как личность; во-вторых, как элемент системы исследуемого события и процесса его отражения; в-третьих, как следообразующий и одновременно следовоспринимающий объект.

Человек представляет собой сложную, динамичную информационную систему, состоящую из множества внешних и внутренних свойств, связей и отношений различного порядка (физических, социальных, психических, психологических, нравственно-этических, биологических). В оперативно-разыскной, следственной, экспертной, прокурорской, судебной практике изучаются самые различные стороны, черты, аспекты личности потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей. Установление одних из них носит строго обязательный характер (например, установление возрастной принадлежности, психической состоятельности). Другие выделяются факультативно в зависимости от целей, вида, этапа и других особенностей поисково-познавательной деятельности и ситуационных потребностей. Так, при составлении словесного портрета устанавливаемого лица в первую очередь учитывается его пол, возраст, телосложение, походка и некоторые другие признаки внешности, а также особые приметы и признаки сопутствующих вещей (одежды, головных уборов, украшений и т.п.). Если же речь идет о подготовке и производстве непосредственного речевого взаимодействия с лицом, являющимся носителем юридически и криминалистически значимой информации, субъект ППД изучает и учитывает процессуальное положение, роль в содеянном, наличие физических и психических недостатков, черты характера своего визави. Определению наиболее целесообразных приемов речевого общения способствует также учет данных о взглядах, интересах, сильных и слабых сторонах, возможностях, типе мышления, уровне эрудиции, интеллекта, эмоциональной устойчивости, других психологических характеристиках собеседника. Для решения других задач значимыми могут стать навыки, умения, другие опытные профессиональные свойства носителя информации, особенности его физических и биологических параметров, а также сочетание определенных групп признаков.

Полученные знания об одних свойствах и признаках позволяют с той или иной мерой достоверности судить о других, неизвестных в данный момент сторонах личности, находящихся во взаимосвязи и взаимообусловленности с первыми, а также об обстоятельствах исследуемого поведения (деятельности) в условиях совершения преступлений и вне их.

Важным источником сведений о лице как объекте гомологического исследования, о том кто он, что собой представляет, какой он, каково его прошлое, настоящее и вероятное будущее, совершенные и планируемые им действия, его поведение, деятельность, ближайшее окружение и другие обстоятельства, является само это лицо.

В человеке информативно все: мысли, душевные порывы, тело, сопутствующие вещи, формы, направления, особенности проявления активности и многое другое, связанное с его сущностью, сферами, видами, направлениями ее реализации.

Для человека, особенно того, кто является участником правонарушений в уголовном процессе, первичным было, есть и будет слово и то, что заложено в его содержание. Однако не менее значима информация другого типа – невербальная. Криминалистическое наблюдение за невербальными коммуникациями партнера по информационному взаимодействию дает богатую

пищу для размышлений и выводов пытливому уму исследователя. (Психологами установлено, что в процессе речевого общения лишь 7% информации передается непосредственно словами. В то же время звуками и интонацией передается до 38%, а жестами, позой, телодвижениями, перемещением в пространстве – до 55% полезной информации.)

Основой невербального поведения являются инстинкты человека. Невербальный язык во многих случаях плохо контролируется сознанием, однако хорошо воспринимается наблюдателем на подсознательном уровне, формируя определенное отношение к говорящему.

Невербальная информация важна сама по себе и как средство обеспечения продуктивного обмена вербальной информацией, и как средство надлежащего инициирования и управления речевой коммуникацией.

Поступающая к коммутатору от другого лица невербальным путем информация, особенно на уровне подсознательных реакций, неконтролируемых сознанием проявлений, является важным ориентиром восприятия, правильной расшифровки, оценки и использования вербальной информации. "Поставщиком" невербальной информации являются самые различные компоненты системы, называемой человеком. (Известно более тысячи невербальных знаков, дающих те или иные сигналы людям.) Даже устная речь как уникальный инструмент вербального способа информационного взаимодействия несет в себе не только вербальные, но и невербальные сигналы.

Устная речь как источник информации

С физической точки зрения устная речь человека представляет собой акустический сигнал, который образуется в результате функционирования сложной анатомо-физиологической системы, включающей центральную нервную систему и речевой аппарат. Устная речь любого человека обладает устойчивым набором акустических, лексических, фразеологических признаков (инверсий, клише и т.п.), характеризуется определенным уровнем экспрессивности, эмоциональности и другими особенностями, свойственными каждому отдельно взятому коммуникатору. Признаки речи, приобретаемые в ходе формирования личности, учебы, профессиональной деятельности, повседневного общения и практики, индивидуальны, относительно устойчивы, повторяемы. Отсюда и вытекает широко практикуемая в уголовном судопроизводстве и за пределами этой сферы идентификация человека по признакам его голоса и другим компонентам устной речи, а также возможность распознавания тех или иных сторон и целостной характеристики его внутреннего мира. В этом процессе существенно все: дикция и акцент, тембр голоса, смысловая (содержательная) речь, ее словесное оформление, структура, логика высказывания и т.д.

По акустическим, стилистическим, лексическим признакам, грамматическому строю и другим особенностям устной речи в процессе ее восприятия даже непосредственно не наблюдаемого коммуникатора тем не менее распознаются его национальная, половая, профессиональная принадлежность и ряд других признаков, существенных для организационных, разыскных, а также идентификационных целей.

Полезными с этой точки зрения могут оказаться подмеченные психологами закономерные связи свойств личности с особенностями голоса, формы, строения и содержания устной речи.

По мнению немецкого психолога Штангля, скорость речи соответствует господствующему состоянию темперамента. Так, оживленная, бойкая, торопливая манера говорить чаще всего свидетельствует о темпераментном, уверенном в себе человеке. Если речь говорящего чересчур торопливая ("кувыркающаяся"), это указывает на непостоянство и неуправляемость коммуникатора. Тихая речь может быть признаком спокойствия. Вместе с тем, в сочетании с другими признаками речевого поведения, она может свидетельствовать о подавленности говорящего.

Чересчур громкий голос потерпевшего, свидетеля, обвиняемого может являться сверхкомпенсацией, осуществленной для сокрытия слабости. (В похожем состоянии находится путник, который для прикрытия испытываемого ночью в лесу страха вдруг начинает громко петь.)

Излишне тихий голос при общей напряженности индивида может быть признаком его неуверенности в себе либо "камуфляжем" для достижения цели. Колебания громкости речи свидетельствуют об интенсивном переживании.

Ясное, четкое произношение слов, намеренное акцентирование внимания на звуковых сочетаниях обычно свидетельствует о внутренней мобилизованности говорящего, его уверенности в себе. И наоборот, неясная, невнятная речь может указывать на уступчивость, волнение, неуверенность в себе. Психологи считают, что в данном случае мы имеем дело с подсознательной самозашитой человека, с его стремлением к упрочнению своего положения, к избежанию однозначной позиции до тех пор, пока это возможно, иначе говоря, с тем, что называется "бессознательным стремлением всегда иметь позади себя дверь для бегства".

Некоторые признаки голоса, содержательного и эмоционального наполнения устной речи могут квалифицироваться как сигналы, дающие основание заподозрить допрашиваемого но лжи. Как показывает практика, ложные показания обычно имеют более бедный эмоциональный и интонационный фон. Связано это с тем, что воспроизводя надуманную вербальную конструкцию, лжесвидетельствующий не может адекватно воспроизвести те эмоциональные переживания, которые в действительности он должен был бы испытывать в соответствии с выбранной версией. Такое восприятие требует или определенных невербальных реакций (о чем он может не знать) или введения в речь определенных конструкций (слов-актуализаторов), что без специальных навыков сделать очень трудно. Поэтому в том случае, когда эмоциональное состояние лица, дающего показания, выраженное в особенностях его речевого поведения, противоречит содержанию сообщения, которое он доносит до слушателей, это должно настораживать следователя. Однако следует учитывать, что сам по себе факт неадекватного речевого поведения коммуникатора на допросе нельзя однозначно трактовать как признак возможной с его стороны криминальной лжи. Подобное поведение может быть вызвано, в частности, волнением, возникшим вследствие криминальной ситуации. Поэтому прежде чем принять решение о проведении тактической операции по разоблачению криминальной лжи, необходимо проанализировать и сопоставить результаты использования других видов наблюдения и применения иных методов познания.

В контексте развиваемой нами темы небезынтересным представляется умение следователя распознавать, является ли речь собеседника спонтанной или установочной. Спонтанная речь у лиц, не владеющих ораторским искусством, обычно сопряжена с паузами напряженного обдумывания, неуверенностью в голосе, повторами, самоперебиваниями, порой с отказом от продолжения разговора в силу затруднений в построении речевых коммуникаций.

Что же касается установочной (репродуцированной) речи, то она представляет собой воспроизведение заранее подготовленного письменного или устного аналога и поэтому является по сравнению со спонтанной более ровной, гладкой, "причесанной", логичной. Подмечено, что некоторые лжесвидетели, которые заранее готовятся дать ложные показания, еще до вызова на допрос, разрабатывают письменный вариант будущих показаний, проговаривают, иногда даже заучивают их. В итоге их показания могут быть неестественно стройными, четкими, с элементами книжного стиля, что особенно бросается в глаза на фоне выявленного недостаточного общего уровня речевой культуры допрашиваемого.

Письменная речь как источник информации

Наряду с устной речью не менее важным источником информации о человеке и многом из того, что связано с его личностью и поведением, является его письменная речь. Письменная речь не есть простой перевод устной речи в письменные знаки и обозначения, это сознательная целенаправленная деятельность, тесно связанная с намерением и мотивацией. Потому-то письменная речь и названа своеобразной алгеброй речевой активности, наиболее трудной и сложной формой намеренной психофизической деятельности.

Внешний вид и одежда как источник информации

Исследуя письменные тексты, субъект познания по содержательным (смысловым), графическим и топографическим признакам может установить личность автора, исполнителя текста, распознать его различные свойства, состояния, отношения. Это объясняется тем, что отражаемые в письменной речи самые разнообразные черты личности так же индивидуальны, так же непохожи у разных людей, как и отпечатки пальцев.

Распознавание характера и других свойств личности коммуникатора возможно по выражению его лица и глаз, виду и состоянию прически, степени ухоженности рук, чистоте тела, запа-ховым следам, манерам, жестам, татуировкам, другим внешним признакам и аксессуарам.

В системе средств невербального общения на уровне сознания существенную роль играет одежда человека. Этот объект может о многом рассказать внимательному наблюдателю (об уровне материального благополучия собеседника, его вкусе, круге общения, социальной и возрастной принадлежности и т.д.).

Одежда человека относится к психологической категории, определяемой как сигнал личности. Под данного рода сигналами понимаются те информационные знаки, символы, которые используются человеком, чтобы дать понять окружающим, какого типа личностью он является либо желает выглядеть, к какому кругу лиц причисляет себя. Эту функцию, в частности, выполняет вид, модель, покрой, стоимостный показатель одежды и другие ее признаки.

Управляемую и коррелируемую сознанием информацию несут в себе и другие знаки из числа сопутствующих человеку вещей, характерные как для самых различных слоев населения, так и свойственные отдельным группам, сообществам людей.

Так, обручальное кольцо на соответствующем пальце правой руки обычно как бы говорит людям: "Я занята (занят), прошу потенциальных воздыхателей не беспокоиться". То же кольцо, но перенесенное на другую руку, говорит, что его владелец состоял когда-то в браке, но теперь свободен (вдов, разведен). Массивная золотая цепь на шее крепкого молодого субъекта, по его мнению, должна сигнализировать криминальной братве: "Я – свой!", прочим лицам: "Внимание! Я – крутой!".

Впрочем, к расшифровке подобных и других знаков – символов, связанных с сознательной психической деятельностью, следует относиться с известной мерой осторожности, дабы не ошибиться в диагностике личности. Практика показывает, что все, что исходит от человека на уровне его сознания, может оказаться ложной демонстрацией, игрой, намерением казаться не тем, кем он является в действительности, а тем, кем он хотел бы выглядеть в глазах окружающих.

Намеренно демонстрируемый, не соответствующий действительности образ может быть полностью ложным или представлять собой частично измененный (приукрашенный либо ухудшенный) реальный, сущностный облик коммуникатора.

Жесты и положения тела как источники информации

Более точно личность распознается на основе расшифровки невербальных коммуникаций подсознательного характера, тех источников информации, которые существуют независимо от воли и желания человека. В этой связи особого внимания заслуживает так называемый язык подсознательных жестов.

Отечественные и зарубежные литературные источники в области психологии убедительно свидетельствуют в пользу того, сколь разнообразна "читаемая" информация, которая объективно заложена в самые различные жесты людей. Некоторые жесты человека являются культурно приобретенными продуктами социализации личности. Количество их невелико, они контролируются сознанием и представляют для субъектов криминалистического наблюдения меньшую познавательную ценность. Иное дело – генетически врожденные жесты – биологическое наследство человека. Хотя у современных людей эти жесты во многом утратили свое изначальное значение, они тем не менее сохранились как передаваемые из поколения в

поколение информативные стереотипы поведения, отражающие то или иное психическое состояние их носителей. Отметим некоторые из них.

Ладони человека. С древних времен и по сей день открытая ладонь человека традиционно ассоциируется с искренностью, честностью, неподкупностью. До сих пор при даче показаний в судебных заседаниях многих стран левая рука свидетеля покоится на библии, а правая ладонь обращена к суду. Психологи считают, что если человек говорит откровенно, то он полностью или частично раскрывает перед собеседником ладони. Если же человек при общении прячет ладони, это может указывать на то, что он не совсем откровенен. Сигнальное значение имеют и разновидности командных жестов ладонью. Таких жестов три.

Положение открытой ладони вверх трактуется как доверительный жест, напоминающий, как считает Аллан Пиз, «просящий жест нищего на улице».

Положение открытой ладони вниз – знак угрозы, подавления, команды. У человека, в сторону которого направлен данный жест, может возникнуть подсознательное ощущение, что он получает приказ.

Жест «указывающего перста» при сжатых в кулак пальцах и выставленном указательном пальце рассматривается как агрессивный. Это – «своеобразная дубинка, которой человека принуждают к подчинению» (А. Пиз).

Сцепленные пальцы рук («замки»). На первый взгляд этот жест может показаться доверительным. Однако исследования, проведенные психологами Ниренбергом и Калеро, показали, что этот жест означает разочарование и желание человека скрыть свое состояние. Психологи советуют для нейтрализации этого негативного жеста предпринять ряд мер, позволяющих «разомкнуть замок».

Шпилеобразное (куполообразное) положение кистей рук. Жест имеет два варианта: 1) руки шпилем вверх; 2) руки шпилем вниз. Он часто сопровождается закидыванием головы назад. Используя данный жест, люди как бы сигнализируют о своей самоуверенности, о принятии твердого решения по какому-либо вопросу.

Положение головы. Психологи выделяют несколько положений головы человека, отражающих то или иное его психическое состояние. Так, А. Панасюк рассматривает следующие разновидности этого жеста.

Голова прямая и чуть наклонена вперед («голова агрессора»). Подобное положение головы человека связано с агрессивным настроем в отношении другого лица. Жест отражает подсознательное стремление человека подбородком защитить самое уязвимое место – гортань – от возможного на него нападения.

Голова прямо закинута назад («голова властелина»). По мнению психологов, такое положение головы свидетельствует о чрезмерном самодовольстве человека и его уверенности в себе.

Голова чуть наклонена набок и вниз («голова президента»). Этот жест свидетельствует о внимательном отношении к собеседнику, о значимости сообщаемой им информации.

Положение корпуса тела. Психологические опыты показывают, что если у слушателя корпус развернут в сторону коммуникатора и чуть наклонен к нему, это свидетельствует об интересе к сообщению. Если слушатель откидывается назад (увеличивает дистанцию), тем самым он демонстрирует свое негативное отношение к говорящему и само сообщение вызывает у него отрицательные эмоции.

Особую значимость имеет расшифровка подсознательных жестов для выявления лжи, определения психологического состояния, намерений, чувств коммуникатора. Весьма информативны в этом смысле различные стереотипные жесты рук.

Жесты, связанные с прикосновением рук к различным частям лица. По мнению большинства авторов, данная группа жестов чаще всего свидетельствует о ложности сообщения, неуверенности, мрачном предчувствии говорящего. Эти жесты вызываются подсознательным стремлением человека вырваться, уйти от неприятной ситуации, связанной с необходимостью лгать (человек как бы закрывает себе рукой рот, глаза, уши). Это подсознательное сдерживание имеющих негативную эмоциональную окраску лживых вербальных актов. Жест имеет следующие разновидности.

Защита рта рукой в момент речи свидетельствует о том, что человек говорит неправду.

Когда собеседник прикрывает рот во время речи другого человека, это означает, что он не доверяет говорящему. *Прикосновение к носу* представляет собой завуалированный вариант предыдущего жеста. *Потирание века* в момент произносимой речи означает подсознательное желание говорящего избежать взгляда собеседника в свои глаза. *Потирание уха* – жест, отражающий подсознательное желание слушателя отгородиться от неприятных слов говорящего.

Оттягивание воротничка характерно для людей, которые лгут и подозревают, что их обман раскрыт. Стресс вызывает неприятные ощущения в области шеи.

При толковании вышеперечисленных жестов следователю следует быть предельно осторожным, так как их можно спутать со схожими проявлениями обычных состояний, характерных для обдумывания вопроса, оценки сказанного.

Руки в качестве барьеров (скрещивание рук). Укрытие за какой-либо перегородкой является естественной реакцией самосохранения любого человека. Помещая одну или обе руки на груди при наличии признаков опасности, человек тем самым подсознательно как бы образует своеобразный барьер, демонстрируя попытку отгородиться от надвигающейся угрозы или нежелательных обстоятельств. Наблюдая за человеком, который держит руки в таком положении, можно сделать вывод о том, что у него отрицательное отношение к говорящему, он не вникает в то, что ему говорят. Если же жест дополнен сжатием рук в кулаки, это может свидетельствовать о наступательной и враждебной позиции слушающего. В том случае, когда скрещивание рук сопряжено с захватыванием кистями рук противоположных плечей, это следует трактовать как признак негативных эмоций говорящего или слушающего.

Атрибуты невербальной информации

Таким образом, источником невербальной информации, позволяющей диагностировать свойства и состояния коммуникатора, распознавать его подлинные цели, замыслы и другие обстоятельства, являются следующие атрибуты:

• внешность, одежда, другие сопутствующие вещи, предметы материальной микросреды по месту проживания, работы, досуга;

• паралингвическое поведение (тон, тембр, сила голоса, речевые паузы и т.д.);

• иные невербальные проявления (перемещения в пространстве, изменения положения, позы тела, мимика, жесты и т.п.);

• действия, поступки в официальных и неофициальных, формальных и неформальных условиях, в криминальных, криминалистических и иных ситуациях;

• объекты, средства, продукты трудовой и иной деятельности;

• графическая, топографическая и содержательная сторона письменной речи.

В том случае, когда человек рассматривается не только с точки зрения получения от него информации, хранящейся в его памяти, но и как носитель материально фиксированных следов, он (и следы на нем) исследуется как путем речевого способа снятия вещной информации, так и иными способами (путем осмотра одежды, освидетельствования тела человека и т.д.).

При этом во внимание принимаются такие обстоятельства:

• временные, пространственные, ситуационные характеристики следов (когда, где, в каких условиях, при каких обстоятельствах образовались);

• особенности следов, механизм их образования, расположение (их характер, вид, количество, строение, состояние, локализация, соотношение с другими видами следов и т.д.);

• период времени, прошедший с момента образования следов до их обнаружения, исследования; степень сохранности; факторы, обусловливающие их посткриминальные изменения;

• обстоятельства, пути, методы выявления следов и включения их в орбиту показания, соблюдение правовых условий и порядка их обнаружения, фиксации, изъятия, исследования;

• степень полноты, достоверности, получаемой при их исследовании информации, объективности ее получения; поисковая, идентификационная, иная значимость информации; не противоречит ли она другим данным, собранным по делу.

Значительный объем невербальной информации содержат материально фиксированные следы, носителем которых является человек. Это – следы на его теле, одежде, обуви, прочих сопутствующих вещах, возникающие в результате контактного взаимодействия с другими людьми, предметами, веществами, материалами. Информация, полученная путем осмотра, предварительного и экспертного исследования подобных "немых свидетелей", может "рассказать" о многом: о самих следах (давности их образования, форме, размерах и т.п.), носителях следов, механизме следообразования, следообразующих объектах, а также об обстоятельствах события, с которыми связано происхождение и изменение следов.

В зависимости от возможности ее восприятия данная информация подразделяется на следующие группы:

• лежащая на поверхности, доступная непосредственному восприятию получателя;

• потенциально доступная для непосредственного восприятия, хотя и неочевидная на первый взгляд, требующая определенных усилий от получателя для ее извлечения и расшифровки;

• недоступная непосредственному восприятию в силу ограниченных возможностей органов чувств человека и потому требующая для овладения ею привлечения института специальных познаний, специальных технических средств и технологий;

• недоступная непосредственному восприятию и иным способам познания ввиду отсутствия адекватных возможностей ее получения на данном этапе развития научно-технического прогресса.

Таким образом, в предмет криминалистического познания, анализа и оценки носителей личностной информации входят:

• признаки человека как личности и объекта взаимодействия (социальный статус, образ жизни, материальный, интеллектуальный уровни, половая, возрастная, профессиональная принадлежность, внешний облик, факторы, обусловившие исследуемое поведение, роль в содеянном и т.д.);

• особенности его поведения и деятельности до, в ходе и после исследуемого в уголовном производстве события;

• преследуемые при этом цели, реализуемые мотивы;

• совершенные действия, объекты, способы, орудия, средства, результаты действий, поведения, деятельности;

• механизм взаимодействия с другими материальными объектами и отражения в рамках познаваемого события;

• следы, образующиеся на этих объектах, а также следы, образующиеся на теле, одежде, других сопутствующих вещах;

• наличие, характер связи с местом происшествия, с местом иного познаваемого события, предметом преступного посягательства, иными материально фиксированными событиями, участвовавшими в процессе следообразования;

• уровень информативности относительно устанавливаемого события, факта, предмета, иного обстоятельства; значимость сообщенных сведений для выявления, раскрытия преступлений и решения других задач ППД;

• обстоятельства и условия восприятия и фиксации передаваемой (ожидаемой) информации, ее содержание и объем;

• уровень стабильности, прочности, перспективности занятой подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями позиции;

• лица, которым указанными носителями была передана информация, обстоятельства, способ ее передачи, реакция на нее;

• документы и другие материально фиксированные носители, содержащие информацию по поводу упомянутых обстоятельств;

• то, насколько органично эта информация вписывается в систему собранных данных, стыкуется с данными других источников, не противоречит ли им (а если противоречит, то почему).

Определенная часть информации, носителями которой являются подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, свидетели, может быть получена непосредственно от самого

человека речевым или иными способами. Наряду с этим в уголовном судопроизводстве реализуются и другие пути собирания личностной информации. Она может быть почерпнута субъектом ППД в результате непосредственного восприятия совершаемых ее носителем действий, поступков, наблюдения за его поведением и деятельностью лиц из его ближайшего окружения, по данным, полученным из других источников.

Овладению криминалистически и юридически значимым информационным потенциалом указанных категорий лиц способствуют осмотр, предварительные и экспертные исследования их имущества, объектов, средств и результатов криминальной и некриминальной деятельности, а также аналогичных объектов лиц из ближайшего окружения. Для достижения этой цели обследуются места происшествия, жилища, рабочие места, отыскиваются и осматриваются находящиеся в них предметы и материальные следы, производятся освидетельствования живых людей, обыск, осмотр одежды и других сопутствующих вещей носителей личностной и материально фиксированной (вешной) информации. В необходимых случаях подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, а иногда и свидетели могут стать предметом изучения психологической и других судебных экспертиз.

При этом реализуются самые различные методы и приемы поиска носителей информации, получения, фиксации, анализа, оценки, передачи и использования полученных данных. В их круг входят как традиционные (наблюдение, идентификация, моделирование, расспрос и т.д.), так и новые приемы и методы, представляющие собой более эффективные модификации ранее применявшихся методов либо отражающие принципиально новый уровень знания и прежде неизвестные возможности. Так, для собирания ориентирующей информации в нашей стране все шире реализуется обследование на полиграфе. Ведется активная проработка вопроса о возможности собирания ориентирующей информации путем тестирования с помощью специалистов в области криминалистической гипнологии, существуют и формируются другие направления поиска и исследования рассматриваемых объектов.

12.2. Психологический реагент и его криминалистическое значение

Работа следователя, дознавателя, лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, – это прежде всего работа с людьми как носителями уголовно-релевантной информации.

Информационное взаимодействие с ними протекает в одних случаях в служебном кабинете правоохранительного органа, в других – в лабораторных условиях, в третьих – в так называемой полевой обстановке (на месте происшествия, на обследуемой территории и т.д.). Обмен информацией при этом может происходить с глазу на глаз (например, при опросе или допросе без участия третьих лиц) или публично при участии либо в присутствии других лиц (понятых, специалистов, защитников и т.д.). Однако независимо от того, кто является инициатором коммуникативного контакта, какие цели преследует информационное общение, осуществляется ли оно открыто, в официальном порядке на процессуальной основе или негласно, в тайне от посторонних глаз, в служебное или свободное от работы время, оно никогда не обходится без одного очень важного, неотъемлемого элемента. Этим элементом является окружающая материальная микросреда, или, как говорят еще, реальная обстановка. Ее образуют самые различные объекты материального мира, их связи и отношения: предметы, вещества, материалы и т.д., включенные в информационное взаимодействие. Академик Виктор Глушков на заре советской кибернетики верно подметил, что информацию несут в себе не только испещренные буквами страницы книги или человеческая речь, но и солнечный свет, складки горного хребта, шум водопада и шелест листьев.

Процедура непосредственного информационного взаимодействия между людьми протекает не в вакууме, не в пустом и безмолвном пространстве. Коммуникаторов окружают стены помещения, звуки и запахи, тепло или холод, предметы мебели, чьи-то голоса за дверью, книги на полке, цветущие кустарники, торговые палатки, пролетающие мимо лимузины, рычащие грузовики, торопящиеся пешеходы и многое другое, на что они обращают внимание, что воспринимают, осмысливают, на что реагируют. Поза следователя, его манера говорить, документы, открытая пачка сигарет и пепельница на рабочем столе, полная окурков,

освещенность помещения, включенный телевизор, трели телефонного аппарата, ветер, шевелящий занавески на окне, вид, состояние, положение и взаиморасположение предметов, их цвет, габариты и т.д. воздействуют на чувства и разум человека, способствуют пониманию или, наоборот, разрушают психологический контакт между партнерами по речевой коммуникации, формируют отношение к тому, что сообщает партнер, определяют решения, линию и тактику поведения. Особый интерес для коммуникатора представляют субъективно, личностно значимые элементы окружающей микросреды, то, что имеет какое либо отношение к нему, с чем он так или иначе связан в системе исследуемых по уголовному делу отношений.

Выступая в роли психологического реагента (раздражителя), эти объекты могут оказать значительно большее психологическое воздействие на носителя информации, его мысли, чувства, решения, поступки, нежели обмен вопросами и ответами с оперативником, судьей, судебным экспертом, чем все вместе взятые слова последних.

Понятие психологического реагента

Понятие «психологический реагент» может рассматриваться в узком и широком смыслах. В узком значении это понятие включает в себя то, что принято называть «немыми свидетелями». Имеются в виду самые различные материальные объекты неживой, а также живой, но не говорящей природы, тем или иным образом связанные с исследуемым криминальным или некриминальным поведением (следы-отпечатки, орудия преступления, документы, предметы посягательства и средства их транспортировки, аналоги последних и т.д.)[66].

Восприятие этих объектов свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми, обвиняемыми инициируется лицами, осуществляющими расследование, и может осуществляться по месту их обнаружения (например, при осмотре места происшествия с участием потерпевшего, в ходе проверки показаний подозреваемого), т.е. в естественной для них материальной среде (обстановке), либо в ином месте производства оперативно-разыскного, следственного действия, куда они ранее были перемещены из предшествующей среды их обитания, нахождения (например, в кабинете у следователя, предъявляющего для обозрения допрашиваемому какой-либо предмет (вещь, документ и т.д.), изъятый с места происшествия). И в том и в другом случаях расчет прост: человек, являющийся объектом тактического воздействия, восприняв указанный личностно значимый для него предмет, не останется безучастным наблюдателем, адекватно отреагирует вербальным или иным способом на полученную информацию и внесет коррективы в демонстрируемую ранее психологическую установку и предыдущее поведение.

Классическим примером данного вида информационного взаимодействия и достигаемого при этом психологического эффекта может служить предъявление подозреваемому, отрицающему свою вину, изобличающие его во лжи вещественные доказательства. Это действие в конечном счете нередко приводит к разрушению ранее выработанной установки на отрицание вины и кардинальному изменению позиции в лучшую, с точки зрения установления истины, сторону.

В широко известной в свое время книге "Записки следователя" Л.Р. Шейнин поделился с читателями опытом раскрытия убийства Анны Андреевой и ее двухлетней дочери. Это дело находилось в производстве Л.Р. Шейнина, работавшего тогда следователем по особо важным делам Генеральной Прокуратуры СССР. Производя расследование, Л.Р. Шейнин заподозрил в убийстве мужа Андреевой – Гетманова. Следствие осложнялось тем, что Андреева и ее дочь, как показал Гетманов, без вести пропали в Москве, куда они приехали из Моршанска,

---

[66] Под *психологическим реагентом* нами понимается объект, целенаправленно включаемый следователем (оперативным работником, иным субъектом ППД) в процессе его информационного взаимодействия с другим участником уголовного процесса для оказания на него допустимого психологического воздействия в целях оптимизации его поведения и успешного решения поставленной задачи при производстве следственного действия или мероприятия.

намереваясь отправиться на Дальний Восток. Однако ни в Моршанске, ни в Москве, ни в других регионах страны тела погибших обнаружить не удалось. По версии следователя, показания Гетманова о пропаже жены и дочери были ложными, что на самом деле потерпевшие не покидали Моршанска, там они были убиты, а их трупы сокрыты Гетмановым.

Отрабатывая эту версию, следователь выяснил, что после исчезновения Андреевых Гетманов продал школьной сторожихе пару женских туфель, которые были похожи по описанию Гетманова на те туфли, в которые была обута его жена, якобы уезжая из Моршанска. О показаниях сторожихи и изъятых у нее туфлях Гетманов не знал. Не сообщалось ему и о том, что туфли были предъявлены сестре и матери Андреевой, которые их опознали. Эти же туфли опознал и сапожный мастер, изготовивший их по заказу Андреевой.

Располагая этими доказательствами, следователь при подготовке к допросу Гетманова поставил туфли Андреевой на краю своего рабочего стола и прикрыл их газетой таким образом, что из-под нее были видны только носки туфель. Во время допроса следователь задавал подозреваемому различные вопросы по обстоятельствам дела, но не связанные с обувью потерпевшей. Давая показания, Гетманов то и дело поглядывал на торчавшие из-под газеты носки туфель. Испытываемое им волнение вскоре переросло в напряжение. Он никак не мог сосредоточиться на задаваемых ему вопросах и был не в состоянии отвести глаз от волновавшего его предмета. Следователь делал вид, что не замечает гипнотического воздействия туфель на допрашиваемого и, не обращая на них никакого внимания, терпеливо уточнял какие-то несущественные детали, записывая показания в протокол допроса. Наконец допрашиваемый не выдержал и спросил у следователя, почему на его столе находятся туфли женщины.

Потому, Иван Дмитриевич, – спокойно сказал следователь, – что это туфли убитой вами Андреевой Анны. Они приобщены к делу в качестве вещественного доказательства и изобличают вас как убийцу. Поэтому они и стоят на моем столе. Вот, полюбуйтесь.

Сказав это, следователь приподнял газету. Гетманов вскочил как ужаленный, закричал и стал умолять убрать туфли с глаз долой. Успокоясь, Гетманов признал себя виновным в двойном убийстве и показал место захоронения трупов.

Если же рассматривать психологический реагент в более широком контексте, то нельзя не заметить, что этим понятием охватывается не только довольно обширный круг упомянутых "немых свидетелей", но и множество других элементов реального мира (фактов, событий, процессов и т.д.), включая те, что представляют собой различные варианты проявления активности лиц, осуществляющих расследование, оказывающих допустимое воздействие в отношении своих партнеров по коммуникации, по какую бы сторону баррикад они не находились. В качестве указанных реагентов могут выступать, например, вопросы, которые оператор задает обследуемому (тестируемому на полиграфе), тактически грамотное вторжение следователя в так называемую интимную зону допрашиваемого, сообщение обвиняемому, что его соучастники, связь с которыми он отрицает, арестованы и дают правдивые показания.

Функционально психологический реагент рассчитан на выявление и правильную интерпретацию психофизиологических реакций на него у лица, вовлеченного в орбиту выявления или раскрытия преступления, имеющего то или иное отношение к исследуемому событию.

«Психологическая реакция, – как отмечает Н.А. Селиванов, – может быть результатом восприятия в качестве своеобразного реагента не только того самого объекта, который заведомо связан с преступлением, но и аналогичного объекта. Даже такой реакции порой достаточно, чтобы сработал „спусковой механизм“, чтобы нарушилось неустойчивое равновесие между мотивом непризнания виновности и мотивом ее признания»[67].

Использование возможностей психологического реагента осуществляется с учетом различных ситуационно обусловленных задач. В одних случаях это делается для распознавания внутреннего облика, намерений, связей, отношений, иных признаков носителей личностной

---

[67] *Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности.* – М.: Лига разум, 1998. – С. 12.

криминалистически и юридически значимой информации; в других – для уточнения, конкретизации показаний (в частности, путем стимулирования, активизации воспоминаний об обстоятельствах познаваемого события); в-третьих – для распознавания и преодоления лжи, иных деструктивных актов по противодействию расследованию; в-четвертых – в целях выявления и изобличения лиц, так или иначе прикосновенных к раскрываемому преступлению, иным познаваемым событиям.

Проблема психологического реагента актуальна и для следственной, и для оперативно-разыскной, а в ряде ситуаций – и для судебно-экспертной практики. Юристы, практикующие в сфере уголовного судопроизводства, используют его и при производстве допроса, некоторых других следственных действий, производимых в режиме процессуального доказывания, при производстве опроса, а также действий и мероприятий организационно-подготовительного и оперативно-разыскного характера.

Место происшествия как психологический реагент

В некоторых случаях даже место происшествия может играть роль психологического реагента.

Подмосковье. 28 августа. Ранним утром в милицию и прокуратуру поступили сообщения о том, что в своей квартире убита семья Трефиловых.

Трефиловы занимали квартиру в пристройке к двухэтажному многоквартирному дому, окруженному большим садом.

Особую сложность представлял осмотр их квартиры, состоявшей из веранды, коридора, двух комнат, чердачного и подвального помещений, тесно заставленных мебелью и другими предметами.

В одной комнате обнаружили трупы престарелой Трефиловой Валентины Васильевны и ее внучки – студентки Жени, в другой – труп 28-летней Катерины (также внучки Трефиловой В.В.). Они находились в постелях в нижнем белье. На голове и шее у них имелось множество рубленых ран.

Очевидцев преступления не оказалось. Служебно-разыскная собака след не взяла из-за резкого запаха керосина в квартире. Видимых следов и вещественных доказательств, которые прямо бы указали на убийцу, не нашли. Проанализировав исходную информацию, следователи и оперативники определили основные направления работы.

Одна группа следователей и разыскников незамедлительно приступила к изучению личности убитых, их родственников и знакомых, характера их взаимоотношений, к установлению времяпрепровождения ими накануне гибели Трефиловых.

Другая группа занялась поиском и допросом лиц, которые находились в период совершения преступления вблизи места происшествия.

В местном отделении милиции организовали штаб по раскрытию убийства Трефиловых. Штаб аккумулировал поступающую информацию, анализировал ее, координировал действия всех участников расследования.

Что дало исследование места происшествия?

Прежде всего надо было уяснить, чем, как и в какое время были убиты Трефиловы. Ответить на эти вопросы прямо на месте помогли судебные медики. Они предположили, что убийство женщин совершено во время сна сильными ударами, наносимыми в быстрой последовательности, скорее всего, топором. Время убийства – между ДЕ^умя и четырьмя часами минувшей ночи. Следы самообороны имелись лишь на трупе Жени – кровоподтек на правом предплечье, перелом правой лучевой кости, поверхностная резаная рана левой кисти, в руке – клок волос. Ей было причинено наибольшее количество ран – одиннадцать (Трефиловой В.В. – восемь, Кате – две). Предположили, что сначала была убита Катя, затем Валентина Васильевна. Во время нанесения ей ударов проснулась спавшая в этой же комнате Женя. Вот почему на ее трупе имелись следы, характерные для самообороны.

Стали искать орудие убийства – топор. Его в квартире не оказалось. Вызванные из ближайшей воинской части саперы с помощью миноискателя не нашли его и на окружающей

территории. Значит, преступник унес топор с собой. Это в какой-то степени указывало на предусмотрительность убийцы.

Во время осмотра важно было собрать максимум данных о злоумышленнике. Представлялось, что он легко ориентировался в сложной обстановке тесно заставленной различной мебелью квартиры несмотря на отсутствие освещения (вряд ли преступник стал бы включать освещение в момент убийства). Преступник действовал четко, трезво, расчетливо и осторожно.

В процессе осмотра искали признаки, которые свидетельствовали бы о пути проникновения преступника в квартиру. Входная дверь и окна повреждений не имели. Дверной крючок легко открывался снаружи с помощью ножа и иных тонких предметов. Обе рамы окна подвального помещения были выставлены и находились во дворе. (Позднее установили, что дверь в квартиру изнутри запиралась только на крючок, а рамы с окна сняли накануне происшествия в связи с ремонтом печи в подвале.)

О том, как развивались события дальше, рассказывает руководитель оперативно-следственной группы М.Я. Розенталь.

"Мы обратили внимание на то, что следы крови и мозгового вещества располагались на больших по размеру участках стен и потолка, то есть атипично для причинения обширных черепно-мозговых травм. Один из нас первым догадался – поднять одеяло с трупа Кати. И ответ на возникший вопрос был найден: на внутренней стороне пододеяльника располагались брызги крови, возникающие непосредственно при разрушении кровеносного сосуда. Из этого обстоятельства следовало, что убийца, видимо, в момент нанесения ударов топором по голове спавшей женщины другой рукой держал одеяло на весу. Зачем? Скорее всего для того, чтобы закрыть себя., не запачкаться кровью.

На предусмотрительность и осторожность преступника, на четкость и трезвость его действий, на то, что он легко ориентировался в сложной обстановке, указывали и другие данные. Предметы обстановки в квартире не были смешены. В узловых местах, где преступник действовал наиболее активно (возле кроватей, где обнаружили трупы), не было беспорядка и повреждений. Стулья стояли у изголовья. На их спинках была аккуратно сложена одежда, на полу – домашняя обувь.

Не осталось незамеченным нами и то, что на постели Кати отсутствовали подушки, окно около кровати было раскрыто, от изголовья и по подоконнику вел окровавленный след, а во дворе под окном валялись две подушки, обрызганные кровью. Мы тут же связались с нашим штабом и выяснили, что с наступлением холодных ночей Катя закрывала окно. Кроме того, к этому моменту уже был допрошен юноша-сосед, который в 2 часа ночи возвращался домой. Он видел, что окно Кати было закрыто.

Следы крови на подушках в виде брызг указывали на то, что они выброшены после причинения повреждений. По мнению судебных медиков, Катя при таких обширных черепно-мозговых травмах была не в состоянии не только что-либо делать, но даже не могла кричать. Из этого следовало, что окна раскрыл и подушки выбросил сам преступник. И сделал это он после убийства.

Окно было низко над землей. Следов спрыгивания на ней не имелось. Возник вопрос, зачем же он открыл окно и выбросил окровавленные подушки, оставив их на виду? "Видимо, – рассуждали мы, – он сделал это для того, чтобы скорее было обнаружено убийство". А когда к этому стремится преступник? Очевидно, тогда, когда ему выгодно, чтобы поскорее обнаружили преступление. Так и было на самом деле. Первый же сосед, рано утром вышедший из дома, увидев окровавленные подушки, заглянул в открытое окно. Ужаснувшись, он тотчас же сообщил об увиденном в милицию и "скорую". Это было в начале шестого утра. Анализируя эти обстоятельства, мы сделали предположение, что быстрое обнаружение преступления выгодно убийце лишь в случае наличия у него сфабрикованного алиби. Чем раньше обнаружены жертвы, тем надежнее в памяти людей будет зафиксировано то, что преступник в это время находился совсем в другом месте. При этом преступник убежден, что его не только не изобличат, но на него даже и подозрение не падет. Создание надежного алиби в этом случае необходимо ему на всякий случай.

На полу в комнате Кати валялись кожаные перчатки, от которых исходил резкий запах

керосина. Можно было предположить, что убийца действовал в перчатках. Если при открытии окна преступник был в перчатках, то на их поверхности и на контактировавших с ними объектах могли остаться взаимоперешедшие частицы. С учетом этого с помощью увеличительных стекол были тщательно осмотрены окно и перчатки. Мы обработали специальным порошком окно, подоконник и выявили следы рук. Особенно четкий потожировой след пальца обнаружили на косяке оконного проема, окрашенного белой масляной краской.

Но каков же мотив столь тяжкого преступления? Версию о нем мы окончательно выдвинули после осмотра.

О мотиве могли свидетельствовать разбросанные вещи в комнатах, открытые дверцы шкафов, буфета, комода, выдвинутые ящики. Все это как бы подтверждало ограбление. Однако от нашего внимания не ускользнули некоторые обстоятельства, которые противоречили этой версии (такие обстоятельства криминалисты называют негативными). Так, из шкафов были выброшены только некоторые вещи (они валялись на полу разрозненными стопками), остальные лежали в шкафах нетронутыми. С места происшествия не исчезли деньги, ценности, находившиеся на видных местах. В комнате и других помещениях квартиры, где не было трупов, царил полный порядок. В одном отделении открытого шкафа я рукой провел по висевшим на плечиках вещам. От соприкосновения упала дорогостоящая шубка. Вероятно, преступник просто открыл шкаф, но он в нем ничего не искал. Значит, мы имели дело не с ограблением, а с инсценировкой ограбления.

Преступник оставил нам и другой явный намек на мнимый мотив преступления.

Позы трупов должны были, по его мнению, убедить нас в убийстве с целью изнасилования. Однако и здесь присутствовали негативные обстоятельства. Судебные медики категорически исключили изнасилование Жени (впоследствии вопрос о возможном изнасиловании всех жертв отпал окончательно на основе данных, полученных в ходе судебно-медицинского исследования трупов и биологической экспертизы).

Итак, видимыми были признаки сразу двух мотивов преступления, однако оба они могли быть инсценированы.

Для выдвижения версий о личности убийцы и мотиве преступления имели значение и другие обстоятельства, зафиксированные при осмотре.

На веранде стояла разобранная керосинка. Другая керосинка, тоже разобранная, находилась на полу в той комнате, где были убиты Валентина Васильевна и Женя. На этой керосинке лежал коробок спичек, но следы воздействия огня на окружающих предметах отсутствовали. Убийца, видимо, готовился к поджогу, чтобы уничтожить следы преступления. Почему же он отказался от своего намерения? Из-за боязни уничтожить имущество и квартиру? Если так, то это указывало на расчет преступника реализовать имущество после смерти Трефиловых, то есть на его связь с семьей погибших. Но нельзя было исключать и того, что преступник отказался от первоначального замысла, исходя из опасения, что преступление, совершенное в многоквартирном доме, будет обнаружено раньше, чем он окажется в безопасном месте, обеспечивающем ему алиби. Возможно, убийца руководствовался теми и другими соображениями.

На полу веранды был найден трамвайный билет.

В этот же день работники милиции выяснили, что трамвайный билет был реализован в первой половине дня 26 августа на маршруте московского трамвая №26, курсирующего от Октябрьской площади.

После того как трупы были направлены в морг для судебно-медицинского исследования, а следы преступления изъяты, на место происшествия привезли и допросили мать Кати – Веру Германовну (дочь Валентины Васильевны), которая ранее длительное время проживала вместе с погибшими, а затем отделилась, получив квартиру. Она обратила внимание на то, что из квартиры исчезли только облигации. Место их хранения в комоде, по утверждению Веры Германовны, знали лишь близкие родственники убитых. Она опознала обнаруженные при осмотре перчатки и сообщила, что они ранее находились в том же комоде, а простыня и пододеяльник, которыми были занавешены оба окна в комнате Валентины Васильевны, ранее находились на кровати в чердачной комнате.

Поздним вечером я доложил на межведомственном совещании результаты осмотра, длившегося пятнадцать часов. Все пришли к выводу, что совершено заранее подготовленное, предумышленное преступление одним лицом с принятием мер по предотвращению возникновения следов и к уничтожению улик. Преступник действовал решительно и расчетливо. Убийца легко сориентировался в сложной обстановке, поэтому, вероятно, ранее бывал в квартире. Он знал погибших, между ними существовали определенные отношения. Отсюда следовало, что убийство, вероятнее всего, совершено на почве каких-то личных отношений.

Состоятельность последней версии вытекала помимо прочего из того, что обнаруженные на месте происшествия признаки ограбления и изнасилования нами были расценены как инсценировка, как стремление преступника пустить следствие по ложному пути (навести следствие на мысль, что преступление совершено "чужаком", который не был знаком с потерпевшими). Поэтому решили срочно установить всех, кто знал Трефи-ловых и бывал в их квартире.

С помощью Веры Германовны и других свидетелей мы составили список таких лиц. Трефиловы были добрыми и очень общительными, коммуникабельными людьми. В их доме бывали многие. Поэтому список оказался очень большим. Тем не менее решено было одновременно проверить местонахождение каждого значившегося в списке в ночь на 28 августа и возможность нахождения на месте происшествия в момент убийства. Для этой работы было мобилизовано большое количество следственных и оперативных работников. Для того чтобы не допустить ошибки, разработали обстоятельный план-вопросник проверки каждого, кто значился в списке. В него включили такие вопросы: характер взаимоотношений с Трефиловыми; знание расположения помещений и обстановки в квартире; места хранения облигаций и перчаток; местонахождение в момент убийства; возможность прибытия на место происшествия глубокой ночью; поведение накануне и после убийства; получение какой-либо выгоды в результате преступления; принадлежность следов пальца и обуви; наличие топора – орудия убийства; возможность приобретения трамвайного билета в первой половине дня 26 августа на маршруте трамвая №26; наличие на теле, одежде и обуви следов преступления и пребывания на месте происшествия; характеристика проверяемого лица и некоторые другие вопросы.

Проверяемых разделили на две группы. В первую включили тех, кто имел отрицательные характеристики. Во второй место отвели тем, кто характеризовался как добропорядочные люди. Соответственно этому определялись направления, пути и методы проверок. Вначале отработали всех, входивших в первую группу. Все они оказались непричастными к содеянному. Тогда взялись за остальных. При этом применяли один нестандартный прием психологического характера. Тщательно все обдумав и подготовив, стали вызывать на допрос обвиняемых таким образом. Вызываемым по телефону сообщалось, что Вера Васильевна и Катя почему-то не вышли на работу. Им предлагалось прийти в связи с этим для беседы в заранее определенное нами место, выбранное с таким расчетом, что путь пролегал мимо дома убитых. Мы полагали, что добропорядочный человек, обеспокоенный случившимся, в таком случае до прихода к нам обязательно заглянет в квартиру потерпевших для наведения справок. Если же среди них находится преступник, то он, по нашему мнению, этого не сделает. Расчет оказался точным. Именно так, как и полагали, повели себя все законопослушные родственники и знакомые Трефило-вых. Мимо дома, не заглянув предварительно на место происшествия, проследовал муж Кати – Анатолий Дитченко, 29 лет.

К тому времени нам было известно, что за десять дней до трагической гибели Кате Трефиловой выдали ордер на отдельную двухкомнатную квартиру. Спустя несколько дней она и Анатолий Дитченко приступили к ее ремонту. Прошло еще три дня, и вместе с пятилетней девочкой (от первого брака) Катя прописалась в квартире, но не переселилась туда. Нужно было закончить ремонтные работы, которыми занимался Дитченко. Он делал это после работы, оставаясь ночевать в ремонтируемой квартире.

Первоначально собранные данные характеризовали его положительно. По показаниям свидетелей, он хорошо относился к жене, ее близким. Был заботлив, внимателен, доброжелателен. С радостью ожидал рождения ребенка. Никогда ни к какой ответственности не

привлекался. Работал инженером в солидной организации. Заочно учился в аспирантуре. Активно штудировал английский язык.

Сотрудники милиции выяснили, что на следующий после убийства день Дитченко приехал на работу без опоздания. Как всегда, он был чисто выбрит, опрятно одет, приветлив, улыбчив, принес сослуживцам обещанные банку водоэмульсионной краски и стеклорез. В 10 часов утра был на совещании у начальника по поводу предстоящей командировки. Дважды выступал с дельными предложениями, с учетом которых были внесены коррективы в программу командировки.

Когда Дитченко неоднократно звонили и сообщали, что Катя и Валентина Васильевна не вышли на работу, он каждый раз отвечал, что занимался ремонтом новой квартиры и там ночевал, поэтому не знает причины невыхода на работу жены и ее бабушки. К этому времени стало известно, что накануне своей гибели Валентина Васильевна Трефилова, работавшая в поликлинике, выписала для Дитченко направление на медицинское обследование. Зять должен был взять это направление в тот же день, но ни в этот, ни на следующий день за ним не зашел.

Под предлогом проверки отопительной системы Дитченко вызвали на новую квартиру. Путь его пролегал мимо поликлиники и дома Трефиловых. Предполагалось, что если Дитченко не имеет отношения к преступлению, то, будучи хорошим семьянином, воспользуется возможностью зайти домой и выяснить причину невыхода близких на работу. Однако Дитченко миновал поликлинику и дом Трефиловых. Его доставили на допрос из новой квартиры.

Перед нами предстал высокий, молодой, спортивного телосложения мужчина. Доброжелательный взгляд и неторопливые движения подчеркивали его душевное равновесие и спокойствие. Внешний вид Дитченко, производимое им впечатление, известные к тому времени данные о его личности и месте нахождения непосредственно до и после совершения преступления ставили под сомнение обоснованность возникшего в отношении него подозрения. Поэтому решено было использовать при его допросе ряд психологических приемов. У Дитченко стали выяснять вопросы, которые явно не относились к делу. Его, например, подробно расспрашивали о достижениях науки, которую он изучал в аспирантуре. Допрашиваемый оставался совершенно спокойным, неторопливо отвечал на вопросы. Был полдень. В 4 часа дня он должен был представить своему начальству справку, которая была еще не закончена. В сложившейся ситуации он, как казалось, должен был спешить, а подчеркнуто отвлеченные наши вопросы должны были вызвать у него соответствующую негативную реакцию. Однако ни тени беспокойства и волнения в его поведении не замечалось. Он даже не пытался воспользоваться телефоном, стоявшим на разделявшем нас столе. Такое его поведение было не адекватно сложившимся обстоятельствам. Оно наводило на мысль, что наши первоначальные подозрения не такие уж неосновательные. Не причастные к преступлениям люди обычно ведут себя иначе. Из тактических соображений после часового никчемного разговора объявили перерыв в допросе. Во время перерыва я обсудил со своими коллегами реакцию Дитченко на допрос, впечатления, возникшие у меня от разговора с ним. Мы обдумали технологию его дальнейшего допроса. И когда он начался, Дитченко сообщили, что, по нашим данным (до этого никакого разговора об убийстве не велось), из квартиры Трефиловых пропали кое-какие вещи.

– Кража что ли? – спросил Дитченко.

Пропустив мимо ушей его вопрос, я попросил Дитченко сходить вместе с нами на квартиру Трефиловых, чтобы помочь в определении того, что из нее пропало. И тут Дитченко преобразился. Он воскликнул:

– Там же женщины живут! Они и помогут.

– Они уже не смогут помочь.

– А что с ними случилось? – без всякого интереса в голосе сказал Дитченко.

Не раскрывая карт, я заметил (в духе затеянной игры), что его жена беременна, а теща преклонного возраста…

Был нежаркий день конца августа. И тут надо было видеть, как нехотя, преодолевая внутреннее сопротивление, Дитченко шел к месту происшествия. На лбу его выступили крупные капли пота. По дороге он заметно волновался, но ни разу не поинтересовался подробностями случившегося, не высказал тревоги за состояние жены. По нашей просьбе на

веранде он указал местонахождение ключа от замка сарая, а затем и открыл замок (дверь и замок повреждений не имели). Зайдя в сарай, он сказал, что отсюда ничего не пропало. Выходя же из сарая, вдруг повернулся и неуверенно проговорил:

– Кажется, здесь топора нет.

– Топора? (По показаниям Веры Германовны, других родственников и соседей, топора у Трефиловых не было ни в квартире, ни в сарае.)

– Да, да! – ответил он. И уже более уверенно добавил. – Здесь лежал топор, а теперь его, как видите, нет.

Все вместе мы вошли в квартиру Трефиловых, остановились на веранде. Воцарилась мертвая тишина. Нахлынули воспоминания о кровавой расправе. Наконец, я первый нарушил тишину. Пройдя из веранды по коридору, я медленно открыл дверь Катиной комнаты. Заскрежетали несмазанные петли. Я предложил Дитченко пройти в комнату. Что показалось ему, сказать трудно. Но он вдруг побелел и опустился на пол. Дитченко оказали медицинскую помощь. Следственное действие было прервано, и мы вернулись в отделение милиции.

При судебно-медицинском освидетельствовании на тыльной стороне второго и третьего пальцев правой руки Дитченко обнаружили ссадины. По заключению эксперта, время их возникновения совпадало со временем убийства. По поводу этих повреждений его сразу же допросили. Дитченко пытался было сослаться на давние события, но затем признал, что до 28 августа (т.е. дня убийства) ссадины на его теле отсутствовали. Происхождение их объяснить не мог.

На поставленный вопрос Дитченко сообщил, что на работу он постоянно, в том числе и 26 августа, ездил на трамвае 26 маршрута (место его работы находилось на улице Вавилова). Вместе с тем, ссылаясь на свидетелей, допрашиваемый утверждал, что на квартире Трефиловых ни 26, ни 27 августа не был.

У Дитченко получили образцы отпечатков пальцев.

Вскоре сотрудники ОТО УВД сообщили, что изъятый на месте происшествия потожировой след папиллярных линий оставлен средним пальцем левой руки Дитченко.

Дитченко задержали по подозрению в убийстве. На допросах он категорически отрицал свою причастность к преступлению и осведомленность о нем.

Обыск в новой квартире его жены ничего не дал. При тщательном осмотре его одежды и обуви с участием специалиста и с применением химических реактивов следов биологического происхождения не выявили. Не оказалось их и в содержимом, извлеченном из-под ногтей. Мы настойчиво искали орудие убийства – топор. На месте происшествия, на прилегающей к нему территории, в новой квартире его не оказалось. Предположили, что Дитченко, возвращаясь домой ранним утром и опасаясь быть замеченным, должен был стремиться как можно быстрее избавиться от орудия преступления (выбросить или спрятать его), поэтому с помощью общественности прочесали местность по предполагаемому маршруту движения Дитченко от дома Трефиловых до его новой квартиры. Догадка подтвердилась. В километре от места происшествия в кустарнике вдоль Ярославского шоссе нашли окровавленный топор, который предъявили специалистам. По их мнению, топорище было сработано недавно неумелой рукой с использованием фальцгебеля (разновидность рубанка с фигурным металлическим лезвием). Этот инструмент нашли при повторном обыске в новой квартире Дитченко.

Один из соседей Трефиловых Ерошин на допросе вспомнил, что за неделю до убийства Дитченко показывал ему топор и попросил инструмент для заточки лезвия. Он дал ему фальцгебель, но тот его так и не вернул.

Обнаруженный при прочесывании местности топор и изъятый из новой квартиры Дитченко фальцгебель сосед опознал. Комплексная экспертиза сделала категорический вывод: изъятый топор – орудие убийства. На допросах и очной ставке с Ерошиным Дитченко все отрицал.

Между тем удалось установить двух свидетелей, которые видели, как из подъезда дома, где располагалась квартира Дитченко, во втором часу ночи 28 августа вышел мужчина высокого роста, худощавый, одетый в шляпу и плащ. У дома он покурил и ушел в сторону Ярославского шоссе. Эти сведения соответствовали росту, телосложению, одежде Дитченко, а также предполагаемому времени его выхода из новой квартиры перед убийством.

Дитченко долго и упорно отрицал свою причастность к содеянному. Однако уличенный заключением дактилоскопической экспертизы, актом судебно-медицинского освидетельствования и показаниями свидетелей, вынужден был признать, что совершил убийство жены и ее родственников.

Его показания были тщательно проверены и нашли объективное подтверждение. Московский областной суд признал Дитченко виновным в том, что он с целью завладения новой квартирой, избавления от жены и ожидаемого ею ребенка в расчете на соединение с первой своей семьей совершил умышленное убийство супруги, а также двух ее родственниц для сокрытия содеянного.

Приговор суда о применении в отношении подсудимого смертной казни вступил в законную силу и был приведен в исполнение."[68]

Бесконтактное воздействие как психологический реагент

В большинстве случаев следователи и оперативные работники используют возможности психологического реагента в ходе непосредственного контактного информационного взаимодействия с интересующими их лицами (группой лиц). Вместе с тем достижение ожидаемого психологического эффекта при определенных условиях возможно и в условиях бесконтактного воздействия на носителя информации, в частности тогда, когда испытуемый даже не догадывается о проводимом в отношении него мероприятии и о том, что обстоятельства, с которыми он столкнулся, возникли не сами по себе, а по инициативе органов дознания или предварительного следствия. В подобной, заранее продуманной и тщательно подготовленной последними ситуации оказался один из подозреваемых в убийстве из Иркутска.

По информации следователя Н.Н. Китаева, обстоятельства складывались следующим образом.

"Труп потерпевшей с раздробленным черепом обнаружили на одной из улиц Иркутска, золотые украшения остались нетронутыми, отсутствовали следы сексуального посягательства. На месте происшествия не нашли орудия преступления, мотивы содеянного оставались неизвестными. Процессуальные и оперативно-разыскные мероприятия не дали положительных результатов. Районная прокуратура приостановила предварительное следствие за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В таком состоянии уголовное дело поступило ко мне. При изучении материалов выяснилось, что однокурсник потерпевшей Александр Б. ранее ухаживал за ней, предлагая вступить в брак, но был отвергнут. Свидетели характеризовали Б. как увлекающегося мистической литературой, верящего в различные приметы. По информации сотрудников уголовного розыска, поведение Александра после гибели В. сильно изменилось. Он стал молчаливым, замкнутым, перестал проявлять интерес к девушкам.

На дополнительном полуторачасовом допросе в качестве свидетеля Б. вел себя по-разному. Когда речь шла о нейтральных темах, он держался спокойно и уверенно. Но стоило заговорить об убитой, как у него срывался голос, взгляд начинал блуждать, он часто менял позу, сидя на стуле, то и дело вытирал об одежду вспотевшие ладони. Такое поведение позволяло предполагать, что Б. как-то причастен к этому преступлению. На момент допроса у студента было алиби, подтвержденное его родителями. Со времени убийства прошло полгода, дело в глазах моих коллег приобрело репутацию безнадежного.

В этой ситуации я решил с учетом особенностей увлечений Б. прибегнуть к психологическому эксперименту, чтобы лишить заподозренного душевного равновесия и подготовить к даче объективных показаний. У родных В. взяли одну из любительских фотографий потерпевшей. Снимок увеличили, сделали несколько его экземпляров. Я дал поручение сотруднику уголовного розыска изучить распорядок дня Б. Выяснилось, что тот каждое утро ездит в институт на автобусе определенного маршрута. Он имел привычку входить

---

[68] *Записки криминалистов.* – Вып. 4. – М., 1994. – С. 50–64.

в переднюю дверь, оставался поблизости от входа и во время поездки разглядывал то, что находилось под плексигласовым щитком. Обычно там помещалась схема маршрута или правила перевозки пассажиров, а в некоторых автобусах были цветные журнальные вырезки с изображениями девушек.

Однажды утром Александр вошел в автобус, взялся за поручень, бросил взгляд по сторонам и вдруг изменился в лице. С фотографии под прозрачным щитком, закрывавшим "Правила перевозки пассажиров", смотрела улыбающаяся В. Оперативный работник милиции, поместивший под пластик фотографию и незаметно наблюдавший за Б., рассказал мне потом: студент буквально оцепенел, и лицо у него стало мертвенно бледным. На занятия любитель мистической литературы не пошел. Он бесцельно блуждал по улицам Иркутска, долго сидел в сквере в раздумье, затем купил бутылку водки и вернулся домой, откуда в тот день уже не выходил…

Назавтра, когда Александр опять садился утром в автобус, оперативный сотрудник ухитрился снова заранее подсунуть под прозрачный щиток у двери фото улыбающейся потерпевшей. Б. начал проявлять признаки нервозности, приглядывался к девушкам в салоне, поминутно смотрел на часы и на фото… Так продолжалось 4 дня. Затем Б. с помощью того же работника уголовного розыска был приглашен ко мне в кабинет. Уже по дороге в прокуратуру студент признался сотруднику милиции, что девушку убил он.

На допросе в качестве подозреваемого Александр дал подробные показания о содеянном. Преступление совершил в ссоре, когда В. при последней встрече категорически отказала ему во взаимности и назвала другого парня, которому отдала предпочтение. Б. назвал место, где спрятал орудие убийства – металлический прут, признал, что имеет ложное алиби. Он убедил своих родителей, будто в тот вечер, когда совершено убийство, находился в своей комнате и слушал магнитофон. На самом деле в комнате его тогда не было, а работал радиоприемник. На допросе Б. пытался уверить меня, что последние несколько дней видит фото убитой в автобусах, это приводит его в шоковое состояние. Убитая начинает мерещиться ему среди пассажиров и прохожих на улице… Я настоятельно советовал не говорить об этом больше никому, поскольку такое заявление может свидетельствовать о желании симулировать психическое заболевание с целью избежать ответственности за содеянное. Б. не стал настаивать, и в протоколах его допросов нет отражения эпизода с фотографией. Предполагая, что в будущем такое заявление может все же прозвучать, я нашел основания для назначения убийце судебно-психиатрической экспертизы, признавшей его вменяемым.

При выезде на место преступления он в присутствии понятых извлек из-под крыши одного из гаражей обрезок арматурного прута, на котором были следы крови и волосы потерпевшей.

Суд приговорил раскаявшегося студента к 9 годам лишения свободы, приговор он не обжаловал.

После отбытия наказания судьба его сложилась относительно нормально. Он завел семью, воспитывает ребенка. Однажды он навестил меня по месту службы. Никаких обид на следствие не имеет. Из беседы с ним стало ясно, что он так и не понял, что являлся объектом оперативно-психологического эксперимента."[69]

Использование объектов в качестве психологических реагентов

Использование психологических реагентов в оперативно-разыскной и следственной практике обычно осуществляется на фоне соответствующего устного речевого сопровождения. Однако в ряде случаев эффективным оказывается включение в информационный процесс объекта, играющего роль такого реагента, без привлечения к нему внимания, без обсуждения того, что это за объект, как и для чего он оказался на месте действия. Сценарий, который может быть реализован при этом, разрабатывается заранее с учетом, как минимум, двух важных

---

[69] *Законность.* – № 11. – 1999. – С. 14-15.

моментов:

В распоряжении следователя имеется вещный объект, отношение которого к исследуемому по делу событию не вызывает сомнений (им, например, может быть орудие преступления, обнаруженное на месте происшествия, или какой-то предмет, принадлежащий преступнику, утерянный им во время бегства с места происшествия).

У следователя есть уверенность в том, что к обнаруженному объекту имеет непосредственное отношение подозреваемый (обвиняемый), и неожиданная "встреча" с ним в ходе допроса психологически не пройдет для него бесследно.

В этом случае при подготовке места предстоящего допроса в естественную среду этого места внедряется "немой свидетель", и делается это таким образом, чтобы он обязательно оказался в поле зрения допрашиваемого. При этом у него не должно сложиться впечатления о заведомой демонстрации объекта тактического воздействия. Объект должен находиться на том месте, где его нахождение логично и естественно, не привлекать особого внимания, в то же время давать понять, что он среди других предметов находится явно не случайно. Следователю не рекомендуется во время допроса обращать на него внимание и актуализировать на нем внимание допрашиваемого. Объект должен "работать" сам по себе. И если допрашиваемый является в действительности тем, за кого его принимают, он, как бы ни старался, не сможет не среагировать на возмущающий его покой сильнейший раздражитель. Его невербальные и вербальные проявления выдадут его. Такова природа человеческой психологии, таковы особенности человеческого поведения в силу существующих между человеком и другими элементами окружающей реалии закономерных взаимозависимостей и взаимообусловленностей.

Данное обстоятельство давно подмечено практикующими криминалистами и в некоторых случаях учитывается при подготовке к допросу, в том числе и для определения следственных приемов из категории тактических хитростей. Не обмана, не лукавства, а именно хитростей, способствующих изменению занятой допрашиваемым по отношению к расследованию негативной позиции, формированию такого эмоционального настроя, который приближает его к желанию сказать правду, перевести допрос из неконструктивного в конструктивное русло.

Это случилось в пригородной зоне небольшого американского городка…

Безжизненное тело Мэри Стоун, 12 лет, было обнаружено в шестнадцати километрах от ее дома в зарослях кустарника. Девочка пропала после того, как за несколько дней до обнаружения ее трупа, вышла из школьного автобуса, остановившегося возле ее дома. Причиной смерти стал сильнейший удар тяжелым камнем, расколовшим череп. Окровавленное орудие убийства обнаружили и изъяли полицейские, производившие осмотр места происшествия. Местная полиция сбилась с ног в тщетной попытке выйти на след преступника. В помощь сыщикам и следователям были выделены крупные специалисты из Федерального бюро расследований США. Среди них находился научный консультант Джон Дуглас, долгие годы посвятивший изучению насильственной преступности и практики раскрытия опаснейших преступлений.

Изучив материалы дела и побывав на месте происшествия, Дуглас сообщил местному шерифу, что, по его мнению, убийцей является белый, разведенный мужчина в возрасте около 25 лет. Его характеризуют также следующие данные: имеет машину черного или синего цвета, рабочий, ранее встречался со своей будущей жертвой, был исключен из школы, служил в армии, откуда вскоре был уволен по болезни или за позорное поведение…

По мере рассказа лицо шерифа непроизвольно вытягивалось. Он не пытался скрыть свое удивление. Джон Дуглас продолжал, называя все новые детали внешнего и внутреннего облика того, кто мог совершить преступление. Среди этих деталей называлась, в частности, такая: за ним числятся проступки на сексуальной почве.

Пораженный шериф воскликнул: "Вы точно описали Даррелла Девьера, 24 лет. Мы его только что допросили и отпустили. Никаких зацепок".

По словам шерифа, Девьер работал рубщиком сучьев, у него имеется машина темно-синего цвета. Его действительно выгнали из школы, а позднее уволили из армии, где он не прослужил и года. Некоторое время назад он развелся с женой. Подозревается в попытке изнасилования 13-летней девочки. Небезынтересным было и то, что свидетели показали, что

Девьер когда-то работал в доме у будущей жертвы и был замечен за тем, что делал непотребные замечания в ее адрес[70].

О том, как развивались дальнейшие события по этому делу, рассказывает сам Джон Дуглас в одной из своих книг.

"Я сказал полицейским, что теперь, когда он понимает, что детектор лжи ему не страшен, остается лишь один путь уличить его – повторный допрос. Прежде всего его следует провести ночью. Поначалу преступник будет ощущать себя более комфортно, поскольку ночной допрос будет означать, что он не станет добычей прессы. Однако допрос после окончания рабочего дня также будет свидетельствовать о серьезных намерениях полиции.

В допросе должны участвовать как агенты ФБР, так и местная полиция. Он поймет, что против него обращена вся мощь правительственных структур.

Далее, советовал я, оборудуйте комнату для допросов. Используйте нижнее освещение, создающее атмосферу таинственности. Сложите на виду стопку папок с его именем. Самое главное, нужно положить на стол окровавленный камень с места преступления, но так, чтобы увидеть его он мог, только повернув голову.

Ничего не говорите об этом камне, посоветовал я полицейским, но внимательно наблюдайте за мимикой Девьера. Если он и есть убийца, то он не сможет не обратить на него внимания.

Из своего опыта я знал, что на преступника, наносящего удар тупым предметом, неизменно попадает кровь жертвы.

Мой сценарий был выполнен в точности. Когда полицейские ввели Девьера в комнату, подготовленную для допроса, он сразу же посмотрел на камень, покрылся испариной и начал тяжело дышать. Он вел себя нервно и настороженно и явно был подавлен при упоминании о крови. В конце концов он признался не только в убийстве Мэри Френсис Стоун, но также и в совершении другого изнасилования.

Даррел Джин Девьер был обвинен в изнасиловании и убийстве Мэри Френсис Стоун и приговорен к смерти. Он был казнен на электрическом стуле 17 мая 1995 г."[71]

То, как действовали в рассмотренной ситуации Джон Дуглас и его коллеги, полностью соответствует американскому законодательству и криминалистической практике США. Во всех деталях их схема подготовки и производства допроса подозреваемого не может быть механически перенесена в российскую следственную практику. Наше процессуальное законодательство более строго регламентирует процессуальные следственные действия. Оно, в частности, запрещает производить допрос одного человека группой следователей, вводит серьезные ограничения в возможность допроса в ночное время. Однако то, что касается сути тактического замысла и толковой технологии его воплощения в жизнь, представляется весьма поучительным и может быть взято на вооружение отечественными пинкертонами.

Нелишне им, кстати, напомнить, что тактические хитрости – дело тонкое. Главное при их реализации – не переборщить, не скатиться за грань допустимого. Многое в успехе мероприятия зависит от такта, общей культуры, уровня профессионального мастерства и знания инициаторов и исполнителей тактических хитростей. Они должны четко улавливать нюансы ситуации, уметь правильно распознать социально-психологический образ допрашиваемого, его интеллектуальные, физические и психические достоинства и недостатки и отдавать себе полный отчет в том, что все, что они делают и говорят, должно базироваться на принципах законности, этичности и безопасности участников расследования, не является запрещенным, порочным и не повлечет за собой вредных последствий для допрашиваемого. В противном случае, если есть хотя бы малейшее сомнение в допустимости своих действий, от задуманного следует решительно отказаться. Один из ведущих в недалеком прошлом литовских криминалистов следователь Барацевичус из Клайпеды с американцем Джоном Дугласом не знаком и никогда не читал его воспоминаний. Однако, как и последний, он отлично разбирается

---

[70] *Энциклопедия преступлений и катастроф. Убийцы и маньяки.* – Минск, 1996. – С. 129.

[71] *Ридерз Дайджест.* – ML, 1996. – С. 150.

в психологии подозреваемых и обвиняемых, что многократно мастерски демонстрировал в практической деятельности по раскрытию тяжких преступлений. Один из приемов данного тактического арсенала, сходный с тем, что описан его заокеанским коллегой, но значительно раньше Барацевичус умело применил при допросе по делу о квартирном разбое и убийстве в г. Клайпеда. После того как сыщики выследили и задержали подозреваемого по имени Вилюс (Вальтер), он предстал перед Барацевичусом. Вот что рассказал сам криминалист об этом допросе:

«Допрос Вилюса в следственном изоляторе производился необычно. Я из колоды гадальных карт, обнаруженной в саквояже (похищен в квартире убитой), изъятом у дружка подозреваемого по имени Юозас, отобрал одну карту, на которой был изображен крест с текстом: „Видеть во сне крест – значит, скоро умереть“. Карту заранее положили на стол так, чтобы Вилюс обязательно заметил ее. Как только в следственный кабинет ввели подозреваемого, его взгляд приковало к карте и весь он как-то застыл. Он даже не смог назвать свою фамилию и все смотрел на карту. Ему задали вопрос: „Поясните, откуда эта карта?“ Подозреваемый попросил бумагу, чтобы самому написать чистосердечное признание о том, как он задушил потерпевшую.»[72]

В дальнейшем все, о чем рассказал подозреваемый, было тщательно проверено и объективно подтверждено. Вилюс и его сообщники предстали перед судом и понесли наказание.

Запаховый и музыкальный фоны как психологические реагенты

В качестве психологического реагента, как показывают исследования Н.Н. Китаева, может в некоторых случаях использоваться запаховый и музыкальный фон.

В жизни любого человека огромную роль играют не только зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, но и обонятельные ощущения. Подсчитано, что человек различает более десяти тысяч запахов. Запахи способны создавать или удерживать определенное настроение, устанавливать модели поведения, они влияют на работоспособность человека, его сердечно-сосудистую систему, внутричерепное давление, тонус мускулатуры, зрение, слух, пульс, сексуальное чувство. Существует много запахов, характер которых меняется в зависимости от концентрации. Очень часто люди с одинаковой остротой обоняния по-разному воспринимают запах одного и того же вещества. Обонятельные ощущения наиболее остры в теплую влажную погоду, при хорошем освещении. Обонятельная чувствительность повышается в начале дня и к вечеру.

Обоняние более тесно связано с эмоциональной сферой человека, чем другие чувства, так как почти всякое обонятельное ощущение обладает более или менее ярко выраженным характером приятного или неприятного. Для многих людей обоняние – чувство, рождающее больше всего воспоминаний. Это объясняется тем, что механизм обоняния тесно связан с той частью мозга, которая управляет памятью и эмоциями.

Обоняние, как считают специалисты, – самое мощное из пяти чувств, хотя его давно вытеснили с ведущих позиций. "На кончике нашего носа располагается целая невидимая вселенная. Запах, оказывается, может овладеть нами еще до рождения. Мы поддаемся его влиянию, еще находясь в чреве матери. Те запахи, которые мы вдыхаем до своего рождения, будут казаться нам привлекательными в дальнейшей жизни… Обоняние непосредственно связано с лимбической системой головного мозга – эволюционно одной из самых древних его частей. Именно эта часть дает нам возможность любить, вожделеть, негодовать и помнить. Вот почему поток запахов из прошлого может принести с собой целую вереницу чувств и воспоминаний. В нейронах и синапсах скрывается ключ к истине слов Редьярда Киплинга: "Запахи надежнее слов и взглядов затронут струны нашего сердца".

В источниках, посвященных тактике и методике допроса обвиняемых, почти не

---

[72] *Следственная практика.* – Вып. 140. – М.. 1983. – С. 80.

встречается рекомендаций, учитывающих своеобразие половой принадлежности допрашиваемых. В то же время психологи и физиологи указывают на особую восприимчивость женщин к запахам, роль обоняния в изменении женского поведения.

В 1974–1990 гг. иркутский следователь Николай Китаев более 40 раз осуществлял успешное применение парфюмерных запахов во время допроса женщин, арестованных за совершение тяжких преступлений и отрицавших свою вину. Такому допросу всегда предшествовали оперативно-следственные мероприятия по сбору информации, характеризующей личность допрашиваемых. Во всех случаях использовались сведения о любимых духах обвиняемой, устанавливались ассоциативные причины этого (получение духов от любимого человека и т.п.).

Тактические условия применения запахов основывались на положениях о том, что сила, резкость и характер запаха духов ощущается не сразу, а по истечении 3–5 минут. Наиболее характерные свойства запахов проявляются только через 15–20 минут. Специалистами этот запах называется основным, серединным – именно он сохраняется в течение длительного времени.

С учетом приведенных рекомендаций допросы обвиняемых проводились в период с 17 до 21 часа. Для создания доверительной обстановки в кабинете находился один следователь. За 10 минут до привода обвиняемой в кабинет следователь опрыскивал соответствующими духами кусок шерстяной ткани, помещаемой затем под стол. Для исключения посторонних раздражителей кабинет предварительно проветривался, на время допроса отключался телефон. Допросы длились от 2 до 4 часов.

Вначале обвиняемой напоминалось о положительных моментах в ее прошлой жизни, о семье и близких, к которым она может со временем вернуться, передавались письма от родных. Практика показывает, что в большинстве случаев достаточно даже небольшого количества запаха – напоминания о прошлой жизни, чтобы эмоциональное воздействие слов следователя неизмеримо усилилось, подтолкнуло человека к признанию-исповеди. При этом во всех эпизодах никто из допрошенных не догадывался о специальном применении запахов.

Создание и использование соответствующего музыкального фона некоторыми российскими криминалистами рассматривается в качестве одного из приемов допустимого воздействия на обвиняемого, дающего ложные показания во время допроса. Этот прием основывается на положении о том, что музыка находится в тесной закономерной связи с эмоциональной сферой человека. Музыка может возбуждать и успокаивать, вызывать напряжение и чувство безопасности, пробуждать активность и расслаблять, вселять мужество и делать покорным, приводить в экстаз и погружать в меланхолию.

Влияние музыки на человека во многом зависит от конкретных жизненных условий, в которых он оказался. Лица, содержащиеся под стражей, испытывают так называемый сенсорный голод. Они ощущают гораздо меньше внешних раздражителей по сравнению с теми, кто находится на свободе. Поэтому арестованные могут повышенно реагировать и на такой раздражитель, как музыка. Почти у каждого обвиняемого есть любимые музыкальные произведения, прослушивание которых доставляет ему удовольствие, повышает настроение либо погружает в раздумье и грусть, заставляет вспомнить приятное или печальное прошлое, связанное с данной мелодией. Музыка ассоциативно возбуждает соответствующие мысли и чувства, формирующие определенное поведение. Внутренняя установка обвиняемого на дачу ложных показаний может нейтрализоваться (хотя бы на некоторое время) более сильным музыкальным влиянием.

Использование музыки может быть успешным лишь тогда, когда хорошо изучена личность обвиняемого, определены особенности его эмоциональной сферы, темперамента (данное требование относится и к условиям применения иных тактических приемов, о которых идет речь). Установлено, что у людей с сильным типом нервной системы реакция на музыку в присутствии посторонних лиц повышается, а у обладателей слабого типа – понижается. Для человека с сильным типом нервной системы (сангвиника, холерика) предпочтителен громкий музыкальный фон. Людям же со слабым типом нервной системы, самоуглубленным, чуждающимся других (меланхоликам) свойственна высокая чувствительность, и сила музыкального звучания для них должна быть небольшой.

Следует учитывать, что решение обвиняемого о даче правдивых показаний под воздействием музыкального фона противоречит ранее выработанной внутренней установке на дачу ложных показаний. В таком случае имеет место индукция эмоционального воздействия, которое как бы навязывается слушателю. Когда оно прекращается, обвиняемый может отказаться от данных им правдивых показаний. Поэтому следователь должен максимально подробно фиксировать показания допрашиваемого, признавшегося (пусть временно) в содеянном, применять при этом соответствующие технические средства фиксации хода и результатов следственного действия.

Необходимым условием для применения музыки при допросе является обстановка, располагающая к доверительности. В помещении, где работают другие лица, такая обстановка не может быть создана. Поэтому с обвиняемым желательно остаться наедине. На дверь кабинета прикрепляется табличка с надписью, запрещающей входить. Можно отключить телефон, закрыть окно, т.е. создать условия, чтобы посторонние раздражители не мешали доверительности общения. Готовясь к допросу, следует исходить из принципа подборки любимых музыкальных произведений допрашиваемого.

Применение музыки в изложенной ситуации не может быть расценено как разновидность психического насилия, так как речь идет о вызове положительных эмоций, нравственно очищающих обвиняемого. Недаром психотерапевты трактуют музыкотерапию как вид эстетотерапии, как бессловесное внушение определенного настроения, поднимающего больного над своими переживаниями.

Иркутский следователь Николай Китаев свидетельствует, что использование им музыки на допросах арестованных показало высокую эффективность данного тактического приема. Даже в случае отсутствия психологического контакта при первом допросе с применением музыки следователь может лично, а также с помощью работника органа дознания выяснить причины, препятствующие этому, и на последующем допросе добиться успеха.

По мнению Н. Китаева, применение музыки на допросе обвиняемого не противоречит УПК, нормам этики, а является одним из правомерных тактических приемов, способствующих получению правдивых показаний. При подготовке к такому допросу необходимо глубоко изучить личность допрашиваемого, знать его индивидуальные психологические особенности. Для успешного решения этих задач требуется помощь оперативных работников органов дознания. Могут оказаться полезными и консультации специалистов (психологов, музыковедов). В зависимости от характера, темперамента допрашиваемого надо заранее определить силу звучания музыкального фона, на котором будет производиться допрос. Допрашиваемый не должен знать, что использование его любимых музыкальных произведений предусмотрено тактикой допроса. Допрос следует проводить в естественной, обычной, спокойной, рабочей обстановке, исключающей воздействие отвлекающих, посторонних факторов.

Макаров обвинялся в убийстве мальчика. Несмотря на веские доказательства, обвиняемый категорически отрицал свою вину. Материалы дела характеризовали его (он, кстати, имел судимость за разбойное нападение) как жестокого, злобного, вспыльчивого человека, очень хитрого и упрямого. Обычные тактические приемы, применяемые в подобных случаях, на него не оказывали нужного воздействия. Следователь Н.Н. Китаев заметил, что лишь о своей бабушке, которая воспитала его, он мог говорить часами, отзываясь о ней с любовью и нежностью. Обвиняемый как-то сказал, что бабушка (а она давно умерла) очень любила известную в народе песню "То не ветер ветку клонит". Вспомнил, что в детстве подпевал ей, когда бабушка пела эту песню. Следователь решил использовать музыкальный фон для эмоционального воздействия на положительные качества Макарова.

Очередной допрос следователь начал с беседы о детских годах Макарова. Тот активно поддержал разговор. Тогда следователь, как бы между делом, включил магнитофон. По кабинету следственного изолятора поплыли негромкие звуки старинных мелодий. А когда зазвучала мелодия упомянутой песни, обвиняемый не выдержал и разрыдался. Следователь подождал, пока он успокоится, перевел разговор в деловое русло. В сознании обвиняемого произошел перелом. Он круто изменил свою прежнюю позицию, искренне раскаялся в

содеянном и правдиво рассказал обо всех обстоятельствах преступления[73].

12.3. Допрос (опрос) как процесс информационного взаимодействия

От того, насколько полны, достоверны, точны сведения, полученные от потерпевших, свидетелей и обвиняемых, в уголовном процессе зависит если не все, то многое. Однако вопрос установления истины и принятия обоснованных правовых и иных решений в указанной сфере правоприменительной практики в современных условиях становится все более проблематичным. Главной причиной является то, что население все менее охотно идет на контакт с органами дознания и предварительного следствия, все реже люди говорят правду. В первую очередь это касается тех, кто так или иначе прикосновенен к расследуемым преступлениям, кто грешен по отношению к уголовному закону, не заинтересован в раскрытии преступлений и изобличении виновных лиц. В этих условиях традиционный тактический потенциал, используемый для того, чтобы побудить носителей личностной информации к откровенности, все чаще дает сбои. Поэтому все очевидней, все острей встает проблема оснащения дознавателей и следователей новейшими, адекватными их потребностям средствами и методами выявления и преодоления лжи и заблуждений допрашиваемых. Один из основных путей научного решения этой проблемы – активное внедрение в оперативно-разыскную и следственную практику новейших достижений отечественной и зарубежной психологии. Теоретическую основу оптимального продвижения научной мысли на этом пути, на наш взгляд, могла бы создать новая криминалистическая концепция, суть которой сводится к рассмотрению каждого оперативно-разыскного и следственного действия, связанного с собиранием личностной информации, в качестве процесса информационного взаимодействия. Рассмотрим особенности данного подхода на примере следственного допроса, имея в виду, что в тактическом, технологическом и психологическом отношениях это действие во многом сходно с тем, что принято определять как опрос (получение объяснения) граждан.

Допрос как следственное действие и вид информационного взаимодействия

С точки зрения права допрос – это следственное действие, которое производится в целях собирания и проверки доказательств. Это достигается путем получения показаний допрашиваемого, фиксируемых в протоколе допроса и иными способами, об известных ему обстоятельствах, исследуемых по уголовному делу.

В то же время допрос является одним из процессуальных видов информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц – допрашивающего и допрашиваемого. В случаях, регламентированых законодателем (например при допросе малолетнего, глухонемого, лица, не владеющего языком, на котором ведется производство), в процесс указанного взаимодействия включаются и некоторые другие лица (защитник, переводчик, педагог и др.).

С криминалистической точки зрения существенно и то, что данное действие – средство собирания и проверки не только доказательственной, но и ориентирующей информации, которую следователь получает от допрашиваемого лица с помощью речевых и неречевых (жестов, мимики и т.д.) коммуникаций.

В ходе допроса лицо, его производящее, прежде всего исходит из необходимости получить имеющую значение для дела информацию о следующих обстоятельствах:

1) о самом допрашиваемом (как о личности, следообразую-щем и следовоспринимающем объекте);

2) об обстоятельствах и обстановке исследуемого события, его участниках и роли каждого в содеянном;

---

[73] Подробнее о криминалистической биоритмологии, использовании музыкальных и запаховых фонов см.: *Записки* криминалистов. – Вып. 1. – М., 1993. – С. 135–144; Там же. Вып. 3. – М., 1994. – С. 287–292.

3) о материально фиксированных следах и вещных объектах – носителях интересующей следствие информации, а также о свидетельской базе.

В качестве партнера следователя по коммуникации в данном случае выступают следующие процессуальные фигуры: потерпевший и свидетель, подозреваемый и обвиняемый в совершении преступления, судебный эксперт.

В предмет допроса могут входить известные допрашиваемому обстоятельства деяния, по поводу которого возбуждено уголовное дело, связанные с ним события пред– и посткриминального характера, а также события, развивающиеся параллельно исследуемому деянию. Данные события могут быть разделены на две общие группы. Одна их часть имеет отношение ко всему, представляющему оперативно-следственный интерес (то, что произошло до возбуждения уголовного дела). Указанные события могут быть связаны с преступным и непреступным поведением будущего подозреваемого, потерпевшего, движением орудия преступления и других объектов, функционировавших при подготовке, совершении преступления и после этого, но до того, как о содеянном стало известно правоохранительным органам.

Во вторую группу исследуемых событий включаются поведенческие акты, виды деятельности, различные факты, имевшие место по ходу расследования. Они могут относиться к поведению потерпевших, заподозренных, подозреваемых и обвиняемых, включая акты противодействия расследованию со стороны последних, действиям по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию носителей криминалистически значимой информации, в том числе в экспертной деятельности.

Допрос является не только способом получения новой информации, но и средством проверки, уточнения, углубления, закрепления данных, почерпнутых ранее из других источников. Важное значение указанное следственное действие имеет и для проверки состоятельности выдвинутых до его производства следственных версий. По ходу допроса могут выдвигаться и проверяться новые версии. Опираясь на данные, полученные в результате завершенного допроса, следователь имеет возможность построить очередные и скорректировать ранее выдвинутые версии, выйти на уровень принципиально новых задач, определить направления, средства, методы, приемы их решения.

При допросе важно учитывать, что формирование личностной информации (психических отражений, следов памяти) осуществляется поэтапно и включает:

1) восприятие человеком объекта;

2) отражение в памяти человека признаков воспринимаемого объекта (формирование его мысленного образа);

3) преднамеренное либо непроизвольное запоминание мысленного образа объекта (удержание его в памяти).

В том случае, когда возникает необходимость письменно либо устно описать воспринятый в прошлом объект, человек актуализирует свою память, припоминает признаки оригинала сквозь призму его мысленного образа, как бы воссоздает его в своей памяти, а затем воспроизводит вербальным или иным способом. В условиях допроса эта схема реализуется следующим образом. Выступая в качестве инициатора и потенциального приемника – потребителя искомой информации, содержащейся в памяти лица, приглашенного для допроса, – следователь передает своему собеседнику в виде предложения или вопроса сигнал (управляющую информацию) на передачу ему (следователю) данной информации. Сигнал воспринимается носителем информации, формируя в его сознании задачу, стимулирующую его на информационное взаимодействие с источником сигнала. Мысленно воссоздав образ воспринятого им и зафиксированного в памяти объекта, интересующего следователя, а также условия и обстоятельства его восприятия, допрашиваемое лицо с помощью речевого инструмента и иным образом передает следователю характеризующую упомянутый объект и обстоятельства информацию. Воспринимая полученные данные, следователь запоминает, осмысливает, сопоставляет их со своими представлениями и данными из других источников, перекодирует в письменную речь и дословно либо своими словами отражает смысл сказанного, фиксирует информацию в протоколе. Данные, полученные на предшествующем этапе (этапах) допроса, используются следователем в ходе дальнейшего допроса путем переработки их в

форму вопросов и предложений, побуждающих носителя информации каждый раз возвращаться к общей мысленной модели объекта либо отдельным ее сторонам, элементам, фрагментам и аспектам, и «отдавать» знания (информацию) о них следователю[74].

Принципы допроса

Важным условием эффективности информационного взаимодействия указанных лиц, понимания ими друг друга и достижения тех результатов, на которые рассчитывает следователь, является четкое знание последним и умелая реализация следующих принципов допроса:

• строго индивидуальный подход к каждому лицу, дающему показания, учет индивидуальных особенностей личности, криминалистической ситуации, а также места и роли допрашиваемого в познаваемой по делу ситуации;

• создание до и во время допроса предпосылок, обеспечивающих свободу волеизъявления допрашиваемого лица, полную реализацию его прав и обязанностей и возможность дать исчерпывающие, правдивые показания;

• целеустремленный, активный, наступательный характер допроса;

• четкость, полнота, объективность фиксации задаваемых вопросов и информации, полученной от допрашиваемого, на основе безусловного выполнения нормативных требований данного процесса;

• обеспечение критического анализа, тактически правильной оценки и конструктивного использования показаний допрашиваемого лица.

Сведения, полученные и зафиксированные надлежащим образом в ходе допроса, на веру приняты быть не могут, сколь бы убедительными они на первый взгляд ни казались. Как результаты иных действий, они должны проверяться на соответствующей процессуальной основе путем допроса иных лиц, назначения экспертиз и производства других действий.

Следователь не может вести себя равнодушно и пассивно во время допроса, он не должен формально относиться к тому, как ведет себя допрашиваемый и что он говорит, фиксируя без должной юридической оценки его показания. Задача следователя состоит не только в том, чтобы выступить с инициативой о необходимости передать ему информацию носителем, но и в том, чтобы держать под постоянным контролем ход и результаты допроса, анализировать информацию, выявлять упущения, неточности, пробелы, противоречия в показаниях, сопоставлять их с данными из других источников.

Это не значит, что за каждым из моментов показаний, вызывающих критику, он должен видеть только козни и злой умысел допрашиваемого лица. Следователю необходимо учитывать, что у каждого человека имеются свои специфические особенности восприятия окружающего мира, удержания в памяти мысленных образов и передачи информации. У одних людей сильно развита зрительная, у других – слуховая, у третьих – словесная, пространственная либо образная память. Известно, что лучше запоминается и охотнее вспоминается то, что значимо для человека в силу его возрастных, половых, профессиональных и иных особенностей. То, что легко вспомнить, логично и правильно описать для одних, становится трудноразрешимой задачей для других.

Тактические приемы и правила допроса

---

[74] В свете изложенного информационное взаимодействие при допросе (опросе) может быть охарактеризовано как целенаправленный, поэтапный, инициируемый, организуемый и управляемый следователем процесс передачи, получения и реализации информации, имеющей значение для дела, протекающий на вербальном и невербальном уровнях между следователем и допрашиваемым с попеременным выступлением каждого коммуникатора в качестве передающей и принимающей систем.

В целях получения полных, правдивых показаний допрашиваемых лиц применяются различные тактические приемы.

В основном для собирания достоверной информации, получаемой от допрашиваемых лиц, применяются приемы и правила логико-психологической природы. В их круг, в частности, включаются следующие:

• создание благоприятных условий для продуктивного проявления психических способностей носителей собираемой информации (например, путем активизации воспоминаний допрашиваемого лица на базе временной, предметной, событийной, пространственной, образной ассоциации, проведения допроса на месте устанавливаемого события);

• использование психологической реакции носителя информации на действия следователя (например, путем предъявления допрашиваемому вещественного доказательства);

• использование следователем достоверных знаний или предположений о действиях, которые, исходя из психологических и иных особенностей носителя информации, он мог совершить когда-то, с демонстрацией этих знаний и результатов их реализации в присутствии этого лица (например, путем обращения внимания владельца квартиры, в которой произошла инсценировка происшествия, на обнаруженные следы инсценировки);

• намеренное побуждение носителя информации к определенному поведению (например, даче правдивых показаний, проявлению так называемой виновной осведомленности) путем использования психологических особенностей данного человека и ожидаемой с его стороны естественной реакции на действия следователя.

В случае отказа какого-либо лица давать показания широко применяется метод убеждения. При реализации этого метода рекомендуется выяснить мотивы и причины отказа, привлечь внимание к положительным сторонам личности собеседника и его поведения в быту, на работе, в прошлом или настоящем. Наряду с этим, указанный метод может быть реализован на основе:

• обращения к здравому смыслу собеседника, разъяснения возможности наступления нежелательных последствий правового характера для него самого или других лиц в случае отстаивания неразумной позиции, объяснения социальной значимости его поведения и сведений, которыми он располагает;

• оглашения анализа собранных данных, уличающих собеседника в неискренности;

• демонстрации возможности результативного решения анализируемой задачи независимо от собеседника;

• проявления интереса к второстепенным, незначительным моментам и деталям на фоне подчеркнутого временного внимания к неосновным элементам исследуемого события в целях создания преувеличенного представления о характере и объеме знаний следователя;

• демонстрации по ходу допроса осведомленности следователя об обстоятельствах и деталях жизнедеятельности лица (на основе знаний, полученных заблаговременно путем тщательного изучения его прошлого). Это может создавать у допрашиваемого представление о том, что следователю все известно, включая обстоятельства расследуемого события и его роль в нем.

Получению ожидаемой информации путем допроса способствует тактически правильное предъявление вещественных доказательств. Особенно эффективным это средство тактического воздействия может быть в отношении лиц, отказывающихся сообщить известные им сведения, а также лиц, сообщающих ложную информацию.

Предъявление вещественных доказательств

Существуют следующие тактические приемы предъявления вещественных доказательств:

• раздельное предъявление различных доказательств в той или иной последовательности;

• одновременное предъявление всего комплекса имеющихся доказательств;

• предъявление вначале косвенных, а затем прямых доказательств;

• неожиданное предъявление доказательства либо предъявление доказательства после беседы по его поводу;

• предъявление доказательств по нарастающей их весомости;

• предъявление комплекса доказательств после предварительного информирования о наличии доказательств, их перечисления с указанием источников их происхождения (либо без указания);

• предъявление доказательств как бы невзначай, между делом;

• предоставление возможности лицу, являющемуся носителем информации, самому изучить доказательство и оценить степень его значимости;

• фиксация внимания на отдельных сторонах, признаках доказательства;

• сопровождение процесса предъявления доказательства пояснением условий, механизма образования следов, обстоятельств их обнаружения;

• предъявление вещественного доказательства с демонстрацией возможности технико-криминалистических средств по выявлению и расшифровке скрытой информации, содержащейся в этом источнике.

Вывод о том, какой прием представляется наиболее оптимальным для данного случая, делается следствием с учетом сложившейся ситуации и особенностей личности допрашиваемого, его процессуального статуса, физического и психического состояния в момент допроса, интересов, намерений, привязанностей, симпатий и антипатий.

Тактика постановки вопросов

Успех в работе с носителем личностной информации во многом зависит от умения следователя формулировать вопросы и тактически грамотно пользоваться этим средством получения информации.

Вопросы, задаваемые допрашиваемому лицу, подразделяются на основные, дополнительные, первоначальные, промежуточные, заключительные, уточняющие, конкретизирующие, напоминающие, детализирующие, уличающие, контрольные.

Вопросы следователя должны быть адресными, лаконичными, корректными. Формулировка вопроса должна быть четкой, ясной, конкретной, понятной носителю информации. В нем не должны содержаться подсказка, элементы навязывания своего мнения. Нельзя задавать наводящих вопросов. Содержание вопроса не должно давать повода для предположительного ответа.

Не рекомендуется формулировать вопрос таким образом, чтобы в нем фактически оказались заложенными сразу несколько вопросительных суждений и предложений, каждое из которых требует самостоятельного осмысления и ответа. Такие формулировки могут поставить допрашиваемого в затруднительное положение. Когда на голову обрушивается сразу комплекс вопросов, по психологическому "закону края" отвечающий обычно схватывает суть последнего вопроса и, фиксируя на нем внимание, упускает из виду предшествующие фрагменты речи.

Нередко результативной оказывается реализация правила неожиданной постановки основного (ключевого) вопроса. Тактика реализации принципа внезапности постановки основного вопроса (вопросов) определяется исходя из особенностей личности допрашиваемого и ситуации, сложившейся до момента начала допроса и во время его производства. В одних случаях к основному вопросу допрашиваемое лицо необходимо подготовить путем плавного перехода от обсуждения второстепенных незначительных обстоятельств дела, а то и отвлекающего обсуждения тематики, выходящей за пределы предмета допроса. В других случаях целесообразен иной подход: допрос начинается сразу же с неожиданной для допрашиваемого постановки основного вопроса, как говорится, в лоб.

Подполковник Орест Пинто, голландский офицер, в годы Второй мировой войны работавший на английскую разведку, в своей книге "Охотник за шпионами" вспоминает эпизоды допроса беженцев с территории фашистской Германии, которые он производил в фильтрационных лагерях в целях выявления маскирующейся под беженцев вражеской агентуры. Вот один из его советов. Пинто рекомендует коллегам самые важные вопросы допрашиваемому задавать неожиданно и прямо в лоб. Причем это следует делать не в форме вопроса, а как бы утверждения, которое не должно оставлять подозреваемому пространства для

маневра.

"Если, например, вы уверены, – пишет Пинто, – что данное лицо поддерживает связь с немецким консулом в определенном городе, не спрашивайте его: "Вы когда-нибудь ходили к немецкому консулу в таком-то городе?" Вместо этого спросите: "Когда вы в последний раз были у немецкого консула?" Такие вопросы следует ставить неожиданно, вне зависимости от предыдущего разговора; при этом наблюдайте за кадыком и веками допрашиваемого".

В условиях экстраординарных ситуаций, острого дефицита времени первичный допрос лица, обладающего важной для обеспечения успеха неотложных оперативно-разыскных и следственных действий информацией (например, для преследования и захвата преступника по горячим следам), может быть произведен скоротечно по временно сокращенной программе. В таких случаях без всяких традиционных для обычного хода допроса преамбул внимание должно быть сконцентрировано на ключевом вопросе (вопросах), существенном для сложившейся ситуации, требующей незамедлительного разрешения. Только после того как она стабилизируется, перейдет в нужное русло, источник частично переданной информации может быть еще несколько раз, но уже обстоятельно допрошен по полному кругу известных ему обстоятельств.

По делу о квартирном разбое и убийстве в г. Клайпеде следствие установило, что преступление было совершено в прошлом судимым Вилюсом (он же Вальтер), местонахождение которого к тому времени не было известно. Оперативным путем выяснилось, что скрывшийся преступник дружил с парнем по имени Юозас, у которого оставил на хранение часть похищенного имущества в полиэтиленовых пакетах и саквояже. Использовав факт внезапности, оперативники и следователь неожиданно нагрянули в дом Юозаса, и, едва переступив порог дома, следователь провел скоротечный допрос, задав Юозасу лишь те вопросы, которые были наиболее значимы для сложившейся ситуации. О том, как это происходило и к каким результатам привело, рассказывает в своей публикации расследовавший преступление прокурор-криминалист Барацевичус:

"Для того, чтобы в срочном порядке получить крайне необходимую информацию, допрос был лаконичен и целенаправлен.

Вопрос: Перед тем как оставить пакеты, к вам заходил Вилюс?

Ответ: 3 января 1981 года перед обедом заходил Вальтер (Вилюс) с Толиком.

Вопрос: Они что-то просили?

Ответ: Да, просили. Взяли молоток и кусок капроновой веревки. Просил Вальтер.

Юозас тут же предъявил нам оставшийся конец капроновой веревки. Она по толщине и форме имела сходство с веревкой, обнаруженной на трупе убитого. Вещи, которые Вилюс оставил на хранение у Юозаса, были нами обнаружены и изъяты при обыске. Все они принадлежали семье потерпевших"[75].

Процесс информационного взаимодействия в ходе допроса не исчерпывается обменом информацией между его процессуальными участниками. Он также протекает между ними и теми объектами материальной микросреды, которые являются естественными элементами окружающей обстановки, а также теми объектами, которые специально внедрены, привнесены в нее извне. (Имеются в виду те объекты, на фоне и под воздействием которых производится допрос.) Подробнее о такого рода "немых участниках" допроса будет сказано в следующем параграфе.

С учетом этого допрос может быть определен как организуемый, направленный и управляемый следователем процесс его вербального и невербального информативного взаимодействия с допрашиваемым, другими (факультативными) участниками данного следственного действия, а также объектами материальной микросреды (обстановки) по месту допроса, осуществляемого в целях получения достоверных, исчерпывающих фактических данных о предмете допроса.

12.4. Следователь и допрашиваемый как источники вербально-невербальной

[75] *Следственная практика.* – Вып. 140. – М., 1983. – С. 74.

информации

С точки зрения уголовно-процессуального закона доказательственное значение результатов допроса рассматривается лишь в связи с содержанием устной речи допрашиваемого, нашедшей адекватное отражение в перекодированом виде в протоколе допроса и в допустимых технических средствах фиксации.

Однако не вся информация, содержащаяся в устной речи, находит отражение в протоколе допроса. За его пределами остается многое из того, что на вербальном (словесном) уровне восприятия оценивается и используется следователем в организационно-тактических целях.

Кроме того, в протоколе допроса не находят отражения невербальные компоненты устной речи, а также информация, передаваемая процессуальными собеседниками с помощью невербальных средств информационного взаимодействия.

Целенаправленное овладение, правильная интерпретация и тактически грамотное использование невербальной информации допрашиваемого – важнейшее условие достижения целей допроса.

Поступающая от допрашиваемого невербальным путем информация доказательственного значения не имеет. Это ориентирующая информация (информация к размышлению), имеющая организационно-тактическое значение (используется для построения версий, решения распознавательных задач, определения тактики допроса и т.д.).

Криминалистическое наблюдение

В системе тактического арсенала следователя, используемого для решения отмеченных и других задач допроса, базовым, определяющим является *метод криминалистического наблюдения* как универсальный, самый распространенный, доступный и продуктивный (при умелом использовании) метод дознания.

Наблюдение представляет собой один из методов целенаправленного, непосредственного восприятия субъектом, визуальным или иным способом, признаков объекта наблюдения (человека, события и т.д.) в целях использования полученной информации (знаний) в научной и практической деятельности[76].

Криминалистическое наблюдение – это не пассивное созерцание окружающего мира, а активная, целенаправленная, часто напряженная мыслительно-конструктивная деятельность. Практика, научные исследования психологов и криминалистов позволили выработать принципы, которыми целесообразно руководствоваться следователю и другим субъектам указанного вида наблюдения. Выделим наиболее существенные из них:

• до начала процесса наблюдения необходимо получить как можно более полное представление об объекте познания, ориентируясь на другие источники;

• в процессе наблюдения следует исходить из сформированных целей и задач, реализуя при этом мысленный план наблюдения;

• во всех случаях нужно отыскивать в наблюдаемом объекте не только то, что предполагалось обнаружить, но и обратное тому.

В процессе наблюдения также важно:

• мысленно расчленять объект наблюдения на части (голова, руки и проч.) и в каждый момент наблюдения фиксировать внимание на одной из частей, не забывая держать в поле зрения целое;

• не доверять однократному наблюдению, исследовать объект с разных точек зрения, в разные моменты и в разных ситуациях, изменяя условия наблюдения;

• подвергать сомнению воспринимаемые признаки, которые могут в конечном счете

---

[76] В том случае, когда метод наблюдения применяется при производстве процессуального действия и его результаты надлежащим образом запротоколированы, установленная таким образом информация может иметь не только ориентирующее, но и доказательственное значение.

оказаться ложной демонстрацией;

• сравнивать все части, элементы, признаки, проявления объекта наблюдения, противопоставлять их, искать сходство, связи, различия.

К числу рассматриваемых принципов относятся и положения, указывающие на необходимость сравнивать результаты наблюдения с результатами наблюдения того же объекта другими участниками следственной деятельности, четко и конкретно формулизировать результаты наблюдения, фиксировать их надлежащим образом и в надлежащей форме.

Реализация данных положений имеет свои особенности, обусловленные спецификой объекта наблюдения, познавательной ситуации и целей наблюдения.

Напомним, что элементами информационной системы, в роли которой выступает допрашиваемый, источниками поступающей от него невербальной информации являются:

• внешность, одежда, другие сопутствующие вещи, предметы материальной микросреды по месту проживания, работы, досуга;

• паралингвическое поведение (перемещения в пространстве, изменения положения, позы тела, мимика, жесты и т.п.);

• действия, поступки в официальных и неофициальных, в формальных и неформальных условиях, в криминальных, криминалистических и иных ситуациях;

• объекты, средства, продукты трудовой и иной деятельности;

• графическая, топографическая и содержательная стороны письменной речи.

Воспринимаемая наблюдательным следователем информация, поступающая из этих источников, позволяет диагностировать свойства и состояния коммуникатора, распознавать его подлинные цели, замыслы и решать другие задачи.

Отдавая должное значимости результатов криминалистического наблюдения за отдельными видами вербальных и невербальных коммуникаций допрашиваемого лица, необходимо подчеркнуть, что к расшифровке и анализу полученной таким путем информации следует подходить с позиции строгого соблюдения ряда принципиально важных правил, вытекающих из мирового и отечественного следственного опыта. Определяющими среди таких правил являются положения о необходимости, во-первых, рассмотрения различных видов информационных сигналов в комплексе и взаимосвязи; во-вторых, учета особенностей ситуации, в которой реализуется активность партнера следователя по информационному общению.

При всей важности какого-либо сигнала того или иного вида и даже комплекса сигналов одного вида их понимание не гарантирует от ошибки в распознавании и принятии решения. Риск ошибки может быть сведен к минимуму лишь на основании сравнительного анализа результатов наблюдения за различными видами коммуникаций, связанных между собой и образующих целостный распознавательный комплекс. При этом также возникает необходимость поправки на специфику ситуаций, своеобразие объективных и субъективных факторов, детерминирующих те или иные отклонения от обычных проявлений активности допрашиваемого, включая влияние на них состояния носителя и условий передачи информации (состояние здоровья коммуникатора, степень его тревожности от ожидаемых неблагоприятных перспектив и другие факторы).

Поведение следователя во время допроса

Отслеживая особенности речевого и неречевого поведения допрашиваемого, следователь не должен забывать о том, что он сам в то же время является мощным источником управляющей информации и вербального, и невербального характера. Информационные сигналы, идущие от него, способны сыграть двоякую роль: с одной стороны, разрушать складывающуюся благоприятную атмосферу информационного взаимодействия с партнером по процессуальной коммуникации, с другой, придать ей новые импульсы дальнейшего развития. Они дают возможность переломить неблагоприятную ситуацию, направить ее в нужном направлении. Из этого следует, что следователь обязан жестко контролировать свои не только вербальные, но и невербальные реакции и ставить их на службу интересам своей миссии во

время допроса.

Задавая вопросы и выслушивая ответы допрашиваемого, следователь должен следить за соответствием своей позы, жестов, тона и других невербальных проявлений тому содержанию, которое вкладывается им в исходящую от него вербальную информацию. Не только словом, но и всем своим видом, контактоформи-рующими репликами, языком жестов и движением ему необходимо стимулировать, поощрять откровенность собеседника, продуктивность диалога, желание допрашиваемого продолжать его, доводить до –сведения следователя интересующего последнего факты, обстоятельства, детали. Уловив заминку, колебания, борьбу противоречивых чувств и намерений, испытываемых допрашиваемым, столкнувшись с нежелательными паузами, напряженным решением каких-либо дилемм, отчуждением, грубостью, цинизмом, вызывающим поведение допрашиваемого, следователь не имеет права давать волю своим эмоциям, негодовать, гневно осуждать позицию допрашиваемого, акцентировать внимание на негативных сторонах, обстоятельствах, связанных с личностью, ближайшим окружением, биографией и поведением допрашиваемого. Несостоятельное реагирование на факты и факторы, осложняющие ситуацию допроса, бесперспективно. Оно может завести следователя в тупик, из которого нет выхода. В таких случаях важно держать себя в руках и, используя вербальные и невербальные возможности тактического арсенала, предпринять целесообразные и действенные меры по снятию возникшего напряжения, разрядке ситуации, оказанию в тактичной форме помощи допрашиваемому в выборе способа выхода из затруднительного положения, превращению его из непримиримого критика, оппонента, противника в деятельного союзника и партнера по информационному взаимодействию.

Сказанное главным образом относится к проблеме получения правдивых показаний по основным (т.е. относящимся к предмету допроса) вопросам, по существу, устанавливаемых по делу обстоятельств. Каждый такой вопрос целесообразно задавать не менее двух раз. Повторение вопроса может производиться сразу после ответа либо спустя некоторое время (промежуток заполняется беседой на нейтральные или контрольные темы). При возвращении к вопросу можно воспользоваться вводной фразой: "Если я вас правильно понял…", "Не могли бы вы пояснить еще раз…", "Нельзя ли более подробно рассказать о…".

В случае возникновения сомнения относительно правдивости показаний до постановки повторного вопроса следует повернуть свое тело непосредственно в направлении допрашиваемого. Сочетание такого изменения позы следователя, во-первых, с практическим отсутствием у него в этот момент мимики и жестов; во-вторых, с наклоном корпуса в сторону допрашиваемого; в-третьих, со взглядом, нацеленным прямо в глаза допрашиваемого, существенно усиливает энергетический поток, идущий от следователя, повышает возможности его психического воздействия на допрашиваемого. Следователь тем самым невербально как бы передает допрашиваемому сигнал, команду о том, что требуется незамедлительно дать правдивый ответ на поставленный им вопрос. Побуждающий к этому эффект усиливается следующей сразу же после указанной невербальной комбинации вербальной активностью следователя. Это достигается путем постановки вопроса типа: "Вы уверены, что все произошло именно так?", "Значит ли это, что…".

«Вторжение в личное пространство»

В качестве дополнительного, сильно действующего шага в подобных ситуациях, если позволяют логика и тактический рисунок допроса, может быть реализован прием с условным названием "вторжение в личное пространство".

Суть его состоит в следующем.

Каждый человек считает пространство вокруг себя радиусом до 50–60 см как бы запретной для других, принадлежащей только ему территорией. Проникновение малознакомых лиц в это пространство обычно воспринимается как акт агрессии[77]. Тот, кто считает, что его

[77] Исключение составляют желаемые людьми нарушения их личного пространства по тем или иным причинам, а также случаи объективно сложившегося дефицита свободного пространства, воспринимаемого как неизбежная

личное пространство неожиданно нарушено, ощущает себя пленником угрожающей ситуации, невольно испытывает растерянность, психологический дискомфорт. Естественно и его стремление как можно быстрее изменить создавшееся положение, освободиться, выйти из нежелательной ситуации.

В подобном положении оказывается и допрашиваемый, дающий заведомо ложные показания, в случае вторжения следователя в его личное пространство. Оно осуществляется целенаправленно путем изменения коммуникативной дистанции и может быть сделано так: следователь пересаживается поближе к допрашиваемому, несколько нарушив границу личного пространства, или встает, подходит к нему почти вплотную и задает интересующий его вопрос, находясь в открытой, развернутой в сторону допрашиваемого позе. Психологическое воздействие на допрашиваемого подобного приема, как показывает практический опыт, может оказаться вполне достаточным для того, чтобы допрашиваемый круто изменил свою позицию в сторону правдивых показаний.

Осенью, в глухую и дождливую ночь, в одном из столичных общежитий строителей были убиты во время сна двое молодоженов. Результаты осмотра места происшествия и других неотложных следственных и оперативно-разыскных действий позволили заподозрить в содеянном соседа потерпевших по общежитию, место нахождения которого к этому времени не было известно. По версии следователя, одежда преступника должна была быть сильно испачкана кровью потерпевших. Предполагалось, что во время убийства преступник двигался по комнате без обуви, в одних носках. Дорожка окровавленных следов ног в носках вела от места обнаружения трупов до входной двери. Это указывало на то, что подошвенная часть носков преступника была окровавлена (видимо, сам того не заметив, он, перед тем как покинуть место происшествия, прошел по луже крови). Судя по всему, преступник, уходя с места происшествия, обулся. Место происшествия покинул примерно в два часа ночи. Размышляя над тем, куда в столь позднее время он мог направиться, следователь пришел к выводу, что он, скорее всего, посетил квартиру своего хорошего знакомого, проживающего с семьей в двадцати минутах ходьбы от общежития. Знакомый предполагаемого преступника был срочно вызван на допрос.

Из его показаний следовало, что действительно в ту ночь, когда было совершено убийство, к нему приходил его знакомый из общежития строителей. Перед тем как расположиться на ночевку, он постирал свои рубашку и носки, замыл пятна крови на пиджаке и брюках, якобы испачканных уличной грязью.

– Грязью? – с неприкрытой ноткой недоверия спросил следователь.

Вопрос попал в точку. Свидетель явно не желал разговаривать на эту тему. Он смущенно заморгал, заволновался. От былой уверенности не осталось и следа.

– Вы уверены, что на одежде имелись следы именно грязи, а не чего-то другого? – переспросил следователь.

– По-моему, да, – заколебался свидетель. – Не особенно приглядывался…

В его словах прозвучала плохо скрываемая фальшь. Мгновенно уловив ее, следователь посмотрел на допрашиваемого долгим, изучающим взглядом. Не выдержав этого взгляда, свидетель сник и опустил голову. Признаки его поведения резко контрастировали с тем, как он вел себя до этого, непринужденно рассказывая об обстоятельствах вечера и ночного визита гостя.

По реакции следователя он понял, что ему не верят, но сказать правду не решался. (Как он признался позднее, не хотел навредить дружку.)

Наступил переломный момент допроса. О том, что произошло дальше, рассказал сам следователь, производивший допрос, в одной из своих публикаций:

"Необходимо было срочно найти ответ на вопрос, как сдвинуть свидетеля с мертвой точки. Секунды бежали, а подходящее моменту решение никак не приходило в голову. Внезапно какая-то неведомая сила заставила меня подняться со стула. Я обошел стол и

данность, с которой следует смириться на какое-то время (например, ситуация с пассажирами переполненного автобуса).

вплотную придвинулся к Павлу, съежившемуся у приставного столика. В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Остановившись возле Павла, я мирно, с сочувствием произнес:

– Это была не грязь, Павел. И ты это знаешь.

Свидетель продолжал отмалчиваться, уставившись в какую-то точку на полу. В этот момент, подчиняясь как будто кому-то другому, а не мне, ладонь моей руки бережно прикоснулась к склоненной голове понуро сидевшего свидетеля и, как ребенка, погладила его спутанные потные волосы.

– Чего ты боишься? – спокойно сказал я. – Договаривай. Павел поднял на меня глаза и выдавил:

– Кровь, да?

– Разве не понял? – вопросом на вопрос ответил я.

– Понял. – Павел досадливо махнул рукой. – Все я понял. Спросил его. Он сказал, что его окровавили в драке какие-то ребята. Вот как было тогда"[78].

Корректное "вторжение в личное пространство" может оказаться полезным и в ситуации другого типа – в том случае, когда достоверность сообщаемых следователю данных не ставится под сомнение. Сократив до возможного предела дистанцию между собой и допрашиваемым (например, пересев поближе к нему), следователь сможет стимулировать продолжение, углубление откровенного разговора, возобновление почему-то угасшей речевой активности допрашиваемого, выявление таких интересующих следствие деталей, которые при обычном способе допроса могут оказаться неосвещенными.

Неожиданная постановка основного вопроса

Тактика сочетания вербального и невербального способов воздействия на допрашиваемого в целях побудить его к даче правдивых показаний существенно повышает КПД традиционного приема, который называется неожиданной постановкой основного вопроса. С позиции рассматриваемого подхода рекомендуется: прежде чем задать основной вопрос, допрашиваемому необходимо дать возможность расслабиться. Для этого следователь, например, может сделать вид, что углубился в изучение своих записей, попутно задавая малозначительные вопросы. Нужный результат может быть достигнут также путем паузы в допросе (в частности, для того, чтобы выпить стакан чая), перевода разговора на нейтральную тему. Совершив такой маневр и убедившись в том, что допрашиваемый раскрепостился, ослабил контроль за ситуацией и самим собой, следователь быстро поднимает голову и, всем своим видом показав ему, что требует немедленного ответа, задает тот вопрос, ради которого и осуществил соответствующую подготовительную комбинацию. Для оказания дополнительного психологического эффекта при этом можно воспользоваться упомянутым приемом вторжения (проникновения) в личное пространство допрашиваемого. Наиболее целесообразно это тогда, когда интересующий следователя вопрос подан в лаконичной, сжатой форме и на него ожидается односложный ответ типа: "Да" или "Нет".

Эти и другие приемы подобного плана не всегда "срабатывают", когда допрашиваемый, избравший линию "глухой обороны", напряжен и находится в сильно закрытом положении (смотрит исподлобья, голова и плечи опущены, кулаки сжаты, зубы стиснуты, руки и ноги сдвинуты и т.д.). Поэтому, прежде чем демонстрировать основной вопрос, нужно постараться "раскрыть" допрашиваемого и тем самым сделать его более восприимчивым к управляющему воздействию следователя.

Один из приемов, способствующий тому, чтобы допрашиваемый раскрылся, основан на принципе "отзеркаливания". Он предполагает следующее. В нужный момент следователь подчеркнуто демонстрирует открытость своей позы. Тем самым он как бы невербально сигнализирует допрашиваемому, побуждает его последовать своему примеру. При осуществлении комбинации, сочетающей открытую позу с наклоном корпуса в сторону

---

78 *Записки криминалистов.* – Вып. 1. – М.: Юрикон, 1993. – С. 5–15.

допрашиваемого, шансы на то, что закрытый допрашиваемый раскроется, повышаются.

Другой прием состоит в позитивной (в определенный момент допроса) оценке той или иной части информации, сообщаемой допрашиваемым, в поощрении каких-либо установленных актов его некриминального поведения. Подобным образом может быть стимулировано раскрепощение допрашиваемого, нейтрализация его внутреннего напряжения, принятие открытой позы.

Прост, но часто эффективен и такой прием: чтобы раскрыть допрашиваемого, занявшего защитную позу, нужно дать ему в руки какой-либо предмет, предложить что-то сделать (например предложить стакан чая, курящему – сигарету; попросить наклониться, чтобы лучше рассмотреть какой-то текст, рисунок и т.п.). Естественно, просьба, предложение, действие следователя не должны быть случайными, нелогичными. Чтобы не вызвать подозрения у допрашиваемого, они должны быть адекватными ситуации и четко вписываться в контекст допроса.

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного?

Вывод 1. Традиционный взгляд на допрос как на процессуальный институт, базирующийся лишь на учете вербального аспекта допроса как способа собирания личностной информации, при всей его актуальности не позволяет исчерпывающе вскрыть и целенаправленно использовать в следственной практике весь богатый потенциал данного следственного действия. Целям оптимизации допроса способствует подход, ориентирующий на необходимость постановки на «службу» предварительного расследования в комплексе как вербальных, так и невербальных ресурсов допроса. Овладение ими и умелое их использование существенно расширяет тактические возможности следователя, повышает КПД его активности во время допроса.

Вывод 2 . С самого начала и до конца диалога ЕЮ время допроса для следователя наиболее предпочтительна открытая поза (ноги расставлены, руки раскрыты, ладони повернуты вверх, тело развернуто в сторону допрашиваемого и т.д.). Важно сочетать такое положение тела следователя по отношению к допрашиваемому со взглядом, направленным прямо в глаза последнего, отсутствием не вызванных необходимостью излишних жестов и мимики, с наклоном его корпуса в сторону допрашиваемого. Открытая поза следователя обязательна при постановке основного (основных) вопроса. Как правило, нельзя спешить задавать основной вопрос тогда, когда допрашиваемый сильно скован и находится в закрытой позе. В этом случае необходимо вначале принять меры, позволяющие раскрыть допрашиваемого.

Вывод 3. На первой стадии информационного взаимодействия следователя и лица, вызванного для дачи показаний, в период, предшествующий началу официальной части допроса, не следует жалеть усилий (они потом окупятся сторицей) для установления обстановки доверительности, откровенности, взаимопонимания. Следователь должен помнить, что волнение, скованность, осторожность в высказываниях естественны для вызванных на допрос, и устранение нежелательного психологического фона – необходимое условие установления психологического контакта с допрашиваемым, от которого зависит продуктивность допроса. Следователю всегда нужно помнить, что установленный психологический контакт – вещь хрупкая, требующая бережного отношения. Психологический контакт, когда он достигнут, нуждается в непрерывной поддержке и развитии по ходу допроса.

Вывод 4. Анализируя вербальные и невербальные данные, поступающие от допрашиваемого, делая на этой базе те или иные предположения, выводы, принимая соответствующие решения, стимулирующие процесс конструктивного информационного взаимодействия с допрашиваемым, следователь не должен забывать, что все его вербальные и невербальные реакции являются объектом пристального наблюдения, осмысления и оценки со стороны допрашиваемого. Последний, как и он сам, также воспринимает и на сознательном, и на подсознательном уровне сигналы, поступающие к нему от различных компонентов речевой и неречевой коммуникации следователя, учитывая их при выборе способа своего поведения, корректировке, развитии либо торможении своей активности. Помня об этом, определяя стратегию и тактику своего поведения во время допроса, следователю необходимо внимательно отслеживать реакцию допрашиваемого на содержание своей устной речи, держать под постоянным контролем соответствие смыслового наполнения произнесенных им слов, фраз,

предложений, громкости, тональности устной речи, жестам и другим своим невербальным проявлениям. Соответствующий контроль и своевременная, адекватная корректировка поведения следователя позволяют не допустить возникновения и осложнения нежелательных ситуаций, отрицательно сказывающихся на желании допрашиваемого вступать с ним в откровенный, конструктивный диалог и давать правдивые показания. Если же по какой-то причине сложилась нежелательная ситуация, задача следователя сделать все от него зависящее для перевода ее на законной и этичной основе в нужное русло путем принятия незамедлительных мер вербального и невербального характера.

Вывод 5 . Структура процесса информационного взаимодействия субъекта выявления и раскрытия преступления с носителем уголовно-релевантной личностной информации складывается из следующих этапов:

1) подготовительной деятельности, связанного с выходом на носителя информации, обеспечением возможности непосредственного с ним информационного контакта, созданием предпосылок для достижения целей этого контакта;

2) вступления в непосредственный контакт, предшествующего обсуждению предмета коммуникации;

3) предметного информационного взаимодействия коммуникаторов;

4) постпредметного информационного взаимодействия коммуникаторов.

При подготовке к беседе, опросу, допросу кого-либо, особенно в случае встречи с носителем особо ценной информации, необходимо заранее определить наиболее оптимальные для предстоящей коммуникации место, окружение и момент контакта. Организуя информационный контакт с носителем личностной информации, всегда необходимо помнить, что основы предстоящего предметного информационного взаимодействия, все его плюсы и минусы закладываются на этом этапе.

При вступлении в стадию непосредственного информационного взаимодействия с носителем информации необходимо избегать скучного, банального, излишне заформализированного начала обмена информацией, проявления неуверенности и малейшего неуважения к собеседнику. За исключением экстраординарных ситуаций, требующих немедленного разрешения, нецелесообразно с ходу форсировать события, сразу приступать к делу, "взяв быка за рога".

Для ликвидации или уменьшения состояния тревожности у собеседника, снятия напряженности и обретения доверия желательно иметь внешний вид и выражение лица, приятные для него, обращаться к своему визави уважительно (например, называть молодых людей по имени, взрослых – по имени и отчеству), находиться по отношению к нему в открытой позе, немного наклоняясь в разговоре в его сторону, высказать в нужный момент какую-либо шутку, рассказать уместный деликатный анекдот, заставляющие собеседника искренне рассмеяться (если, конечно, ситуация, по поводу которой происходит общение, не препятствует этому). Не стоит забывать о возможности комплиментарного комментария вкуса, репутации, деловых способностей и иных позитивных черт коммуникатора или чего-то другого, что личностно значимо для него, что составляет предмет его гордости, предпочтений, является объектом его ценностных ориентации.

Для усиления интереса собеседника к обсуждаемой теме можно задавать не настораживающие вопросы профессионального, житейского, хоббистского характера, на которые он захочет с удовольствием ответить. Этому же способствуют ведение разговора с позиции интересов собеседника и обсуждение тем, связанных с его проблемами.

Ориентации беседы в нужном направлении могут способствовать привлечение ассоциаций, помогающих перебросить «мостик» между началом, «затравкой и проталкиванием идей» (выражение В. Кандыбы[79]), описание какого-либо события, обстоятельства (уличной сцены, случая, данных своего наблюдения и т.п.), как бы между прочим увязанного с предметом обсуждения, упоминание нескольких важных для партнера по коммуникации вопросов, которые через должное смещение акцентов соотносятся с намеченной темой.

---

[79] *Кандыба В.* Криминальный гипноз. – СПб., 1999. – С. 248.

Выбор аргументации осуществляется с учетом личностных особенностей носителя информации:

• проводимая идея должна находить свой путь не только к разуму, но и к эмоциям собеседника;

• материал для проведения аргументации подбирается в зависимости от типа (образное – логическое) вкупе с качеством (гибкое, косное, конформное, самостоятельное) мышления собеседника;

• имеет смысл применять лишь такие аргументы, которые в силу настроя, настроения, образа мышления, интеллекта и имеющейся информации данный человек способен воспринять;

• в ходе убеждения желательно использовать как абстрактные выводы, так и зримую конкретную фактуру, на которой легче убеждать лиц, не владеющих абстрактным мышлением;

• с конформистами проходят ссылки на авторитеты, красочные, выспренние фразы и упор на чувство общности с другими;

• при самостоятельном мышлении визави используется логика, обоснования с намеком на возможность личной выгоды как морального, так и материального плана;

• при заметной косности мышления перспективно разжигание эмоций в опоре на эмпирические данные.

Установлению нужного ритма разговора и порядка предъявления аргументов способствует твердая вера в истинность того, в чем вы хотите убедить других, ибо люди подсознательно улавливают отношение говорящего к сообщаемому, а всяческая фальшь отталкивает.

Ритм речи должен быть довольно ровным. Для начала целесообразно обеспечить единство в понимании ведущих, ключевых терминов и выражений. Ведя беседу важно не позволять собеседнику отвлекать себя от намеченной тематики и не отвлекаться самому. Обычно в ходе приведения аргументации надо говорить о преимуществах, а потом уже об их недостатках. Весьма эффективен так называемый "квантовый посыл" сообщения, при котором после выдачи очередного факта или аргумента делается небольшая пауза для осознания и закрепления в памяти собеседника.

Следует неукоснительно придерживаться следующего принципа: каждый последующий аргумент должен быть весомее, чем предыдущий. Лучшему восприятию новых идей способствует подача их таким образом, чтобы они ассоциировались с уже усвоенными. Нельзя ограничиваться лишь простым перечислением аргументов. Необходимо раскрывать их содержание, логический и эмоциональный смысл. Если есть необходимость приводить один аргумент несколько раз, он должен быть оформлен в новую словесную форму. Проводя беседу, желательно оставлять несколько аргументов про запас для употребления их в решающий момент при заметных колебаниях позиции собеседника. Корректировка дальнейшей аргументации осуществляется на основе тщательно отслеживаемых словесных и несловесных реакций партнера по общению. При определении реакций на те или иные моменты, вокруг которых разыгрывается "борьба мотивов", необходимо сосредоточиться на этих моментах, раз за разом подавая те аргументы, которые воздействуют на собеседника, производят на него максимальное впечатление.

Нейтрализация аргументации оппонента осуществляется так:

• надо заранее обдумать все резоны противоположной стороны и подготовить соответствующие контраргументы;

• аргументацию оппонента лучше "торпедировать" перед подачей своих посылов, анализируя как реальность самих фактов, так и основанные на них выводы.

Доводы оппонента можно нейтрализовать:

• логикой опровержения;

• игнорированием;

• тактичным высмеиванием;

• кажущимся принятием с последующим неожиданным развенчиванием;

• изменением акцентов (выставляя их слабые места и предельно снижая сильные);

• хитроумным превращением их в свои собственные;

• подавлением логики эмоциями;

• впечатляющей дискредитацией их автора (но не собеседника!);

• ссылкой на авторитеты.

Для обеспечения динамичного развития беседы, если собеседник находится в состоянии отрицания, несогласия, целесообразно не наступать до тех пор, пока визави не скажет окончательного «Нет!». Осознав окончательность принятого им решения, не пытайтесь его переубедить. Следует перевести разговор на нейтральную и по возможности приятную для него тему. Это необходимо для плавного перехода к предмету дискуссии в ходе данной или предстоящей беседы по теме и новому раунду преодоления нежелательной установки собеседника[80].

Глава 13
Допрос (опрос) по методу когнитивного интервью

13.1. Понятие, содержание, структура допроса (опроса) по методу когнитивного интервью

Одной из причин того, что не все опасные преступления в России раскрываются, а раскрытые расследуются не всегда качественно, является отсутствие у следователей необходимых знаний об особенностях сохранения информации в памяти человека и соответствующих навыков ее "извлечения" из памяти носителя.

Возможности человеческой памяти безграничны. Ученые называют память "живым магнитофоном". В ее "архивах" хранится все, что воспринимает человек с момента своего рождения. Установлено это было с использованием гипноза и электрической стимуляции мозговой коры во время нейрохирургических операций. Обследуемые в таких случаях извлекали из "сейфов мозга" такие сведения, о которых они и сами уже не помнили, и только окружающие подтверждали их подлинность. Да и в обычном, бодрствующем состоянии некоторые люди могут демонстрировать феноменальную память, запоминая все подряд, что видят и слышат, и описывать в мельчайших подробностях все то, что происходило с ними когда-то. Однако у основной массы человеческих индивидов возникают трудности с запоминанием и воспроизведением информации. В нужных случаях, особенно тогда, когда в этом имеется острая необходимость, можно, а подчас и жизненно важно прибегнуть к помощи когнитивной психологии.

Когнитивная психология – одна из ведущих областей современной психологической науки, изучающая организацию знания в памяти человека, включая соотношение вербальных и образных компонентов в процессах запоминания и мышления. Отсюда и берет начало метод допроса (опроса), получивший название когнитивного интервью.

Понятие когнитивного интервью

Когнитивное интервью – это метод получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им (ими) на

---

[80] *Прорубов И.И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. – Минск, 1978; *Еникеев М.И.* Психология общения следователя с обвиняемым (подозреваемым) // Современные проблемы расследования и предупреждения преступлений. – М., 1987. – С. 87–103; *Оптимизация речевого воздействия* / Отв. ред. *Р.Г. Котов.* – М.: Наука, 1990; *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., Наука, 1993; *Проблемы речевого воздействия* / Материалы Всероссийской научной конференции. – Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 1996; *Кандыба В.* Криминальный гипноз. – СПб., 1999; *Ронин Р.* Своя разведка. – Минск: Харвест, 1997; *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес – Пенаты, 2000. – С. 179–236.

основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии.

Авторы метода – американские специалисты Рональд Фишер и Эдвард Гейзельман, посвятив не один десяток лет своей научной карьеры исследованиям в области когнитивной психологии, пришли к мысли о целесообразности применения накопленных в этой области науки знаний в уголовно-правовой практике. Реализация данной идеи осуществлялась на протяжении нескольких лет и завершилась в 1992 году выходом в свет практического пособия для полицейских и следователей.

Исследование проводилось в тесном контакте с лучшими полицейскими детективами США и Израиля, выступавшими как в качестве консультантов, так и в роли первых пользователей нового метода. Сами же авторы провели сотни часов за прослушиванием магнитофонных записей и последующим анализом интервью, проведенных опытными детективами. По просьбе полицейских и частных детективов они также лично провели не один десяток интервью потерпевших и свидетелей по разным категориям дел. Лабораторные и полевые испытания завершились успешно, и метод когнитивного интервью прочно вошел в тактический арсенал полицейских и следователей, добивающихся на его основе более весомых результатов, нежели при ведении опроса и допроса обычными способами. Так, опытные детективы Департамента полиции г. Майами (штат Флорида) после овладения методикой когнитивного интервью стали получать на 47% больше значимой для следствия информации по сравнению с тем, что им удавалось достичь на базе традиционных подходов к опросу и допросу. Еще большим оказался информационный выигрыш у детективов Великобритании, где проводились аналогичные исследования.

На какие же объективные предпосылки опирается когнитивное интервью как метод, так быстро завоевавший признание зарубежных сыщиков и следователей?

В основе анализируемого метода лежат выявленные психологами закономерности функционирования человеческой памяти и прежде всего принцип специфичности кодирования и воспроизведения человеком информации, а также принцип мультикомпонентности следа памяти.

В соответствии с первым принципом эффективность припоминания предопределяется степенью сходства условий припоминания с условиями восприятия и запечатления в памяти (кодирования) информации. Иначе говоря, чем больше степень сходства между ситуацией фиксации в памяти описываемого события, тем безошибочней, обстоятельней, точнее будут сообщаемые интервьюируемым сведения. Причем для достижения ожидаемого эффекта совсем необязательно проводить интервью' на месте восприятия события, интересующего следствие. Для этого зачастую достаточно мысленно представить обстановку, механизм развития события, а также актуализировать испытанные в процессе его восприятия переживания.

Исходя же из принципа мультикомпонентности следа памяти, постулируется, что каждый такой след не является неким единым, неделимым, обобщенным представлением события прошлого. Напротив, след памяти рассматривается как сложный конгломерат, состоящий из множества разнородных признаков. В определенный момент постсобытийной ситуации некоторая часть этих признаков доступна для припоминания, а какие-то признаки упускаются из виду, хотя следы их в памяти сохраняются и при определенных условиях активизируются. Таким образом, то, что недоступно при одной стратегии и технологии припоминания, становится реально возможным при иных подходах. Отсюда вытекает и практическая значимость когнитивного интервью. Она состоит в том, что рассматриваемый метод, опираясь на приемы активизации различных слоев и участков памяти интервьюируемого, помогает последнему вспомнить важные для дела обстоятельства и нюансы описываемого события.

Следует заметить, что с точки зрения структурного аспекта когнитивное интервью мало чем отличается от типовой методической схемы допроса, разработанной российскими криминалистами. Однако при общем внешнем сходстве того и другого имеются существенные различия в содержательном наполнении отдельных этапов опроса и допроса. В этом плане позиция зарубежных специалистов представляется предпочтительней в силу ее более высокой прикладной значимости.

Методические приемы когнитивного интервью

Цель когнитивного интервью состоит в том, чтобы при помощи определенных приемов активизировать различные слои памяти опрашиваемого (допрашиваемого) лица, т.е. помочь ему вспомнить важные для дела факты, обстоятельства, моменты, признаки. Таких приемов четыре: 1) мысленное, а затем вербальное воссоздание (восстановление) контекста события, 2) детализация, 3) припоминание обстоятельств в различной последовательности, 4) смена перспективы.

Вербальное (словесное) *воссоздание контекста события* предполагает следующее. Интервьюируемому лицу предлагается в форме свободного рассказа дать описание окружающей обстановки (общего вида помещения, расположения мебели, погодных условий, освещенности, своего местонахождения, испытанных чувств и переживаний, реакций на происходившее событие, интересующее следствие, обстоятельств, сопутствующих этому событию) на том месте, где происходило событие, по поводу которого даются показания. Иначе говоря, имеется в виду характеристика окружающей материальной микросреды, на фоне и при опосредованном воздействии которой протекало исследуемое деяние. О его обстоятельствах и участниках при воссоздании контекста события речь пока не ведется. Эти вопросы рассматриваются в ходе *детального описания события.* На данном этапе развития допроса следователь исходит из необходимости убедить интервьюируемого в том, чтобы тот рассказал об обстоятельствах преступления как можно подробнее, не упуская никаких мелочей, кажущихся интервьюируемому незначительными, деталей, пустяков, по поводу которых он тем не менее убежден, что они имели место в действительности. Максимально детализируемым показаниям способствует *припоминание обстоятельств события в различной последовательности.*

Обычно допрашиваемый рассказывает о чем-либо с самого начала и в той последовательности, как происходили события. Между тем некоторые лица могут припомнить больше информации, воспроизводя события в обратном порядке. Поэтому следователь может предложить интервьюируемому начать описание с факта, который произвел на него наиболее сильное впечатление, и уже от этого факта продвигаться во времени вперед или назад. Возможно иное предложение – начать рассказ о событии с конца, последовательно продвигаясь к его началу.

Смена перспективы. Следователь просит интервьюируемого описать событие, поставив себя на место какого-либо другого присутствовавшего при этом наблюдателя. В этом случае событие описывается с позиции каждого из очевидцев. Выслушав допрашиваемого, следователь задает вопросы, направленные на уточнение и детализацию интересующих его фактов и обстоятельств. В их круг входят вопросы, связанные с описанием действующих лиц, *их* пола, расы, возраста, веса, цвета глаз, волос, их длины, прически и т.п. При затруднении в ответе могут быть заданы вопросы типа: «Похож ли персонаж на кого-либо из знакомых?», «Если да, то чем именно?», «Не было ли чего-нибудь необычного в его внешности?», «Можно ли по внешним признакам отнести его к какому-то стереотипу?».

Важное значение с рассматриваемой точки зрения имеет выяснение употребляемых в разговоре действующих лиц исследуемого события фамилий и имен. При затруднении в ответах может быть предложено путем перебора алфавита восстановить, было ли это имя (фамилия) иностранным; не обменивались ли участники события словами из серии количеств, чисел, цифр; какие особенности имели голоса, акцент, интонация и речевые характеристики действующих лиц. Наряду с этим допрашиваемому следует предложить дать описание обстановки, предметов, находившихся на месте события, эмоциональной реакции на событие самого интервьюируемого и других лиц.

Эти и ряд других подобных вопросов, способствующих активизации памяти интервьюируемого, позволяют получить достаточно подробную и достоверную информацию об обстоятельствах и участниках расследуемого преступления.

Этапы интервью

Процедуру допроса по методу когнитивного интервью можно разделить на пять стадий (этапов, шагов). Первую из них условно можно назвать как создание предпосылок. Речь идет о предварительном формировании условий, организационно-психологических факторов, обеспечивающих успех получения полезной для дела информации. Данные предпосылки создаются сразу же после вступления следователя (оперативного работника) в непосредственное взаимодействие с носителем искомой информации, до начала речевой коммуникации по существу дела. От интервьюирующего на этой стадии требуется многое: умение быстро и точно по незначительным вербальным и невербальным проявлениям, реакциям, признакам, черточкам и деталям распознать социально-психологический образ партнера по речевому общению, установить с ним отношения доверия и взаимопонимания, в том числе путем создания у собеседника благоприятного впечатления об инициаторе интервью.

Именно на этой стадии общения закладываются предпосылки, способствующие тому, чтобы побудить интервьюируемого к активной актуализации мысленных образов и передаче полной, достоверной, максимально детализированной информации, которой он владеет, сам порой того не осознавая. И не случайно поэтому, после установления психологического контакта, разъяснения сути проблемы, вызвавшей необходимость их конструктивного взаимодействия, "настроив собеседника на нужную волну", интервьюирующий как бы в порядке инструктажа предлагает ему предельно сконцентрироваться, ничего не пропускать, не придумывать ответы на предстоящие вопросы.

Вслед за этим наступает новая стадия допроса (опроса) – разговор переводится в плоскость так называемого *свободного рассказа* о предмете допроса. Продуктивности такого рассказа способствует соблюдение инициатором интервью ряда правил. Его вербальная и невербальная активность должны помогать коммуникатору мысленно воссоздать и охарактеризовать общий и детальный планы события (это должно делаться в свободной, повествовательной форме). Не рекомендуется прерывать рассказчика, задавать ему по ходу повествования уточняющие или детализирующие вопросы. Все это можно сделать позднее. В том случае, когда интервьюируемый, не договорив до конца, вдруг остановит свой рассказ, целесообразно выдержать паузу, не спешить «подталкивать» рассказчика вопросами. Наиболее важные для расследования обстоятельства, объекты, фрагменты и детали сюжета должны браться на заметку, фиксироваться в блокноте для подробной их детализации, уточнения на следующей стадии общения. Особое внимание необходимо уделять наиболее ярким, отчетливым, хорошо запомнившимся образам собеседника. Анализируя их про себя по ходу рассказа, интервьюирующий должен сразу же мысленно определять, каким способом ему следует несколько позже осуществить «зондирование образов», какие и в какой последовательности для этого требуется поставить вопросы. Определив таким путем «стратегию зондирования», интервьюирующий, выслушав до конца свободный рассказ собеседника, переходит к этой стадии допроса.

Стадия *зондирования* (пробинга) кодов памяти обычно начинается с того, что интервьюируемому напоминается важность концентрации его внимания на наиболее существенном коде памяти (образе, представлении) и воссоздания контекста описываемого события. Для того чтобы лучше сосредоточиться, интервьюируемому даже может быть предложено в момент воспоминаний закрыть глаза. По ходу зондирования интервьюирующий оперирует открытыми вопросами, напоминает о необходимости не упускать детали, но не прерывает повествование во время ответа на вопрос (о сообщаемых деталях делаются подробные записи, например, в блокноте).

Процедура вызывания существенного, наиболее важного мысленного образа начинается с воссоздания окружающих условий и психологического контекста, связанного со специфическим моментом события. При этом необходимо анализировать и слова, и невербальные действия, сопровождавшие описание интервьюируемым этого специфического события в свободном рассказе. После того как следователь "подвел" интервьюируемого к нужному образу, он должен:

а) попросить интервьюируемого возможно более "зримо", более отчетливо мысленно воспроизвести этот образ;

б) как можно детальнее его описать.

Эти два компонента – формирование (представление) образа и его описание – должны быть разделены временным интервалом, достаточным для того, чтобы интервьюируемый успел вызвать в своем сознании отчетливый образ. Распространенная ошибка неопытных следователей состоит в том, что они, предложив "вызвать" образ, сразу же просят его описать, не оставляя времени на то, чтобы образ мог отчетливо "вырисоваться" в представлении интервьюируемого.

Для того, чтобы получить ту информацию, которая его интересует, следователь должен:

а) сформулировать вопрос так, чтобы направить внимание на ту часть образа, которая может содержать нужную информацию;

б) задать открытый вопрос;

в) попросить интервьюируемого дать детальное, исчерпывающее описание.

Описание мысленных образов – основной источник получения следственно значимой информации в когнитивном интервью. Именно поэтому так важно не прерывать ответ интервьюируемого, создать у него установку на полный, развернутый ответ и не торопиться задавать следующий вопрос после того, как интервьюируемый замолчал. Нужно выдержать паузу, побудив его "еще порыться в памяти".

Может случиться, что из активизированного в представлении образа будет извлечена не вся информация. В таком случае следователь может либо задать закрытые вопросы, либо поставить открытый вопрос, но более "ограниченного радиуса действия" (например, типа: "опишите его рот"). Иногда по ходу интервью появляется новая информация, свидетельствующая о том, что при первичном пробинге из образа была извлечена не вся информация. Например, описывая левую часть лица нападавшего, интервьюируемый не упомянул о том, что в левом ухе была серьга. Возможно, что в тот момент он просто не смог об этом вспомнить. В подобных случаях повторный пробинг должен быть ориентирован только на получение новой искомой информации, он должен быть узконаправленным.

"Вычерпав" всю необходимую информацию из наиболее яркого, хорошо запомнившегося допрашиваемому образа (образов), следователь приступает к зондированию оставшихся образов. После этого есть смысл осуществить повторное зондирование образов, активизированных ранее.

На следующей, *обзорной,* стадии осуществляются совместный (вместе с проинтервьюированным лицом) обзор и анализ информации, которая воспринята интервьюирующим и зафиксирована в его памяти и блокноте (протоколе, иным способом). Это дает возможность интервьюируемому проверить, точно ли записано то, что он говорил, а также вспомнить то, что было упущено, поскольку в процессе обзора предоставляется дополнительная возможность для припоминания новой информации. Чтобы такая возможность была использована, следователь должен говорить медленно, отчетливо произнося каждую фразу и делая паузу после каждого фрагмента интервью. Перед началом обзорной части интервью следователь просит интервьюируемого сразу же сообщить ему о том, что нового вдруг удастся вспомнить, и о том, где следователь что-то не так понял, что в его записях нужно скорректировать. Интервьюируемый должен быть ориентирован на внимательное, активное слушание. Если по ходу обзора выявятся какие-либо дополнительные образы, следует провести их пробинг с целью получения детализированной информации.

На пятой, *завершающей,* стадии рассматриваемого действия у интервьюируемого выясняются полные сведения о нем (анкетные данные), ему делается предложение позвонить интервьюирующему, если вспомнит что-то новое (для этого ему передается визитная карточка следователя). В задачу последнего также входит создание у собеседника перед тем, как с ним расстаться, последнего позитивного впечатления о том, кто его интервьюировал.

Приемы припоминания специфических признаков

При осуществлении допроса по методу когнитивного интервью особое внимание следователь должен уделять выяснению у допрашиваемого специфических признаков (деталей,

особенностей) устанавливаемых по делу лиц и других объектов, позволяющих индивидуализировать эти объекты, что крайне важно для обеспечения их быстрого выявления и идентификации. Приемы припоминания подобных признаков базируются на двух основополагающих психологических принципах.

Принцип первый. Знание о событии представлено в сознании (памяти) в виде «набора» отдельных признаков (характеристик) этого события.

Принцип второй. Различные признаки находятся в тесной взаимосвязи. Поэтому припоминание (активизация) одного признака может стимулировать припоминание других признаков, с ним связанных. Если допрашиваемый не может вспомнить имя преступника, которое называлось его сообщником во время происшествия, он, тем не менее, может легко припомнить некоторые характеристики этого имени (например, было ли оно длинным или коротким). Припоминание одного признака облегчает «доступ» к другим, комбинация которых, в конечном счете, поможет вспомнить и само имя. Основной прием, которым в данном случае надлежит пользоваться следователю, заключается в том, чтобы побудить допрашиваемого думать о частных признаках, то есть об отдельных, относительно автономных характеристиках объекта.

Любой воспринятый ранее объект может быть описан посредством бесконечно большого перечисления признаков. Например, если свидетель мельком видел номерной знак удаляющейся машины, то он мог заметить, что:

1) система составляющих его символов состояла в основном из цифр;

2) буквенные символы были согласными;

3) две цифры в последовательности повторялись дважды;

4) первая цифра была кругообразной;

5) цифры имели сходство с номером телефона отца свидетеля;

6) свидетель старался запомнить три последние цифры;

7) название второй цифры состояло из двух слогов;

8) символы были оранжевого цвета на черном фоне.

Признаки, о которых идет речь, подразделяются на три группы:

а) свойства припоминаемого объекта, не связанные с контекстом события;

б) характеристики объекта, проявляющиеся в специфическом контексте (оранжевые символы на черном фоне);

в) личностно значимые или субъективные интерпретации события (последние три цифры напоминают о номере телефона отца).

Выбор тактики интервьюирования должен соотноситься с этими тремя типами признаков: во-первых, с независимыми, свободными от расследуемого события; во-вторых, с контекстуальными; в-третьих, с субъективными признаками.

Поскольку процедуры припоминания одинаковы для всех типов объектов восприятия, о которых даются показания, рассмотрим их на двух специфических примерах – припоминание имен и припоминание буквенно-цифровых обозначений (образов).

Чтобы облегчить припоминание имен, следователь может предложить допрашиваемому думать о следующих событийно-независимых признаках:

1) частоте встречаемости (было имя распространенным или редким, необычным);

2) этническо-национальной принадлежности (было ли это имя характерно для какой-либо этнической (национальной) группы населения);

3) длине (было имя длинным или коротким; из скольких примерно слогов оно состояло);

4) о том, какой слог в имени был ударным (на какой слог падало ударение);

5) о том, с какой буквы начиналось имя (допрашиваемому следует рекомендовать вспомнить первую букву имени, перебирая алфавит от "а" до "я").

К числу контекстуальных признаков имен можно отнести следующие:

1) особенности голоса говорящего (интервьюируемому следует предложить думать о голосе говорящего в тот момент, когда он произносит имя);

2) визуальный паттерн или "созвездие признаков" (следователь: "Думайте о почерке, каким было написано имя");

3) локальный контекст (следователь: "Думайте о месте, в котором на листе размещалось

имя", или "Где стоял говорящий в момент произнесения имени?");

4) связь с другими именами (следователь: "Упоминались ли еще какие-либо имена?").

В круг субъективных признаков имен входят, например, такие:

1) сходство с другими именами ("Не было ли похоже имя на имя известного Вам лица?");

2) привязка ("Не говорит ли имя о профессиональной или групповой принадлежности (политической партии, религиозной организации, спортивной команде и т.п.");

3) благозвучность (приятность) имени ("Приятно или неприятно звучит имя?").

Для того чтобы облегчить припоминание буквенно-цифровых образов (номерных знаков машин, номеров телефонов, адресов и т.п.), следователь может предложить интервьюируемому думать о следующих событийно-независимых признаках:

1) длине ("Много ли знаков было в обозначении? Была ли последовательность длинной (короткой)?");

2) порядке ("Цифры следовали в восходящем (нисходящем) порядке, буквы – в алфавитном порядке?");

3) смешанности ("Состояла ли последовательность исключительно из цифр (букв) или же из тех и других?");

4) повторяемости ("Были ли в обозначении повторяющиеся знаки (например, 6699)?");

5) четности-нечетности ("Каких цифр было больше – четных, нечетных?");

6) величине ("Были ли цифры большими, маленькими?");

7) типе букв ("Каких букв было больше – гласных, согласных?");

8) произносимости ("Легко (трудно) произносятся буквенные сочетания?").

К числу контекстуальных признаков цифровых обозначений могут быть отнесены:

1) способ предъявления ("Если цифры были названы, думать о голосе говорящего, если цифры были написаны – думать о почерке");

2) сенсорный паттерн или совокупность воспринятых признаков ("Если цифры были написаны, думать, были ли в их очертаниях прямые или кривые, изогнутые линии; если цифры были названы, думать о том, состояли ли названия цифр из одного, двух слогов?");

3) топография ("На какой части листа были размещены цифры; где находился говорящий в момент названия цифр?").

Субъективные признаки буквенно-цифровых образов могут содержаться:

1) в привычности ("Было ли буквенно-цифровое обозначение или часть его похожи на что-либо уже Вам известное, например, Ваш номер телефона, адрес и т.п.?");

2) в трудности припоминания ("Легко или трудно запоминающейся была буквенно-цифровая последовательность?").

Очень важной задачей расследования является установление времени исследуемого события. Как показывает практика, "временную привязку" события осуществить далеко не всегда просто.

Если свидетель (потерпевший) не мобилизует волевых усилий для припоминания точной датировки события, в его показаниях может возникнуть ошибка. Типичной ошибкой является "приближение" события. В этом случае событие представляется как "более недавнее", то есть совершившимся позже того времени, в какое оно произошло на самом деле.

Эффективным приемом, позволяющим повысить точность припоминания времени, является выявление объективных "ориентиров", по отношению к которым и определяется подлинное, а не мнимое время события. Правильно сориентироваться во времени помогает такой, например, вопрос: "Это случилось до или после Вашего дня рождения?".

Другим эффективным приемом, позволяющим локализовать событие во времени, является идентификация контекста, в который это событие было включено. Вели, к примеру, речь идет о событиях далекого прошлого, то можно предложить интервьюируемому вспомнить, в каком доме или городе он жил в то время. Если речь идет о событии совсем недавнем, то можно предложить вспомнить, какой фильм, сюжет показывали по телевизору в момент протекания события.

Каким приемом воспользоваться, чтобы облегчить интервьюируемому припоминание анализируемой информации, следователь решает в зависимости от ситуации, психологической, возрастной и иных характеристик допрашиваемого.

Завершая анализ сущности допроса по методу когнитивного интервью, нельзя не обратить внимания на одно исключительно важное обстоятельство. Оно связано с тем, что данный метод не следует рассматривать в качестве единственного пути собирания личностной ориентирующей и доказательственной информации, как своего рода универсальную панацею от всех возможных трудностей и бед при получении показаний допрашиваемого. Следует четко уяснить еще два момента:

1) когнитивное интервью рассчитано на применение этого метода лишь при допросе (опросе) лица, ставшего жертвой преступного посягательства, а также очевидца содеянного, непосредственно визуально-слуховым способом воспринимавшего происшедшее, и участников интересующего следствие события;

2) когнитивное интервью может реально претендовать на ожидаемый результат при допросе не всех подряд потерпевших и очевидцев, а лишь тех из них, которые относятся к числу дееспособных, законопослушных граждан, заинтересованных в объективном исходе расследования, готовых и имеющих желание и возможность к конструктивному сотрудничеству с органами дознания и предварительного следствия.

13.2. Дополнительные рекомендации по тактике допроса (опроса) по методу когнитивного интервью

Как успокоить допрашиваемого (опрашиваемого)

Для свидетеля и тем более для потерпевшего ситуация преступления всегда является экстремальной, угрожающей личной безопасности и потому вызывает всплеск эмоций. А это в свою очередь неблагоприятно отражается не только на восприятии событий, но и на их последующем припоминании. Давая показания, свидетель и потерпевший вынуждены как бы заново переживать случившееся. Кроме того, сам контакт с представителем правоохранительных органов, непривычный для большинства допрашиваемых, усугубляет их эмоциональный дискомфорт и волнение. (Психологи называют такое состояние *тревожностью.)* Имея это в виду, детектив, прежде чем приступить к выявлению интересующей его информации, должен попытаться снять излишнюю тревожность у носителя данной информации.

Главное чувство человека, только что пережившего преступление, – страх. Он оказывает дезорганизующее влияние на всю психическую и физическую деятельность. Человек утрачивает способность контролировать ситуацию, у него возникает чувство собственной неадекватности. Детектив может помочь избавиться от этого чувства, разъяснив, что в подобных ситуациях страх – вполне нормальная реакция ("Я хорошо представляю, что вы сейчас чувствуете", "Мне самому однажды пришлось… и я здорово перепугался…"). Нужно дать визави возможность "излить душу". Это поможет ему немного успокоиться и будет способствовать установлению эмоционального контакта с детективом. Однако во избежание опасности слишком уклониться от темы, процедура должна быть достаточно' краткой. Цель ее состоит в том, чтобы показать (лучше на конкретных примерах) допрашиваемому, что на действительно опасную ситуацию, в которой он оказался, большинство людей отреагировали бы точно таким же образом.

Страх возникает внезапно и "без предупреждения". Поэтому, если допрос проводится не сразу, а через несколько часов или дней, когда первый шок после пережитого уже прошел, детективу следует предупредить допрашиваемого, что когда он будет пытаться "воскресить в памяти" ситуацию преступления, у него могут возникнуть испытанные в тот момент чувства и переживания, но они будут не такими сильными, и что теперь ситуация находится у него под контролем. Сделать это можно следующим образом: "Когда Вы будете рассказывать о преступлении, Вы опять будете волноваться, Вам будет страшно. Но не так сильно, как было тогда. И потом помните, что сейчас Вы хозяин положения: если в какой-то момент Вы захотите расслабиться, прийти в себя, скажите мне об этом, и мы сразу же сделаем перерыв".

В психотерапии используется такой прием: если речь идет об особенно травмирующих

переживаниях, пациенту предлагается вести рассказ от третьего лица: вместо местоимений "я", "мне" употреблять местоимения "он", "ему". Таким образом жертва описывает случившееся как бы с позиции стороннего наблюдателя, "отдаляясь от преступления на безопасное расстояние". Этот прием целесообразно использовать при допросе потерпевших от сексуальных посягательств.

Нужно иметь в виду, что рассказ от третьего лица менее подробен и менее детализирован, чем рассказ от первого лица. Однако при расследовании сильно травматизирующих преступлений целесообразнее выбирать из двух зол наименьшее, так как эмоциональное состояние допрашиваемого является основным барьером для успешного припоминания информации.

Давно замечено, что наше эмоциональное состояние проявляется во внешнем поведении (когда мы взволнованы – речь ускоряется, мышцы напряжены). Возможен и обратный процесс. Изменяя свое внешнее поведение, мы тем самым можем повлиять и на свое внутреннее, эмоциональное состояние. Принимая это во внимание, детектив может частично "снять" тревожность (волнение) допрашиваемого с помощью такого, например, приема: перед началом рассказа о событии интервьюируемому предлагается расслабиться, сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Детектив несколько раз сам проделывает эту операцию вместе с допрашиваемым. Этот прием напоминает приемы релаксации, используемые в гипнозе. Следует, однако, подчеркнуть, что когнитивное интервью не имеет с гипнозом ничего общего прежде всего потому, что гипноз увеличивает внушаемость, а когнитивное интервью – нет.

Другим приемом, используемым для снятия тревожности допрашиваемого, является так называемый *принцип синхронности.* Суть его состоит в следующем: доброжелательная, сдержанная манера поведения, спокойная, медленная речь детектива непроизвольно «индуцирует» аналогичное поведение допрашиваемого.

В любом преступлении одни события являются более стрессогенными (вызывают больше эмоций), чем другие. Неудивительно поэтому, что вопросы о таких событиях окажутся для интервьюируемого более волнующими, чем, скажем, вопросы биографического характера. Негативное воздействие таких вопросов не исчезает сразу после ответа, отрицательное последствие стресса будет сказываться на всем последующем интервью. Так, в одном из интервью детектив задал потерпевшей вопрос о ноже, которым ей угрожал нападавший. Этот вопрос настолько вывел ее из себя, что допрашиваемая не только не смогла на него ответить, но и не смогла дать толковых ответов на пять следующих вопросов. Вместе с тем детектив просто не может не задавать этих "стрессовых" вопросов. Как же быть? Нужно отнести эти стрессовые вопросы на конец интервью, когда уже получена самая важная детализированная информация. Подобным образом действуют опытные журналисты: так называемые "вопросы-бомбы" они задают в самом конце интервью.

Если детектив замечает, что допрашиваемый находится во взвинченном состоянии и эту взвинченность не удается снять, то проведение допроса целесообразнее отложить (если есть такая возможность), так как качественной информации о событии преступления получить все равно не удастся. При проведении повторного допроса (когда допрашиваемый находится в более спокойном состоянии) следует иметь в виду, что если в первом интервью был получен неправильный ответ на вопрос, то вероятность получения правильного ответа на этот вопрос в последующих интервью уменьшается (это объясняется особенностями функционирования человеческой памяти).

Кроме того, если детектив, не обращая внимания на состояние допрашиваемого, продолжает задавать вопросы, это не способствует установлению столь необходимого психологического контакта между ним и интервьюируемым.

Лишь после того как восстановлено нормальное состояние допрашиваемого, можно перейти к описанию преступления. Начинать следует с ряда "безобидных" (нейтральных) вопросов, постепенно переходя к более стрессогенным. Самый волнующий для допрашиваемого вопрос, как уже говорилось, должен быть завершающим.

Как обеспечить активность допрашиваемого

Успех припоминания информации зависит от того, насколько активно свидетель или потерпевший будут отыскивать эту информацию в памяти. От них требуется не только желание вспомнить, но и немалые психические усилия. Допрашиваемый должен ощутить себя ведущей фигурой, потому что только он владеет криминалистически значимой информацией. Если лидирующую позицию занимает следователь, а допрашиваемый лишь пассивно отвечает на задаваемые вопросы, значительная доля важной для расследования информации утрачивается. Иногда ошибочно полагают, что чем больше детализирующих вопросов задаст следователь, тем более исчерпывающую информацию он получит. На самом деле в более выгодном положении оказываются те следователи, у которых больше говорят опрашиваемые. В лабораторном исследовании было подсчитано количество вопросов, задаваемых следователем при допросе по традиционному методу и по методу когнитивного интервью. При допросе по методу когнитивного интервью вопросов было задано меньше (54,0 и 68,9 соответственно), а информации получено больше (41,15 и 29,40 правильных фактов соответственно). Эта закономерность получила подтверждение и в исследованиях, проведенных полицией Великобритании.

Существуют специальные приемы, помогающие повысить активность допрашиваемого и побудить его к более развернутому рассказу. Можно прямо сказать, что только он располагает всей важной для расследования преступления информацией, и поэтому следователь ждет от него самого подробного рассказа.

("Мари, Вы единственная кто видел преступление. Я сам его не видел, поэтому я надеюсь, что Вы мне расскажете, что произошло. Не ждите от меня вопросов. Я надеюсь, что здесь больше говорить будете Вы. А сейчас расскажите мне, пожалуйста., все, что сможете вспомнить о том, что случилось сегодня утром".)

Другой способ активизации допрашиваемого базируется на правильной постановке вопросов. Обычно открытые вопросы ("Опишите, пожалуйста, его лицо") больше побуждают допрашиваемого к активному поиску информации в памяти, чем вопросы закрытые ("Какого цвета были у нее глаза?", "Были ли у него какие-нибудь шрамы?"). Открытые вопросы требуют более долгого, обстоятельного ответа, тогда как закрытые предполагают быстрый и лаконичный ответ. Неспешно и подробно отвечая на открытый вопрос, допрашиваемый становится на позицию активного участника информационного взаимодействия, ответив на закрытый вопрос, пассивно ждет следующего. Поэтому начинать следует с открытых вопросов и только потом задавать уточняющие закрытые вопросы.

Очень распространенная и очень серьезная ошибка, "сдвигающая" допрашиваемого с главной роли активного участника на роль пассивного отвечающего на поставленные вопросы, состоит в том, что следователь прерывает допрашиваемого "на полуслове", не давая ему закончить ответ. Анализируя аудиозаписи опросов, проводимых полицейскими детективами, создатели метода когнитивного интервью пришли к выводу, что наилучших результатов добиваются те детективы, которые умеют слушать: они задают больше открытых вопросов, редко перебивают опрашиваемого, позволяют ему больше говорить. К сожалению, такая тактика применяется довольно редко. В типичном опросе детектив задает 26 закрытых и только 3 открытых вопроса. Этот феномен характерен не только для американских, но и для британских детективов. Ситуация усугубляется тем, что детектив часто прерывает опрашиваемого. Приводимый пример является наглядной иллюстрацией вышеуказанных ошибок. Детектив опрашивает свидетеля по делу о вооруженном нападении. Задав открытый вопрос, он примерно через 4,5 секунды прерывает говорящего:

– Расскажите что случилось с Вами и Вашим приятелем 45 минут тому назад?

– Мы сидели в машине. Я откинулся на спинку сидения…

– (Детектив прерывает)… Вспомните, в каком часу это было.

– Где-то около двенадцати. Точно не помню…

– Хорошо. – Опрашиваемый собирается что-то сказать. Детектив прерывает. – Ваша машина была припаркована там, где она находится сейчас, то есть в северо-западном углу стоянки?

– Да

– Хорошо. – Опрашиваемый хочет что-то сказать. Детектив прерывает. – Вы были на переднем сиденье…

Как установить психологический контакт с допрашиваемым

Расследуя преступление, детективу приходится задавать очень деликатные вопросы, касающиеся сугубо личных проблем, о которых собеседнику не всегда хочется говорить даже с близкими друзьями. Особенно это относится к получению информации от потерпевших по делам о насильственных посягательствах. Для получения такого рода информации нужно, чтобы между детективом и допрашиваемым установились доверительные отношения, чтобы последний, чувствуя доброжелательность, понимание, желание помочь, захотел перед ним раскрыться. В этом отношении задача детектива аналогична задаче клинического психолога, который вначале должен установить "личные связи" с клиентом и лишь после этого пытаться "проникнуть" в его интимные переживания. Важное отличие состоит в том, что детектив имеет ограниченные возможности для встреч и бесед со своим "клиентом", в то время как курс психотерапии может растянуться на недели и даже месяцы. К сожалению, детектив не может воспользоваться приемами клинициста, потому что не располагает для этого достаточным временем. Он вынужден довольствоваться наиболее доступным. При этом очень важно избежать ошибок, ведущих к тому, что опрашиваемый "замкнется" с самого начала беседы. Чтобы эта опасность не стала реальностью, необходимо руководствоваться двумя принципами:

Персонализировать допрос, т.е. придать ему характер общения двух симпатичных друг другу людей.

Проявлять к допрашиваемому знаки сочувствия, сопереживания, попытаться "поставить себя на место опрашиваемого", понять его заботы и тревоги.

Персонализация интервью

Одним из препятствий к получению полной и достоверной информации является "обезличенность" полицейского расследования: детектив и свидетель (жертва) играют каждый свою стереотипную роль. Детектив, в представлении допрашиваемого, это "винтик" полицейской машины, выполняющий свою часть работы. Для детектива жертва (квартирной кражи, нападения, изнасилования) – лишь одна из многих типичных жертв преступлений такого рода, расследованием которых ему приходится заниматься каждодневно. И допрашиваемый, и детектив видят друг в друге не конкретного человека, не личность, а "ролевую функцию", и это, разумеется, не способствует продуктивности коммуникации.

Одной из необходимых предпосылок эффективного допроса является его *персонализация.* Детектив должен видеть в допрашиваемом конкретного человека, с его заботами и переживаниями и сам в свою очередь представиться как идентифицируемая личность, а не просто как олицетворение официальной организации.

Самый простой способ персонализации – называть опрашиваемого по имени (дети, молодые люди), по имени и отчеству (лиц постарше), т.е. так, как сам допрашиваемый, представляясь, назвал себя. Можно просто спросить допрашиваемого: как к нему лучше обращаться.

Другим способом персонализации допроса является развитие у детектива навыков активного слушания. Ему важно заставить себя внимательно слушать допрашиваемого и проявлять знаки интереса к сообщаемой им информации. Один из способов достижения этой цели – периодически повторять последнюю фразу допрашиваемого, комментируя ее или задавая вопрос. Так, если допрашиваемая показала, что испугалась, когда увидела, что преступник достает ружье, то после этой фразы детектив может сказать: "Вы говорите, что испугались, когда увидели, что преступник достает ружье. Это в самом деле страшно. А что Вы еще можете вспомнить об этой сцене?" Тем самым детектив показывает допрашиваемой, что внимательно слушает ее рассказ.

Активное слушание требует концентрации внимания. Поэтому прежде, чем приступать к допросу, нужно устранить все возможные помехи. Детективу не следует отвлекаться ни на какие другие мысли, чтобы "эффективно слушать".

При подготовке к допросу детектив может ознакомиться с протоколом, с результатами интервьюирования, проведенного ранее другим детективом, словом, узнать о некоторых обстоятельствах дела. Эта информация, безусловно, полезна. Однако она не избавляет от необходимости внимательно выслушать все повествование допрашиваемого, без предвзятости воспринимая его показания.

Проводя такую рутинную процедуру, как допрос, детективы нередко используют различные речевые штампы. Бюрократические обороты речи деперсонализируют допрос и их нужно избегать.

Чтобы опрашиваемый видел в детективе не просто представителя власти, а конкретного, приятного, благожелательного человека, детектив таковым должен и представиться, сообщив, например, перед началом интервью некоторую информацию о себе. Такая информация будет способствовать установлению контакта с допрашиваемым. (Например, если детективу известно, что у опрашиваемого есть ребенок, он может сказать, что и у него есть ребенок примерно такого же возраста.)

При проведении любого допроса или интервью необходимо собирать некоторые сведения о допрашиваемом (возраст, семейное положение, место работы, образование и т.п.). Детективу нужно довести до сведения допрашиваемого, что делает он это не по своей личной инициативе, а "в силу производственной необходимости": "это стандартная процедура, эти сведения собираются при расследовании любого дела". Тем самым детектив как бы отграничивает себя от бюрократической машины расследования.

Проявление эмпатии (сочувствия, сопереживания)

Сообщит ли допрашиваемый какую-то лично для него очень значимую информацию, зависит от того, увидит ли он в детективе человека, способного его понять. Классический пример: подросток, односложно отвечающий на вопросы родителей ("потому что они все равно не поймут") и часами беседующий с приятелями. Непростая задача детектива состоит в том, чтобы убедить допрашиваемого, что он может взглянуть на проблему его глазами и понять переживания допрашиваемого, как говорится, влезть в его шкуру. Перед тем как допросить жертву преступления, полезно подумать о том, что ей пришлось пережить, и попытаться представить себя на ее месте.

Однако корректно сопереживать допрашиваемому – это лишь полдела. Надо еще убедить его в том, что детектив способен разделить его чувства. Для этого необходимо поддерживать обратную связь с допрашиваемым, периодически комментируя его показания ("я могу Вас понять", "представляю, как Вам было страшно", "да, конечно, с Вами поступили бесчеловечно"…).

Кроме персонализации интервью и проявления эмпатии существуют и другие, достаточно несложные приемы завоевания доверия, основанные на том, чтобы создать у допрашиваемого впечатление о детективе как о человеке справедливом, благожелательном, заинтересованном в установлении истины, для которого очень важно и интересно то, что говорит допрашиваемый.

Перед началом интервью полезен минимальный физический контакт (рукопожатие), который не должен восприниматься допрашиваемым как фамильярность (особенно, если речь идет о лице другого пола). Если у допрашиваемого есть какие-либо заметные повреждения, раны, следует поинтересоваться его самочувствием, позаботиться о том, чтобы ему было удобно, спросить, обращался ли он к врачу (даже если детектив все уже знает о характере травм из медицинского отчета). Точно так же следует поступать при внутренних, незаметных глазу повреждениях, если детектив знает о наличии таковых.

Допустим, что есть основания не доверять показаниям допрашиваемого. Детектив все равно должен делать вид, что он верит. Если допрашиваемый действительно "кривит душой", это можно будет выяснить в процессе дальнейшего расследования и повторных допросов.

Однако, если добросовестный человек почувствует, что ему не верят, трудно рассчитывать на его дальнейшее сотрудничество. Именно поэтому детектив должен избегать оценочных суждений и конфронтационных вопросов. Если в рассказе допрашиваемого возникают противоречия, не нужно стремиться разрешить их немедленно, так как это может затормозить свободное повествование и какая-то часть важной для дела информации будет утрачена.

Детектив должен всемерно поощрять свободный рассказ допрашиваемого, без пропусков и корректирующих поправок. Возникающие противоречия в рассказе, несогласованность и расхождения в показаниях допрашиваемых, – все это можно прояснить позже, когда основная часть информации будет получена.

Детектив может стимулировать активность допрашиваемого еще и тем, что будет своим поведением (вербальным и невербальным) демонстрировать интерес к его рассказу. Этот интерес может проявляться в характере задаваемых вопросов, зрительном контакте с допрашиваемым (особенно в начале интервью, когда устанавливается психологический контакт), позе детектива (сидеть слегка подавшись вперед, по направлению к допрашиваемому).

Ожидания и цели детектива и допрашиваемого в идеале должны совпадать, тогда им легче будет координировать усилия в достижении желаемого результата. Однако в реальности это случается редко, так как интересы детектива и интересы свидетеля (или потерпевшего) различны.

И тем не менее залог успеха когнитивного интервью в том, чтобы детектив и допрашиваемый работали "единой командой" на общую цель. Для этого каждая из сторон должна быть осведомлена о перспективах другой стороны. Детектив должен учитывать нужды и заботы допрашиваемого, а тот в свою очередь – интересы следствия. Естественно, что основная нагрузка в обеспечении согласованности действий партнеров по коммуникации ложится на детектива: он исподволь направляет ход интервью и достаточно спокоен для того, чтобы видеть общую картину. Понимая состояние и интересы допрашиваемого, детектив будет координировать их с интересом расследования, направляя повествование допрашиваемого в нужное русло.

Прежде чем предложить допрашиваемому рассказать об интересных для следствия деталях преступления, нужно дать ему возможность излить свои чувства. Переживания допрашиваемого, его страхи и обиды малоинтересны для детектива, и тем не менее, если они не будут выражены, то в дальнейшем это может помешать расследованию.

"Выход эмоциям" необходимо дать в самом начале интервью. Зная об этих эмоциях, детектив может потом использовать их в своих целях. Допустим, допрашиваемый "зациклился" на несправедливости преступления. Для завоевания доверия допрашиваемого возможен такой, например, прием: "Для того мы и работаем, чтобы люди, совершающие преступления, получили по заслугам". Или, например, жертве ограбления, озабоченной материальным ущербом, можно сказать, что возмещение этого ущерба будет зависеть от успеха расследования. В общем, детективу нужно убедить допрашиваемого в том, что он понимает и разделяет его чувства и сделает все возможное, чтобы справедливость была восстановлена, и что сам допрашиваемый должен ему в этом помочь. После того как допрашиваемый убедился в том, что цели детектива совпадают с его собственными, можно переходить к сбору информации, представляющей интерес для следствия. Например, детектив может сказать, что для задержания преступника необходимо детальное описание его внешности и машины, на которой преступник скрылся. Чем лучше допрашиваемый опишет преступника, тем скорее тот будет схвачен. Общая идея состоит в том, чтобы допрашиваемый понял, что они с детективом делают одно общее дело, успех которого зависит от того, сможет ли допрашиваемый дать нужную для дела информацию.

Как изменить в желаемом направлении поведение допрашиваемого

Наибольший эффект от допроса будет получен в том случае, когда допрашиваемый чувствует себя свободно, говорит спокойно и размеренно. В таком случае следователь

понимает и успевает записывать показания. Добиться этого можно двумя способами. Следователь может, например, сказать допрашиваемому: "Я Вас попрошу говорить как можно медленнее, чтобы я успевал записывать все, что Вы скажете". Такой прием эффективен: опрашиваемый действительно замедляет речь. Однако при этом возможен и побочный эффект: опрашиваемый будет чувствовать себя более скованно и неуверенно.

Другой, косвенный, прием основан на следующем: было замечено, что при взаимодействии двух людей поведение одного начинает со временем походить на поведение другого. Например, когда один из говорящих начинает говорить медленнее, то замедляется и речь собеседника. Точно так же при ходьбе: человек приспосабливается к шагу попутчика. Этот феномен, наблюдавшийся как при вербальном (речевом), так и при невербальном воздействии, получил название "принцип синхронности". Следователь может воспользоваться принципом синхронности, моделируя поведение допрашиваемого собственным примером: свободная, непринужденная поза, тихая размеренная речь.

Как восполнить дефицит навыков коммуникации

Свидетели и потерпевшие обычно не являются репортерами криминальной хроники, поэтому описание преступления – задача для них непривычная. Независимо от возможностей памяти они испытывают трудности при детальном описании преступления. Некоторые несложные приемы помогут эти трудности преодолеть.

Относительная–абсолютная оценка. Для того чтобы помочь допрашиваемому охарактеризовать какой-то объект, ему нужно предоставить для сравнения другой объект как «точку отсчета». Психологические исследования показали, что относительные оценки легче и точнее абсолютных. Например, любой из нас затрудняется точно определить рост человека, но мы без труда оценим, какой из двух людей выше. Поэтому, если допрашиваемый не может сказать, какого роста был преступник, детектив должен предложить ему сравнить рост преступника со своим ростом или ростом какого-либо хорошо знакомого человека. Чем больше сходство между сравниваемыми объектами, тем точнее будет оценка.

Особенно трудны абсолютные оценки цвета, тем более цвета нестандартного. Словарный запас допрашиваемого может не позволить охарактеризовать, например, цвет как "голубой с аквамариновым оттенком". Вместе с тем он может довольно точно оценить цвет объекта, делая выбор из ряда предложенных образцов (на какой цвет был похож объект – ближе к голубому или ближе к зеленому).

Узнавание–припоминание. Узнать объект легче, чем его припомнить. Эту закономерность детектив должен знать и использовать. Например, допрашиваемый не может сказать, какого типа оружие (пистолет или револьвер) было у преступника. Если детектив покажет ему типичное изображение того и другого, допрашиваемый без труда сделает правильный выбор. Или, скажем, допрашиваемый, не знающий марки автомашин, не может описать какую-то модель, но он сможет узнать эту модель, если показать ему рисунки или фотоснимки нескольких различных машин. У детектива должны быть наборы рисунков типичных марок машин, оружия, иных технических объектов. Допрашиваемый узнает искомый объект по образцам, указывает на сходство или различие с предлагаемыми альтернативами. При отсутствии изобразительных альтернатив можно воспользоваться речевыми, словесными описаниями. Например, если допрашиваемый пытается охарактеризовать головной убор, можно предложить на выбор: бейсболка, морская, жокейская шапочка, шляпа (на что больше походит головной убор преступника?). Если альтернатив немного, нужно перечислить все. Если много и назвать все нельзя, детектив должен подчеркнуть особо, что «это лишь некоторые из большого числа возможных» альтернативных образцов. Такой прием позволяет избежать искажений в ответах допрашиваемого.

Невербальные формы ответов. Речь – наиболее распространенное средство коммуникации, но средство не единственное и не во всех случаях самое эффективное. Например, сложные действия или непривычные объекты трудно описать словами. В таких случаях можно просто показать это действие, нарисовать объект, то есть как-то «обойтись без

слов».

По одному делу допрашивали очевидца катастрофы самолета. Допрашиваемый никак не мог описать словами, как накренялся потерявший управление самолет. Тогда ему было предложено показать это движение на модели самолета, и он смог более понятно объяснить, как это происходило. Аналогичным образом при описании дорожных происшествий можно попросить допрашиваемого нарисовать план перекрестка, показать на предложенных образцах модели машин, вовлеченных в аварию, а также показать на этих моделях движение исследуемых машин. Если, например, допрашиваемый был активным участником события (скажем, пилотом) и важно определить его действия, то в идеале лучше всего проводить допрос в аналогичном по конструкции самолете, где допрашиваемый сможет наглядно продемонстрировать те свои действия, которые он производил в момент аварии.

Использование невербальных форм ответов особенно эффективно при интервьюировании лиц с ограниченными вербальными способностями.

Как побудить допрашиваемого к детальному описанию

Большинство людей не привыкли к детальным описаниям: в жизни им это не нужно. Мы просим налить чашечку кофе, и никому не придет в голову определять размеры чашки и степень ее наполнения. Между тем для расследования требуется как раз полная, максимально детализированная информация. Для подробного описания нужно больше времени, чем для поверхностного формального ответа. Поэтому в самом начале интервью детективу необходимо убедить допрашиваемого в том, что допрашивающий не торопится и будет ждать столько времени, сколько потребуется для самых обстоятельных, подробных ответов. Нередко детективы совершают ошибку, говоря, что интервью займет всего несколько минут. Тем самым они настраивают допрашиваемого на быстрые, поверхностные ответы. Допрашиваемый должен понять: чтобы преступление было раскрыто, необходимо детальное описание случившегося, особенно детальное описание подозреваемого. Вместе с тем, если показания дает потерпевший от насильственного преступления, в фокусе его внимания, как правило, оказываются действия преступника, а не его приметы. Информация о действиях, конечно же, важна для детектива, однако первейшей его задачей является задержание преступника, обнаружение объектов, связанных с преступлением (оружие, машина и т.п.). Обычно детектив дает четкую установку на детальный ответ, но делает это в форме, мало к чему обязывающей ("Расскажите мне подробно о том, что произошло."). Между тем, если действительно требуется получить детальный ответ, нужно быть более категоричным. Можно сказать что-то вроде: "Для того чтобы мы могли раскрыть это преступление, нам нужно детальное описание человека, который его совершил. Попытайтесь получше описать его лицо. Представьте, что я хочу нарисовать портрет этого человека. Но я о нем знаю только то, что Вы мне расскажете. Расскажите мне о нем все, что сможете".

Как побудить допрашиваемого к информативным ответам

Порой допрашиваемый не упоминает о каком-то важном для расследования моменте просто потому., что не представляет степени его важности (а не потому, что не помнит). Например, допрашиваемый может не знать, что рукоятки у оружия бывают разной формы, и поэтому исключит из своего рассказа эту деталь как малозначительную. Если описываемый объект имеет отношение к технике или какой-то иной, непривычной для допрашиваемого области, детектив должен указать, какие именно свойства (характеристики) этого объекта обязательно нужно описать. Обычно детективы расспрашивают о росте, весе, телосложении и прочих общих характеристиках людей. Эти характеристики легко припоминаются, но для расследования они не столь важны, если не выходят за пределы нормы (если, к примеру, фигурант не карлик или не патологический толстяк). Гораздо информативнее общих характеристик описания лица и иных отличительных особенностей. Больше всего информации,

позволяющей отличить одного человека от другого, содержит верхняя часть лица, особенно волосы и линия волос. Поэтому, выясняя информацию о лице, следует начать с волос и верхней части лица, постепенно продвигаясь книзу, к подбородку. Отличительные признаки, по определению, представляют для детектива наибольший интерес. Если информация этого типа не получена в ответе на открытый вопрос, то другими путями получить ее бывает почти невозможно. Детективы часто задают вопрос: "Было ли что-нибудь необычное во внешности преступника?" И столь же часто получают на него отрицательный ответ: "Нет". И вряд ли стоит этому удивляться, так как отрицательный ответ "заложен" уже в самом вопросе. Чтобы получить позитивную информацию, вопрос следует задать в слегка измененном виде: "Что Вам больше всего запомнилось во внешности преступника?" Отвечая на такой вопрос, допрашиваемый вероятнее всего назовет самый яркий отличительный признак. Затем можно продолжить: "А еще, какой следующий признак?" и т.д., пока не будет извлечена вся необходимая информация.

Иногда, описывая человека или предмет, допрашиваемый оперирует субъективными оценками: "Он был похож на фермера", "Он казался разозленным" и т.п. Подобные характеристики вполне приемлемы, однако лучше все же конвертировать их в более объективную форму. Самый простой способ перевода субъективного в объективное – это спросить: "Какие признаки делали его похожим на фермера?" или "Из чего Вы заключили, что он был разозлен?" Если предоставить достаточно времени для ответа, то допрашиваемый почти наверняка даст объективное описание.

Как добиться того, чтобы допрашиваемый сообщал всю информацию, ни о чем не умалчивая

Нередко допрашиваемый вспоминает что-то важное для следствия, но по разным причинам не говорит об этом, то есть "подавляет" информацию. Искусный детектив может избежать этого, ориентируя опрашиваемого на то, что можно говорить все, что приходит на ум, не просеивать и не отсекать информацию. Из опасения потерять доверие детектива допрашиваемый порой умалчивает о каких-то фактах, потому что это противоречит сказанному им ранее. Однако, вопреки распространенному мнению, расхождения в показаниях вовсе не свидетельствуют о неточности: при отдельных условиях несогласующиеся друг с другом показания являются даже более точными и правильными. Е:сли в повествовании допрашиваемого замечаются противоречия, не надо его сразу же прерывать. Нужно получить всю возможную информацию и только после этого вместе с допрашиваемым разобраться в причине расхождения. Делать это следует деликатно, так как расхождение может быть не следствием злого умысла, а непредумышленной ошибкой или результатом неправильного понимания высказывания. Вторая причина, побуждающая допрашиваемых "просеивать" свои показания, состоит в том, что они считают какую-то информацию "не относящейся к делу" или "нарушающей порядок изложения". Обычно люди привыкают излагать события в их хронологической последовательности. Иногда посреди рассказа может вспомниться событие, происшедшее раньше. Если допрашиваемый умолчит о нем, намереваясь сообщить после окончания повествования, то событие может вовсе забыться. Особенно это касается незначительных деталей, не связанных с основной темой повествования. Поэтому детектив должен "настроить" допрашиваемого сообщать информацию в той последовательности, в какой она приходит на ум, не заботясь о соблюдении хронологии. Бывает, что вспоминается какая-то деталь, которая в данный момент вроде бы не к месту. Если она откладывается на потом, то может забыться.

И наконец, допрашиваемый может не сообщать какую-то информацию потому, что считает ее бесполезной для следствия. Такая самоцензура чрезвычайно вредна, так как большинство свидетелей и потерпевших не имеют собственного опыта расследования и поэтому не могут квалифицированно судить о ценности информации. Даже если информация в самом деле тривиальна, сам факт ее воспроизведения может по ассоциации стимулировать припоминание других, действительно полезных деталей. Поэтому детективу необходимо с

самого начала допроса разъяснить допрашиваемому, что недопустимо саморедактирование ответов. Детектив может напомнить, что позже информация будет рассортирована, а сейчас допрашиваемому не следует беспокоиться о связности и систематичности рассказа. Его главная задача – припомнить и сообщить как можно больше информации, а упорядочивание этой информации не входит в задачу допрашиваемого.

Однако при этом детектив обязательно должен напомнить допрашиваемому о недопустимости голого фантазирования, придумывания информации. Делать это нужно в мягкой и доброжелательной манере. (Например, так: "Я не хочу, чтобы Вы что-то придумывали. Если чего-то не знаете, так и скажите: "Не знаю". Ничего не изобретайте просто для того, чтобы мне ответить".)

Одна из причин популярности допроса (опроса) по методу когнитивного интервью – его простота. Любой следователь при желании и должном упорстве может освоить методику проведения когнитивного интервью. Для пользования этим методом не нужна сложная и дорогостоящая аппаратура, не нужны многочисленные согласования и разрешения вышестоящих инстанций. Полученные с помощью когнитивного интервью показания не встретят возражений в суде. Для проведения когнитивного интервью не нужны какие-то особые условия: его можно провести и на месте происшествия, и в больнице, и дома, и в офисе.

Вместе с тем по эффективности получения криминалистически значимой информации этот метод равноценен гипнозу и наркоанализу.

Другим существенным преимуществом когнитивного интервью является возможность использования его "по частям". В зависимости от условий и обстоятельств расследуемого дела следователь может воспользоваться каким-то одним или несколькими приемами активизации памяти допрашиваемого.

Считается, что для ознакомления с основными принципами и приемами когнитивного интервью достаточно двух дней (именно такое время отводится на теоретическую часть на курсах когнитивного интервью), остальное – дело практики. Рекомендуется осваивать этот метод поэтапно, от простого к сложному. К следующему этапу можно переходить лишь после того, как усвоены все навыки предыдущего.

13.3. Пример допроса по методу когнитивного интервью

О том, как на практике реализуется рассматриваемый метод, красноречиво рассказывает предлагаемый случай из практики ФБР.

Следственное интервью было проведено с молодой женщиной, за два дня до этого оказавшейся очевидцем вооруженного ограбления ювелирного магазина. Женщина находилась поблизости, когда двое вооруженных преступников вошли в магазин и потребовали у продавцов отдать торговую выручку. Хотя она сильно испугалась, но панике не поддалась и смогла рассмотреть и запомнить грабителей. В процессе общения со следователем свидетельница проявила себя как человек, обладающий хорошими вербальными навыками. Во время проведения интервью держалась уверенно и была достаточно спокойна.

Место действия – квартира свидетельницы.

Ниже приводится текстовый формат этого интервью.

Следователь: Вы Джейн Вилсон? Я – детектив Джереми Цукерман из Метрополитен Полис Департамент. Мы вчера уже говорили с Вами по телефону об ограблении ювелирного магазина, и я хотел бы более обстоятельно поговорить сегодня о случившемся.

Очевидец: Входите.

Следователь: Вчера во время телефонного разговора Вы были взволнованны. Как вы себя чувствуете сегодня?

Очевидец: Лучше. Это было по-настоящему страшно. Особенно, когда они закричали и я увидела ружье. Раньше я никогда не видела ружья, разве что по телевизору. Я была потрясена.

Следователь: Это вполне нормальная реакция. Ведь грабители были вооружены, и ситуация была действительно опасной. Помнится, много лет назад, когда я еще не работал в полиции, я сам оказался в аналогичной ситуации: я что-то покупал в магазине, когда ворвались бандиты. Я тогда здорово перепугался.

Очевидец: Все вокруг вдруг переменилось. Дело дошло до того, что страшно выйти ночью на улицу. Я бы хотела, чтобы все эти парни оказались за решеткой, там их место, и чтобы мы снова могли ходить по улицам, ничего не опасаясь.

Следователь: Именно этого хотим и мы: снова сделать наш округ безопасным. Если вы дадите нам достаточно информации, чтобы мы смогли поймать этих бандитов, они больше не будут разгуливать по нашим улицам.

Вы поможете нам их поймать, если как можно подробнее расскажете о том, что случилось, со всеми малейшими деталями, ничего не пропуская. Чем больше деталей Вы нам сообщите, тем легче нам будет их найти и наказать.

Очевидец: Хорошо. Тогда начнем?

Следователь: Из того, что Вы мне вчера рассказали по телефону, я понял, что Вы достаточно хорошо рассмотрели грабителей и многое можете вспомнить о случившемся. Я надеюсь, что в ходе нашей беседы я все это от Вас узнаю. Где мы смогли бы поговорить так, чтобы нам не мешали?

Очевидец: Пройдемте в жилую комнату. Я сейчас выключу телевизор.

Следователь (рассматривая фото на стене): Это ваши дети? У меня тоже дома трое: две девочки и мальчик. Джейн, я хочу, чтобы Вы поняли, что только Вы располагаете всей информацией. Я попытаюсь от Вас узнать, что произошло, и жду от Вас самого подробного рассказа. Говорить будете Вы и не ждите от меня вопросов. Рассказывайте мне все, что приходит вам на ум, даже если это покажется тривиальным, даже если это противоречит тому, что Вы раньше сказали. Не пропускайте ничего. Если чего-то не знаете, ну что ж! Так и говорите: «Не знаю». Не пытайтесь ничего придумывать. Я прекрасно понимаю, что это очень трудная задача – вспомнить все детали преступления. Но Вы все же постарайтесь. Сконцентрируйте свое внимание. Мобилизуйтесь. Прежде чем мы начнем, я попрошу Вас рассказать мне немного о том, где Вы стояли в магазине и о чем думали непосредственно перед тем, как ворвались в магазин бандиты.

Очевидец: Я собиралась купить мужу часы, чтобы сделать ему на день рождения подарок. Несколько лет тому назад я покупала в этом магазине кое-что из драгоценностей. Здесь разумные цены и очень качественный товар. Я стояла в глубине магазина, когда услышала их (грабителей) крики.

Следователь: Если можете, нарисуйте простой план магазина. Покажите на нем, где стояли Вы, где были грабители и где была касса.

Очевидец рисует план магазина.

Следователь: Какими были условия освещенности в магазине?

Очевидец: Было достаточно светло. Это ведь ювелирный магазин, и товар должен «сверкать», я так думаю.

Следователь: Джейн, попытайтесь представить, что Вы вновь стоите на том же месте, где стояли тогда, когда впервые увидели грабителей. Расскажите мне своими словами все, что можете вспомнить о происшедшем с самого начала и до того момента, как закончилось ограбление. Расскажите как можно подробнее, не пропуская никаких деталей.

Очевидец: …(следует рассказ о происшествии).

Следователь: (слушая, записывает в блокнот фрагменты рассказа и вопросы, которые собирается уточнить: "Приметы, грабитель №1 приказывает покупателям: «Все на пол!». Отмечает изменение тона голоса. Очевидец испугана. Грабитель №1 – большое ружье. Очевидец падает на пол. Грабитель №1 не в себе, нервничает. Грабитель №2 обращается к Грабителю №1: «Уходим!» Оба выбегают из магазина.).

Следователь: А теперь я попрошу Вас снова вернуться назад, к образам, о которых Вы только что говорили, и попрошу снова описать грабителей, но более детально. Я понимаю, что это непросто, но постарайтесь сконцентрироваться. Помните, чем больше деталей Вы мне сообщите, тем скорее мы схватим этих мерзавцев.

Вернитесь назад, к тому моменту, когда мужчина с ружьем повернулся к Вам и крикнул: "Лечь на пол!"

Старайтесь сконцентрироваться только на одном грабителе, только на том, который крикнул на Вас.

Вам будет легче сосредоточиться, если Вы закроете глаза (показывает сам, закрывает глаза). Попытайтесь как можно явственнее мысленно представить эту сцену, когда мужчина впервые повернулся к Вам. Пока ничего не говорите. Рисуйте мысленную картину как можно яснее (пауза несколько секунд). Сконцентрируйте внимание на его лице и голове (пауза). Сейчас попробуйте описать его голову и как можно подробнее, ничего не пропускайте.

Очевидец'. У него было лицо овальной формы, щеки одутловатые. Цвет лица темный. Высокий лоб. Волосы темные: брюнет или шатен. Волосы зачесаны почти прямо, слегка на левую сторону. Что-то странное было у него со ртом, как будто рот был искривлен…

Следователь держит паузу. Молчит.

Очевидец: Может быть, у него была бородка. Казалось почему-то, что она на левой стороне гуще, чем на правой… Это все, что я могу припомнить.

Следователь: Держите образ. Сфокусируйтесь на глазах. Скажите мне все, что можете, о его глазах, бровях, вообще о верхней части лица.

Очевидец: Странные какие-то у него глаза… расширенные зрачки, такие бывают у людей «не в себе», помешанных. Не могу вспомнить цвет его глаз. Кроме того, он был вспотевшим. На его лбу поблескивали капельки пота.

Следователь: Были ли на нем очки?

Очевидец: Нет.

Следователь: Вернитесь снова к его волосам. Вы говорили, что они темные и зачесаны прямо назад. Что еще могли бы Вы рассказать мне о его волосах?

Очевидец: Они были не вьющиеся, может быть, слегка волнистые, но уж точно не курчавые.

Следователь: Можете охарактеризовать длину его волос?

Очевидец: Волосы чуть-чуть покрывали его уши, так что не были слишком короткими. Но и не очень длинными.

Следователь: Вы уже вспомнили, что у него были пухлые щеки. Снова сконцентрируйте внимание на его щеках… (держит паузу)… Сейчас попробуйте описать его лицо.

Очевидец: В его лице не было ничего примечательного. Никаких особых примет.

Следователь: Был он гладко выбрит или имел волосы на лице?

Очевидец: Он был гладко выбрит.

Следователь: Какой у него был цвет кожи?

Очевидец: Ближе к темному. Как будто загорелый. Но не очень темный.

Следователь: В общем, что же было в его лице самым примечательным?

Очевидец: Я думаю, что глаза. У него был действительно «безумный» взгляд, с расширенными зрачками.

Следователь: Джейн, Вы уже раньше упоминали о том, что после ограбления, придя домой, рассказали мужу о случившемся. Вы рассказали ему обо всем детально или только свои общие впечатления о событии и как Вы реагировали на происходящее?

Очевидец: Мой муж очень любопытен. Он попросил меня дать исчерпывающее описание того, что произошло в магазине. Мне даже показалось, что он хотел бы выступить в роли детектива-любителя и найти преступника.

Следователь: Ну и как, Вы хорошо описали случившееся Вашему мужу?

Очевидец: Хорошо. Это было сразу же после ограбления, так что тогда мне было легче припомнить некоторые детали. Я даже назвала моему мужу имя одного из грабителей – его напарник обратился к нему, назвав по имени. Но сейчас я не могу вспомнить это имя. Надо было тогда его записать.

Следователь: Вернитесь назад, к тому времени, когда Вы говорили с мужем. Где Вы в тот момент находились?

Очевидец: Это было дома. Я говорила по телефону с кухни.

Следователь: Постарайтесь вернуться к тому моменту, когда Вы говорили с мужем по телефону, и восстановите разговор.

Очевидец: Я сказала ему, что случилось. Естественно, он спросил о моем самочувствии и поинтересовался, сообщила ли я в полицию. Я ответила «нет» и что я, кажется, вспомнила, кого мне напоминал один из грабителей, и имя одного из них. Но сейчас я это имя не помню.

Следователь: Постарайтесь вернуться к тому моменту в разговоре с мужем, когда Вы думали об имени грабителя. Восстановите это время в памяти. Как Вам все-таки удалось вспомнить это имя?

Очевидец: Попробую. Я вспоминаю, что мужа тогда это имя очень позабавило, потому что похожее имя было у нашего племянника: Робби. Но преступника звали не Робби. У него было иностранное имя, более длинное, чем имя Робби – Роберто. Да, действительно, его звали Роберто.

Следователь: Какого из парней звали Роберто: того, который наставил на Вас ружье, или того, который стоял посреди магазина?

Очевидец: Того, который направил на меня ружье.

Следователь: Можете ли Вы еще что-нибудь вспомнить из того, что говорили Вашему мужу и о чем не сказали сейчас?

Очевидец: Нет, только имя.

Следователь: Был ли один из грабителей лидером, или оба работали вместе на равных?

Очевидец: Мужчина, стоявший возле кассы и забиравший деньги, кажется, был за старшего. Он приказывал Роберто, что следует делать дальше. Этот, стоявший возле кассы человек, производил впечатление более умного.

Следователь: Почему Вы заключили, что он был более умным?

Очевидец: Точно не знаю. Думаю потому, что речь у него была более отчетливой, чем у Роберто, и говорил он без акцента. Он был лучше одет. Он был в обычных брюках, а не в джинсах. Он был гладко выбрит. И потом, он был в очках. Вы ведь знаете, иногда люди, носящие очки, кажутся более щеголеватыми.

Следователь: Джейн, Вы сообщили мне много информации и я хотел бы убедиться в том, что я все правильно записал. Давайте вместе с Вами еще раз проверим мои записи. Старайтесь думать об ограблении, когда я буду читать Вам мои записи. Если в какой-то момент Вам покажется, что я что-то неверно записал или Вы вспомните что-либо новое, чего Вы еще не говорили, сразу же прервите меня и скажите об этом.

Медленно читает записанное.

Следователь: А сейчас сообщите некоторую информацию о себе для нашего официального протокола. Так принято в любом полицейском управлении, и неважно, где проводится интервью (независимо от того, где мы собираем показания).

Какое ваше полное имя?

Очевидец: Джейн Эллен Вилсон.

Следователь: Ваш адрес?

Очевидец: (называет).

Следователь: Джейн, Вы мне очень помогли в расследовании. Благодарю, что Вы уделили мне время. Надеюсь, что это было для Вас не слишком обременительно и я не нарушил Ваши планы. Не исключено, что в последующие дни Вы будете думать о том, что произошло во время ограбления. Это вполне естественно. Когда Вы будете думать об ограблении, Вы, вероятно, вспомните какую-то новую информацию, которую мы сегодня не записали. Запишите эту информацию и позвоните мне. Вот моя карточка. Еще раз благодарю за сотрудничество.

Спустя несколько дней следователь позвонил Джейн Эллен Вилсон, поинтересовался ее здоровьем и еще раз поблагодарил за данные ею показания.

Глава 14
Выявление лжи и событий, связанных с ложью

14.1. Выявление и преодоление лжи допрашиваемых

Как отмечалось, основная цель, которую преследует следователь, производя допрос, состоит в получении от допрашиваемого путем дачи им показаний достоверных исчерпывающих фактических данных (доказательственной информации) относительно

известных последнему обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Обеспечить успех в достижении этой цели не всегда легко. Многое зависит от личностных особенностей допрашиваемого, мастерства следователя, уровня его тактического оснащения.

По уголовным делам допрашиваются люди с самыми различными психологическими характеристиками (с точки зрения их темперамента, характера, психического здоровья, психологического состояния и т.д.). Их поведение на допросе также имеет свои особенности. Одни многословны, велеречивы, навязчивы; другие, наоборот, замкнуты, немногословны, отчуждены. Для поведения одних характерна скромность, тактичность, умение сдерживать свои эмоции. Но нередко следователь сталкивается с их прямыми антиподами – нахальными, дерзкими, развязными, порой агрессивными людьми.

Каждый раз следователь, увидев вызванного на допрос человека, решает вопрос о выборе варианта модели своего поведения, который позволит достичь ожидаемого результата от данного следственного действия. Этому способствует криминалистическое распознавание образа допрашиваемого лица[81]. Речь идет не о внешнем, поверхностном, видимом, не о мнимом, кажущемся, навязываемом образе, а о подлинном, внутреннем, сущностном социально-психологическом облике (портрете) партнера следователя по информационному взаимодействию.

Распознавание образа допрашиваемого

Распознавание образа допрашиваемого предполагает составление следователем четкого представления (вначале на предположительном уровне) о том, с кем он имеет дело. Успешно решить данную задачу – это получить мысленные ответы на довольно обширный круг вопросов. В их число могут входить следующие:

• является ли допрашиваемый тем, за кого он себя выдает, соответствует ли его реальный облик тому, что демонстрируется внешними аксессуарами;

• каковы его нравственный потенциал, увлечения, намерения, планы, ценностные ориентации, образовательный, интеллектуальный, профессиональный уровни, социальный статус, характер, темперамент, образ жизни, степень притязания на лидерство, жизненные перспективы;

• каково его отношение к факту совершения расследуемого преступления, правопорядку, ведению следствия по данному делу, к лицу, его осуществляющему, своему процессуальному положению, является ли он законопослушным, имеет ли уголовное прошлое, попадал ли он ранее в поле зрения правоохранительных органов, чем для него это закончилось;

• как давно, при каких обстоятельствах, в каком физическом, физиологическом и психическом состоянии, в каких условиях воспринимал событие, обстоятельство, по поводу которого дает показания, имеет ли психические или физические отклонения в данный момент.

Распознавание образа допрашиваемого создает предпосылки для решения ряда важных тактических задач при производстве анализируемого и последующих действий, в первую очередь таких задач, как определение следователем приемов установления и поддержания психологического контакта с допрашиваемым. Важнейшей задачей, опирающейся на те же основания, является распознавание и преодоление лжи допрашиваемого.

Ложь и ложные показания

---

81 О проблемах теории и практики криминалистического распознавания см.: *Образцов В.А.* Криминалистическое распознавание: теория, метод, процесс // Труды МГЮА, №3. – М., 1998. – С. 131 – 142; *Миронова Е.А.* К вопросу о теории криминалистического распознавания // Труды МГЮА, №4. – М., 1999. – С. 194–205; *Проблемы криминалистического распознавания* // Материалы научно-практической конференции. – Иркутск–М., 1999; *Курс криминалистики. Общая часть* /Под ред. В.Е. Корноухова. – М.: Юристъ, 2000. – С. 315–332.

Ложь – одно из тех, все более поражающих уголовный процесс зол, с которым следователь сталкивается при расследовании самых различных преступлений. Источниками лжи являются чаще всего подозреваемые, обвиняемые и свидетели. Перечень лжецов может быть продолжен, поскольку подчас в этом качестве выступают потерпевшие, а иногда и эксперты.

Ложь различают по характеру, формам проявления и целям, которые преследуются теми, кто использует ее в качестве орудия борьбы с правосудием. Опасна любая ложь: большая и малая, явная и тайная, примитивная и ухищренная. Но особую опасность представляет ложь неразоблаченная, от кого бы она не исходила. В этом случае она может нанести весьма ощутимый вред правосудию, делу установления истины, принятию правомерных решений в уголовном процессе.

В общежитейском смысле, ложь – это неправда, вымысел. Лгать – значит скрывать правду, искажать действительное положение вещей и состояние дел.

Выделяют два типа лжи:

а) пассивная ложь, что выражается в непередаче сведений, которые известны (умолчание);

б) активная ложь, т.е. сообщение заведомо ложных сведений.

Пассивная ложь бывает полная и частичная. К пассивной лжи относится и запирательство.

Активная ложь подразделяется на:

а) ложь, целиком состоящую из вымысла;

б) частичную ложь (соединение элементов правды с элементами лжи).

Ложь, базирующаяся на подтасовке фактов, формируется путем:

• исключения отдельных элементов события;

• дополнения реального события вымышленными элементами;

• перестановки отдельных элементов события во времени и пространстве.

Криминалистическая интерпретация этих понятий предполагает дачу заведомо ложных показаний по поводу тех или иных обстоятельств, подлежащих установлению.

Ложные показания могут быть даны в силу заблуждения. Однако заведомо ложные показания всегда являются разновидностью активной, преднамеренной лжи. В этом случае имеется в виду сообщение следствию или суду ложной информации с целью обмануть допрашивающих, ввести их в заблуждение.

По своему характеру (направленности) ложные показания могут быть:

• оправдательными;

• обвинительными;

• одновременно обвинительными в отношении одних и оправдательными в отношении других лиц;

• нейтральными (например, сообщение ложных сведений о преступлении, которое не совершалось, без указания на конкретное лицо, якобы совершившее это преступление).

В основе непреднамеренной лжи могут лежать самые различные причины, обусловленные психическими, физическими, логическими факторами (преклонный возраст, травмы головы, отрицательно сказывающиеся на процессе правильного восприятия, сохранения, воспроизведения информации, низкий образовательный и интеллектуальный уровень, приводящий к ошибкам в посылках, к ошибкам в отношении тезиса, в аргументации и т.д.).

Для преднамеренного лжесвидетельства характерны иные основания. Заведомо ложные показания чаще всего даются для того, чтобы:

а) помочь виновным лицам избежать уголовной ответственности;

б) смягчить вину обвиняемого (подсудимого);

в) преувеличить вину лица, подлежащего привлечению или привлеченного к уголовной ответственности;

г) оговорить невиновного в совершении преступления, к которому он не имеет никакого отношения, либо оговорить его в совершении мнимого, несуществующего преступления.

С психологической точки зрения, процесс формирования заведомо ложных показаний предполагает последовательное прохождение следующих стадий:

• восприятие истинного события;

• запоминание и осмысление этого события;

• осознание цели сообщения ложных сведений и последствий данного акта;

• переработка воспринятого и создание мысленной модели задуманного лжесвидетельства;

• удержание в памяти моделей ложных показаний, построение модели процесса их сообщения на допросе;

• воспроизведение ложных показаний на допросе.

Причины лжесвидетельств свидетелей, потерпевших, подозреваемых

Причины, порождающие ложные показания свидетелей и потерпевших:

• воздействие, которое они испытали со стороны заинтересованных лиц (просьбы последних, уговоры, подкуп, шантаж и т.д.);

• болезненное состояние психики;

• личная заинтересованность в исходе дела;

• намерение избежать нежелательного обременительного участия в уголовном процессе;

• нежелание помогать правоохранительным органам в установлении истины из-за негативного отношения к их работе, конкретным работникам.

В генезисе лжи существенную роль играют эмоции человека: страх, гнев, злорадство, зависть, тревога, надежда, отчаяние и проч.

В качестве мотивов лжесвидетельства могут выступать корыстные побуждения, ложно понятые интересы коллектива, чувство товарищества, попытка самоутверждения таким способом и т.д.

Причины лжесвидетельства подозреваемых, обвиняемых:

• намерение уклониться от ответственности и возмещения причиненного вреда;

• намерение смягчить ответственность, сохранить нажитое преступным путем имущество, иные добытые незаконно блага, права, преимущества;

• воздействие на допрашиваемых со стороны других заинтересованных в ложности показания лиц.

Делается это из:

а) опасения, что признание вины может изменить в худшую сторону судьбу допрашиваемого и его положение в обществе, повредить собственной репутации, причинить иной вред себе и другим людям;

б) желания отомстить соучастнику или иным лицам;

в) боязни мести со стороны соучастников, других заинтересованных лиц;

г) корыстных побуждений или соображений получения иной выгоды.

Ложь многолика. Она имеет не только словесное оформление, проявляется не только в вербальном общении, но и четко прослеживается в самых различных невербальных формах. Ложные показания, оговоры и самооговоры, ложные доносы и ложные алиби, фальсификации – все это ядовитые ягоды тлетворного поля лжи.

Признаки лжи допрашиваемого

Версия о том, что допрашиваемый (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый), несмотря на его уверения в правдивости своих показаний, сообщает ложные сведения, может быть построена на основе установления и анализа следующих обстоятельств:

• сообщения допрашиваемым лицом различных сведений по одному поводу;

• неопределенности, некорректности сведений, содержащихся в показаниях;

• наличия совпадений в мельчайших деталях показаний различных лиц об одном и том же;

• "проговорок" в высказываниях, указывающих на отрицаемую допрашиваемым лицом осведомленность в обстоятельствах события, по поводу которого оно допрашивается;

• бедности эмоционального фона показаний (схематичность, безликость, бледность

показаний);

- упорного подчеркивания допрашиваемым своей добропорядочности и незаинтересованности в исходе дела;
- уклонения допрашиваемого от ответа на прямой вопрос;
- сокрытия очевидных фактов, которые не могли быть неизвестны допрашиваемому лицу.

Каждое из перечисленных обстоятельств может рассматриваться в качестве признака лжи допрашиваемого. Это, однако, не значит, что взятое само по себе то или иное обстоятельство во всех случаях одинаково свидетельствует о лжи. Возможны и иные объяснения того, что в словах и других проявлениях активности допрашиваемого насторожило следователя. Поэтому, чтобы исключить ошибку в распознавании лжи, следует ориентироваться на несколько взаимосвязанных, взаимодополняющих, взаимокорреспондирующихся признаков. Причем ограничиваться при этом только соответствующими признаками сиюминутной речевой активности явно недостаточно. То, что воспринимает следователь на вербальном уровне в данный момент, необходимо сопоставить с известными ему данными об особенностях устной речи допрашиваемого лица в иных ситуациях, в формальной обстановке и неформальном общении, в условиях расследования и за его пределами. Точность диагностики существенно возрастает в том случае, когда результаты наблюдения за вербальными коммуникациями сравниваются с результатами наблюдения за протекающими синхронно невербальными коммуникациями подсознательного типа.

Прочесть подлинные, а не демонстрируемые мысли собеседника – значит суметь обнаружить рассогласование между его сознательным поведением и подсознательными поведенческими актами, между сознанием и подсознанием и дать правильную оценку выявленных расхождений.

Сказанное подводит к тому, что в психологии называется конгруэнтностью. Этим понятием обозначают совпадение смыслового значения вербальных и невербальных сигналов.

Устная речь и язык жестов у человека, дающего правдивые показания, обычно совпадают. Проницательный наблюдатель – это человек, который способен расшифровать невербальную информацию и соотнести ее с тем, что говорит его собеседник. Наблюдение за жестами и соответствием жестов словам является ключом к правильной интерпретации языка жестов.

Трудности, которые испытывает лжец, обусловлены, в частности, тем, что его подсознание работает автоматически независимо от того, что им говорится. Телодвижения, не адекватные словам, выдают лжеца.

Как только человек начинает лгать, его тело самопроизвольно продуцирует некоторые движения, по которым он может быть уличен во лжи. Это связано с тем, что в процессе лжи подсознание посылает нервную энергию, которая проявляет себя в виде жеста, противоречащего тому, что сказал человек,

Распознавание лжи и у подготовленных к этому людей возможно потому, что даже если силой сознания они в состоянии подавить основные разоблачающие их движения тела, характерные для лгущего, ложь проявляется в микродвижениях и диагностируется по ним. К числу микрожестов, говорящих о лжи, можно отнести движение мускулатуры лица, увеличенное сокращение зрачков, покраснение щек, увеличивающееся количество миганий в минуту и различные другие внешние проявления.

"Для того чтобы лгать успешно, – с хитрой усмешкой советует Аллан Пиз, – надо прятать куда-нибудь Ваше тело или вывести его из поля зрения собеседника… Лучший способ лжи – это ложь по телефону".

Неслучайно поэтому знающие следователи и оперативники усаживают допрашиваемых (при наличии данных об их психологической неготовности к даче правдивых показаний) на стул, поставленный на открытом, хорошо просматриваемом, ярко освещенном пространстве. Очень трудно лгать и адекватно управлять процессом невербального сокрытия лжи, когда тело допрашиваемого находится не только в поле зрения допрашивающего, но и в ярких лучах источника света.

Тактика разоблачения лжи

Следственная практика дает немало примеров того, что выявление и разоблачение лжи допрашиваемого возможно в рамках одного допроса. Чаще же следователь в состоянии разоблачить лжеца и подвести его к необходимости сказать правду лишь в финале серии допросов, для подготовки которых проведена тщательная проверка первоначальных показаний допрошенного. Чем больше изобличающих лжеца доказательств удается собрать в ходе данных проверок, тем больше шансов на то, что после их предъявления заподозренный во лжи на запланированном допросе даст, наконец, правдивые показания. В этом контексте деятельность по проверке и опровержению показаний лжеца приобретает характер специальной тактической операции. Каждая такая операция может отличаться от другой степенью сложности, глубиной, продолжительностью, объемом интеллектуальных, духовных, физических и иных затрат. Общим является лишь то, что все они представляют собой комплекс целенаправленных взаимосвязанных действий следователя, гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий.

Структура тактической операции по разоблачению лжеца может быть схематично изложена следующим образом.

Допрошенное лицо вместо модели, адекватной тому, что им было воспринято в действительности, предлагает собственную, не соответствующую реальности модель (версию, объяснение, интерпретацию) события, факта, обстоятельства.

Наряду с этим существует другая модель события (факта, обстоятельства), вытекающая из материалов дела и полностью либо в какой-то своей части не совпадающая с моделью, которую предложило допрошенное лицо (это позволяет заподозрить допрошенное лицо в лжесвидетельстве).

При проверке сведений, сообщенных заподозренными, они не находят своего подтверждения, в связи с чем его вариант объяснения событий отвергается как не соответствующий действительности.

Таким образом, основным критерием установления ложности показаний является обнаружение несоответствия сообщенных допрашиваемым лицом сведений о каком-либо событии, факте, обстоятельстве фактическим данным, объективность которых не вызывает сомнений. Сделанный на этой основе вывод доводится до сведения допрашиваемого лица, в результате чего (в качестве ожидаемой реакции) может произойти изменение его позиции, признание факта лжесвидетельства и дача им правдивых показаний.

Арсенал приемов, которые реализуются при допросе лжеца, весьма значителен.

Вот некоторые из них:

• разъяснение допрашиваемому необходимости сообщения правильных сведений;

• детализация показаний с целью выявления противоречий;

• повторное напоминание об ответственности за лжесвидетельство, разъяснение возможных отрицательных последствий, которые могут наступить в таком случае;

• выяснение контрольных обстоятельств, позволяющих проверить истинность сообщаемых сведений;

• формирование убеждения у допрашиваемого в том, что следствие располагает доказательствами, изобличающими его во лжи;

• предъявление доказательств в различной последовательности (с нарастающей доказательственной силой либо сразу наиболее веского);

• оставление допрашиваемого в неведении относительно характера и объема доказательств, которыми располагает следствие;

• демонстрация возможностей следствия в деле установления истины без участия допрашиваемого и даже в случае его противодействия расследованию;

• проведение допроса в присутствии других лиц, в частности специалиста, а в необходимых случаях и с его участием (для устранения эмоционального, смыслового, терминологического, языкового барьера и т.д.);

• стимулирование следователем положительных свойств личности допрашиваемого.

Когда говорят о предъявлении изобличающих виновное лицо доказательств, обычно имеют в виду доказательства преступления. Однако это толкование не исчерпывает всего

многообразия доказательств, используемых для изобличения преступников. Не менее важной с этой точки зрения является тактическая значимость доказательств иных порядков. К числу их относятся доказательства, опровергающие большую или малую ложь запирающихся преступников по второстепенным малозначительным деталям их поведения в условиях совершения преступления, не включаемым в предмет доказывания. В эту же группу доказательств входят фактические данные о предкриминальных и посткриминальных событиях жизни преступников, за которые они не несут уголовной ответственности, опровергающие их надуманные, не соответствующие действительности доводы, заявления, свидетельства (например, факты и обстоятельства преступлений, за которые обвиняемый ранее привлекался к уголовной ответственности).

В ряде случаев, прежде чем предъявить преступнику изобличающие его доказательства, целесообразно начинать допрос с рассмотрения результатов проверки его показаний по поводу обстоятельств, фактов, действий, которые ему инкриминируются, предъявляя доказательства неубедительности его аргументации, неискренности показаний по малозначимым вопросам. Есть смысл проанализировать сложившуюся ситуацию и четко разъяснить допрашиваемому, что приведенные доказательства ставят под сомнение правильность избранной им позиции по существу дела и бросают тень на достоверность его показаний о непричастности к преступлению.

Психологически сильным аргументом в арсенале средств тактического воздействия следователя в отношении преступника, отрицающего свою вину, является предъявление ему доказательств для разоблачения актов противодействия расследованию, совершенных лично им либо вкупе со своими вдохновителями, покровителями, заступниками, укрывателями в целях дезинформирования, дезориентирования следствия, подавления активности следователей, потерпевших, свидетелей.

Иногда, чтобы побудить преступника, категорически отрицающего свою вину, признать ее и дать правдивые показания о своей роли в содеянном и обстоятельствах преступления, ему внезапно предъявляются убедительные доказательства, опровергающие ложное алиби, доказательства совершенной им инсценировки места происшествия, фабрикации оправдывающих его документов, фальсификации других фактических данных, подстрекательства родственников, знакомых, свидетелей, потерпевших к даче ложных показаний. Наращивание демонстрируемой следователем доказательственной мощи, развитие его наступательной активности на позиции оппонента может осуществляться как в рамках одного обстоятельно, всесторонне подготовленного допроса, так и в ходе серии взаимодополняющих, органично связанных между собой общим тактическим замыслом допросов обвиняемого (подозреваемого). Однако в обоих случаях работа с обвиняемым должна строиться по единой тактической схеме. Она предполагает вначале предъявление и анализ доказательств неискренности, лжи обвиняемого, надуманности сведений, сообщенных на предыдущем допросе (допросах) по поводу не уголовно наказуемых обстоятельств его поведения до и после преступления. После этого допрашиваемому предъявляются, оцениваются и анализируются с его участием доказательства совершенного им преступления с обсуждением реально складывающихся для него уголовно-правовых перспектив, которые напрямую зависят от выбранной им позиции. В том случае, когда следствие располагает соответствующими уличающими материалами, изобличающая стадия допроса завершается кульминационным моментом – предъявлением и обсуждением доказательств разоблаченной акции противодействия расследованию. Наиболее весомым (как правило, финальным) аргументом чаще всего является предъявление заключения (заключений) судебной экспертизы и подлинников либо копий компрометирующих обвиняемого документов (перехваченной внутритюремной переписки соучастников, нелегально отправленных из тюрем на свободу родственникам, знакомым письменных инструкций о том, какие ложные показания и кто должен дать в интересах преступника, раскрывающих смысл легенды, которой он придерживался на следствии, и т.д.).

Один из приемов разоблачения лжи называется "допущением легенды". Суть его такова. Обстоятельства порой складываются таким образом, что лицо, на которое пало подозрение во лжи, оказывается в положении человека, факт той или иной прикосновенности которого к

расследованию очевиден. Доказывать свою неосведомленность либо непричастность к случившемуся глупо и бессмысленно.

Понимая это, допрашиваемый не пытается отрицать очевидное. Однако, стремясь ввести следствие в заблуждение, он на допросе дает не соответствующую действительности интерпретацию случившегося, преподносит факты в выгодном для себя свете, дополняет их элементами фантазии, стремясь выгородить себя, преуменьшить или вообще исключить свою роль в содеянном. Допуская возможность преподнесения ему легенды со стороны допрашиваемого лица, следователь тем не менее не расшифровывает свою догадку, стремясь всем своим видом, действиями, реакциями создать видимость того, что он верит в то, о чем ему сообщает оппонент. Вступив в своего рода игру с допрашиваемым, он исходит из задачи выяснить как можно больше конкретных деталей, подробностей и как можно точнее и обстоятельнее зафиксировать рассказ в протоколе допроса.

Открыться, усомниться в правдивости полученных показаний, приступить к опровержению сообщенных сведений следователю лучше, с тактической точки зрения, лишь после того, как все сказанное допрашиваемым занесено надлежащим образом в протокол допроса и этот документ подписан обеими сторонами. В том случае, когда в распоряжении следователя имеются весомые аргументы, он может приступить к опровержению, развенчанию легенды сразу же после завершения процесса ее документирования. При отсутствии оснований для принятия такого решения возможны варианты дальнейших действий следователя: производство серии допросов по поводу тех же обстоятельств, их деталей, нюансов, т.е. скрупулезный дубляж предмета допроса (метод Ореста Пинто). Это делается в целях выявления (на основе сравнительного анализа содержания всех протоколов допроса) несовпадения деталей, противоречивого освещения одних и тех же вопросов в показаниях допрашиваемого, которые были даны в разное время (а такие нестыковки неизбежны, поскольку все детали, все тонкости ложной модели невозможно удержать в памяти и без ошибок, точка в точку, воспроизвести через те или иные временные интервалы). Затем результаты указанного анализа демонстрируются на очередном допросе заподозренного во лжи лица с разъяснением ему неслучайного характера противоречий в целях оказания побуждающего воздействия дать правдивые показания. Данный тактический ход чаще всего приводит к успеху в том случае, когда он соединен с демонстрацией доказательств несостоятельности легенды, заблаговременно собранных до начала этого допроса, в ходе ее глубокой проверки.

Одним из тактически сильных средств оказания побудительного воздействия на лжеца в целях получения у него правдивых показаний является производство очной ставки с лицом (лицами), которое способно уличить первого во лжи.

Особое место в тактической операции разоблачения лжи занимает прием, который может быть назван *комбинацией очных ставок.* Речь идет о сериях очных ставок, которые целенаправленно проводятся лицу, давшему ложные показания, другим лицом, уличающим его во лжи (это делается неоднократно, в разное время и по поводу различных элементов лжи), либо с несколькими лицами. В последнем случае очные ставки проводятся по поводу какого-либо одного обстоятельства, эпизода либо по поводу различных элементов одного эпизода и по различным эпизодам. Эффективность подобных комбинаций возрастает в том случае, когда в промежутках между очными ставками выполняются иные следственные действия с участием разоблачаемого во лжи (ими могут быть допросы, предъявление его для опознания, ознакомление с заключениями экспертиз, опровергающих его доводы и заявления либо ставящих их под сомнение, и другие следственные действия).

Выбору наиболее целесообразной тактики допроса способствует учет возрастных, половых, психических, физических и иных характеристик допрашиваемого, данных, компрометирующих его, ставящих под сомнение добропорядочность либо, наоборот, свидетельствующих о положительных качествах его личности, законопослушности , добросовестности.

Таким образом, распознавание лжи возможно на двух уровнях. Первый называется невербальным уровнем общения. Он включает в себя мимику, жесты и прочие внешние проявления деятельности внутренних органов. (Случается, что лжец оказывается разоблаченным еще до того, как он раскрыл рот.) Второй уровень – вербальный – включает в

себя как логический анализ полученной информации, так и соотнесение произносимых слов с сигналами невербального уровня.

Типовые методы получения объективной информации

В целях преодоления установки на дачу ложных показаний, уклонения от дачи правдивых показаний могут применяться следующие типовые методы получения объективной информации:

1) прямое допустимое психическое воздействие на носителя информации;

2) логический анализ поступающей информации;

3) методы, основанные на телесном проявлении эмоциональных реакций (так называемая невербалика);

4) методы из категории тактических хитростей (методы применения эффекта неожиданности, усыпления бдительности, притворной веры в то, о чем сообщается, притворного сомнения в правдивости коммуникатора и т.д.);

5) методы индивидуального подхода и использования личных качеств человека, его тактически значимых особенностей.

Эффективному применению данных методов способствует подход к коммуникатору как к объекту, требующему комплексного воздействия методами различных категорий.

А это предполагает необходимость при подготовке к допросу или опросу носителя информации определить не только круг, характер и содержание методов, которые планируется реализовать, но и решить вопрос об оптимальной последовательности их применения.

14.2. Выявление самооговора

Понятие самооговора и его виды

Самооговор – это заведомо ложные показания подозреваемого (обвиняемого) по поводу своей мнимой причастности к совершенному либо несовершенному преступлению. Самооговор подразделяется на простой (самообвинение) и сложный, содержащий наряду с самообвинением обвинение других лиц.

Различаются:

а) полный самооговор (при абсолютной непричастности заявителя к преступлениям);

б) частичный самооговор (если причастность к преступлению в какой-то мере существует);

в) реальный самооговор (в отношении преступления, действительно кем-то совершенного);

г) нереальный самооговор (в отношении вымышленного преступления).

Причины самооговора

Самооговор может быть вызван:

• целью помочь родственникам иными средствами уклониться от ответственности за совершенное ими преступление;

• стремлением приобрести авторитет в определенных кругах;

• желанием облегчить свое положение (например, условия содержания под стражей);

• намерением добиться для себя каких-либо льгот, преимуществ по сравнению с другими лицами, попавшими в аналогичное положение (например, получить свидание с родственниками, продуктовую передачу);

• боязнью расправы со стороны подлинных виновников содеянного;

• желанием попасть в места заключения с целью замести следы другого, более тяжкого

преступления, избавиться от алкоголизма и других дурных наклонностей, привязанностей, связей;

• намерением ввести следствие в заблуждение в надежде в дальнейшем отказаться от своих показаний и избежать ответственности как за действительно совершенное, так и мнимое преступление;

• попыткой выгородить соучастников, стремлением как можно быстрее добиться окончания следствия и попасть в лагерь для заключенных;

• безысходностью на почве подавленного морального состояния и отсутствия реальных перспектив иного выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации;

• необъективностью, предвзятостью, неправильностью ведения следствия, мерами незаконного воздействия со стороны следователя и других лиц, оказывающих ему помощь в расследовании;

• болезненными расстройствами психики.

Круг выясняемых вопросов при расследовании самооговора

При расследовании самооговора выясняются:

1) обстоятельства дела, в связи с расследованием которого получены данные о самооговоре (время, место, вид преступления и т.д.);

2) сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, осужденного, заподозренного в самооговоре;

3) событие самооговора (его время, место, мотивы и другие обстоятельства);

4) обстоятельства, предшествовавшие самооговору и обусловленные им:

• когда, кем, при каких обстоятельствах, из каких источников были получены сведения, давшие основание заподозрить заявителя в самооговоре и совершении преступления;

• какие меры и методы были осуществлены для проверки, углубления, уточнения, развития исходных данных;

• применялась ли в отношении заподозренного мера пресечения, кем, когда, в каких условиях, как долго он содержался под стражей;

• как реагировал самооговорщик на задержание, на привлечение его к уголовной ответственности;

• какие изменения произошли в условиях его содержания, в отношении к нему со стороны работников органов дознания, предварительного следствия, администрации учреждения, в котором он находился в изоляции после того, как признал свою вину;

• к каким негативным последствиям привел самооговор, как он повлиял на установление истины по делу, на судьбу самооговорщика и других людей (например, привлечение невиновных к ответственности, применение к ним мер пресечения);

5) имели ли место нарушения законности при проведении следственных действий, если имели, то в чем они выражаются, кем, когда, по каким причинам допущены, меры, принятые в отношении нарушителей.

Признаки самооговора

Признаками самооговора являются:

• получение достоверных данных, исключающих возможность совершения преступления подозреваемым (обвиняемым, осужденным), в том числе установление, что это преступление в действительности совершено другими лицами;

• обнаружение доказательств, ставящих под сомнение правдивость показаний подозреваемого или обвиняемого о совершенном им преступлении (например, получение показаний свидетеля, видевшего признавшегося в содеянном во время совершения преступления далеко от места его совершения, получение заключения эксперта о том, что смерть потерпевшего наступила в результате иной причины, нежели та, о которой показал

подозреваемый или обвиняемый);

• факт отказа подозреваемого или обвиняемого от ранее данных показаний, в которых он сообщал о своей причастности к преступлению.

Проверка версий о самооговоре

Установление признака, указывающего на возможность самооговора, еще не означает, что самооговор действительно имел место. Вывод об этом в окончательном виде может быть сделан лишь по результатам проверки версии о самооговоре, а также других конкурирующих версий (например, о возможности заявления ложного алиби, о том, что признавшись в содеянном, обвиняемый сознательно ввел следствие в заблуждение по поводу тех или иных обстоятельств преступления в надежде в дальнейшем отказаться от своих показаний, ссылаясь на противоречие между его объяснением тех или иных фактов и тем, как было в действительности). По делам о самооговоре исследуются:

1. Общие версии:

• показания о самооговоре являются ложными, самооговора не было,

• самооговор имел место;

2. Частные версии при мнимом самооговоре (заявление о самооговоре ложно и сделано в целях уклонения от ответственности за совершенное преступление – в иных целях; по собственной инициативе – по инициативе других лиц и т.д.).

3. Частные версии, проверяемые в рамках общей версии о реальности самооговора:

а) по целям самооговора:

• чтобы скрыть другое, более тяжкое преступление;

• чтобы изменить место и обстановку, режим содержания под стражей на более благоприятные;

• чтобы остановить ведущееся против него незаконное психологическое и физическое воздействие со стороны работников, осуществляющих расследование и других лиц, действующих под их диктовку;

• по иным соображениям (например, чтобы пережить холодную зиму не на улице, а под крышей тюрьмы, помочь своему близкому, взяв на себя его преступный "грех");

б) по источнику информации, использованной при даче показаний о несовершенном преступлении:

• сведения об обстоятельствах и деталях преступления подсказаны лицом, осуществляющим расследование или участвовавшим в его оперативном, технико-криминалистическом и ином обеспечении, во время контактов между ними;

• использована информация других лиц (например, сокамерников, прессы);

• обстоятельства преступления смоделированы, основываясь на тех сведениях, которые стали известны в ходе допросов и участия в других следственных действиях.

Версия о возможном нарушении законности как причине самооговора может быть конкретизирована таким образом:

• нарушение законности имело место по неопытности, доверчивости следователя, поверившего в правдивость "признательных" показаний и пошедшего на поводу у других лиц;

• нарушения законности были допущены преднамеренно и сопряжены с фабрикацией доказательств мнимой виновности оговорившего себя.

При наличии данных о возможности самооговора прежде всего необходимо допросить лицо, заявившее о том, что имел место факт самооговора. Это заявление может быть сделано другим лицом, а не тем, кто подозревается в самооговоре. В этом случае выясняется, когда и каким образом заявителю стало известно о самооговоре, какие основания имеются для вывода о самооговоре, не является ли этот вывод лишь предположительным, что подтолкнуло допрашиваемого на дачу заявления о самооговоре со стороны подозреваемого (обвиняемого, осужденного), в каких отношениях он состоит с последним.

Если же заявление о самооговоре сделано самим подозреваемым (обвиняемым, осужденным), то в ходе его допроса следует выяснить также вопросы:

а) когда, где, в связи с чем созрело решение сделать это заявление;

б) с кем делился информацией о самооговоре;

в) в силу каких причин и с какой целью оговорил себя;

г) из каких источников почерпнуты сведения об обстоятельствах преступления, в котором оговорил себя (если это сделано под воздействием других лиц, то со стороны кого и в какой форме было оказано воздействие, когда и при каких обстоятельствах это произошло, кому об этом известно из числа третьих лиц);

д) имеется ли у него алиби и каким образом оно может быть подтверждено;

е) какие обстоятельства и имеющиеся в деле доказательства могут свидетельствовать в пользу реальности самооговора и его мотивов.

После этого необходимо осуществить глубокий и всесторонний сравнительный анализ показаний об обстоятельствах самооговора и показаний обвиняемого, которые он давал до признания своей виновности (после того, как признался в содеянном).

В судебной практике имеются примеры самооговора, установление которого сопряжено с преодолением серьезных трудностей. Подобные ситуации главным образом возникают тогда, когда оговорившее себя лицо находилось во время преступления на месте его совершения, но участия в нем не принимало (оказалось там случайно и наблюдало за происходящим в роли зеваки, активно вмешивалось в ход происходящего в целях пресечения преступления и т.д.).

В этом случае особое значение приобретают глубокое исследование следующих вопросов:

а) по каким причинам лицо, подозреваемое в самооговоре, оказалось на месте происшествия;

б) какие объективные данные могут быть обнаружены здесь для подтверждения или опровержения версии о самооговоре и каким образом они могут быть использованы для развития доказательственной базы того или другого плана;

в) в силу каких обстоятельств, из каких побуждений и соображений подозреваемый или обвиняемый мог оговорить себя в том, чего он не совершал.

Разрешению сложившейся ситуации способствуют:

а) обстоятельный, с выяснением всех необходимых деталей, допрос лица, подозреваемого в самооговоре;

б) выход с ним на место происшествия с целью проверки его показаний;

в) осуществление всестороннего раздельного, а затем сравнительного анализа показаний, которые давало проверяемое лицо до момента признания им своей виновности в содеянном и после него, а также после заявления о самооговоре; сопоставление их с показаниями других лиц, уличавших его в содеянном и свидетельствовавших в пользу его непричастности к содеянному, с другими данными, полученными в ходе осмотра места происшествия и производства иных следственных действий;

г) получение и изучение данных оперативного характера о поведении и высказываниях подозреваемого, обвиняемого по поводу случившегося с ним вне кабинета следователя (в кругу знакомых, в следственном изоляторе и т.д.);

д) сравнительный анализ всего комплекса информации, полученной из разных источников в целях выявления обстоятельств, опровергающих версию о самооговоре либо подтверждающих ее;

е) определение того, какие неизвестные обстоятельства должны быть установлены в целях проверки построенных версий, а также, какие обстоятельства должны быть подвергнуты дополнительному, более глубокому изучению на основе производства повторных либо дополнительных действий (повторного осмотра места происшествия, назначения дополнительных экспертиз и т.д.), направленных на поиск новых доказательств. Таким путем могут быть установлены факты, противоречащие утверждению о самооговоре либо указывающие на его возможность.

В ходе дальнейшего расследования на основе изучения материалов дела надлежит получить представление:

а) о состоянии доказательственной базы по делу до того, как обвиняемый признал свою вину, и ее развитии после этого обстоятельства;

б) о том, что было известно следствию об обстоятельствах содеянного до признания;

в) получены ли следствием какие-либо новые доказательства после признания обвиняемым своей вины, которые не могли быть собраны без его показаний;

г) нашли ли эти показания объективное подтверждение в материалах дальнейшего расследования или остались голословными;

д) не противоречили ли сведения об обстоятельствах преступления, полученные от обвиняемого после признания им своей вины, другим объективным данным, имевшимся до этого или собранным в дальнейшем.

На базе полученных таким образом результатов разрабатывается программа следующего этапа расследования по дальнейшей отработке версий о реальности или мнимости самооговора. В ней предусматривается необходимость глубокого исследования алиби обвиняемого, доводов и суждений по поводу событий и причин самооговора (это делается путем допроса всех лиц, на которых ссылается заявитель о самооговоре, поиска и исследования документов, других источников информации, в которых могут содержаться сведения, подтверждающие или опровергающие утверждения заявителя, проведения в необходимых случаях очных ставок, криминалистических и иных экспертиз, в том числе судебно-психиатрической экспертизы в отношении обвиняемого).

Оценка собранных данных позволяет принять и соответствующим образом реализовать необходимые в таких случаях правовые решения (о прекращении уголовного преследования в отношении невиновного лица, если заявление о самооговоре нашло объективное подтверждение, и его реабилитации; о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, допустивших нарушение законности, если это установлено; о направлении дела в суд по обвинению заявителя в совершении им преступления в случае установления, что его показания о самооговоре являются ложными).

14.3. Выявление инсценировки

Инсценировка – одна из разновидностей противодействия правоохранительным органам, ведущим борьбу с преступностью, со стороны лиц, не заинтересованных в выявлении преступления, в установлении истины по уголовному делу, в принятии обоснованных и правильных криминалистических и правовых решений в уголовном процессе.

Под инсценировкой понимается создание видимости какого-либо мнимого события путем целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию органов дознания, предварительного следствия и суда.

Структура деятельности, связанной с инсценировкой, складывается из следующих операций:

• анализа и оценки ситуации, в которой оказался будущий инсценировщик;

• принятия решения об инсценировке;

• рассмотрения возможных вариантов инсценировки и определения наиболее целесообразного варианта;

• создания мысленной модели события, которое предполагается инсценировать;

• реализации разработанной модели;

• подготовки объяснений, рассчитанных на то, чтобы убедить других лиц, включая работников правоохранительных органов, в реальности инсценированного события и его причин;

• определения линии поведения на следствии и подготовки объяснений на случай разоблачения инсценировки.

Инсценировка осуществляется в целях создания:

• видимости совершения иного вида преступления в данном месте и сокрытия признаков подлинного события;

• видимости происшедшего на данном месте события некриминального характера (чтобы скрыть преступление);

• ложного представления относительно отдельных элементов, сторон совершения преступления (инсценирование совершения преступления другим лицом в иных целях, по иным мотивам и т.д.);

• видимости совершения какого-либо преступления для сокрытия иного события некриминального характера, в раскрытии которого не заинтересован инсценировщик по тем или иным причинам (например, для сокрытия факта аморального поведения, огласка которого может повредить репутации инсценировщика);

• видимости совершения преступления, которого в действительности не было (это может быть сделано, например, путем подбрасывания в жилище какого-либо лица во время производства там обыска наркотических веществ, к которым он никакого отношения не имеет).

Разновидности инсценировок

Инсценировки подразделяются на следующие разновидности (группы):

По субъекту:

а) выполняемые участниками преступления (одним лицом или группой лиц);

б) выполняемые другими лицами по просьбе преступника или по своей инициативе;

в) выполняемые преступником совместно с другими лицами;

По времени осуществления:

а) до совершения преступления;

б) во время совершения преступления;

в) после совершения преступления (либо сокрытия не криминального характера);

По целям:

а) сокрытие преступления;

б) сокрытие некриминального события;

в) в иных целях;

По объекту:

а) инсценирование преступления;

б) инсценирование события некриминального характера;

в) инсценирование отдельных элементов, подсистем события;

По содержанию:

а) инсценирование материальных следов на месте происшествия;

б) инсценирование материальных следов в сочетании с выработкой и реализацией соответствующего варианта дезинформирующего следствие поведения и сообщения ложных сведений.

В ходе инсценировки могут уничтожаться все или часть объективно возникших материальных следов инсценируемого события, видоизменяться какие-либо следы. Нередко инсценировщик реализует свои цели путем фальсификации определенных следов, в частности, путем изготовления и подбрасывания на место происшествия тех или иных материальных объектов, способных, по его мнению, ввести в заблуждение относительно мотивов, личности преступника, места его проживания и других обстоятельств.

Чаще всего инсценировки совершаются в случаях совершения преступлений против личности, сопряженных с гибелью потерпевших, а также преступного посягательства в отношении имущества.

Круг выясняемых вопросов при разоблачении инсценировки

В целях выявления и разоблачения инсценировки устанавливаются:

1) обстоятельства события, в связи с которыми осуществляется инсценировка (характер, время, место, участники события и т.д.);

2) характеристика инсценируемого события (вид, признаки);

3) участники инсценировки и роль каждого в содеянном, цели и мотивы, которыми они руководствовались;

4) обстоятельства подготовки и осуществления инсценировки (место, время, что и в какой последовательности было сделано, предметы, материалы, использованные инсценировщиками,

и т.д.);

5) последствия инсценировки (несвоевременное возбуждение уголовного дела, привлечение к, ответственности невиновных лиц, совершение других преступлений лицами, не понесшими наказания, и т.д.);

6) обстоятельства, связанные с дачей инсценировщиками ложных показаний.

Признаки инсценировки

Признаки инсценировки – это обстоятельства (событие, факт, след, поведенческий акт), несущие информацию о том, что в данном случае могла иметь место указанная акция.

В качестве признака инсценировки могут выступать самые различные обстоятельства предкриминальной, криминальной и посткриминальной природы.

В основе обстоятельств, характеризуемых данным понятием, лежит противоречие между тем, что произошло в действительности, и тем, что в результате инсценировки якобы произошло.

Инсценировка, как и любой другой иной вид поведения человека, отражается на материальных объектах живой и неживой природы, в памяти людей – участников и очевидцев инсценировки, других лиц, тем или иным образом овладевших соответствующей информацией.

Поэтому сведения об инсценировке могут быть получены в результате исследования места происшествия, обнаруженных здесь объектов, а также на основе оперативно-следственной работы с людьми – носителями искомой информации.

В качестве признаков инсценировки, выявляемых при исследовании места происшествия, выступают:

• обнаруженные на месте происшествия следы, которых не должно быть, если исследуемое событие было не мнимым, а реальным (следы наличия);

• следы, которые не обнаружены в силу их отсутствия, но которые обязательно должны были возникнуть в случае реальности инсценированного события (следы отсутствия);

• обнаруженные на месте происшествия следы относятся к числу характерных для инсценированного события следов, однако их состояние не соответствует тому, в котором они должны находиться в сложившейся ситуации (по внешнему виду, количеству и т.д.).

Так, убийства нередко вуалируются созданием видимости смерти по неосторожности, в частности, в результате падения пострадавшего с высоты. К признакам, позволяющим раскрыть обман, относятся:

• излишне большое расстояние между трупом и крайней частью объекта (например, наружной стеной жилого дома), с которого будто бы ненароком свалился погибший;

• несоответствие версии о случайном падении с высоты характеру телесных повреждений на трупе;

• наличие признаков схватки, борьбы в том месте объекта, с которого якобы свалился погибший;

• показания каких-либо лиц, ставящие под сомнение версию о несчастном случае.

В том случае, когда инсценируется смерть в результате неосторожного обращения с огнестрельным оружием, в роли признаков инсценировки могут выступать такие обстоятельства, как возможность производства выстрела из обнаруженного возле трупа экземпляра оружия, невозможность самопроизвольного выстрела, несоответствие следов выстрела на трупе тем следам, которые реальны в случае неосторожного обращения с оружием.

Разоблачению убийства с применением огнестрельного оружия, инсценированного под самоубийство, способствуют, например, следующие обстоятельства:

• отсутствие оружия на месте происшествия либо его наличие там, где оно при самоубийстве не могло оказаться;

• отсутствие на трупе признаков близкого выстрела;

• физическая невозможность погибшего причинить себе огнестрельное повреждение в ту часть тела, где оно обнаружено;

• установление, что пуля, обнаруженная в теле трупа, стреляна не из того экземпляра

оружия, которое находилось на месте происшествия.

С давних времен известны признаки, указывающие на убийство, замаскированное под самоповешение.

Обратим внимание на некоторые из них: наличие на трупе следов удушения руками (ссадин линейной или полулунной формы, округлых кровоподтеков на шее жертвы от пальцев душителя); обнаружение ссадин, кровоподтеков вокруг носа и рта жертвы, других следов, указывающих на то, что смерть наступила от закрытия дыхательных отверстий; наличие на шее трупа замкнутой, горизонтально расположенной странгуляционной борозды[82].

Следы инсценировки на месте происшествия, несущие информацию об этом событии, возникают помимо воли и желания инсценировщика. Подобные промахи допускаются по различным причинам: волнение, спешка преступника в условиях дефицита времени, отсутствие необходимых навыков и т.д. С другой стороны, подчас стремясь представить событие в выгодном ему свете, действуя спокойно, умело, расчетливо, преступник прилагает максимум усилий для наиболее оптимального, как ему представляется, достижения цели, но теряет при этом чувство меры, ощущение реальности. В таких случаях он может оставить большое количество следов имитируемого события, причем придать им ярко выраженный характер, броский вид. Такое перевыполнение цели может сыграть обратную роль: не убедить следователя в том, что все было так, как ему объясняют слова или действия заинтересованных лиц, а вызвать у него сомнение в реальности события.

В качестве признаков, указывающих на возможность инсценировки того или иного вида, могут выступать и действия инсценировщиков после инсценировки, неадекватные ситуации, позволяющие усомниться в истинности того, что обнаружено на месте происшествия, в правдивости объяснений случившегося. В их круг, например, входят невольные проговорки на допросе, бртвирование инсценировщиками фактом своего участия в этой акции в процессе неформального общения с посторонними лицами, в разговоре "по душам" со своими связями, установление факта реализации ими каких-либо вещей, которые якобы пропали в ходе инсценированного события, и т.д.

Поэтому базу для разоблачения инсценировки образуют данные, которые могут быть собраны:

а) при исследовании обстановки места происшествия и выявлении здесь признаков, указывающих на возможность инсценировки;

б) в результате разоблачения лжесвидетельства незаинтересованных в установлении истины лиц;

в) на иной основе (например, в результате проверки убедительных доводов родственников лица, якобы покончившего жизнь самоубийством, категорически отрицающих саму возможность события).

Механизм выявления и разоблачения инсценировки

Сущность и механизм выявления и разоблачения инсценировки сводятся к следующему. Имело место какое-либо криминальное событие, в связи с которым в окружающей обстановке места происшествия возникли соответствующие следы.

Участник события строит мысленную модель иного, возможного в данной ситуации события и реализует ее на месте происшествия путем видоизменения обстановки, придания ей вида, соответствующего, по мнению инсценировщика, моделируемому событию.

Поскольку мысленная модель и результаты ее материализации не могут совпадать по всем параметрам, не все признаки модели объективно удается подогнать под признаки мнимого события, а все признаки реального события уничтожить или изменить полностью, в силу этого создается возможность восприятия, "прочтения" реального события сквозь маскирующую

---

[82] Подробнее о признаках инсценировки по делам об убийствах см.: *Селиванов Н.А., Соя-Серко Л.А.* Убийство. Как его раскрыть. – М, 1994. – С. 112–122

завесу инсценировки. Эта возможность переходит в реальность в результате обнаружения и "расшифровки" признаков, характерных для скрываемого события и не свойственных признакам имитируемого, мнимого события.

В этих целях субъектом практического следоведения осуществляется:

• построение мысленной модели события, признаки которого с очевидностью представлены в обстановке места происшествия и как бы лежат на поверхности, навязывая мысль, что все произошло именно так, а не иначе;

• построение типичных конкурирующих мысленных моделей других событий, возможных в данной ситуации;

• изучение пространственных моделей, выведение из них следствий и проверка последних;

• установление реальности одних следствий и нереальности других;

• обеспечение сравнительного анализа не исключенных из проверки моделей и обнаруженных следов, формулирование вывода об адекватности какой-либо модели оригиналу (событию, имевшему место в действительности);

• принятие мер по получению дополнительных данных, объективно подтверждающих реальность данной модели и исключающих возможность ошибки;

• принятие решения о завершении процесса распознавания события со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями

Эта схема реализуется путем производства повторного осмотра места происшествия, допроса лиц, обнаруживших исследуемое событие, а также лиц, имеющих отношение к месту происшествия на бытовой, служебной и иной основе, изучения медицинских и других документов потерпевших, экспертного исследования различных объектов.

Библиографический список к разделу III

Бахин В.П. и др. Допрос на предварительном следствии. – Алматы, 1999.

Богомолова С.Н., Образцов В.Л. Когнитивное интервью как метод криминалистического познания // Труды МГЮА, № 3. – М., 1998.

Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном расследовании. – Воронеж, 1984.

Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж, 1992.

Дулов А.В. Судебная психология. – Минск, 1975.

Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. – М., 1989.

Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. – Волгоград, 1984.

Зорин Г.А. Криминалистическая методология. – Минск, 2000.

Записки криминалистов . – Вып. 1–5. – М., 1993–1995.

Миронова Е.А. К вопросу о теории криминалистического распознавания // Труды МГЮА, № 4. – М,, 1999. – С. 194-205.

Кандыба В. Криминальный гипноз. – СПб., 1999.

Криминалистика /Под ред. В.А. Образцова. – М., 1999.

Курс криминалистики . Общая часть . /Под ред. В.Ei. Корноухова. – М., 2000.

Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Алиби. – Иркутск, 1992.

Ниренберг Д., Калеро Г. Как читать человека. – М., 1996.

Образцов В.А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, процесс // Труды МГЮА, № 3. – М., 1998. – С. 131-142.

Образцов В.А., Насонов С.А., Рзаев Т.Ю. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам // Труды МГЮА, № 2. – М., 1997. – С. 227–243.

Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Минск, 1978.

Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. – Иркутск, 1997.

Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967.

Панасюк А.Ю. А что у него в подсознании? – М., 1996.

Пиз А. Язык телодвижений. – М., 1992.

Проблемы криминалистического распознавания //Материалы научно-практической конференции. – Иркутск–Москва, 1999.

Соя-Серко Л.А., Селиванов Н.А. Убийство. Как его раскрыть? – М., 1994.

Пособие для следователей. Расследование преступлений повышенной опасности . – М., 1998.

Ронин Р. Своя разведка. – Минск, 1997.

Рамишвили Г.С. Автоматическое опознание говорящего по голосу. – М., 1981.

Скотникова Т.А. Самооговор. – М., 1972.

Следственная практика . – Вып. 140. – М., 1983.

Следственные действия /Под ред. В.А. Образцова. – М., 1999.

Турчин Д.А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. – Владивосток, 1983.

Фрейд З. Психология бессознательного. – М., 1990.

Штангль А. Язык тела. – М., 1996.

Fisher R. Interviewing victims and witnesses of crime. Special Issue: Witness memory and law. – Psychology, Public Policy and law, 1995 (Dec), Vol. 1 (4), 732-764.

Fisher R. and Me Cauley M. Information retrieval: Interviewing witnesses. In.: Psychology and Policing. Lawrence Erlbaum Associates, Inc: Hills-dale, NY, 1995, 81-99.

Geiselman R. and Fisher R. Interviewing victims and witnesses of crime. In: National Institute of Justice, Research in Brief. Washington, DC: National Institute of Justice, December, 1985.

Hess J. Interviewing and interrogation for law enforcement. Anderson Publishing, Cincinnati, Ohio, 1997.

Mac Donald J. and Michaud D. The confession-interrogation and criminal profiles for police officiers. Denver, Apache Press, 1992.

Mello E. and Fisher R. Enhancing older adult eye-witness memory with the cognitive interview. Applied Cognitive Psychology, Vol 10, №5, October 1996.

Russell H and Beigel A. Understanding human behavior for effective police work. New York: Basic Books, 1976.

Wilson J. Criminal investigations. A behavioral approach. Waveland Press, Inc., 1993.